

Я. В. ВЕРМЕНИЧ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИМОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается поле значений и применений концепта границы – как в его генеалогии, так и в современном научном дискурсе. Автор анализирует различные коннотации, связанные с понятиями *граница*, *рубеж*, *порубежье*, *предел* и т.п. Показано, что они формируются на пересечении геополитических, геокультурных, исторических, социально-психологических и других научных парадигм. Акцент сделан на необходимости интенсивной междисциплинарной кооперации в русле определения концептуальных рамок новой субдисциплины – исторической лимологии.

Ключевые слова: *граница, порубежье, лимология, геокультура, историческая регионалистика, пограничное сотрудничество.*

Понятие “граница” часто употребляется и в международном праве, и в гуманитарной географии, и в исторических науках. Однако теоретические аспекты проблемы границ привлекают внимание украинской историографии значительно меньше, чем история становления государственной границы Украины. Впрочем, и на Западе, где *Border Studies* еще с начала XX в. оформились в одно из приоритетных направлений исследований территориальности, внимание ученых сосредоточено не столько на теоретических аспектах проблемы, сколько на исследовании ментальностей и идентичностей приграничных территорий. Теории «разделенного наследия истории западного полушария», ставшие фундаментом мультикультурализма как направления политики, базируются на выводах, которые еще в начале 1920-х гг. сформулировал Герберт Юджин Болтон в книге «Испанское пограничье»¹. В дальнейшем интерес к «истории пограничных областей» породил огромную литературу, но в фокусе исследований неизменно находятся не границы как таковые, а трансграничные феномены и контактные зоны.

Однако то, что проблема границ является междисциплинарной и она неизменно фигурирует в межгосударственных спорах и территориальных претензиях, диктует необходимость теоретического осмысления структуры и содержания понятия, типологии границ, соотношения политических, административных, культурных границ и т.п. Теоретическая *лимология* (от лат. *limes* – граница) фокусирует внимание на функ-

¹ Bolton. 1921.

циях границ, специфике трансграничного сотрудничества, проблемах безопасности. Тем не менее, степень погружения в исторические пласты остается невысокой, как и уровень культурологического анализа проблем границ и приграничных регионов, в том числе исследований специфических ментальностей, феномена пограничной культуры, явлений маргинализации и т.п. Оставляет желать лучшего и осмысление проблемы в русле истории идей и интеллектуальной истории.

Данная статья открывает цикл работ Сектора теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины, посвященный исследованию на украинском материале проблем пограничья как исторически сформированного социокультурного пространства с собственным темпоритмом развития и выраженными признаками «срединности» (термин Р. Уайта). Целью цикла является введение проблемы границ в более широкий контекст проблемы Другого, пребывающей в фокусе внимания современной социогуманитаристики. Очевидно, что без осмысления места и роли территориальных границ и этапов научного освоения всего комплекса связанных с ними проблем двигаться в этом направлении невозможно.

Концептуализация нового научного направления – дело всегда непростое. В контексте исторической лимологии сложности удваиваются: ведь речь идет об осмыслении пространственно-временных отношений в огромном хронологическом диапазоне, на подвижных межгосударственных стыках, в перманентно конфликтных средах. Как справедливо отмечает российский теоретик лимологии В. Колосов, значение границы в жизни людей нельзя понять без анализа ее роли в общественном сознании, в процессах самоидентификации человека с территориями разного ранга (страной, регионом, местностью)². Исследование ситуаций лояльности/нелояльности предусматривает выход в сферу политологии, кросс-культурного взаимодействия – в сферу культурологии, межэтнического взаимодействия – в сферу этнологии и т.д. Историческая лимология не может обойтись без анализа процессов формирования и развития центр-периферийных отношений, возникновения и эволюции территориальных идентичностей, организации трансграничных пространственных систем и т.п. В любом случае она вынуждена обращаться и к сфере имажинальной географии, так или иначе связанной с границей.

Тезаурус исторической лимологии еще надлежит упорядочить. Если ориентироваться лишь на набор терминов, которыми оперирует теоретическая лимология, избежать существенных пробелов не удастся.

² См.: Колосов. 2003. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>.

Многозначность и полифоничность базовых понятий – *граница, пограничье, регион* и др. – заставляет окунаться в почти бездонное море контекстуальности и разномыслия. Для изучения феномена порубежных территорий необходимо использовать понятийный инструментарий, разработанный в рамках географии, этнологии, культурологии, международного права, теории коммуникаций и других смежных дисциплин.

Формируя предметное поле исторической лимнологии, следует иметь в виду, что категория *граница* в ее рамки полностью не укладывается. В максимально широком, философском смысле понятие *граница* родственно понятию *переход* и касается разнообразнейших граней человеческого общения. По мнению Ю. Лотмана, границы структурируют все пространство семиосферы на всех уровнях и организуют иерархию этих уровней³. М. Бахтин обращал внимание на то, что «культура вся размещена на границах, граница проходит повсюду, через каждый момент ее»⁴. На порубежье сталкиваются хаос и порядок, здесь формируются точки пересечений и очаги бифуркаций, в конце концов здесь же формируется и своеобразное «пограничное сознание». Итак, граница – это совсем не обязательно геометрический или географический термин, это может быть также граница между смыслами, маркер культуры, линия противостояния в дуальных оппозициях. В метафорическом смысле граница – это форма взаимодействия и способ существования.

Граница – это одна из многозначных метафор, которые могут быть наполнены разным содержанием. В данном случае нас будет интересовать лишь феномен границы, имеющей выраженное территориальное измерение, т.е. система государственных, административных, этнических и других границ, осмысленная под углом зрения ее влияния на социокультурное развитие и межгосударственные отношения.

В современной географии границы иногда сравнивают с биологическими мембранами, регулирующими обмен веществ внутри организма. К. Раффестин распространяет этот вывод на обмен между территорией – этнической и государственной – и соседними социумами. В самом деле, границы, как бы надежно они ни охранялись, никогда не были непроницаемыми; чаще они сами выступают в роли контактных зон. Для культурных обменов это обстоятельство имело иногда решающее значение, так как на порубежье формировался новый тип личности и во многом специфичный тип общественных отношений. С одной стороны, граница стимулирует подвижность и инициативность, создает возможность диалога и обмена достижениями сопредельных культур. С другой – про-

³ Лотман. 2000. С. 258-260.

⁴ Бахтин. 1979. С. 25.

воцирует постоянные стрессовые ситуации, создает зоны напряжения и военных конфликтов, а в итоге и нежелательный эффект оттока наиболее активной части населения. Почти всегда порубежье – это ареал дополнительных шансов и приумноженных опасностей. Для историка такое пространство всегда интересно двояко, так как именно здесь, по Р. Козеллеку, проявляются трения и напряжения, а в разных временных пластах, в которых приходится жить соседним социумам, дремлют линии разлома, способные в определенное время пробуждаться к жизни⁵.

Переосмысление проблемы границ в современном мире происходит в контексте возрастания роли социального пространства в научном познании. «Пространственный поворот» в социогуманитаристике сопровождается своеобразным ренессансом зиммелевской социологии пространства и актуализацией значения географических категорий и соответствующих метафор. На смену модным теориям «детерриторизации», связанным с виртуализацией социального взаимодействия, приходят концепции креативного капитала, сопряженные с выбором оптимального места проживания. В этой «географии креативности» находится место и для анализа границ и пограничных территорий, которые исследуются как с точки зрения комплексности интеграционных связей и открытости к новым идеям, так и с точки зрения рисков, связанных с контрабандой, нелегальной миграцией и т.п.⁶

На Западе успешно развивается школа «критической геополитики», которая разрабатывает концепции новых измерений безопасности с ориентацией не столько на территориально-географическое, сколько на интерсубъективное видение пространства. Особое внимание обращается на смену уровней пространственной организации современного мира и характера иерархичности мир-системных связей, появление новых разновидностей регионов (мета-, мезо-, трансрегионы). А основой структурирования такого пространства выступают дифференциации – анализ особенностей, сформированных в процессе исторического развития разными культурными практиками. Такой, геокультурный в своей основе, подход побуждает к существенному переосмыслению понятия пространства в связке *пространство – время*. Пространство осознается не только как синоним территории, но и как помещенная в определенные рамки социальная реальность, «ансамбль невидимых связей»⁷. Понятия экономического, политического, культурного, информационного пространства, как правило, не являются четко локализованными, но они

⁵ Козеллек. 2006. С. 22.

⁶ The Spatial Turn...

⁷ Бурдьё. 1993. С. 299.

конструируются с учетом как естественно обусловленных, так и созданных деятельностью человека ограничителей.

Межгосударственные отношения в современном мире отягощены огромным наследством прошлых конфликтов, войн, национальных обид. Барьеры на пути взаимопонимания могут консервировать недоразвитость сознания, провоцировать традиционализм мышления, этноцентристские установки, оборачиваться отголосками бывших военных, этнических, религиозных противостояний. В таком случае различия способны создавать конфликтные поля взаимодействия и даже приводить к кровавым столкновениям. Каждая страна, заботясь о своем будущем, должна внимательно отслеживать состояние латентной конфликтности в приграничных ареалах и рассматривать проблему вероятных рисков в контексте общих проблем национальной безопасности.

В этом же контексте следует исследовать не только риски, но и преимущества, создаваемые близостью границы, прежде всего проблемы кросс-культурного взаимодействия. Оно может быть более или менее интенсивным в зависимости от того, насколько программы пограничного и трансграничного сотрудничества учитывают исторический опыт, минимизируя возможные поля напряжения и концентрируя усилия вокруг проверенных историей моделей сотрудничества и закрепляемых на этой основе этических принципов толерантности и взаимопонимания.

Современная лимология представляет собой новую субдисциплину, возникшую в русле политической географии, а ныне развивающуюся на стыке географии, истории, политологии, социологии, культурологии, этнопсихологии, аксиологии. В ее основе – видение границы не столько как разграничительной линии, сколько в виде социального и политического конструкта, который детерминирует окружающее пространство, превращая его в зону коммуникаций и взаимовлияний.

В новейшем *философском* видении граница – это рамка «столкновения своего и чужого, обычного и необыкновенного, благоустроенного и хаотичного». Поддержание границ выступает как одна из важных функций любой социальной системы, стремящейся к выделению из внешней среды и воспроизведению внутренней идентичности. Поддерживая диалогическую игру своего и чужого, граница реализует продуктивную тенденцию осознания собственной самобытности; она выполняет защитные функции и играет роль ограничительного символа. Вместе с тем обращается внимание на то, что в современном мире непроницаемость границ легко преодолевается на уровне коррупционных взаимодействий. Результатом такой взаимосвязи оказывается сужение радиуса доверия, приумножение образов врага, иррационализация восприятия

других систем убеждений, что способно подорвать не только диалог с чужими, но и символические основания отношений между своими⁸.

В *историческом* измерении граница выступает не только как географическая, геополитическая или административная, но и как психологическая грань. Даже если официальные очертания границ неизменны, могут изменяться взгляды на то, что эти границы собой представляют, являются ли они механизмом сотрудничества, кооперации, или барьером, защищающим от внешних влияний⁹. Травмирующим фактором могут быть и воспоминания о былых функциях границы и связанных с ними несправедливостях и обидах; не случайно близлежащие к границам регионы отличаются, как правило, повышенным социальным напряжением. Польский антрополог М. Герцфельд ввел для обозначения этого символического пространства понятие «локальная теодицея» – место, будто специально предназначенное для выяснения несправедливостей окружающего нас мира и возмещения бремени ответственности и вины. Именно в пунктах пересечения товаров, идей, людей и символов формируются, по Герцфельду, «несоизмеримые, гетерогеничные категории, отличные от тех, которые применяются в обычных классификационных системах». С этой точки зрения, пограничные ареалы являются «материализованным пунктом слома таксономии»¹⁰.

Через власть и охваченное ею пространство определяют границу юристы и политологи. В *теории государства* граница – не только линия на карте, рубеж определенного географического пространства или территории, но и край пространства власти – территории, стратифицированной с помощью властных технологий, а также зона столкновений, пересечения, взаимодействия разных структур и пространств власти¹¹. В современной геополитике грань проводится еще четче: «линия, разделяющая сферы действия суверенитетов, в границах которых происходит выравнивание статуса территорий»¹². Теоретики политического менеджмента, напротив, тяготеют к метафоризации, характеризуя границу как «внешнюю обшивку» государств, сферу их контактов и трений¹³.

В *международном праве* граница выступает и как барьер, и как зона контакта. С помощью визовых и таможенных барьеров государства защищают свои экономические интересы и национальную безопас-

⁸ Горин. 2010. С. 75-77.

⁹ Макарычев. 2003. С. 70.

¹⁰ Herzfeld. 2004. S. 193-216.

¹¹ Королев. 2002. С. 5.

¹² Леш. 2007. С. 48.

¹³ Шлегель. 2003. С. 34.

ность, и тогда на первый план выступает барьерная функция границы. Однако границы должны быть достаточно проницаемыми для людей, товаров, информации, финансовых потоков; в этом случае оказывается задействованной, прежде всего, их контактная функция. Возрастание ее роли потянуло за собою появление особого научного направления, занятого изучением проявлений трансграничности – миграций, пограничных контактов, еврорегионов и т.п. Приоритетными направлениями лимнологических исследований считаются также проблемы пограничной безопасности, влияния геополитической ситуации на характер реализации и защиты национальных интересов в приграничном пространстве, влияния миграционного фактора на ситуацию на пограничье. Прикладные ответвления лимнологии заняты преимущественно проблемами, связанными с охраной границы. Одним из них является *погранология*, цель которой – научное обеспечение пограничной политики.

Специальным объектом исследования стала дискурсивная составляющая трансграничности. Все более популярны представления о пограничьях как социальных конструктах, сформированных соответствующими дискурсами. Предметом специального анализа выступают образы границ и пограничных ареалов, в том числе и в значительной мере мифологизированные. Особую актуальность приобрели экополитические подходы, которые изучают проблемы трансграничных загрязнений. В лимнологии сформировалась особая междисциплинарная область, исследующая трансграничные эколого-политические проблемы.

С лимнологией тесно коррелирует популярная в современном мире субдисциплина под названием *Border (Boundary) studies*. Иногда ее отождествляют с лимнологией или полностью вводят в ее предметное поле. На наш взгляд, это не вполне корректный подход. Лимнология – наука преимущественно политико-правовая, базирующаяся на постулатах международного права. Растворить в ней огромный массив исторических, культурологических, этнологических, религиоведческих и других исследований, выполненных в ключе *Border studies*, пока не представляется целесообразным. Возможно, когда историческая лимнология сформируется окончательно как научное направление, возникнет вопрос о ее интеграции с *Border studies*. Сегодня говорить об этом преждевременно.

Попробуем хотя бы пунктирно очертить историю формирования лимнологии как области знания, которая вырастала из практических потребностей: «огранка» своей территории была среди первоочередных задач всех политических режимов. А к теоретическому осмыслению приложила усилия еще античная философия, в которой понятие *граница* служило обоснованию возможностей познания. Уже тогда люди по-

стигли двойную функцию границы, которая одновременно разделяет объекты и связывает их в единое целое. Аристотелю удалось раскрыть ее топологические свойства – не принадлежа объекту, граница реализуется как сущность в сопоставлениях и пространственном измерении.

В классической работе теоретика геополитики К. Хаусхофера «Границы в их географическом и политическом значении» находим интересный сюжет о том, как умно выстроенная греческими философами теория границы была использована в практике строительства Римской и более поздних империй. Юлиа Цезаря он считает одновременно и творцом границ, сумевшим сдержать переселение народов и закрепившим «большую границу» на две тысячи лет, и великим политическим географом. Главную заслугу Цезаря как теоретика Хаусхофер усматривает в том, что он распознал органическую связь между границей и пограничьем, доказывая, что обезлюдившие пограничья – залог военных успехов. Именно умело выстроенная пограничная политика, считает Хаусхофер, дает основание причислять Цезаря к образцовым умам человечества¹⁴.

Начала лимологии глубоко укоренены в системе географических наук – преимущественно тех ее ответвлений, которые сосредоточивались на описании отдельных местностей, береговых линий, коммуникационных систем и объединялись понятием *хорография*. Если назначением географии, по Птолемею, было представлять землю единой и непрерывной, то хорография, «беря отдельные местности, рассматривая любую из них особо», должна была приводить в своих описаниях даже такие мелочи, как, например, гавани, села, округа и т.п. Важным считалось «умно и полезно» передавать даже мельчайшие особенности стран. Античные авторы составляли описания («объезды») земель, которые на специальных картах (периегесах или периплах) фиксировали главные водные и сухопутные пути между поселениями и побережьями морей.

XVII и XVIII столетия в географии стали временем становления классической науки, в границах которой «географическое природоведение» прошло «додисциплинарный», по определению В. Пащенко, этап своего развития¹⁵. В то время оно базировалось на достоверном, добытом путем топографических обследований и экспедиций, эмпирическом материале и ориентировалось на географический детерминизм – представление о полнейшей зависимости человека от природной среды. Философская категория физического пространства дала толчок развитию двух разновидностей географического знания – землеведению и хоро-

¹⁴ Хаусхофер. 2001. С. 137.

¹⁵ Пащенко. 2000. С. 63.

графической географии (последняя и в дальнейшем сосредоточивалась на описании отдельных территорий и местностей). Осуществляются первые попытки определения предмета географии и пригодных для географических исследований методов. В «Географии генеральной» Б. Варения (1650) «частичная география» (страноведение) делилась на «хорографию» (описывающую большие пространства) и «топографию» (описание небольших участков). С именем Варения связывают создание теоретической концепции географии, которая отвечала новому этапу в развитии философии, открытому работами Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Немецкая классическая философия подошла к проблеме границ преимущественно с когнитивных позиций, в контексте взаимосвязи Я и Не-Я. Именно на границе, в видении Канта, Фихте, Гегеля, происходит их встреча и начинается взаимодействие, в процессе которого появляется новая сущность, несводимая к первоначальной. Уже здесь можно видеть истоки понимания пограничья как зоны активного взаимодействия культур. В XIX в., который характеризуется как дисциплинарный период в развитии классической науки, формирование пограничной парадигмы в естественных и общественных науках происходило под влиянием двух авторитетов – А. Гумбольдта и К. Риттера. 19-томная работа Риттера «Землеведение в отношении к природе и истории человека, или Общая сравнительная география» была этапной в размежевании «физического землеописания» как естественной науки и «общего землеописания», которое Риттер считал исторической дисциплиной. Будучи последователем Канта, Риттер создал собственную хронологическую концепцию, смысл которой в общих чертах был таким: земное пространство развивается по собственным законам; оно является не просто вместилищем гор, рек, городов, народов, государств, а целостным образованием, имеющим внутренние основы и стимулы развития. Пространственные отношения реализуются в политике, а значит, пространство будто закладывает в себя известные типы возможных политик¹⁶. Так выстраивался «мостик» между гегелевской «Философией истории» и классической геополитикой. Риттера часто рассматривают как предтечу геополитики. Его же вместе с Гумбольдтом считают отцом теории районирования.

Весь XIX век прошел под знаком острых несогласий между сторонниками двух школ в исследовании цивилизаций и культур: эволюционистской (Г. Спенсер, Л.-Г. Морган) и антропогеографической (Ф.-В. Ратцель). Первая исходила в объяснениях локальных культурных отличий из пребывания народов на разных ступенях цивилизационного

¹⁶ Риттер. 2005.

развития и, следовательно, считала эти отличия нивелирующимися в процессе эволюции. Вторая рассматривала их как глубоко укорененные, обусловленные природными и социальными условиями, сложившимися в определенных географических зонах. На основе эволюционистских подходов сформировались современные теории модернизации, а антропогеография стала «праматерью» теорий локальных цивилизаций, культурных диффузий, фронтиров и т.п. В начале XX в. проблема границ предстала в новом измерении, и в этом немалую роль сыграло сближение антропологических и географических научных направлений. У основоположника немецкой антропогеографии Ф.-В. Ратцеля границы выступают как доминанты создания государства; К. Хаусхофер видел в них пределы определенных жизненных представлений, сравнивая их с самодовлеющими органами социокультурного организма.

Граница рассматривалась Хаусхофером как периферийный орган, подобный коже, и как закрытая на ключ жизненная форма, ощущающая напряжение, но живущая собственной полнокровной жизнью и имеющая свое «предполье» – более или менее широкую зону взаимодействия. Постулированный им «пограничный эмпиризм» базировался на ощущении относительности границы: «как статика и динамика границы, так и ее *психологическая и механическая констатация* находятся в постоянном столкновении». Столь же относительной является языковая граница как маркер культуры. Относительность границ обнаруживается и в том, что они должны одновременно разделять и быть проницаемыми. Отсюда акцент Хаусхофера на культурно-географическом ощущении границы и его воспитании, имеющем общую значимость для культуры, политики и экономики. Хаусхофер был в сущности первым, кто подчеркнул важность внимательного изучения пограничных территорий, пограничных инстинктов, «неизменно настороженного пограничного сознания»¹⁷.

С точки зрения «неизменной настороженности» рассматривал проблему границ и известный французский социолог А. Зигфрид. В предисловии к работе геополитика Ж. Анселя «География границ» он обращал внимание на опасность пограничных сюжетов для исследователей – ведь поскольку они насквозь пронизаны политическими страстями, хладнокровно рассуждать о них невозможно¹⁸. В преддверии Второй мировой войны такие предостережения звучали чрезвычайно актуально.

Украинская традиция исследования границ и пограничья ведет свое начало от работ С. Рудницкого. Он называл Украину «страной границ», причем в поле его зрения были и границы физико-географические (гра-

¹⁷ Хаусхофер. 2001. С. 9, 28-30, 112-115.

¹⁸ Ancel. 1938. P. VII.

ница европейской полосы гор и восточноевропейского плато), и геоморфологические, и климатические, и биологические. В древнейшие времена по просторам будущей Украины проходила граница между цивилизованными народами Востока и нецивилизованными северными «народами природы». Позднее территория Украины стала границей эллинистического мира, с началом средневековья – пограничной землей средиземноморского и переднеазиатского мира; здесь проходила граница между оседлым земледелием и кочевничеством. В XV–XVIII вв. Украина оказалась на границе трех миров: западноевропейского, восточно-мусульманского и кочевого азиатского. Это «страшное пограничье», по С. Рудницкому, обусловило безгосударственность украинской нации¹⁹.

В России начала лимнологии (пограноведения) усматривают в книге В. Семенова-Тян-Шанского «Район и страна» (1928). Граница в ней определялась как место изменения географических явлений, причем она могла быть и линией, и широкой полосой. Что же касается пространственных (хорологических) подходов, то они в СССР постоянно подвергались критике как буржуазные и ненаучные. Географию искусственно разделили на физическую и экономическую, вследствие чего в ней не оказалось места для географии человека. Экономико-географам, которые отстаивали единство и «хорологическую мысль» географии, удавалось уцелеть лишь за общим фасадом «естественной науки о земле». Согласно Б. Родоману, существование нескольких параллельных научных школ в географии представляло собой «авторитарно-догматический плюрализм, похожий на междоусобицы удельных княжеств». В конце концов теоретическую географию вообще вытеснили из учебного процесса²⁰.

В послевоенное время исследование пограничных ареалов в мировой науке шло одновременно в русле экономической географии (на базе синтеза достижений чикагской школы и подходов основателя американской региональной науки В. Айзарда) и обновленной хорологии, стремящейся осмыслить окультуренное человеком пространство как систему символов. На основе изучения образов территорий вырабатывались подходы к концептуализации понятий “пространственное развитие”, “культурное пространство”, “политический ландшафт” и т.п. Однако вплоть до 1950–60-х гг. доминирующими в исследовании границ были позитивистские историко-географические подходы, причем объяснительные модели базировались преимущественно на анализе политических факторов, а государства выступали как единое нераздельное целое.

¹⁹ Рудницкий. 1923. С. 8–23.

²⁰ Родоман. 1990. С. 45.

Заметный прорыв в исследовании феномена границ и пограничья наблюдается в последней трети XX в. Стимулировали его как значительное оживление международных контактов, так и освоение новых методов и подходов в исследовании регионов. По оценке А. Ландабасо, новый поток регионалистских исследований оказался подобным солнечному протуберанцу: «мир и мировое академическое сообщество как будто вновь открывают для себя учение о регионах... Вообще 70-е годы дали по сути дела импульс всем аспектам, видам регионалистики. Главная цель регионалистики как науки в этот период заключалась в том, чтобы стать фундаментальной, повсеместной дисциплиной – базисом для... второго, нового уровня интеграционного процесса». Регионалистика вышла на уровень анализа инфрагосударственных и надгосударственных отношений, регионализма, национализма, демонстрируя при этом высокий уровень научной зрелости и академичности²¹.

Существенное продвижение в теории границ было достигнуто прежде всего в русле освоения функциональных подходов, в частности, относительно четкого размежевания границы и фронта. Австралиец Дж. Прескотт определял разницу между ними как различие линии и зоны. В отличие от границы фронт имеет площадь. В дальнейшем, правда, понятие “фронт” проявило тенденцию к размыванию и часто применялось для обозначения “плавающей границы” – пространства между заселенной и незаселенной территориями. В метафорическом смысле фронтиром начали называть ярко выраженную границу крупного политико-географического образования глобального масштаба, в частности империи²². Такой подход, однако, оказался небесспорным.

Известный французский политолог, директор Европейской геополитической обсерватории Мишель Фуше предложил различать два понятия – *front* и *frontier*. Первым понятием он обозначает довольно четкую линию между территориями, отделяющую пространство “своего” от “чужого”. Это может быть граница по водоразделу, по линии горных вершин, межгосударственная граница. Вторым – символическое или мысленное деление пространства, предусматривающее наличие пограничья без четкой распределительной линии. Фронтирами в его представлении являются, например, этнические или культурные границы. Фуше ввел также понятие “диада” для определения участка государственной границы, разделяющей два соседних государства²³.

²¹ Ландабасо. 2001. С. 92-94.

²² Джамалханов. 2010. С. 143.

²³ Foucher. 1991. P. 5-15.

Введение в терминологическое поле понятия границы в этнокультурном понимании связывают с именем норвежского ученого Ф. Барта. Внутренние маркеры этничности и региональности Барт рассматривал как результат исторических, политических, экономических условий и конкретных ситуаций; культурные отличия он выводил не столько из влияния объективных факторов, сколько из индивидуального сознания и продиктованного им ролевого поведения членов тех или иных групп. Символические линии деления создаются, по Барту, с помощью этнических маркеров (диакритиков) – тех элементов культуры, которые избираются членами группы для акцентирования своих отличий от Других. Эти диакритики (Дж. Армстронг называл их «символическими пограничниками»), как правило, становятся объектом острой конкуренции, связанной с отношениями власти и подчинения. При этом борьба ведется как за право определять границы, так и за выбор маркеров²⁴.

Продуктивными для исследования границ и пограничья оказались и некоторые постмодернистские подходы, давшие возможность преодолеть разрыв в исследованиях внешней и внутренней политики, ввести проблему межгосударственных границ в контекст границ как глобальных сущностей. Появился взгляд на границу как двойственный фактор – объединения внутри и отмежевания извне, было основательно разработано понятие культурной границы, далеко не всегда соразмерной с формальными границами. Начались исследования границ с точки зрения безопасности, в частности, милитаризованных зон. Особое научное направление концентрирует внимание на исследовании проницаемости тех или иных границ и их дифференциации по этому признаку.

Под сильным влиянием постмодернизма границы начали активно изучаться сквозь призму концепций мировых систем и идентичностей. Мир-системная теория имеет в своей основе классическую трехчленную схему «центр–полупериферия–периферия». Относительно теории границ такой подход выливается в рассмотрение последних на трех территориальных уровнях – глобальном, национальном, локальном. Пограничье в рамках мир-системного анализа рассматривается как новый политический и культурный феномен, приобретающий особое значение в условиях разрушения Вестфальской системы международных отношений и изменения функций национального государства под влиянием процессов глобализации. В этом случае традиционная триада «центр–полупериферия–периферия» дополняется выделением макрорегионального и регионального уровней с собственными культурными граница-

²⁴ *Barth*. 1969. P. 14, 35; *Armstrong*. 1982. P. 6.

ми. Что касается межгосударственных границ, то они часто предстают в виде «шрамов истории» (О. Маркар), обреченных на размывание.

В тесную связь с изучением центр-периферийных отношений поставили проблему пограничных регионов С. Роккан и его школа. Структура границ и степень контроля над ними, по Роккану, во многом определяется концентрацией, конкуренцией или совпадением центров разных типов – административных (военных), экономических или культурных. Высокая концентрация центров на определенной территории создает явление пространственной сегментации, которая при благоприятных условиях стимулирует стремление к сецессии, а при менее благоприятных служит причиной массовой миграции. В ситуации закрытости центр пытается контролировать не только территориальные, но и социокультурные границы; полная закрытость ведет к жесткой политике ассимиляции или, напротив, к распаду государства. Поэтому любое, в особенности полиэтничное, государство должно соединять политику интеграции меньшинств с консолидацией и оптимизацией границ. В «полицефальных» (с цепью отдельных центров) государствах, эта задача на порядок усложняется из-за жесткой конкуренции интересов элит²⁵.

Интенсификация глобализационных процессов ввела проблему пограничных регионов в контекст «сжатия мира», взаимопроникновения, трансграничности. В политической географии, политологии, геоэкономике появились специальные научные направления, сконцентрированные на исследовании «трансграничных регионов» (термин В. Колосова). Традиционные (историко-картографические, классификационные, функциональные и пр.) лимнологические подходы были дополнены постмодернистскими (мир-системно-идентичностным, границ как социальных представлений, экополитическим, ПВП-подходом и др.). Акцент новые подходы делают на размывании географических границ и региональных составляющих политических, социальных, культурных отношений. Подчеркивается также, что глобализация как процесс – глубоко диалектическое явление, в котором переплетаются стимулы интеграции и взаимоотталкивания, возникают и новые транснациональные социальные связи и пространства, и новые разновидности локальных культур. Одновременно с «виртуальным», а то и реальным стиранием территориальных, культурных, языковых границ интенсифицируются связи и зависимости, способствующие как единству, так и дифференциации социокультурного пространства. Мощные волны унификации и стандартизации размывают традиционные представления о самобытности и суверенитете.

²⁵ Роккан. 2006а. С. 48-50; Роккан. 2006б. С. 74.

Предложенные А. Пааси, Д. Ньюменом, П. Тейлором и другими учеными модели взаимосвязей между границами и иерархией территориальных идентичностей открыли путь к исследованию границ как социальных конструкторов и соответствующих символов. Рассмотрение категорий пространства, территории, места как устоев социальной идентичности проложило путь к дифференциации между чувством места (*sense of place*) и укоренением (*rootedness*), а также привязанностью к месту (*attachment to place*). Появились дифференцированные подходы к анализу разных типов территориальных идентичностей – идентификации с местом (*place-identity*), локальных идентичностей (*local identity*), региональных идентичностей (*regional identity*), идентификации со средой (*enviromental identity*) или с местожительством (*settlement identity*). Операционабельным оказалось и понятие региональной культуры, которая трактуется как совокупность принятых в определенном региональном сообществе ценностей, верований, общественных традиций²⁶.

Заметным прогрессом в лимнологических исследованиях стал выход в сопредельные сферы научного знания – культурную антропологию, историю, социологию. Неклассические научные методы дали мощный толчок развитию культурной географии и антропогеографии; широкое использование понятия ландшафта стимулировало оформление имажинальной географии. В конце XX в. резко актуализировались проблемы региональной идентичности и региональной (пространственной) мифологии. Формируется общее гуманитарно-географическое концептуальное поле, в котором, по мнению Д. Замятина, органически сосуществуют разные ответвления культурной антропологии, культурологии, политологии, истории (в особенности региональной и локальной), литературоведения, комплексного градоведения и регионоведения. В переходной ментальной зоне, на стыке науки, философии и искусства возникают гибридные художественно-исследовательские направления, ведущее место среди которых принадлежит метагеографии²⁷.

В контексте исторической регионалистики рассматривают проблему границ российские специалисты. Украинский срез проблемы исследует Л.Е. Горизонтов, акцентируя внимание на том, что границы выступают неизменным атрибутом любой региональной структуры. Пограничье – соединительное звено между границами и вместе с тем зона активной интеграции и сотрудничества. Важным представляется его акцент на «невидимых» исторических границах: эти «шрамы исто-

²⁶ Коржов. 2010. С. 108-114. Менее удачен, на наш взгляд, предложенный им термин «географическая идентичность» как эквивалент англоязычного *place identity*.

²⁷ Замятин. 2010а; 2010б.

рии» отнюдь не исчезают. Один тип границ перетекает в другой; границы фигурируют не только в роли политических маркеров (внутренних и международных), но и в качестве этнических, конфессиональных, культурных, языковых, экономических рубежей. Ситуация для исследователей украинских реалий усложняется тем, что исторически подвижная зона соприкосновения европейских макрорегионов проходит именно через территорию Украины. Целый комплекс исследовательских задач для регионалистики связан, по мнению автора, с тем, что имперский груз тяготеет не только над бывшими титульно-имперскими нациями, но и над теми, которые ощущали себя угнетенными. Новые национальные государства, состоящие из разнородных регионов и имеющие конфликтогенные границы, склонны заимствовать от империй курс на унификацию и получают вследствие этого дефицит внутреннего равновесия и сложности внешнеполитического плана²⁸.

Довольно неожиданный ракурс экстраполяции методов природно-географического (факторного) анализа на историческое изучение пограничных ареалов предлагает украинский историк Е. Чернов, связывая построение теоретического каркаса региональной истории с пространственно-структурным моделированием влияния природно-географической среды на процессы освоения территорий и урбанизации. С учетом всей совокупности благоприятных природно-географических факторов днепровское Надпорожье должно было стать устойчиво освоенным регионом. Но пограничность долго не давала возможность сформировать на этом пространстве что-то исторически прочное и реализовать урбанистический потенциал. Направление основных цивилизационных потоков пошло мимо этой территории, и в течение тысячелетий здесь не возникли даже элементы городского образа жизни. К таким регионам применимы разве что термины «блуждающей» или «мерцающей» региональности. Смыслом региональной истории и может быть выявление таких нетипичных регионов, что будет сблизжать ее с «новой географией»²⁹.

Наиболее распространенный в современной политической географии взгляд на проблему пограничья довольно удачно сформулировал российский географ Б. Родоман. Граница – это что-то, расположенное между двумя сущностями, граница деления, и это «что-то» обычно настолько мало в сравнении с разделяемыми явлениями, предметами, сущностями, что им можно пренебречь³⁰. И для социумов, и для человека важна не сама граница, так как это в принципе лишь линия, а то близле-

²⁸ *Горизонтов*. 2005.

²⁹ *Чернов*. 2006. С. 38-48; *Чернов*. 2008. С. 59-66.

³⁰ *Родоман*. 1982. С. 20.

жащее пространство, которое от нее зависит и ею детерминируется. Этот взгляд принципиально важен для историков, которых значительно больше интересуют не сами линии границ, а приграничные территории как ареалы взаимодействий и взаимостолкновений, формирования новых идентичностей. Доминирует такой взгляд и в культурологии – здесь граница преимущественно определяется как «рубеж коллективной идентичности, отделяющий общее “мы” от такого же общего “они”»³¹.

В рамках лимологии применяется целый ряд классификаций границ по разным критериям. В соответствии с функциональным подходом О. Дж. Мартинеса границы разделяются на отчужденные (*alienated*), сосуществующие (*co-existent*), взаимозависимые (*interdependent*) и интегрированные (*integrated*)³². В основу типологии здесь положена степень интегрированности – от введения понятия пограничного региона до образования полностью интегрированных территорий.

Исторический критерий предусматривает деление границ на антецедентные, субсеквентные и реликтовые. Первые прокладываются по еще не заселенным территориям, вторые – по уже освоенным, третьи являются стертыми, но закреплены в ландшафтных отличиях. Географический подход предусматривает деление на естественные и искусственные границы. Границы могут быть прозрачными, полупрозрачными или закрытыми. Все эти классификации исходят, однако, из доминирования географических или этнических факторов. Однако теоретическая лимология не в состоянии охватить проблему границ в ее полноте и разнообразии. Поскольку в широчайшем, философском смысле граница – это любая распределительная линия, реальная или виртуальная.

Как главную рассматривает барьерную функцию границы польский географ Т. Коморницки. Эта функция проявляется как военная (барьер для чужеземной военной агрессии), экономическая (барьер для движения товаров), гражданская (барьер для свободного перемещения людей). С изменением функций границ в Западной и Восточной Европе неизмеримо выросла роль границ в интеграционных процессах, что сделало главными показателями уровень проницаемости и пропускной способности границы³³. Англоязычные аналоги термина *граница* дают довольно полное представление о разнообразных функциях, которые сегодня охватываются этим понятием. По А. Макарьчеву, границы могут быть:

- демаркаторами территориального пространства (*boundaries*);

³¹ Дубин. 2007. С. 652.

³² Martinez. 1994.

³³ Komornitcki. 1999. S. 25.

- линиями перехода на сопредельную территорию (*borders*);
- периферийными единицами (*margins*);
- линиями столкновения с соседями (*frontiers*);
- региональными единицами – их специфичность сформирована тесным сотрудничеством с соседями и мультикультурализмом (*borderlands*).
- существует и понятие *de-bordering*, обозначающее снижение значимости границ под влиянием процессов транснационализации³⁴.

По М. Орешину граница может быть зоной: 1) раскола; 2) распределения; 3) фильтрации; 4) взаимодействия; 5) сотрудничества; 6) кооперации; 7) соединения; а также средством организации территории, социокультурным рубежом и т.п. Одно качество границы способно переходить в другое. Границы выступают в роли разграничительных рубежей и помогают конструировать пространство в воображении³⁵. Д. Амоглонова и Т. Скрынникова обращают внимание и на более абстрактное содержание понятия *граница* – как установление пределов, с помощью которых государства или социальные группы отмежевываются одни от других, а также создают модели размежевания категорий сознания. Периферийность и приграничность заставляют творцов идеологий отыскивать особые ценности, апелляция к которым способна мобилизовать этничность или региональное сознание, не выходя за рамки политических норм и границ. На этой почве может возникать симбиоз «урезанного национализма» и политизированной этничности. Реальные политические границы (как и реальная история) играют при этом опосредованную роль и могут игнорироваться, если этого будут требовать интересы моделирования³⁶.

Для регионалистики (и не в меньшей мере для региональной политики) особенно важными являются те свойства границы и пограничья, которые предопределяют взаимовлияния и взаимодействия различных локальных культур. Ведь фактор социальной и культурной дистанции часто приобретает стрессогенный характер именно в зоне пограничья.

При всей изменчивости и подвижности межгосударственных границ в их изучении все же можно ориентироваться на какую-то итоговую фиксацию. В мирное время все четыре континентальные империи на европейском континенте были заинтересованы в том, чтобы придерживаться каких-то конвенциональных ограничений в своем соперничестве и четко обуславливать свои территориальные пределы. С региональными и этническими границами дело обстоит сложнее – как правило, они

³⁴ Макарычев. Режим доступа: <http://www.google.com/search>.

³⁵ Орешина. 2003. С. 154.

³⁶ Амоглонова, Скрынникова. 2005. С. 53-54.

условны и непостоянны. Более или менее четкая, хотя и подвластная постоянным изменениям, фиксация присуща административным границам. Если же территориальный принцип кладется в основу экономической, этнической, социокультурной, конфессиональной или какой-то другой регионализации, границы оказываются размытыми, с выразительными фронтами – пограничными полосами аккультурации.

Географы-международники ввели в оборот понятия *барьерность* и *контактность* как критерии оценки уровня пограничной безопасности: первое обозначает способность границы быть эффективным рубежом против нелегальных и нежелательных трансграничных потоков, второе – возможность обеспечить проницаемость для потоков желательных. Постоянно подвергаются уточнениям понятия *пограничье*, *пограничная территория*, *трансграничная территория*, *трансграничные географические структуры*, *региональные пограничные подсистемы* и т.п. Термин *пограничье* (порубежье, *borderland*) обычно применяется для характеристики близлежащей к границе (с одной или с обеих сторон) зоны, которая выделяется на основе совокупности специфических признаков, важных для достижения определенной цели. Пограничная территория – ареал, в котором осуществляется реальное или потенциальное взаимодействие (взаимовлияние) соседних государств. Трансграничная территория – относительно целостная природно-антропогенная система, которая складывается как минимум из двух взаимосвязанных приграничных территорий и является сферой геополитических интересов соседних стран.

Понятно, что говорить о четкости и определенности этих различий не приходится. Примененное в «Европейской рамочной конвенции о пограничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» (Мадрид, 1980) понятие *cross-border* по своему значению более близко к передаче взаимодействия с переходом границы, а не к взаимодействию приграничных территорий. Однако в политическом употреблении четкости в применении понятий *cross-border* и *transborder*, как правило, не наблюдается. Обычно первое понятие применяется для характеристики прямых контактов порубежных регионов, а второе – для широкого круга вариантов сотрудничества. Не существует четкого размежевания понятий *приграничное сотрудничество* и *трансграничное сотрудничество* и в русском языке. Возможности украинского языка в данном случае более широки – благодаря параллельному применению терминов, производных от *кордона* и *границы* и устоявшемуся уже понятию *порубіжність*. Однако четкого нормативного разведения понятий *порубіжність*, *пограничність* и *прикордонність* пока не наблюдается.

Границы Украины, несмотря на их относительную «молодость», имеют свою историю и собственные характеристики. Принято разделять их на «старые», унаследованные от СССР, и «новые» – те, что ранее были административными межреспубликанскими. Из семи непосредственных государств-соседей Украины четыре являются членами ЕС. Общая протяженность сухопутной границы Украины – 4247,86 км, морской – 1351,6 км, речной – 414,73 км. Украина имеет соглашения о государственной границе со всеми соседними государствами. Но между «старыми» и «новыми» границами сохраняется существенное отличие по параметрам инфраструктурного развития. Отсюда и специфичность феномена «нового пограничья» – как совокупности исторических и новообразовавшихся социально-экономических связей вдоль границ бывших советских республик³⁷. Ко времени обретения независимости инфраструктура межреспубликанских границ была сугубо символической. Точные очертания их фиксировались разве что на воинских топографических картах, но и там было немало расхождений, так как время от времени руководители колхозов-соседей своевольно корректировали границы во время строительства дорог, сооружения зданий и т.п. На русско-украинской границе во время делимитации оказалось свыше тысячи спорных отрезков, причем граница часто разделяла села, улицы, даже отдельные дворы. Естественно, что это создало немало сложностей, с которыми люди вынуждены были мириться в течение десятилетий. Отсюда и стойкое предубеждение местных жителей против демаркации границы, часто сопровождающееся трениями и недовольствами.

На изменения конфигурации границы существенным образом влияют и естественные факторы. Например, из-за изменения русла реки Тисса в течение 1945–2000 гг. точка стыка границ трех стран переместилась вглубь Украины на 11,7 м, а 270 га земли отошли Венгрии.

Эволюция трансграничных отношений на рубежах Украины идет в направлении от отчуждения к интеграции, ликвидации барьеров и предубеждений. Хотя возможности трансграничного сотрудничества используются далеко не полностью. Это касается, в частности, перспектив общего использования природных ресурсов, рекреационного потенциала, общих мероприятий в сфере охраны окружающей среды, предотвращения природных и техногенных катастроф.

Очевидно, что без учета фактора пограничья и проблем, им создаваемых, невозможно понять ни особенности регионализма в его украинском варианте, ни специфику локального самосознания. В конце кон-

³⁷ Розширення Європейського Союзу... С. 213, 229.

цов, и геополитические схемы, которые выстраиваются нашими соседями, также могут быть осмыслены лишь в контексте «рубежности» и ее влияния на языково-информационные, культурно-религиозные и прочие процессы. Порубежность имеет свои положительные и отрицательные черты, и только от украинского народа и взвешенных действий его элиты зависит, будет ли страна самостоятельным игроком на экономическом поле и политической сцене или окончательно превратится в «транзитный коридор», полигон для апробирования чужих идей и намерений, не вписывающихся в концепцию национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амоглонова Д.Д., Скрынникова Т.Д. Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии // Полис. 2005. № 2. С. 53-63.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
- Горизонтов Л. Украина в зеркале регионалистики // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 3-12.
- Горин Д. В кольце заклятых друзей: имитация целостности и ловушки социального мышления // Неприкосновенный запас. 2010. № 3.
- Джамалханов Р. Граница как категория политической науки: основные подходы // Власть. 2010. № 4.
- Дубин Б.В. Запад, граница, особый путь: образ Другого в политической мифологии россиян // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010 (а). № 4. С. 126-138.
- Замятин Д.Н. Метагеографические оси Евразии // Полис. 2010 (б). № 4. С. 22-47.
- Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії. К., 2006.
- Колосов В. Теоретическая лимнология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3. С. 44-49. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>.
- Коржов Г. Територіальні ідентичності: концептуальні інтерпретації в сучасній зарубіжній соціологічній думці // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2010. № 1. С. 108-114.
- Королев С.А. Российская граница как край пространства: генезис и технологии // Россия и современный мир. 2002. № 2.
- Ландабасо А.И. Теория регионалистики: европейский опыт исследования // Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001.
- Леш А. Пространственная организация хозяйства. М., 2007.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Макарычев А.С. «Игра понятий»: новая геометрия регионализма в современном европейском контексте // Международные процессы. 2003. № 3.
- Макарычев А.С. Метафоры регионализма в международно-политическом дискурсе // Режим доступа: <http://www.google.com/search>.
- Орешина М.А. Регион как объект социально-гуманитарных исследований // Политическая наука. 2003. № 3.
- Пащенко В.М. Землезнання. Методологія природничо-географічних наук. К., 2000.

- Риттер К.* О пространственных отношениях на поверхности земного шара и их влиянии на ход исторического развития человечества // Полис. 2005. № 2. С. 102-114.
- Родоман Б.Б.* Основные типы географических границ // Географические границы. М., 1982.
- Родоман Б.Б.* Уроки географии // Вопросы философии. 1990. № 4.
- Розширення Європейського Союзу: вплив на відносини України з центральноєвропейськими сусідами. К., 2004.
- Роккан С.* Города, государства и нации: пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. 2006 (а). № 4.
- Роккан С.* Центр-периферийная полярность // Политическая наука. 2006 (б). № 4.
- Рудницький С.* Українська справа зі становища політичної географії. Берлін, 1923.
- Хаусхофер Х.* О геополитике: Работы разных лет. М., 2001.
- Чернов Е.А.* Региональная история: опыт теоретической интерпретации // Харківський історіографічний збірник. Вип. 8. Х., 2006. С. 38-48.
- Чернов Е.А.* Региональная история и историософия // Регіональна історія України. 2008. Вип.2. С. 59-66.
- Шлегель К.* Европа – пограничная страна // Вестник Европы. 2003. № 9.
- Ancel J.* Geographie des frontieres. Paris, 1938.
- Armstrong J.* Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
- Barth F.* Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / Ed. by F. Barth. London; Bergen, 1969.
- Bolton H.* The Spanish Borderlands: A Chronicle of Old Florida and the Southwest. New Haven, 1921.
- Foucher M.* Fronts et frontieres. Un tour du monde géopolitique. Paris, 1991.
- Herzfeld M.* Antropologia. Praktykowanie teorii w kulturze i społeczeństwie. Kraków, 2004.
- Komornitcki T.* Granice Polski. Warsaw, 1999.
- Martinez O.J.* Border People. Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tuscon, 1994.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by B. Warf, S. Areas. L.; N.Y., 2009.
- Верменич Ярослава Владимировна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая Сектором теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины; verrosla@gmail.com

И. Н. Ионов

ИДЕЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЕВРОПЕ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ СВЯЗАННОЙ И ПЕРЕКРЕСТНОЙ ИСТОРИЙ*

В статье трансфер цивилизационных представлений между Францией, Англией, Германией и Россией в XIX в. рассматривается в контексте современных исторических теорий о «связанности» исторических явлений и необходимости изучать их «перекрестно». Показано, как эти новые подходы позволяют переосмыслить ситуацию трансфера в условиях функционирования и кризиса Венской системы международных отношений, а также роль цивилизационных представлений в общественной жизни и развитии исторической теории.

Ключевые слова: цивилизация, связанная история, перекрестная история, трансфер, связанность, иерархия, дистанцирование.

Из новых направлений изучения истории идей в XXI в. наибольшее внимание привлекают «связанная», «совместная» или «интегрированная» (*connected, entangled, shared, integrated*) истории и «перекрестная история» (*histoire croisée*), входящие в сферу «истории отношений» (*relational history*) и транснациональной истории. Создатели последней (Д. Телен, Т. Бендер, И. Тайрел, Р. Келли) противопоставили гегемонистскому идеалу универсальной истории (прежде всего американской) – историю «пучков отношений» (*bundles of relationships*), т.е. многообразных, *взаимосвязанных* процессов, объединяющих общества, культуры, цивилизации¹. Транснациональная история стремится понять идеи, явления, народы, практики, пересекающие национальные границы, в сложных контекстах, созданных этим процессом. Она пытается дистанцироваться от единственно «научной» точки зрения, от доминирования одного понятийного аппарата над другим. Недаром австралийские приверженцы расценивают ее как революцию в понимании прошлого².

Связанная история конкретизирует то новое, что в 1970-е гг. внесли антропологический, культурный и прагматический повороты, стратегия параллельного исторического изучения двух или нескольких связанных объектов, принадлежащих к разным культурам. В сущности, речь идет о

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00403а.

¹ Создатель этого понятия Э. Вульф, один из классиков миросистемного подхода, принципиально отрицал возможность осмысления западной цивилизации как изолированного целого, независимого от других цивилизаций. Цивилизации интересовали его прежде всего как зоны взаимодействий. *Wolf E.* 1982. P. 3, 82-83.

² *Curthoys, Lake.* 2005. P. 5-10.

«насыщенном описании», как его понимал К. Гирц, включающем в себя не только передачу информации, но и разрывы в ней, возникающее (а подчас и теоретически оформленное) недопонимание или нежелание понимать. Но культура в данном случае интерпретируется не структуралистски, а акционалистски, с учетом активности субъекта деятельности. В центре внимания находятся «сложные общества», мультикультурные социальные образования, которые изучал Э. Вульф³, например, колонии европейских стран, метрополии или различные формы международных сообществ, находящихся в более или менее плотных взаимоотношениях.

Связанная история сразу вышла на идею цивилизации, изучая развитие идеи и практики цивилизаторства (культурутрегерства), прежде всего на границе с интернациональной историей. А. Конклин, М. Коскенниemi, К. Холл и Дж. Питтс анализируют проблему формирования во внешней политике европейских держав представлений о цивилизаторской миссии стран Запада в XIX в.⁴ Правда, речь идет не столько об идее цивилизации как таковой, сколько о манипулировании программой цивилизаторства в конкретных политических обстоятельствах. А исследования по истории идей скорее освещают линейные процессы трансфера и рост познавательных возможностей теории цивилизаций⁵.

Проблема связанности историй ставится в самых разных контекстах. У Я. Ассмана и М. Ротберга речь идет о путях преодоления конфликтогенных форм культурной памяти, о связанности и продуктивном взаимодействии разнонаправленных проявлений исторической памяти членов глобального сообщества⁶ – связанными оказываются не только исходные явления в прошлом, но и их образы в настоящем. Связанными у Л.Д. Гудкова предстают разные аспекты социальной жизни одного общества, по необходимости создающие различные режимы темпоральности и смыслы действия, так что возникает социально значимая задача анализа их «сочетания и последовательных порядков согласования»⁷. Понятия «продуктивное взаимодействие», «согласование», которые являются ключевыми для этого, диалогического по своей природе, подхода, связаны не только с интенцией ученых, но часто – непосредственно с самой *ситуацией реальной* связанности социальных действий. Такая ситуация взрывает традиционные формы исторического сознания и анализа изнутри. Конечно, познавательный потенциал связанной ис-

³ Wolf E. 1982. P. 77, 379–380, 391, 401–402, 425.

⁴ Conklin. 1998; Koskenniemi. 2000; Hall. 2002; Pitts. 2005.

⁵ The Cultural Gradient...; Ионов. 2007.

⁶ Assmann. 2010; Rothberg. 2009.

⁷ Гудков. 2011. С. 39.

тории реализуется в разной мере в зависимости от того, происходит ли это имплицитно, под влиянием самой ситуации связанности в прошлом (в условиях ориентации на ценность данной конкретной связи или на вытеснение Иного в условиях господства мышления по противоположности) или эксплицитно, при участии интенции современного исследователя. Играет свою роль и реальная мера связанности.

Последствия учета связанности «пучков отношений» поистине революционны. Это инклюзивная модель – в ее рамках исследователь не может выделить в диалоге единственную «правую» сторону, и, как это принято в универсалистской философии истории, выстроить бинарную оппозицию, а тем более дихотомию, обращающую одну из сторон оппозиции в ничто, и тем самым деисторизирующую ее (при помощи понятий «дикость», «варварство», «архаика»). Нельзя найти ту «пустоту» (*terra nullius*), в которую «вливаются» смыслы, транслируемые в ходе трансфера, и на которую распространяется политика «цивилизаторства». Нормы культуры и ситуация взаимодействия культур наделяются, как у Ж. Делеза и Ж. Деррида, равным значением, актуализируются различные «модусы вписания», различение доминирует над противопоставлением, в результате чего единственный образ истории заменяется множественным⁸. Это трансформирует нормы восприятия прошлого, идеал его оптимального, «прегнантного» образа. Он перестает быть целостным, изолированным и превращается в *совокупность образов*, подобную мозаике или калейдоскопу. Образ прошлого связан теперь не столько со своим «фоном» (негативной стороной дихотомии), сколько с другими соседними образами. Соответственно, падает роль «фонового» предпосылочного знания, выстроенного на эмоциональных предпочтениях и отторжениях⁹. Разрушаются образ всеобщей истории как единственно верной картины прошлого, традиционные представления о нормативных режимах темпоральности и спациональности, о направленности коммуникации, о ценностном содержании политик самоидентификации, об исторической истине, наконец. Эта совершенно новая для историков познавательная ситуация требует углубленного эпистемологического анализа.

Французские историки М. Вернер и Б. Циммерман, создатели *перекрестной истории*, показали, что ситуацию связанности невозможно изучать, просто изменив объект исследования и оптимизировав методику. Ранее такие попытки делали Ю. Остерхаммель, продвинувший вперед сравнительное изучение цивилизаций, и М. Эспань, в исследовании

⁸ Делез. 1998. С. 16-42, 234, 340; Деррида. 2007. С. 70-71.

⁹ См. подробнее: Ионов. 2007. С. 93-100.

культурных трансферов, в том числе трансфера понятий. Но Вернер и Циммерман указали на неосновательность попыток Остерхаммеля придать историческому сравнению максимально симметричный характер, а исследователю – положение точно посередине между сравниваемыми объектами, так как такая позиция, хотя теоретически и представима, но практически нереализуема. Ведь логически заданные формы сравнения превращают исторически подвижные, взаимопроникающие объекты сравнения в синхронные, логически строгие, но исторически пустые бинарные оппозиции. Особенно проблематично, по мнению авторов, использовать для сравнительного изучения масштаб цивилизации. Это понятие сильно нагружено как метафизически, так и идеологически, оно является инструментом самоидентификации, противопоставления культур и доминирования одних обществ над другими. Такие недостатки труднопреодолимы даже в условиях ориентации исследователя на диалог. Но и другие масштабы не бывают исторически нейтральными. Ситуация усугубляется при многостороннем сравнении. В результате – сравниваемые объекты существуют на одном поле, а категории, их определяющие и задающие содержание исследования, на другом. Они представляют разные традиции и разные способы мышления. Однако вопрос о взаимодействии этих полей часто даже не ставится. Поэтому рассуждение о соотношении познавательных категорий может быть нерелевантным для поля исторических объектов и наоборот¹⁰.

Подобные противоречия возникают и в истории культурных трансферов. Ее сторонники стремятся к историзации категориального аппарата, но, как считают Вернер и Циммерман, этот подход не более удачен, чем сравнительный. Логическое опять входит в противоречие с историческим. Условия исследования навязывают трансферу свойства, не связанные с природой этого процесса. Ситуация трансфера рассматривается как взаимодействие между двумя полюсами, что предполагает наличие общей референциальной сетки, включающей точки «отправления» объекта трансфера и точки его «прибытия». Такая сетка неустранима, это форма предпосылочного знания, которая делает явление трансфера удобопонятным. Но любое противопоставление предполагает национальные или культурные референции, позиционируемые в исследовании как неизменные. Они отражают миф о гомогенности каждого национального (цивилизационного, культурного) целого, вводя в предпосылки исследования образ, который должен быть представлен как его результат. Возникает порочный круг рассуждений. К тому же образы точек «отправле-

¹⁰ Werner, Zimmermann. 2006. P. 30-31, 34.

ния» и «прибытия» схватываются при помощи аналитических категорий, представляющих собой статические модели. Историчность и изменяемый характер этих категорий игнорируются. Такие модели только условно могут быть названы более историчными, чем модель сравнения. Они плохо приспособлены к описанию деятельности, сопутствующей трансферу (например, перевод с одного языка на другой)¹¹.

«Естественной» логической формой описания трансфера представляется простой линейный процесс передачи информации от одной культуры к другой. Даже в редких случаях анализа триангулярных конфигураций трансфера, движение идей сводится к серии последовательных линейных трансферов. Между тем на деле движение идет обычно между несколькими точками в целом ряде направлений (*ре-трансфер*), в сложной временной последовательности. Эти случаи гораздо труднее анализировать, для этого нет методического аппарата. Все это отражает «рефлексивный дефицит» в области предпосылочного знания истории трансфера. Создаются опасные «автореференциальные петли». В результате транснациональная история, само предназначение которой состоит в проблематизации образов наций в условиях глобализации, как и любая другая форма исторического исследования, оказалась склонной усиливать отжившие образы и связанные с ними мифы. Преодолеть эти противоречия можно только на высоком уровне рефлексии, в ситуации взаимодействия и «пересечения» эпистемологических приемов. Чтобы преодолеть противоречие между историческим и логическим, Вернер и Циммерман предлагают проблематизировать и историзировать само предпосылочное знание, превратить совокупность его подходов в связанное целое, мозаичное поле согласования и продуктивного взаимодействия. Моделью для такого подхода историки считают диалог, а также понятие «взаимопересечение» (*intersection*). Оно заставляет поврать с одномерной, упрощающей и гомогенизирующей познавательной перспективой ради многомерного динамичного подхода, учитывающего множественность и сложность конфигураций исследуемых объектов. Целостности репрезентируются не просто в отношении одна к другой, а одна *через* другую, как подвижные, активные и интерактивные, в терминах сложных взаимодействий и циркуляций¹².

Революционность этого подхода проявляется в том, что речь идет о преодолении постпозитивистской *идеи парадигмы* как нормативного решения задачи, страха перед метафизической нагруженностью знания

¹¹ Werner, Zimmermann. 2006. P. 36-37.

¹² Werner, Zimmermann. 2006. P. 35, 37-38.

(Г. Кун). Соответственно устраняется и опасность бесконечной *пролиферации теорий*, в том числе исторических (П. Фейерабэнд, П. Вэн). Метафизическая и фактуальная сторона знания рассматриваются в связке. Конструирование объекта представляет собой параллельное конфигурирование эмпирических и рефлексивных элементов, исследовательская процедура и исследуемый объект рассматриваются неразрывно, а сама перекрестная история – как челночное движение между ними. Ведется многосторонний диалог между разными референтами: объектами, концептами, точками зрения¹³. Умножение теоретических подходов происходит не вовне данного познавательного пространства теории, а внутри него. Это не оставляет места для линейных или четко структурированных схем и простых причинных связей, а также доминирования отдельных точек зрения, так как они взаимно проблематизируются¹⁴. Такая позиция создает возможность по-новому посмотреть и на трансфер понятия «цивилизация» в Европе XIX века.

***Связанная история идеи «цивилизации» во Франции и Англии
Ф. Гизо, Д.С. Милль, Г.Т. Бокль***

Идея цивилизации складывалась в Европе XVII–XVIII вв. в ситуации связанности соседних культур (прежде всего английской и французской). Но в наибольшей степени эта связанность проявилась после 1815 г., в условиях Венской системы международных отношений, когда впервые возникли понятия великой державы и европейского концерта держав, а также многосторонней дипломатии. Хотя первоначально в Священном союзе доминировали Россия, Австрия и Пруссия, место в нем заняли также Великобритания и Франция. Возникла потребность в коллективной самоидентификации членов сообщества или отдельных групп внутри него. Борьба за участие в Союзе и право называться великой державой находились в центре политической теории того времени. Она была связана с интерпретацией идеи цивилизации, так как одной из целей союза была выработка представлений о цивилизаторской миссии. Понятие «цивилизация» использовалось для реконфигурации структуры власти над миром, обозначения привилегированных связей или неприятия и отторжения между державами. Особенно острыми эти проблемы стали в 1820–60-е гг. в связи с революционным движением в Европе и Восточным вопросом, обусловившими развал Венской системы.

Не случайно само представление о цивилизации не как об общем понятии, отражающем идеалы разума, просвещения и прогресса, а во

¹³ Werner, Zimmermann. 2006. P. 49-50.

¹⁴ Werner, Zimmermann. 2006. P. 38-42.

множественном числе, применительно к отдельным странам возникло только в 1819 г., когда идеал цивилизации пришлось «делить»¹⁵. И до этого многократно мыслители разных стран ассоциировали идею «цивилизации» с реалиями собственной страны – с культурно-поведенческим аспектом прогресса для Франции (Вольтер, Кондорсе) и социально-экономическим развитием для Англии (Фергюсон). Но теперь предстояло объяснить, в чем именно цивилизации Англии, Франции, Германии, России сходны или отличаются одна от другой? Кто наиболее цивилизован и, следовательно, имеет высшую легитимность со стороны Разума? Это был новый уровень осмысления данной идеи, заставлявший развернуть теоретические построения в нарративную историческую форму.

Политическая связанность великих держав лишь задавала условия и границы размышления; она же возбуждала недовольство более слабых, что ясно видно на примерах проигравших или «опоздавших» участников концерта держав. Размышления о «цивилизации» содержали скрытую критику политической реальности, особенно во Франции, потерпевшей поражение в 1814 г. и недовольной усилением России, а также в России после Крымской войны 1853–56 гг. Это было поле рационализаций, объективаций и субстанциализаций идеологических и политических предпочтений. Самый ранний пример – курсы лекций либерального политика и публициста эпохи Реставрации Ф. Гизо (1828–1830).

Гизо создал образ цивилизации, по традиции провозглашая универсальность этой ценности, но относя ее преимущественно к образу Западной Европы и лишь затем апеллируя к роли Франции. Для романтика Гизо цивилизация – «всеобщий факт» философии всемирной истории и вместе с тем «инстинктивное верование человеческого рода»¹⁶, факт общественного и нравственного развития, находящий воплощение прежде всего в истории Европы, обители устойчивого прогресса; европейская цивилизация «приближается... к вечной истине, к предначертаниям Провидения»; Европа не просто передовая, а сакральная человеческая общность, имеющая «неизмеримое превосходство над всеми другими цивилизациями»¹⁷. Цивилизация – принадлежность не отдельной страны, а сообщества стран Запада. «В цивилизации различных европейских стран обнаруживается некоторое единство... несмотря на большие различия... она обуславливается фактами почти однородными, находящимися в связи с одними и теми же основными началами и стремится к одним и тем

¹⁵ *Bénéton*. 1975. P. 41.

¹⁶ *Гизо*. 2005. С. 17–21, 33.

¹⁷ *Там же*. С. 44–46.

же результатам. При всем единстве она бесконечно нюансирует. Элементы ее истории следует искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании»¹⁸. Далее по тексту появляются характеристики локальных «европейских цивилизаций» (*английской цивилизации, германской цивилизации, итальянской цивилизации*) как особых сущностей, в той или иной мере «соответствующих типу цивилизации вообще»¹⁹. Важно здесь включение в список Италии, не имевшей собственной государственности, и исключение России, которая первенствовала в Священном союзе и набирала военную и политическую силу. Образ России с ее необъяснимыми победами над Францией вытесняется до полного игнорирования. К ней применяется «фигура умолчания», она исключается из образа Европы как отвратительный Иной, выводится в ее «фон» и тем самым негативно обосновывает представление о европейской цивилизации. Ю. Кристева писала о подобном способе смыслообразования: «Отвратительное, в своей радикальной отброшенности, в исключенности своей из числа объектов... решительно изгнано... оно вне единства, правила игры которого оно, кажется, и не признает»²⁰. Тем самым положение России в Европе начала XIX в. осмысливалось как случайное, а ее образ подвергался деисторизации.

Опираясь на идею цивилизации, Гизо стремился противопоставить легитимистскому образу «Европы государей», где господствует Россия, либеральный образ «Европы наций», в которой он надеялся найти место Франции. Поэтому наиболее яркий пример «разнообразия, богатства и многосложности» европейской цивилизации он находит в образце либерализма – Англии. «В континентальных государствах прогрессивное движение цивилизации отличалось меньшей сложностью и полнотой». Это означало опосредованную сакрализацию образа Англии, где достигнута «цель всякого общества... установление правительства благоустроенного и вместе с тем свободного»²¹. Тем самым абстрактный идеал цивилизации оказался объективирован и рационализирован.

Критика Англии у Гизо паллиативна и разнесена с провозглашением ее величия. Она относится к «существенно-практическому» характеру английской цивилизации, ограниченности духовной жизни, неспособности англичан создавать философские прозрения европейского масштаба²². Подобные же формы ограниченности Гизо находит в Германии, где

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 361, 365.

²⁰ Кристева. 2003. С. 37.

²¹ Гизо. 2005. С. 333-335.

²² Гизо. 2005. С. 362-363.

развитие цивилизации было поздним и связано, прежде всего, с интеллектуальной, а не материальной направленностью деятельности, в Италии, где процветание искусства не соединялось с практической политикой, из-за чего прогресс оказался кратковременным. Периферийный характер имеет у Гизо только сыгравшая малую роль в европейской цивилизации Испания, которой «отказано в основном характере цивилизации, в общем, непрерывном прогрессе»²³.

С такими взглядами трудно отстаивать позитивную национальную самоидентификацию, обосновать придание Франции роли «фокуса европейской цивилизации». Для этого Гизо совершает новаторский шаг – отказываясь признать за своей страной роль авангарда, он закрепляет за ней роль *медиатора* связанного европейского мира и *транслятора* цивилизации. «Все, так сказать, цивилизующие учреждения, родившиеся на другой почве, не раньше распространялись, обобщались, применялись на практике и вообще начинали действовать на пользу всей европейской цивилизации, как после переработки их во Франции. Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации, которые не прошли бы по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение»²⁴. *Связанность* цивилизации у него впервые становится идеалом, а внутрицивилизационная *коммуникация* – доминирующей ценностью, воплощенной в истории Франции.

Гораздо менее убедительны попытки обрисовать Францию как страну, которая стоит «во главе европейской цивилизации», где «никогда общественное и интеллектуальное развитие не отставали друг от друга»²⁵. Обоснование цивилизационного приоритета Франции в основном эмоциональное – Гизо ссылается на «отсутствие колебаний» по этому поводу у европейцев и даже у «рода человеческого», что прямо противоречит его признанию отставания Франции в социально-политическом развитии, по сравнению с Голландией и Англией²⁶. Слабые попытки идеализации деятельности Людовика XIV. Гизо прямо опровергает себя, характеризуя его режим как «лишенный основания и корня»²⁷. Образ гармоничной французской цивилизации распадается.

Противоречия в позиции Гизо во многом определяются его вниманием к ситуации связанности европейских держав (и даже ценности связанности!) при неразвитости теоретического механизма для ее осозна-

²³ Гизо. 2005. С. 363-367.

²⁴ Гизо. 2005. С. 16-17.

²⁵ Гизо. 2005. С. 337, 367.

²⁶ Гизо. 2005. С. 26-27.

²⁷ Гизо. 2005. С. 349, 351, 355.

ния. Мышление по противоположности требует зафиксировать не только связь, но и собственную доминирующую позицию, создать систему теоретического обоснования доминирования, что видно уже по характеристике Испании. «Фоном» для образа европейской цивилизации служит Восток – нерасчлененная совокупность обществ, не способных к прогрессу и исключаемых из диалога. К ним причисляется и Россия, которая еще в XVIII в. рассматривалась как страна в процессе цивилизации, а то и как объект возможного завоевания²⁸. Поэтому для Гизо так важно развести европейскую цивилизацию и страны, которые «тщательно стараются подавить начала свободы», для которых характерны «неподвижность», «насилие»²⁹. Исследователь ориентализма как специфического колониального дискурса об Азии Э. Саид писал об «имагинальной демонологии» как форме европейского воображения о неевропейском мире³⁰. Но границам ориентализма уже в эпоху его формирования свойственна тенденция к экспансии. Ориенталистский дискурс о путешествиях на Восток и «неизвестных народах», в который Гизо вписывает русских, характеристики «простых» обществ, где имеются лишь «элементы цивилизации», служат способами временного, пространственного и качественного дистанцирования России от Европы в ориенталистском стиле³¹.

Гизо рационализировал и субстанциализировал противопоставление европейских и неевропейских цивилизаций, введя представления об обществах, развивающихся на базе одного начала (элемента, принципа) цивилизации, и о европейской цивилизации, развивающейся на основе смешения и взаимодействия нескольких борющихся начал (элементов, принципов); среди них Гизо выделял противостоящие пары: варвары – цивилизация, феодалы (король) – города, сакральное – секулярное, материальное – моральное, свобода человека – общественный порядок, общество – государство. Первичные цивилизации Азии «вытекают» у него «из одного первичного начала, из одной идеи, словно все общество находилось под властью одного принципа, преобладавшего в нем, определившего его учреждения... господство одного начала порождало тиранию». К таким обществам он причислял Египет, Индию, где господствовал теократический принцип, а также Китай, из древних – Рим³².

Подход к истории Европы, казалось бы, способствовал разностороннему и многофакторному исследованию прошлого: «...в Европе ре-

²⁸ Вульф Л. 2003. С. 524-525.

²⁹ Гизо. 2005. С. 23, 46.

³⁰ Саид. 2006. С. 45, 63, 89.

³¹ Гизо. 2005. С. 23. 40-41, 43, 212.

³² Гизо. 2005. С. 40-42.

зультатом разнообразия и постоянной борьбы элементов цивилизации явилась свобода... различные начала, не имея возможности уничтожить одно другое, вынуждены были волей-неволей существовать совместно и примирились путем компромиссов»³³. Но тем самым произвольно постулировалось представление о разной *сущности* европейских и неевропейских обществ, что давало возможность рассматривать Запад на *мно-гомерной* основе (как сочетание принципов цивилизации и «варварства», власти и общества, религии и науки), а Восток – на *одномерной* (как воинственный или деспотический, или религиозный), разрывая связку между ними и ставя последний в заведомо проигрышную ситуацию.

Не случайно, что этот образ цивилизации, рассчитанный на укрепление тесной связанности великих держав Запада и направленный как против России, так и против стран Востока, оказался приемлемым для англичан. В 1845 г. классик позитивизма Д.-С. Милль, опираясь на эти аспекты учения Гизо, создал новую цивилизационную идентификацию для Великобритании. Возник новый уровень связанности культур: диалог цивилизационных идентификаций и цивилизационных представлений. Образ России, хотя и возник из небытия, трактовался одномерно, сопрягался с образами «древних цивилизаций» и Китая. В России, по Миллю, доминирует государство, а религиозный авторитет подавлен светской властью³⁴. Нельзя сказать, что это неверно, но очевидно, что образ культуры этим не исчерпывается.

Правда, несмотря на улучшение отношений между Англией и Францией в период Второй империи, деспотизм Наполеона III и обострившаяся борьба за колониальное господство в мире заставили англичанина Г.Т. Бокля в 1857–61 гг. дистанцироваться от позиции Гизо, пересмотреть взгляды на цивилизацию и место в ней Франции³⁵. Если у Гизо было ощущение сильной связанности историй Англии и Франции, то у Бокля оно ослаблено. Представление о национальных интересах стало более развитым, романтический взгляд на историю, заставлявший искать в ней проявления некоторых более или менее спекулятивно выведенных принципов, сменилось более догматичным позитивистским представлением о законах истории. Соответственно, разделение образов стран стало более определенным, а способы дистанцирования Франции от идеала Англии – более прямолинейными, если не сказать грубыми. Идеалом прогресса для Бокля являлась Англия как единственная европейская

³³ Гизо. 2005. С. 44-45.

³⁴ Милль. 1865. С. 91.

³⁵ Прошлое Франции Бокль уважал, но имперское настоящее казалось ему настолько непереносимым, что он отказывался ехать в эту страну. Соловьев. 2000. С. 19.

страна, «где народ был так силен, а правительство было так слабо, что история ее законодательства... представляет собой... историю медленно, но постоянно совершавшихся уступок... прогресс совершался по этому самому с большей, чем где-либо, правильностью; не было ни анархии, ни революции»³⁶. В сущности, современная ему Англия и особенно ее будущее выступают как историческое воплощение утопии.

Не ссылаясь на Гизо, Бокль заимствовал у него ценность культурной самобытности, которую тот выдвигал применительно к Англии, и абсолютизировал ее. Оговариваясь, что французы – народ, «во многих отношениях стоящий выше нас», он подчеркивал, что англичане «выработали свою цивилизацию сами собою, совершенно избегнув всякого иноземного влияния», или «с весьма малой помощью от них, тогда как они выработали свою с весьма значительным с нашей стороны содействием»³⁷. «Различия между цивилизациями Англии и Франции» утрировались, «нормальное умственное развитие Англии» противопоставлялось «анормальному состоянию французского общества», которое в ином месте прямо названо «патологией». Освобождая себе руки для манипулирования образом французской истории, Бокль заявил, что «патология должна быть исследуема более посредством дедукции (вывода), чем индукции (наведения)»³⁸. Считая, что «умственное начало... гораздо прогрессивнее нравственного», и тем более области поэтического воображения, а умственные законы доминируют над нравственными, Бокль переосмыслил роль Франции в духовной сфере. Философия и литература ушли на задний план, постулировалось, что французская наука вторична по отношению к английской и ее состояние характеризует «истощение умственных сил нации». Бокль пишет об отсутствии в эпоху Людовика XIV, которой гордился Гизо, «не только великих открытий, но и простой практической сметливости... в продолжении трех поколений французы вовсе ничего не сделали... они не написали ни одного сочинения, которое читалось бы до настоящего времени, не открыли ни одной новой научной истины и, по видимому, совершенно упали духом»³⁹.

Признавая величие Ф. Гизо как ученого, Бокль тем не менее имплицитно отвергал идею взаимосвязанности своих идей с его наследием, давая ссылки лишь по малозначительным вопросам⁴⁰. Французская наука ушла у него в «фон» образа английской цивилизации. Франция

³⁶ Бокль. 2000. Т. 1. С. 161.

³⁷ Бокль. 2000. Т. 1. С. 128, 131.

³⁸ Бокль. 2000. Т. 1. С. 251-252, 257.

³⁹ Бокль. 2000. Т. 1. С. 100-101, 125, 341-342.

⁴⁰ Бокль. 2000. Т. 1. С. 361; Т. 2. С. 301, 310, 314, 353.

рисовалась как та «пустота» (*terra nullius*), в которую направлялись достижения английской политической, экономической и научной мысли. Фигура умолчания, применявшаяся Гизо по отношению к России, в данном случае была применена к авторству идеей самого Гизо.

Конечно, европейская цивилизация как целое обладала для Бокля единством и особой сущностью. Мысль о том, что «в Европе возникло все, что достойно имени цивилизации», основана на представлении о доминировании там культуры над природой, духовных законов над физическими (предполагалось, что в остальном мире природа доминирует над культурой). Идеал связанности не был утрачен полностью, но доминирование Англии проявлялось во всех отношениях без исключения, картина эволюционного развития государственности в Англии и развитие позитивистской науки создавали у Бокля то самое представление о цивилизационной гармонии, которое у Гизо связывалось только с Францией⁴¹. В то же время европейская периферия – Ирландия и Испания – описаны Боклем в совершенно ориенталистских терминах, по типу колониальных стран. Ирландия развивается по восточному типу, ее жители лишены «обыкновенной пристойности, требуемой цивилизованным образом жизни», а их рабочая сила дешева не потому, что они находятся под игом Англии, а потому, что они питаются углеводистой пищей (картофелем). Превращение Ирландии в колонию естественно, оно опирается на научный закон. Подобным же образом характеризуется Испания, которая представляет «аналогию с тропическими странами», «убежище суеверия», а ее инквизиция – «самое варварское учреждение, которое придумывал когда-либо ум человека». Цивилизация Испании имеет упрощенный характер, это «зараженное место», там «народ устремил свое рвение на один предмет... ненависть к ереси». Поэтому культурный застой и политическое ослабление Испании непреодолимы⁴².

Еще более последовательно выстраивался ориенталистский образ России, которая после поражения в Крымской (Восточной) войне решительно выводится Боклем за круг европейских держав и характеризуется как случайная помеха закономерному ходу европейской истории, властолюбивое, «могущественное и в то же время малообразованное государство», нарушитель покоя «образованных наций». Признавая высокий уровень нравственности и религии в России, но мало ценя их, Бокль приписывает ей недостатки «не в сердце, а в голове». Ее жизнь, как жизнь стран Востока, строится вокруг одного принципа — войны, а

⁴¹ Бокль. 2000. Т. 1. С. 58, 87.

⁴² Бокль. 2000. Т. 1. С. 52-53, 103-104; Бокль. 2000. Т. 2. С. 5-6, 60.

«все лица не военные не уважаются в этом народе, как люди несравненно низшего свойства»⁴³. Таким образом, фигура умолчания к концу 1850-х гг. для России больше не действовала, но от этого проблема соотношения идеи цивилизации и российской реальности не становилась проще. В рамках цивилизационных представлений к ней применялась либо фигура умолчания, либо стратегия исключения.

Трансфер идеи «цивилизации» в Россию. Н.Я. Данилевский

Крупнейшей вехой в развитии цивилизационных представлений XIX века о России является книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому» (1869, 1871). Многие современные авторы вместе с И.А. Ильиным утверждают, что это «драгоценная книга», вместе с К.Н. Бестужевым – что это систематизация славянского мировоззрения, вместе с В.С. Соловьевым отрицают родство автора с «площадным национализмом». Сила и самобытность концепции Данилевского видят в том, что он создал теорию локальных цивилизаций как новую парадигму социального знания, решая проблемы самоидентификации русского народа в условиях модернизации⁴⁴. Но надо отметить, что основная литература по теме посвящена содержанию идей Н.Я. Данилевского, а не формам трансляции отдельных идей и понятий, таких как «цивилизация». Даже если эта тема затрагивается, трудно, по нашему мнению, ожидать адекватного ее освещения. Для того чтобы осознать специфику отношения Данилевского к работам западных авторов и того контекста, в который попадали их идеи в его концепции, необходимо раскрыть особенности условий культурного трансфера середины XIX века, что обычно не делается. Поэтому приписывание русскому социологу авторства теории локальных цивилизаций является хоть и широко распространенным, но недоказанным, если не сказать голословным.

Еще И.В. Киреевский выдвинул мысль о создании славянской социологии, выражающей коренные ценности и предпочтения русского народа, отличающие его от западных. Данилевский, описывая доминирующие способы культурного трансфера («передачи цивилизации»), продолжил традицию, определив как основную ценность *самобытность* культуры, а также *охранительность* как политику по сбережению культуры государственной властью⁴⁵. Поэтому проницаемость границ для культурных влияний всегда должна оставаться контролируемой. Более

⁴³ Бокль. Т. 1. С. 108.

⁴⁴ Аринин, Михеев. 1996. С. 20–60; Клементьев. 2006.

⁴⁵ Данилевский. 1991. С. 92–93.

или менее свободно восприниматься могут только те элементы чужого опыта (методы и достижения науки, технические приемы промышленности), которые стоят вне сферы ценностей и специфики культуры. То, что касается «народности» и «самобытности», представлений о культуре, обществе, человеке и его обязанностях по отношению к государству, не является предметом свободного трансфера. «...Все относящееся до познания человека и общества, а тем более до практического применения этого познания, вовсе не может быть предметом заимствования, а может только приниматься к сведению – как один из элементов сравнения – по одной уже той причине, что при разрешении этого рода задач чуждая цивилизация не могла иметь ввиду чуждых ей общественных начал и что, следовательно, решение их было только частное, только ее одну более или менее удовлетворяющее, а не общеприменимое»⁴⁶.

Особенно опасно заимствование социальных представлений и понятий у обществ, считающих собственные представления универсальными и, тем самым, провозглашающих все остальные общества недостойными существования: «Как бы позволительно распространителям единой общечеловеческой цивилизации уничтожать все прочие народы, служащие более или менее тому препятствием». Именно так относится Европа к России, видя в ней возможную «жертву на алтарь... человечества»⁴⁷. Поэтому заимствование культурных идей и представлений у западной цивилизации может осуществляться лишь по мере того, как она слабеет и разлагается, превращаясь в «удобрение» или «улучшенное питание» для новой, развивающейся цивилизации⁴⁸. «Старческая немочь» и «естественная смерть» цивилизаций делает утилизацию их достижений исторически оправданной, «придает истории более прогрессивный вид»⁴⁹. И хотя, по мнению автора, «явлений полного разложения форм европейской жизни еще не замечается», ее «творческие созидательные силы вступили уже около полутора или двухсот лет тому назад на нисходящую сторону своего пути». Наступило время плодоношения, и Европа уже приносит России свои плоды как продукты для «усиленного питания», а возможно, вскоре обогатит ее почву удобрениями «с отделением зловонных газов и миазмов, или без оного»⁵⁰.

Поэтому не случайно, что в работе Данилевского мы не найдем прямых отсылок к европейским авторам, у которых он заимствовал те

⁴⁶ Данилевский. 1991. С. 100–101.

⁴⁷ Данилевский. 1991. С. 98–99, 64.

⁴⁸ Данилевский. 1991. С. 100.

⁴⁹ Данилевский. 1991. С. 75.

⁵⁰ Данилевский. 1991. С. 165, 172.

или иные понятия (в том числе «цивилизация»). Это является невозможным по природе его концепции, прямо диктующей нормы коммуникации между странами и блокирующей некоторые каналы информации. Социолог либо ссылается на ученых-естественников, либо критикует взгляды ученых-обществоведов. Все остальное под его взором лишается персональной определенности и представляет собой *продукты* или *отбросы*, подлежащие критике или утилизации в соответствии с нуждами российского государства, его общества и культуры. Связь России и Европы, таким образом, имеет односторонний характер – это связь живого (России) и полуживого, но еще полезного и питательного (Европы). Культура последней – лишь ресурс, сама интерпретация которого в терминах почвы и удобрения ведет к его десубъективизации, превращению в чистый объект, исключающий эмпатию или диалог.

Очевидно заимствование Данилевским таких концептов, как «культурный тип» Г. Рюккерта (у Данилевского – «культурно-исторический тип») и «принцип» (в переводах «элемент», «начало») цивилизации Гизо (у Данилевского это «общие разряды культурной деятельности», «категории деятельности», «стороны деятельности»). Но смысловое поле каждого из этих понятий существенно изменено, причем негласно, при отсутствии открытой полемики⁵¹. Стоит еще раз подчеркнуть, что такая позиция вполне естественна. Гизо, Конт, Милль, Бокль для Данилевского – враги-«общечеловеки», в сущности – люди из прошлого, их идеи – не их достояние, а наше наследие, трофеи в войне за будущее. Вытеснение образов авторов не мешает ему опровергать некоторые их подходы, которые представляются ему не только неверными, но и вредными, – это отделение «удобрений» от «миазмов». У Данилевского легко проследить *скрытую* полемику с идеями Гизо и О. Конта о роли теократии в древних обществах и борьбы начал общественной жизни в современных, а также с идеей Рюккерта о роли прозелитизма в оценке цивилизаций⁵².

Как покажет изучение текстов, это изменение перемещало смыслы из более связанного контекста в менее связанный, то есть удаляло Данилевского от идеи локальных цивилизаций, а не приближало к ней.

Использование немецких представлений о культуре и цивилизации

Связанность и различие идей Данилевского и Рюккерта были отмечены уже В.С. Соловьевым. Порой русский социолог прямо следовал за немецким историком и воспроизводил его примеры⁵³. Как и Рюккерт, он

⁵¹ См.: Ионов, Хачатурян. 2002. С. 323, 333; MacMaster. 1955. P. 59–66.

⁵² Данилевский. 1991. С. 100–101, 472, 485.

⁵³ Ср.: Данилевский. 1991. С. 98–99; Rückert. 1857. Bd. I. S. 92–93.

отрицал возможность «одного единственного культурного типа» – универсальной цивилизации⁵⁴. Но романтик Рюккерт – принципиальный релятивист, для него воплощение идеала культуры в универсальной (религиозной) идее всегда остается неполным: «рядом с общеевропейским культурным миром в восточной Азии, в Китае и Японии существует другая культура, в своем роде столь же правомочная», что воплощается в ее «относительно вечном существовании»⁵⁵. Он подкреплял эту мысль на протяжении большей части второго тома своего труда, позитивно описывая культуры ислама, Индии, Китая. Центральными для него являются ценности *религиозной миссии, экспансии и трансляции культуры*, главной целью – *поиск культурного наследника*. Культура – пространство диалога, без которого, например, невозможна передача функции передовой цивилизации от Западной Европы к Восточной, «дальнейшего развития христианства посредством славянского элемента»⁵⁶. Рюккерт не исключал, что в будущем Европа как культурная индивидуальность погибнет, и роль белой расы будет играть желтая⁵⁷. Все эти образы у него сильно связаны, идеал цивилизации является инклюзивным.

Данилевский же использовал идеи предшественника о возможности наследования славянского культурно-исторического типа романо-германскому не для описания очередного этапа экспансии христианства, а исключительно для возвеличивания России. Идеалом для него является не «цивилизация», и тем более не «передача цивилизации», что он считал невозможным, а *народность, самобытность, охранительность*. Самобытность первична, она заложена уже в языке. Цивилизация вторична – это лишь кратковременное, раз и навсегда истощающее культуру «плодоносное цветение»⁵⁸. Образ Востока резко снижен: даже ислам для Данилевского – пережиток прошлого, более того – историческая аномалия. Экспансия ислама, которая поднимает его в глазах Рюккерта, для Данилевского имеет негативный смысл, ибо она осуществляется уже после появления христианства, когда «абсолютная и вселенская истина была уже открыта». Существование ислама можно, с его точки зрения, оправдать лишь его способностью защитить поколебавшихся православных Византии от католичества⁵⁹. Это чисто провиденциальная, мистическая роль, которая совершенно не укладывается в

⁵⁴ Rückert. 1857. S. 95; Данилевский. 1991. С. 71–90.

⁵⁵ Rückert. 1857. Bd. I. S. 64–65, 93, 95.

⁵⁶ Rückert. 1857. Bd. II. S. 595; 917–919.

⁵⁷ Rückert. 1857. Bd. I. S. 94–95.

⁵⁸ Данилевский. 1991. С. 92, 106.

⁵⁹ Данилевский. 1991. С. 314–317.

теорию локальных цивилизаций как часть позитивистской науки, хотя социолог и утверждал обратное⁶⁰.

Представление об отношениях культур носит у Данилевского потребительский и эксклюзивистский характер. Россия или Всеславянский союз не нуждаются в наследнике, поэтому неясна роль, отводимая социологом Северной Америке. Доказательство «непередаваемости цивилизации» приобретает у него изоляционистский смысл, так как полное и универсальное воплощение идеал цивилизации получает уже в России и дальнейшее его совершенствование немыслимо. Критерий оценки неевропейских цивилизаций у Данилевского обратный по отношению к критерию Рюккерта – это не экспансия, а способность *охранительного противодействия экспансии*, прежде всего западным влияниям.

Это ставит под сомнение антиуниверсалистский и антиколониалистский пафос книги Данилевского. Образ универсальности лишь меняет адресата: это образ России и православия, который заимствовали потом евразийцы. Социолог выступает против агрессии, только если та исходит с Запада и связана с католицизмом. Напротив, монголо-татарское иго описано как позитивная, творческая «сила, посредством которой московские государи проводили русский народ в государственное объединение»⁶¹ и тем самым готовили к великому цивилизационному поприщу. Он выступил против историков-демократов, таких как Н.И. Костомаров, которые связывали монголо-татарское иго и его колониальные традиции не столько с государственностью России, сколько с самодержавием и бюрократизмом. Единство России и создание централизованной системы управления оказывались в их описании обратной стороной вооруженного покорения, колонизации страны царской армией и установления всеобщего рабства⁶². Данилевский же принципиально отстаивал идею необходимости временного «закрепощения всех сил народных»⁶³.

Классический ориентализм ярко проявляется у Данилевского в отношении не только к исламу, но также к Турции (Османской империи) и Китаю⁶⁴. Рюккерт негативно относился к буддизму, но не допускал подобных высказываний. У Данилевского же образ России как потенциально совершенной цивилизации заставляет последовательно снижать все остальные, а потому этот локальный по форме, но претендующий на универсализм идеал будущей России повсеместно порождает

⁶⁰ Данилевский. 1991. С. 314.

⁶¹ Данилевский. 1991. С. 257.

⁶² Костомаров. 1872.

⁶³ Данилевский. 1991. С. 497.

⁶⁴ Данилевский. 1991. С. 75.

антиидеалы, фоновые образы, способствует созданию иерархических схем, при помощи которых образы других стран дистанцируются от него. Заимствованные у Рюккертта понятия Данилевским часто не столько развивались, сколько огрублялись, утрачивали важнейшие смысловые составляющие. В них сквозило сознание собственной исключительности и неприятие других культур.

Очевидна разница между ценностями, доминирующими у Рюккертта и Данилевского при характеристике культурного развития: у первого – религия и искусство, у второго – религия и государство. При этом ценность государства ставится много выше ценности культуры, которая выступает, по существу, как его производная: «Строение государства... есть первая историческая деятельность народа... и должно быть доведено до известной степени, прежде чем начинается собственно так называемая культурная деятельность... напряженная государственная деятельность русского народа могла и должна препятствовать его культурному развитию. В сущности, все было принесено в пользу государству, как оно и необходимо было по потребностям времени»⁶⁵. Поскольку Данилевский считал последним рубежом подготовительного периода российской истории крестьянскую реформу 1861 года⁶⁶, то получается, что практически вся история России под его пером превращается в историю государственности, лишь подготавливающую историю цивилизации. Отсюда особое внимание к государственнической традиции в Германии, которой была свойственна идеализация российского самодержавия. Не случайно, что формулируя свои представления о роли народности и государства, социолог использует типичное для немецких консерваторов представление о народе как организме, сердцем которого является император⁶⁷. Основой российской культуры ему представляется повиновение народа государству, что очень напоминает колониальный идеал, также базирующийся на «умении и привычке повиноваться», «уважении и доверии к власти», «отсутствии... властолюбия», отношении к выборным должностям как к «общественным повинностям»⁶⁸. Смысл и значение самодержавия ученый видел в том, что оно организует народный организм. «Мысль, чувство и воля» императора «сообщаются народу процессом, подобным тому, как это совершается в личном сознательном существе»⁶⁹. В этом, в сущности, и прояв-

⁶⁵ Данилевский. 1991. С. 496, 497, 499.

⁶⁶ Данилевский. 1991. С. 262.

⁶⁷ Данилевский. 1991. С. 458–459; Заиченко. 2001. С. 96–97.

⁶⁸ Данилевский. 1991. С. 487.

⁶⁹ Данилевский. 1991. С. 458–459.

ляется, по Данилевскому, величие российской цивилизации – залог ее грядущего торжества и совершенства.

Надо отметить, что в своем государственничестве Данилевский отступал от тенденций, которые доминировали в это время в ученом мире. Я. Буркхардт именно тогда защищал идеал культуры против идеалов государства и религии⁷⁰. О. Конт и Г. Спенсер связывали идеалы, которые пропагандировал Данилевский, с архаичным, *милитаризированным* типом общественного устройства, исторически предшествовавшим современному *промышленному* обществу. Для первого характерна ориентация на внешний военный конфликт как основную форму общественного противоречия, теократия, принудительная кооперация граждан, преобладание аффективной духовной деятельности над рассудочной⁷¹. Поэтому представления Данилевского о цивилизации трудно назвать передовыми и оригинальными.

Использование западных представлений о цивилизации

Подобным же образом преломляются у Данилевского идеи Гизо, Милля и, возможно, Бокля. Для Гизо было важно не только количество «элементов» или «принципов» цивилизации, но также их связанность, борьба и взаимное равновесие, которые и создают более совершенную цивилизацию. Нарастание числа «принципов» связано с их диалогом. Данилевский же позаимствовал у Гизо лишь представление о благоприятных последствиях нарастания количества развиваемых цивилизацией идей или «разрядов деятельности» (религиозной; культурной, научной, художественной, промышленной; политической и общественно-экономической). При этом его образ древних и восточных цивилизаций стал гораздо более уничижительным, чем у Гизо. Данилевский выделяет «первичные или аутохтонные» цивилизации, такие как египетская, китайская, вавилонская, индийская и иранская, которые, по его мнению, являются неполноценными, «подготовительными», так как не могут до конца развить *ни одного* принципа деятельности. Не называя имен, он спорит с романтиками и позитивистами которые, по его мнению, «напрасно приписывают этим первобытным цивилизациям» господство одного принципа (например, теократического или религиозного)⁷². Древневосточные цивилизации у него гораздо более радикально дистанцированы от российской, чем ранее от европейской, и, в сущности, вытеснены из философии истории в область «этнографии». Это совер-

⁷⁰ Burkhardt. 1929.

⁷¹ Философия Герберта Спенсера. С. 257–403.

⁷² Данилевский. 1991. С. 471–473.

шенно исключает всякое представление о связи и диалоге с ними. Едва возникший мир локальных цивилизаций переживает коллапс. Такого разгула ориентализма Западная Европа не знала.

«Смешанность» принципов или разрядов европейской цивилизации, которую превозносили Гизо и Милль, не является, по мнению Данилевского, ее позитивным свойством. Он противопоставляет «смешанности» идеал «синтетического слияния» начал цивилизации у германороманских народов, хотя Европа смогла развить лишь культурный и политический «разряды»⁷³. Более совершенна Россия, способная развить «четырёхосновный тип» цивилизации⁷⁴. Данилевский видел в цивилизации не продукт антагонизма и борьбы противоречий, диалога ценностей и общественных сил, а целостный организм, условием существования которого является единоначалие, отсутствие внутренних противоречий и верность национальным ценностям. Современный идеал связанности замещался библейским идеалом целостности. Ценность *взаимоуравновешивания* борющихся «принципов цивилизации» Гизо превратилась у Данилевского в антиценность *смешения* «разрядов деятельности»⁷⁵.

Парадоксальным образом охранительность и монархизм Данилевского имели не традиционалистский, а футуристический характер, были спроецированы в будущее. В этом проявилось его историческое сознание бывшего фурьериста. Историческая схема Данилевского имела не менее ярко выраженный линейный и телеологический характер, чем у предшественников, что не очень вяжется с представлением о нем как создателе теории локальных цивилизаций, прямом предшественнике О. Шпенглера и особенно А. Дж. Тойнби. Идеи борьбы с универсализмом и равенства культурно-исторических типов у Данилевского только заявлены в рамках борьбы против европоцентризма, но не развиты. Они подчинены линейно-стадиальной схеме всеобщей истории (этнографическое состояние – государство – цивилизация), которая рассматривается постколониальной критикой как часть колониального дискурса, и иерархической схеме цивилизаций (первичные, аутохтонные – вторичные – высшая, российская)⁷⁶. Это исключало диалог цивилизаций.

В ряде аспектов Бокль, ярко выраженный колониальный мыслитель, оценивал индийскую и египетскую цивилизации существенно выше Данилевского⁷⁷. Отчасти поэтому идеи Бокля оказались востребо-

⁷³ Данилевский. 1991. С. 478–479.

⁷⁴ Данилевский. 1991. С. 508.

⁷⁵ Данилевский. 1991. С. 472, 99.

⁷⁶ Данилевский. 1991. С. 472, 477–478, 508.

⁷⁷ Бокль. Т. 1. 2000. С. 58.

ваны при формировании цивилизационного сознания в Индии, а идеи Данилевского мало известны за пределами России⁷⁸.

* * *

Идея цивилизации в XIX в. оказалась в центре борьбы за влияние в Европе и мире. Выступая как эталонная ценность, эта идея трансформировалась в рамках преемственности, пусть негласной, в условиях конкуренции близких смыслов и обмена ими. В процессе ее трансфера факт нарастания связанности системы европейских государств и сознательное принятие/отторжение этой связанности проявлялись по-разному. Ситуация связанности была быстро осознана и постоянно переосмыслялась и реконструировалась. Авторы из разных стран акцентировали те связи, в которых были заинтересованы (Франция и Англия, Германия и Россия) и игнорировали те, которые казались им неприемлемыми. Это помогало выделять самоидентификацию и управлять каналами коммуникаций, выделяя значимого Иного по контрасту с отвратительным Иным. Такие отношения не были симметричными: Гизо и Рюккерт больше заинтересованы в возвышении образов Англии и России, чем Бокль и Данилевский – образов Франции и Германии. Манипулирование символами связанности быстро приняло откровенно конструкционистский характер. Например, понятие *самобытности цивилизации* употреблялось Боклем и Данилевским в совершенно разных целях: для утверждения идей либерализма первым и охранительности – вторым. Это показывает смысловую нейтральность самого концепта. Можно говорить о возникновении в XIX в. стратегии связанности/дистанцирования, в которой использовались символы тождества и противопоставления, причем не только образов стран и культур, но и принципов их конструирования.

Трансфер XIX века резко отличается от современной ситуации слабая связанность внутри научного сообщества, прежде всего отсутствие ссылок и ориентации на научный диалог как идеал. Но изощренность методов манипулирования образами связанности/дистанцирования, особенно у Бокля с его подвижной, многоуровневой системой сравнения культур, сближает конструктивистские техники XIX и XXI вв., в частности, говорит о зарождении мультиперспективистских, управляемых метафизических схем. Поэтому, несмотря на различия, в трансферах XIX в. можно увидеть и ранние истоки современных изощренных стратегий связанной и перекрестной истории. Стали нормативными составные образы в области культуры («европейская цивилизация»). У Г. Рюккерта (но не у Н.Я. Данилевского) родилась мысль о глобальной

⁷⁸ Левин З.И. 1993. С. 191.

связанности («совечности») великих культур. В результате произошел перелом: списки локальных цивилизаций, которые с конца XVIII в. неизменно сужались, вновь стали расширяться, что повышало интерес к изучению истории самых разных стран.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амирхан Ф.* Избранное. Рассказы и повести / Пер. с тат. Г. Хантемировой. Вступ. статья Л. И.Климовича. М.: Художественная литература, 1975. 320 с.
- Аришин А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я.Данилевского. М.: Издательство ТОО Интелтех, 1996. 478 с.
- Бокль Г.Т.* История цивилизаций. История цивилизации в Англии. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000; Т. 2. М.: Мысль, 2000. 512 с.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. 416 с.
- Гудков Л.* Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследования // Пути России. Будущее как культура. Прогнозы, репрезентации, сценарии / Под ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение, 2011. С. 31-69.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
- Делез Ж.* Логика смысла // *Делез Ж.* Логика смысла. Фуко М. *Theatrum Philosophicum*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Деррида Ж.* Позиции. Беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаном-Луи Удбином, Ги Скарпетта. М.: Академический проект, 2007. 160 с.
- Заиченко О.В.* Образ России в Германии в первой половине XIX века: (На материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. М.: Наука, 2001. Вып. 2. С. 92-109.
- Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Ионов И.Н., Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб.: Алетейя, 2002. 384 с.
- Клементьев А.А.* «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского в истории русской философской мысли. Дисс. канд. филос. наук. Челябинск, 2006. 185 с.
- Костомаров Н.И.* Начало единодержавия в древней Руси // Исторические монографии и исследования Н. Костомарова. Т. XII. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872. 462 с.
- Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. А. Костиковой. Харьков: Ф-Пресс, ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.
- Левин З.И.* Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX–XX вв. М.: Наука. Восточная литература, 1993. 245 с.
- Миль Д.С.* Очерки и лекции Гизо по истории // *Миль Д.С.* Рассуждения и исследования политические, философские и исторические. В 2 ч. Ч. 2. Вып. 1. СПб.: Типография А.С. Голицына, 1865. С. 87-126.
- Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.
- Соловьев Е.* Предисловие // *Бокль Г.Т.* История цивилизаций. История цивилизации в Англии. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 7-20.

- Философия Герберта Спенсера в сокращенном изложении Герберта Коллинза. СПб.: Ф. Павленков, 1897. VIII, 472 с.
- Assmann J.* Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories / Ed. A. Assmann, S. Conrad. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121-137.
- Bénéton P.* Histoire des mots: culture et civilisation. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1975. 164 p.
- Burckhardt J.* Weltgeschichtlichen Betrachtungen. Historische Fragmente aus dem Nachlass / Hgs. A. Oeri, E. Dürr. Stuttgart: Deutsche Verlag Anstalt, 1929. XII, 495 p.
- Conklin A.L.* A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa 1895-1930. Stanford: Stanford University Press, 1998. 367 p.
- Curthoys A., Lake M.* Introduction // Connected Worlds History in Transnational Perspective / Ed. by A. Curthoys, M. Lake. Canberra: ANU E Press, 2005. P. 5-10.
- Hall C.* Civilising Subjects: Metropole and Colony in the English Imagination 1830-1867. Chicago: Polity Press; University of Chicago Press, 2002. 556 pp.
- Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law. 1870-1960. Cambridge University Press. 2000. xvi + 569 pp.
- MacMaster R.E.* The Question of Heinrich Ruckert's Influence on Danilevsky // The American Slavic and East European Review. 1955. Vol. XIV. № 1. February. P. 51-66.
- Pitts J.* A Turn to Empire. The Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton, Princeton University Press, 2005. 392 p.
- Rothberg M.* Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford: Stanford University Press, 2009. 408 p.
- Rückert H.* Lehrbuch der Weltgeschichte in Organischer Darstellung. 2 Bde. Bd. I. Leipzig: Weigel, 1857. 813 pp. Bd. II. Leipzig: Weigel, 1857. 946 p.
- The Cultural Gradient: The Transmission of Ideas in Europe, 1789-1991 / Ed. C. Evtuhov, S. Kotkin. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 2003. 324 p.
- Werner M., Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30-50.
- Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. 505 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; ionov@mail333.com

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

А. Ю. СЕРЕГИНА

«КАТОЛИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» НАЧАЛА XVII в. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЙСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА*

Статья посвящена составленному в начале XVII в. английским католиком сборнику по полемическому богословию, хранящемуся в Бодлеянской библиотеке Оксфорда. Анализируется текст рукописи, его структура и функции, определяются его авторы/составители. Исследуется канон богословов, включенных в «энциклопедию», способы формирования традиции, связывавшей древних апологетов христианства с английскими католиками XVI в., клириками и мирянами, а также формирование памяти о преследовании «новых святых и исповедников», создание исторического канона английского католического сообщества.

Ключевые слова: английские католики, Томас Трешэм, полемическое богословие, историческая память.

XVI – XVII столетия, эпоха, в которую в ходе ожесточенных полемических кампаний взамен единого христианского мира Западной Европы формировались различные христианские идентичности, создала огромный корпус текстов, так или иначе связанных с конфессиональными спорами и очерчивавших границы конфессиональных сообществ – вероисповедные и исторические.

Первые десятилетия существования гонимого католического сообщества в протестантской Англии (с 1558г.) ознаменовались формированием обширного корпуса полемических текстов. Печатные тексты уже достаточно давно пользуются вниманием историков и других специалистов; им посвящены подробные каталоги¹. Рукописные же тексты, составленные английскими католиками, до сих пор остаются малоизученными². Отчасти причиной тому – относительное невнимание к «непротестантской» составляющей английской истории, считавшейся маргинальной вплоть до последних двух десятилетий. Кроме того, культуры рукописных текстов, циркулировавших в Европе после изобретения книгопечатания, лишь в последнее время удостоились внимания исследова-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 10-01-00403а).

¹ Allison, Rogers. 1994.

² О циркуляции в среде английских католиков рукописных текстов и их функциях см., например: Kilroy. 2005; Crick, Walsham. 2004; Jones, Walsham. 2010.

телей. Между тем в XVI и как минимум в начале XVII в. рукописные тексты играли немаловажную роль, хотя бы потому, что рынок рукописных книг и памфлетов регулировался гораздо менее жестко, чем рынок печатной продукции (или не регулировался вообще). Это обстоятельство имело большое значение для тех групп, которые в силу религиозных и/или политических взглядов находились в оппозиции правительству.

Рукописные книги примечательны и тем, что среди авторов сочинений на религиозные сюжеты – много мирян, ведь рукописные книги не должны были получать одобрения церковных властей для того, чтобы появиться в свет. Сочинителям требовалось лишь оплатить изготовление копий переписчиками. Применительно к английским условиям XVI–XVII вв. рукописи, составлявшиеся мирянами, отражают степень усвоения последними приоритетов пост-Тридентского католицизма, принесенных в страну священниками-миссионерами. При этом степень *не*-изученности английских католических рукописей такова, что имеет высокую познавательную ценность выявление и анализ каждого текста.

Данная статья представляет исследование уникальной рукописи начала XVII века, посвященной важнейшим вопросам полемического богословия. Составители этой коллекции представили читателю сборник цитат из древних и современных им богословов, конструируя при этом виртуальное интеллектуальное сообщество, в котором теологи прошлого соединялись с англичанами XVI столетия. В статье проанализирован сам текст, его структура и функции, предпринята попытка установить его авторов/составителей. Кроме того, исследован канон богословов, включенных в «энциклопедию», его функции и способы формирования традиции, связывавшей древних апологетов христианства с английскими католиками XVI в., клириками и мирянами, а также формирование памяти о преследовании «новых святых и исповедников», создание исторического канона английского католического сообщества.

Рассматриваемый рукописный сборник был подготовлен в самом начале XVII в. Вплоть до 1968 г. он принадлежал семейству Браденелл из Норхемптоншира, потомкам известного католического рода, а потом был продан на аукционе Сотби³ и теперь хранится в Бодлеянской библиотеке Оксфорда (MS Engl. Th. B. 1–2). Два огромных тома *in folio* (836 и 948 стр. соответственно) представляют собой своего рода «католическую энциклопедию», или пособие по полемическому богословию. Ее разделы, организованные в алфавитном порядке, посвящены богословским вопросам, вызывавшим ожесточенные споры (например, «евхари-

³ O'Leary. 1968.

стия», «месса», «святыя», «почитание мощей»). Материал каждого раздела выстроен по одной формуле: сначала следуют цитаты из Библии, затем – ссылки на постановления соборов, и в конце – цитаты из трудов Св. Отцов и авторитетных богословов, в том числе и авторов XVI – начала XVII в. Судя по времени публикаций трудов, а также упоминаемых событий, работа над рукописью велась в 1604–1609 гг. Она была переписана по заказу кого-то из членов семьи Брэдэнелл или их родственников Трешэмов (том II содержит экслибрис сэра Томаса Трешэма⁴, чья дочь Мэри была замужем за Томасом Брэдэнеллом) и так и не закончена: часть инициалов, украшающих начало каждого раздела, отсутствует, часть разделов (например, о спасении, II, f. 600–669) не завершена, а некоторые (искупление греха, II, f. 670–672) оставлены пустыми.

Автор скрывается за псевдонимом «Томас Джолет». Дж. Килрой – единственный исследователь рукописи – считает составителем энциклопедии сэра Томаса Трешэма, известного своими богословскими познаниями. Однако Трешэм умер в 1605 г., и его кончина упоминается на страницах рукописи⁵, поэтому если он и был автором сборника, то, безусловно, не единственным. Килрой предполагает, что после смерти Трешэма его дочь Мэри или зять Томас Брэдэнелл собрали оставленные им материалы и завершили работу⁶. Однако внимательное прочтение рукописи позволяет предложить еще одного возможного составителя, который завершил работу над «энциклопедией», вероятно, по просьбе наследников Трешэма, а также точнее датировать сборник.

Так, в разделе об отцах церкви упоминается книга английского богослова Теофила Хиггонса, посвященная обстоятельствам его обращения в католичество. Она была напечатана в 1609 г.⁷ Чуть выше в том же разделе богослов-иезуит Роберт Парсонс упоминается как еще живущий автор. Парсонс скончался летом 1610 г. Таким образом, «католическая энциклопедия» Трешэма могла быть завершена в течение относительно небольшого периода 1609 – начала 1610 г. А в разделе, посвященном заслугам⁸, среди современных богословов упоминается и книга «автора», датированная 1608 г.⁹ В каталоге сочинений английских католиков этого периода можно найти не так много трудов, подходящих к этой краткой ссылке. Однако там упоминается вышедший в Париже в 1608 г. англий-

⁴ О сэре Томасе Трешэме см. Серегина. 2011.

⁵ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f.571; 2, f.404.

⁶ Killroy G. 2005. P.13–14.

⁷ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f.581. Речь идет об издании: *Higgons T.* 1609.

⁸ Bodleian Library, MS Engl.Th.2, f.185–206.

⁹ *Ibid.*, f.202.

ский перевод «Диалогов» папы Григория Великого, к которому был присоединен «Краткий трактат о различных чудесах, из трудов Св. Августина»¹⁰. Это издание вполне может иметь отношение к нашей ссылке поскольку способность святых творить чудеса в католической традиции объясняется действием – и проявлением – благодати, дарованной им Богом в ответ на их заслуги. Автор сочинения – памфлетист и переводчик, уроженец Саффолка Филипп Вудворд (1557–1610). Он родился в семье дворян-католиков и учился в Кембридже, в 1580 г. эмигрировал и продолжил образование в английских коллегиях в Реймсе и Риме, а в 1587 г. был рукоположен в священники и отправлен в качестве миссионера в Англию. В начале 1590-х гг. Вудворд вернулся в Рим и оставался там в качестве секретаря кардинала Уильяма Аллена до смерти последнего в 1594 г., а затем вновь уехал в Англию. Следующие 10 лет он провел в миссионерской работе, но в 1604 г. был арестован и выслан из Англии. До 1606г. Вудворд преподавал в коллегии Дуэ, но затем опять вернулся в Англию. Новому аресту он подвергся в мае 1610 г., а в июле был опять выслан из страны. Ненадолго остановившись в Дуэ, 3 сентября 1610 г. Вудворд отправился в Рим, но по дороге заболел и умер в Лионе¹¹.

Из приведенных биографических сведений явствует, что Вудворд был в Англии в 1607 – начале 1610 г. и мог работать над собранным Трешэмом материалом по поручению Мэри Брэднелл. А внезапный арест и вынужденный отъезд Вудворда из страны объясняет, почему сборник остался незаконченным.

Текст максимально приспособлен для практического использования. Каждый раздел включает в себя набор цитат из Писания, решений соборов и богословских сочинений. Все они обосновывают – или призваны обосновывать – католическое учение по соответствующему вопросу. Автор порой добавлял свои толкования тех мест, какие могли показаться сложными для мирян. За цитатами следовали краткие ссылки на мнения «еретиков» – протестантов. Подобная организация текста указывает на цель его создания. Английские церковные суды обладали правом вызывать любого совершеннолетнего католика, мужчину или женщину, и потребовать от них участия в диспуте с протестантским священником¹². Поэтому представление о догматических различиях между конфессиями, а также об основах полемического богословия было важно для мирян. Сэру Томасу Трешэму приходилось участвовать в подобных богослов-

¹⁰ The Dialogues ... 1608; Allison A.F., Rogers D.M. 1994. Vol.II. P. 167, no.838.

¹¹ Russell G.H. 1950. P. 14-24; Ansruther G. 1976. P. 386.

¹² См. Questier M.C. 1996. P. 154-156. О других рукописных наставлениях, составленных мирянами-католиками с той же целью см.: Серегина. 2010b. С. 186-200.

ских диспутах¹³, и поэтому он, вполне вероятно, желал оставить своей дочери пособие, руководствуясь которым она могла бы с честью выйти из такого испытания.

Корпус авторов, процитированных Трешэмом и Вудвордом, весьма обширен, что объясняется как разнообразием рассматриваемых богословских вопросов, так и приоритетами полемического богословия раннего Нового времени (о чем речь пойдет ниже). Поскольку речь идет о богословии, из античных авторов–нехристиан лишь в разделе о Боге упоминаются Платон, Плотин, Аристотель и Порфирий¹⁴. Присутствуют также цитаты из Иосифа Флавия¹⁵ и Филона Александрийского¹⁶. Большая часть цитат по очевидным причинам приходится на сочинения отцов церкви, древних учителей церкви и первых христианских апологетов, историков ранней церкви и святых пап первых веков. Самыми популярными авторами среди них – Св. Амвросий Медиоланский, Бл. Августин, Св. Иоанн Златоуст, Св. Киприан, Св. Иероним, Св. Кирилл Александрийский, Св. Григорий Назианзин, и Св. Григорий Великий. Их имена присутствуют практически в каждом разделе «энциклопедии»¹⁷. Читатель встречает здесь также Свв. папу Льва I, Феодорита, Иоанна Дамаскина, Максима Ноланского, Василия Великого, Иренея Лионского, Св. Игнатия Антиохийского, Климента I Римского, Афанасия Великого, Кирилла Иерусалимского, Исидора Севильского, Проспера Аквитанского, Дионисия Ареопагита, Григория Нисского, Юстина Мученика, Феодора, Винсента Леринского, Пакиана, Епифания, Руфина Аквилейского Илария, Оптата, Никифора Константинопольского, Поликарпа Эфесского, Ефрема Сирина, Паулина Аквилейского, Фульгенция, Иоанна Кассиана, Евхерия Лионского, Прокопия Газского, Дидима Александрийского, Прокла Константинопольского и Иоанна Климаха (Лествичника)¹⁸.

Присутствуют и ссылки на христианских историков и писателей Созомена, Сократа Константинопольского, Евсевия Кесарийского, Тертуллиана, Кассиодора, Оригена, Лактанция, Феофила Александрийского, Юлия Фирмика, Сальвиана, Пруденция, Сульпиция Севера, а также свв. пап Виктора, Геласия, Дамазия, Иннокентия I, Урбана, Кая, Агата,

¹³ British Library, Harleian MS 859, f.456.

¹⁴ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f. 642.

¹⁵ Ibid., f.81.

¹⁶ Ibid., f.76.

¹⁷ В качестве примера можно привести раздел о крещении (том I, ф. 56-73).

¹⁸ Самая длинная подборка цитат из всех этих авторов – в разделе о евхаристии (том I, ф. 313-464).

Адриана, Фабиана, Мельхиада, Корнелия, Пелагия, Маркелина, Лиина, Анаклета, Сотера, Луция, Пия, и Александра¹⁹.

Заметный акцент составителей на сочинения восточных отцов церкви объясняется способом ведения полемики с протестантами: протестантские богословы считали католическую традицию средневекового богословия безнадежно испорченной и предпочитали ссылаться на ранних авторов и богословов, предпочтительно не связанных с Римом. Католические полемисты, в свою очередь, старались побить оппонентов на их же поле – эту тенденцию и отражает «энциклопедия».

Корпус используемых составителями средневековых текстов, напротив, не отличается широтой охвата, и здесь важно выявить критерии отбора. В «энциклопедии» присутствуют средневековые историки. Как и следовало ожидать, английские среди них доминируют: тут и Беда Достопочтенный (который фигурирует в тексте и как богослов и экзегет), и Гильдас, и Гальфрид Монмутский, и Уильям Мальмсберийский. Однако это далеко не счерпывающий список английских историков; подобный выбор можно объяснить тем, что именно эти авторы много говорят об обращении Британии и Англии в христианство²⁰. Появление других имен историков подтверждает впечатление о том, что они в данном случае интересны только в качестве составителей рассказов об обращениях народов в христианство. Среди них – многократно упоминаемый Адам Бременский, а также Павел Диакон и популярные в XVI в. авторы многократно переиздававшихся всемирных историй – Марианн Скот (XI в.) и Вернер Ролевинк (XV в.; картузианский монах из Кёльна)²¹.

Примечательно также присутствие цитат из трудов византийских богословов и историков – Леонтия из Неаполя Кипрского, патриарха Германа Константинопольского, Николая Кавасилы, Никифора Григоры и Иоанна Зонары. Эти труды были давно известны на западе в латинских переводах и неоднократно издавались в XVI в., так что их можно было считать частью корпуса западной богословской мысли. Кроме того, внимание к византийским авторам отражало желание составителей сборника подчеркнуть единство восточного и римского богословия по основным вопросам (например, о понимании таинства евхаристии), не оставляя тем самым опоры для протестантской мысли.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f. 226-228. Об использовании исторических повествований о крещении Британии/Англии в религиозной полемике см. *Серегина*. 2007. С.389-411.

²¹ Подборка цитат из исторических сочинений присутствует, главным образом, в разделе, посвященному обращению в истинную веру (том I, f.221-252).

Еще одну группу – впрочем, не слишком многочисленную – составляют канонисты. Среди них Грациан (он упоминается чаще всего), а также папа Иннокентий III, чье имя появляется в тексте всего пару раз, и испанский канонист XIV в. Алваро Пелайо (Алварус Пелагус)²², корпус сочинений которого был издан только в XVI в. и пользовался в это время большой популярностью. Остальные авторы – богословы и/или библейские комментаторы: Алкуин, Рабан Мавр, Хаймо Гальберштадский, Ремигий Оксеррский²³, а также позднейшие богословы-схоласты, набор имен которых вызывает наибольший интерес. Среди них предсказуемо появляются все величайшие богословы схоластики: Альберт Великий, Дунс Скот и, конечно же, Фома Аквинский, чьи произведения и цитируются чаще, чем сочинения любого другого средневекового автора²⁴.

Помимо них, большое внимание уделено представителям ранней схоластики, в трудах которых отчетливо присутствует влияние платонизма – Гуго Сен-Викторский и его ученик Ричард Сен-Викторский, Бернард Клервосский и Бонавентура (два последних по частоте цитирования уступают только Фоме Аквинскому), а также Ансельм Кентерберийский и Ланфранк Кентерберийский²⁵.

Представителей поздней схоластики XIV–XV вв. составитель «энциклопедии» практически игнорирует за одним весьма важным исключением. Это – Жан Жерсон, умеренный номиналист, который также испытал воздействие платоновской традиции (в частности, Бернарда Клервосского и школы Ричарда Сен-Викторского)²⁶. Другие позднесредневековые тесты тоже принадлежат либо номиналистской (Дуранд), либо неоплатонической традиции (Дионисий Картузианец, кардинал Виссарион)²⁷. Ряд авторов был крайне популярен в XVI в. по другим причинам. Автора известного сборника житий святых Якова Ворагинского критиковали многие католические ученые XVI в.; но его проповеди оставались популярными и переиздавались на протяжении столетия. Библейские комментарии Николая Лирийского были одним из стандартных учебных текстов. Труды Николая Кузанского представляют

²² Bodleian Library, MS Engl.Th.2, f.929.

²³ Ibid., I, 129, 412 passim.

²⁴ Ibid., 395, 415–417, 407 passim.

²⁵ Ibid., 563 passim.

²⁶ Ibid., 283 passim.

²⁷ Дуранд из Сен-Пурсена (1275–1334) – французский богослов-доминиканец. Bodleian Library, MS Engl.Th.2, f. 447 passim. Дионисий Картузианец (1402–1471) – фламандский богослов, полемист и мистик; Василий Виссарион (1403–1472) – кардинал, богослов-неоплатоник, переводчик «Метафизики» Аристотеля на латинский язык.

собой вариант мистического богословия, также привлекавшего большое число читателей в XVI в.²⁸

По всей видимости, в отборе авторов-схоластов отчетливо сказалось влияние редактора, Филиппа Вудворда. Иезуиты XVI века, чья традиция доминировала в Английских коллегиях, где обучался Вудворд, были многим обязаны влиянию парижской школы богословия конца XV – начала XVI в., которая в свою очередь, опиралась на Жерсона²⁹. Кроме того, среди богословов XVI века присутствовало и стремление примирить аристотелианский рационализм (в томистском варианте) с неоплатонизмом³⁰ (*philosophia perennis*). Отсутствие позднесредневековых богословов объясняется и тем, что полемисты XVI–XVII вв. с подозрением относились к тонкостям мысли этого периода, опиравшимся на логические построения и силлогизмы в большей степени, нежели на внимательное чтение Писания. Ссылки на них могли быть уместными в философском сочинении, но не в сборнике по полемическому богословию, в фокусе которого лежали толкования библейских текстов. Кроме того, сказывалась и ориентация на светскую аудиторию, а не студентов, изучающих курс философии и теологии в университете. Ссылки на стандартные учебные тексты, как средневековые, так и современные, в «энциклопедии» почти отсутствуют.

Из современных писателей, следуя тому же принципу, составители отобрали самых известных авторов полемических сочинений и катехизисов, а также гуманистов, обращавшихся к Писанию, прежде всего Эразма Роттердамского³¹ и представителей новой школы библейских экзегетов, использовавших последние достижения гуманистической филологии. В тексте имеются цитаты из трудов иезуитов Роберто Беллармино (упоминается чаще всего среди современников-«иностранцев»), Петра Канизия, Франсиско Толедо, а также кардиналов Казтани и Станислава Гозия, Бартоломе Медины, Жана де Ганьи, Иоганна Экка, Фридриха Стафилуса, Луиджи Липпоманно, Педро де Сото, немецких историков Альберта Кранца и Иоганна Коклея³².

²⁸ Яков Ворагинский (ок. 1230–1294) – архиепископ Генуэзский, хронист, агиограф и богослов; Николай Лирийский (1270–1349) – французский богослов-францисканец, комментатор Библии; Николай Кузанский (1401–1464) – кардинал, немецкий философ и богослов. Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f. 280, 409 passim.

²⁹ The Cambridge History... 1982, особ. ch.42.

³⁰ О *philosophia perennis* см. *Schmidt-Biggemann*. 2004.

³¹ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f. 356 passim.

³² *Роберто Беллармино* (1542–1621) – итальянский иезуит, кардинал, богослов и полемист, автор сочинений по моральному богословию и религиозных наставлений, пользовавшихся популярностью даже у протестантов. *Ibid.*, I, f.427, 523, II, 80

Английских имен в сборнике, естественно, гораздо больше. Составители включили в него ссылки практически на всех английских полемистов-католиков второй половины XVI в., присоединив к ним имена известных историков (Полидора Вергилия, Уильяма Кемдена), а также всех католических епископов времен Марии Тюдор, отказавшихся признать Реформацию Елизаветы I (Катберт Тансталл, Джеймс Турбервилл, Джон Уайт, Томас Уотсон, Томас Тёрлби, Гилберт Бурн, Николас Хит, Ричард Пейт, Катберт Скотт, Томас Голдуэлл, Эдмунд Боннер), кардиналов Реджинальда Пола и Уильяма Аллена³³ (последний фигурирует именно в этом качестве, а не как полемист).

«Энциклопедия» цитирует полемические трактаты Джона Фишера и Томаса Мора, Стивена Гарднера, а также более близких к составителям поколений авторов – Томаса Хескинаса, аббата Джона Фекенхэма, Томаса Хардинга, Томаса Стэплтона, Николаса Сандера, Грегори Мартина, Мэтью Келлисона, Томаса Райта, Лоренса Вокса, Уильяма Рейнолдса, Теофила Хиггонаса, Ричарда Брутона и иезуитов Эдмунда Кэмпiona, Роберта Саутуэлла и Роберта Парсонса³⁴. Последний цитируется чаще всего, а в самом тексте именуется «ученейшим»³⁵.

passim; *Петр Канизий* (1521–1597) – иезуит, миссионер в германских землях, автор богословских и полемических трудов и знаменитого катехизиса. Ibid., I, f.430 passim; *Франсиско Толедо* (1532–1596) – испанский иезуит, кардинал, богослов, комментатор библейских текстов; *Томмазо де Вуо, кардинал Казтани* (1469–1534) – итальянский богослов, полемист и автор популярного комментария к трудам Фомы Аквинского. Ibid., II, 728-729 passim; *Станислав Гозий* (1504–1579) – кардинал, епископ Вармии (Польша), папский легат при дворе императора и польского короля, реформатор церкви и автор полемического сочинения *Confessio fidei christiana catholica*. Ibid., II, f. 702; *Бартоломе де Медина* (1527–1581) – испанский богослов-доминиканец, принадлежал к Саламанкской школе; *Жан де Ганьи* (ум. 1549) – французский богослов, профессор Парижского университета, автор комментариев к Новому Завету; *Иоганн Эжк* (1486–1546) – немецкий богослов, профессор Фрайбургского университета, полемист и автор католического перевода Библии на немецкий язык. Ibid., II, f.630; *Фридрих Стафилус* (1512–1564) – немецкий богослов, обращенный католик, полемист, профессор в университете Ингольштадта. Ibid., II, f.467 passim; *Луиджи Липпманно* (1500–1559) – итальянский кардинал, автор комментариев к Библии и агиографических сочинений. Ibid., II f. 583 passim; *Педро де Сото* (ум. 1563) – испанский доминиканец, исповедник императора Карла V, профессор богословия в Оксфорде в годы царствования Марии Тюдор. Ibid., II, 550 passim; *Альберт Кранц* (1450–1517) – немецкий богослов и историк. Ibid., I, f.785 passim; *Иоганн Коклей* (1479–1552) – немецкий гуманист, полемист и историк, автор биографии Лютера. Ibid., I, f.520 passim.

³³ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f. 83.

³⁴ Ссылки на сочинения английских полемистов присутствуют почти во всех разделах «энциклопедии». Биографические сведения о полемистах и об их сочинениях см.: Серегина А.Ю. 2006. С.65-85, 255-264.

³⁵ Bodleian Library, MS Engl.Th.1, f. 81: 'a notable example of learning'.

«Своим» авторам противопоставлены «чужие», то есть протестанты. Это противопоставление выражено визуально: мнения еретиков приводятся в конце каждого раздела, краткими фразами, отчеркнутыми широкой черной линией, а заголовок «Еретики» дан черными же чернилами. В число «еретиков» входят те, кого сами английские протестанты, прежде всего создатель английского протестантского мифа Джон Фокс, считали своими предшественниками. Это гуситы (Иероним Пражский), лолларды (сэр Джон Олдкасл и Уильям Торп) и европейские протестанты: Ульрих Цвингли, Джон Кальвин, Мартин Лютер, Генрих Буллингер, Теодор Беза, Филипп Меланхтон, Мартин Бucer, Петр Мартир Вермильи, Урбан Регий, Матвей Влах, Андреас Мускулус и Иоахим Вестфальский, а также авторы «Магдебургских центурий» и «Аугсбургского исповедания»³⁶. Но чаще всего упоминаются собственно английские полемисты разных направлений – умеренные пуритане-кальвинисты конца XVI – начала XVII в. Уильям Перкинс, Эндрю Уиллет, Генри Джейкоб, Энтони Уоттон, Эдмунд Банни, Генри Барроу, Томас Картрайт, и их противники Уильям Ковелл, Ричард Филд, Оливер Ормерод, Мэтью Сатклиф, Томас Билсон – а также Ричард Хукер, Томас Мортон, Уильям Миддлтон, полемисты первого елизаветинского поколения (Джон Джуэл, Мэтью Паркер, Ричард Барнс), и протестантские мученики первой половины – середины XVI в. Джон Фрит и Николас Ридли³⁷.

В особом разделе, посвященном «ереси», составители приводят список всех известных учений, осужденных католической церковью, от первых веков христианства до XVI в., тем самым встраивая в эту схему протестантов³⁸. Однако на протяжении большей части текста составители не пытаются указать связь между протестантами и древними еретиками. Напротив, они словно бы отказывают им в истории, стараясь подчеркнуть, что их учения – совсем недавнего происхождения.

В противоположность протестантам английские католики оказываются органической частью сообщества исповедников, свидетельствовавших о своей вере на протяжении столетий. В каждом разделе их имена соединяются с именами отцов церкви и первых святых и мучеников, а присутствие многочисленных греческих имен указывает на вселенский характер этой церкви. И применительно к более позднему периоду английские имена перемешиваются с именами богословов и писателей из многих европейских стран, подчеркивая всеохватность като-

³⁶ Наиболее подробный перечень «еретиков» см. Bodleian Library, MS Engl. Th.1, f. 455-463.

³⁷ Ibid., I, f.463-464 passim.

³⁸ Ibid., I, f.767-817.

лического учения, в противоположность протестантской «схизме». Так выстраивается католическая, наднациональная идентичность.

Однако собственно английская католическая традиция отнюдь не растворяется. Составители прослеживают этапы крещения жителей Британии, а затем Англии (на основе «Трактата о трех обращениях Англии» Роберта Парсонса)³⁹. Эта линия органически связывается с современными им английскими католиками, которые, как и их предки, свидетельствуют о вере своей кровью и страданиями (мученичеством), а также и словом – составляя полемические произведения, или отстаивая свою веру перед протестантами. В разделе о преследованиях (том II) составители проследили историю гонений на христиан, начав с первых веков и завершив ее преследованиями католиков при Елизавете и в начале царствования Якова I, тем самым уподобив последних первым мученикам⁴⁰. Список подвергшихся преследованиям католиков сделан таким образом, чтобы охватить все католическое сообщество. Он выстроен по сословию: в нем присутствуют епископы⁴¹, священники⁴², монарх (Мария Стюарт), титулованные аристократы⁴³, рыцари⁴⁴ и эсквайры⁴⁵; последними идут женщины-дворянки⁴⁶. В списке присутствуют почти все аристократы, пострадавшие за веру: умерший в Тауэре в 1595 г. граф Эрндел, изгнанник граф Уэстморленд, подвергавшиеся арестам графы Саутхэмптон и Десмонд, виконт Монтегю, лорд Вокс и др. За его пределами остался лишь казненный как изменник в 1572 г. граф Нортумберленд (лидер Северного восстания 1569 г.)⁴⁷. А в числе рыцарей и эсквайров немало общих родственников виконта Монтегю, лорда Вокса и сэра Томаса Трешэма – лорд Эрнделл, Уильям Кейтсби, Александр Калперер, Уильям Роупер, Фрэнсис, Джордж и Генри Брауны, Фрэнсис Инглфилд, Томас Фицгерберт, Роберт Тайритт и др.

Итак, мы видим, что составители сборника прославляют не только клириков, но и мирян в качестве «столпов», духовных лидеров английского католического сообщества – мучеников за веру и богословов, преследуя при этом и частную цель – прославление сэра Томаса Трешэма и

³⁹ Ibid., I f. 250.

⁴⁰ Ibid., II, f.375-426.

⁴¹ Ibid., II, f.395-400.

⁴² Ibid., II, f.401-402.

⁴³ Ibid., II, f.403-404.

⁴⁴ Ibid., II, f.404.

⁴⁵ Ibid., II, 405-408.

⁴⁶ Ibid., II, f.413.

⁴⁷ Подробно об английских аристократах-католиках XVI века см.: Серегина. 2010а. С. 119-138.

его родственников. В один из заключительных разделов, где сведены речи, проповеди и отрывки текстов, нацеленных против протестантов (*of things contingent*)⁴⁸, включены речи сэра Томаса Трешэма и лорда Вокса, арестованных в 1580 г. по подозрению в укрывательстве иезуита Кэмпииона и принужденных защищать свою веру и практику *recusancy* от протестантских проповедников⁴⁹, и другие сочинения Трешэма. За ними следуют речи первого и второго виконтов Монтегю, произнесенных в палате лордов⁵⁰, затем речь аббата Фекенхэма (произнесена в палате лордов в 1559г.)⁵¹, а за ними – подборка из полемических сочинений Стивена Гарднера, епископа Винчестерского и другие документы⁵². Все эти тексты могли служить практическим примером того, как может быть построена апологетическая речь в защиту католической веры, на тот случай, если это понадобится потенциальным читателям «энциклопедии». Но они же выполняли и другую роль, фиксируя историю английских католиков, сохраняя для потомков имена мучеников и героев.

«Энциклопедия», составленная с вполне прагматической целью, в качестве удобного пособия по полемическому богословию, выполняла отнюдь не только эту роль. По сути, она формировала исторический канон английского католического сообщества и его историческую память. При этом речь не идет о навязывании канона «сверху» руководителями английской католической миссии. Одним из составителей сборника был мирянин, образованный дворянин, и хотя подготовленные им материалы были позднее обработаны клириком, в них отчетливо прочитываются приоритеты самого Трешэма – в частности, его интерес к истории, семейной и национальной. Таким образом, формирование исторической памяти английских католиков – это «совместный проект», свидетельствующий об определяющей роли диалога духовенства, воспитанного в пост-Тридентских идеалах, и светской элиты католического сообщества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Allison A.F., Rogers D.M. The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. 2 Vols. Aldershot, 1994.
Ansruher G. The Seminary Priests. Vol. I: Elizabethan, 1558–1603. St Edmund's College, 1976.

⁴⁸ Bodleian Library, MS Engl.Th.2, f.821-898.

⁴⁹ Ibid., II, f. 822-839.

⁵⁰ Ibid., II, f.840-843, 845-847. Речь второго виконта Монтегю издана с приложением русского перевода. См. Серегина А.Ю. 2008. С. 342-372.

⁵¹ Ibid., II, f. 851-853.

⁵² Ibid., II, f. 860-878

- Crick J., Walsham A.* (eds). *The Uses of Script and Print, 1300–1700.* Cambridge, 2004.
- The Cambridge History of Later Medieval Philosophy / Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg.* Cambridge, 1982.
- The Dialogues of S. Gregorie the Pope and A Shorte Treatise of Sundry Miracles out of S. Augustine.* Paris, 1608.
- Higsons T.* *The Apology of Theophilus Higsons, Lately Minister, now Catholique.* Rouen, 1609.
- Jones E.A., Walsham A.* (eds). *Syon Abbey and Its Books: Reading, Writing and Religion, c.1400–1700.* Woodbridge, 2010.
- Kilroy G.* *Edmund Campion: Memory and Transcription* Ashgate, 2005.
- O'Leary J.G.* *A Recusant Manuscript of Great Importance // Essex Recusant, Vol. 10* 1968.
- Russell G.H.* *Philip Woodward: Elizabethan Pamphleteer and Translator // The Library, Vol. 5.* 1950
- Questier M.C.* *Conversion, politics and religion in England, 1580–1625.* Cambridge, 1996.
- Schmidt-Biggemann W.* *Philosophia Perennis: Historical Outlines of Western Spirituality in Ancient, Medieval and Early Modern Thought.* Dordrecht, 2004.
- Серегина А.Ю.* *Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв.* СПб, 2006.
- Серегина А.Ю.* *Мифы об обращении Англии в христианство и национальная / конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII в. // Диалог со временем. Вып. 21. М., 2007.*
- Серегина А.Ю.* *Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // Диалог со временем. Вып. 25/2. М., 2008.*
- Серегина А.Ю.* *Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // Адам и Ева. Вып. 18 М.: ИВИ РАН, 2010.*
- Серегина А.Ю.* *Религиозное образование мирян-католиков в Англии конца XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597г.) // Диалог со временем. Вып. 31. М., 2010.*
- Серегина А.Ю.* *Томас Трешэм // Культура Возрождения. Энциклопедия/ под ред. Н.В. Ревякиной. Т. 2. М., 2011.*

Серегина Анна Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; aseregina@mail.ru

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ЭПОХИ РАЗДЕЛОВ

ДИСКУРСИВНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СТРАНЫ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

В статье анализируется опыт польской научной мысли, которая на протяжении более столетия отсутствия Польши на политической карте вырабатывала различные теоретические модели и образы «воображаемой страны». Описывается механизм пространственной фиксации коллективных воспоминаний, формирование «мемориальных ландшафтов», образа «родной земли» как необходимого элемента «национального воображения». Рассматриваются особенности процесса нациестроительства в Польше, по сравнению с другими народами Центрально-Восточной Европы.

Ключевые слова: мемориальный ландшафт, идентичность, историческая земля, «место памяти», нациестроительство, польская национальная память.

В последние десятилетия регион Центрально-Восточной Европы вновь пережил глубокие политические и территориальные трансформации. Ликвидация Хельсинской системы, «Второе национальное возрождение», распад одних и образование других государств привели к тому, что вопрос о легитимности государственных границ вновь оказался чрезвычайно актуальным. В центр политической повестки дня были поставлены характерные для XIX века вопросы, связанные с обоснованием прав наций на свою государственность, выбором типа аргументации в спорах с соседями по поводу владения определёнными землями. Снова становятся актуальными обращения к науке, которую призывают «объективно и точно» указать «подлинные и справедливые» границы. Как тогда, так и сегодня политические (в том числе и военные) акции дополняются дискурсивными стратегиями, призванными показать, что «критика оружием» лишь приводит реальность в соответствие с нормой, обнаруженной при помощи «оружия критики». Вновь приходится делать выбор или искать баланс между требованиями «восстановить историческую справедливость» или исходить из интересов ныне живущих людей и сложившихся реалий, ориентироваться на политические границы прошлого или современные этноконфессиональные реалии.

В этой связи особый интерес представляет опыт польской научной мысли, которая на протяжении более чем столетия отсутствия Польши на политической карте вырабатывала различные теоретические модели и образы «воображаемой страны», солидаризируясь с одними и входя в

противоречия с другими политическими направлениями польского национального движения. Данная статья призвана стать предварительным очерком, обозначающим основные направления анализа этого опыта.

Всякая форма идентичности основана на коллективной памяти, а необходимым условием формирования канона коллективных воспоминаний общности является, их пространственная фиксация, создание «мемориальных ландшафтов»¹. Образ «родной земли» – необходимый элемент «национального воображения». Формирование у массы людей образа пространства национального государства является условием их социализации как граждан. Картографический образ страны, ее современных границ играет одну из главных ролей в повседневной репрезентации нации. Одновременно хронологически упорядоченная последовательность «исторических карт», создаваемых исторической географией, способна создать «политико-биографический нарратив» с «бездонной исторической глубиной»² и обосновать правомерность современных границ. Как отмечает Э. Смит, территория, занятая случайно, превращается, благодаря усилиям исторической географии, в территорию, принадлежащую данной нации в силу исторической необходимости³.

Границы национального государства – результат конструирования. В него вовлечены ученые, политики, военные, активисты национальных движений и другие субъекты. Однако это конструирование не может быть полностью произвольным. Любому национальному движению необходимы основания, обычно – исторические, чтобы утверждать, что именно эта территория должна принадлежать данной нации «по праву». Территория должна восприниматься как «своя», вызывать эмоции, чувства связи, принадлежности, она должна быть носителем определенных значимых воспоминаний. Э. Смит пишет: «Однако создание нации требует особого места, которое нация могла бы населять, “своей собственной” земли. Не какой угодно земли, а исторической земли, родины, земли предков.. В этом ландшафте располагаются такие “места памяти”, как поля сражений и памятники павшим, места заключения мирных договоров, храмы жрецов, места, где нашли последний покой святые и герои, священные обители духов и богов, хранящих эту землю»⁴. Именно они создают эмоциональную связь территории и населяющей ее общности.

¹ Это было показано еще в классических работах: *Halbwachs*. 1941, 1950.

² *Андерсон*. 2001. С. 193.

³ *Smith*. 1999. P. 157.

⁴ Степень насыщенности разных частей реальной или потенциальной национальной территории «местами памяти», значимыми символами национального единства и, следовательно, их значимость для национального самосознания различна. По

Однако не все притязания, опирающиеся на культурную память, могут быть реализованы в конкретных политических условиях. В спорах о государственных границах имеет место «фрейдистская» ситуация столкновения «принципа реальности», опирающегося на сложившийся к настоящему времени этнический и конфессиональный ландшафт, расстановку политических сил и т.д., с «принципом удовольствия», основанным на исторических воспоминаниях, мифах и символах. Особенно острый характер это столкновение приобретает в Центрально-Восточной Европе, где, в отличие от Западной Европы, нацистроительство не опиралось на исторически прочные государственные образования.

В Западной Европе старые монархии уже сформировали «протонациональные связи» (Э. Хобсбаум) – складывающиеся веками чувства коллективной принадлежности. Важнейшим из них является чувство принадлежности к государственно-политическому образованию, связанное с культом святых, святынь, монархов, почитаемых на определенной территории. Поэтому здесь в стратегиях нацистроительства доминируют аргументы, почерпнутые из политической истории, а основным действующим лицом этого процесса становится тандем политиков и историков. Основу культурной памяти составляли события политической истории обладавших древней и устойчивой государственностью общностей. Канон воспоминаний очерчивал пространственные границы, защищенные военно-политическими силами государств, что в итоге привело к преобладанию гражданско-политического типа национализма.

В Центральной, Восточной и Южной Европе многие территории были исторически вовлечены в орбиту различных имперских образований. Поэтому память о политических образованиях, государственности не играла здесь такой значительной роли в процессе формирования наций и определения границ национального государства. Вместо государственного патроната над процессами формирования национальных культур, как это имело место во Франции, Англии, Испании и других западных странах, здесь имело место противодействие этим процессам со стороны имперских администраций, видевших в подъеме национальных идей угрозу целостности государства. Главными фигурами национальных движений становились в таком случае политические активисты, опирающиеся на исследования «пропагандистов-просветителей» в лице лингвистов, этнографов, фольклористов, географов. Основные аргументы при определении государственных границ давали исследования арха-

этому признаку их можно разделить на «сердцевину», «полупериферию» и «периферию» символически освоенного ландшафта (подробнее см.: White. 2000. P. 40-41).

лов распространения языков, этноконфессиональных традиций и т.д., и здесь получил преобладание этнокультурный тип национализма.

Традиция государственности, на память о которой могли опираться национальные движения, в Центрально-Восточной Европе отсутствовала или была давно утрачена. Поэтому выполнение лозунгов «возрождения» государственности, «восстановления» исторической справедливости оказывалось довольно проблематичным. Тех «справедливых исконных границ», к которым следовало вернуться, либо никогда не существовало, либо они входили в вопиющее противоречие с современным политическим, этническим и конфессиональным ландшафтом.

Поэтому анализ путей конструирования образа «родной земли» в Польше периода разделов представляется особенно интересным. Польское нацистроительство опиралось на память о древней и мощной государственности, державе, претендовавшей на гегемонию в Центрально-Восточной Европе. Утрачена эта государственность была практически одновременно с началом процесса формирования современной польской нации в конце XVIII в. В Польше, в отличие от окружающих народов Центрально-Восточной Европы, в основе национальной памяти лежала отнюдь не этноязыковая общность, а память об имперской истории мощного полиэтнического государства и сознание своей исторической миссии. «Польское национальное сознание, – пишет ведущий представитель «варшавской школы истории идей» Анджей Валицкий, — родилось как сознание “исторического народа” – полиэтнического шляхецкого народа, существующего на пространстве значительно выходящем за пределы границ этнической польской территории и определяющего свою идентичность в категориях не этнических, а политических, в качестве исторически сформировавшейся гражданской общности»⁵.

Страна более чем на столетие исчезла с политической карты мира. Поэтому процессы образования нации и формирования национального самосознания проходили на польских землях в специфически неблагоприятных условиях. Именно польским интеллектуалам, ученым, деятелям литературы и искусства принадлежала главная роль в формировании польской национальной памяти и идентичности, распространении национального самосознания среди все более широких слоев населения.

Формирование и поддержание образа польской земли, ставшей частью трех государств, оказалось важнейшей составляющей культурной политики польской интеллигенции периода разделов. «Польша» стала «местом памяти», символом национального самосознания. Представле-

⁵ *Walicki*. 2009. S. 187.

ния о ней формировались различными социально-политическими силами с использованием предоставляемого наукой «символического капитала». При этом на протяжении «долгого польского XIX века» политическая и этническая конфигурация в Европе менялась, развивались национальные движения на землях бывшей Речи Посполитой. Единственным реальным историческим образом Польши, на который могла опираться культурная память и политические программы, была Польша в границах до разделов. Естественным и единственно справедливым представлялось требование восстановления государства в границах 1772 г., но со временем становилось ясно, что это требование практически мало выполнимо, учитывая интересы держав и формирование национального самосознания среди народов, населявших некогда Речь Посполитую. В таком случае необходимо было переходить от культурной политики, основанной на политической памяти государственного прошлого с определенными границами, к политике, основу которой составляли лингвистические и этноконфессиональные аргументы - ее принципы были сформулированы романтиками. Однако это означало отказ от значительной части этнически непольской территории исторической Речи Посполитой.

А. Валицкий писал: «Как известно, романтическая мысль, особенно немецкая, противопоставляла классическому легитимизму, или легитимизму государств, идею легитимизма культурных наций (*narodów kulturalnych*) как неповторимых и незаменимых индивидуумов в составе человечества. В польском контексте эта идея была очень привлекательна, но одновременно очень небезопасна. Немецкие романтики прославляли роль языка в создании наций, особенно народного языка. Польша же перед разделами была полиэтничным и многоязычным государством, объединенным, правда, польскоязычной шляхецкой культурой, но неоднородной на уровне культур этнических. Механическое перенесение на польскую почву романтической концепции «культурной нации» грозило в таком случае свести национальную территорию до этнической»⁶. Это представлялось абсолютно неприемлемым для значительной части политических сил и открывало широкую дискуссию о том, где же находится «настоящая Польша», в какой из исторических периодов своего развития эти границы были более «правильными» и «естественными».

Так были заложены основы для формирования двух моделей польского нацистроительства. «Пястовская» модель опиралась на идею «этнической Польши» и ориентировалась, в первую очередь, на общность языка, религии и самосознания. «Ягеллоновская» концепция культиви-

⁶ *Walicki*. 2009. S. 188-189.

ровала идею политической польской нации, создаваемой польскими политическими институтами в исторических границах I Речи Посполитой до разделов. Члены польской нации должны были быть объединены общими, шляхецкими по своему происхождению, ценностями свободы и исторической миссии вне зависимости от их этнической, языковой и религиозной принадлежности.

Большую роль в формировании польского территориального сознания сыграла литература, особенно поэзия. Была создана богатая образная система, включавшая в себя картины «потерянного рая», «земли страданий и боли, крестов и могил», «земли святой и живительной». Выдающийся польский писатель Юзеф Игнацы Крашевский в 1879 г. призывал польских исследователей писать локальные монографии об отдельных регионах и городах Польши и создать «целостный образ давних земель Речи Посполитой». Великая поэтесса Мария Конопницка в эссе о польской земле, опубликованном в 1906 г., говорила о том, что в то время как территории других европейских государств выходили из первобытного океана в страшных катаклизмах, разрывая земную поверхность на острова и полуострова, польская земля тихо и задумчиво лежала и ждала своего часа, чтобы в одно ясное прекрасное утро спокойно и мирно подняться целиком навстречу солнцу, надежде и будущему.

Однако главная роль принадлежала все же историкам, этнографам и географам. Возникшая на стыке этих дисциплин историческая география создала жанр описаний «давней Речи Посполитой», позволявший говорить о Польше как о едином «природно-географическом» целом, игнорируя границы, проведенные разделами. В учебных и научных сочинениях настойчиво проводилась стратегия дискурсивного конструирования единства территории страны. Означающее «польские земли» не соотносилось с актуальными политическими границами периода разделов и имело в качестве означаемого территорию страны 1772 г.⁷

⁷ Зримым символом этой национальной идеи стала карта Польши Шарля де Пертэ (*Charles de Perthès*) 1773 г., на которой еще не были обозначены границы первого раздела – она представляла Польшу такой, какой она «должна быть», с точки зрения многих последующих поколений поляков. В 1809 г. была опубликована работа выдающегося польского философа, натуралиста и географа Станислава Стащица «О статистике Польши», созданная на основе личных путешествий и наблюдений автора по всей территории Речи Посполитой. Польша описывалась им в естественнонаучных и нейтральных категориях – так, будто никаких разделов не было, и страна продолжает существовать в границах между «35 и 50 градусами долготы и 48 и 56 градусами широты, занимая 21 тысячу квадратных миль...». Автор подчеркивал, что «эта страна имеет естественные границы» от Черного моря до Балтики, она призвана служить защитной стеной Европы (*przedmurze Europy*) от набегов из Азии и объеди-

Для произведений такого рода в первой четверти XIX в. был характерен топос романтических «размышлений над руинами», используемый авторами, описывавшими путешествия по местам древней славы Греции и Рима. Первым в этом роде было опубликованное в Варшаве Томашем Швенцким (Tomasz Świącki) в 1816 г. «Описание древней Польши». Польша предстает в этой книге как земля руин, хранящих память о былой славе. Путешественник выхватывает взглядом и прочитывает эти следы, убеждаясь, что каждая пядь польской земли несет на себе память важных свершений предков. Нет на ней такого места, отмечает автор, «которое не напоминало бы о давней мощи и богатстве»⁸.

В лице наиболее выдающихся авторов география и поэзия иногда объединяли свои усилия. В 1835 г. выдающийся польский географ Винцент Пол (Wincenty Pol) описал свое путешествие по «историческим землям» Речи Посполитой в форме поэмы, которая называлась «Песнь о нашей земле» (первое безымянное издание в Познани в 1843 г.). Он поэтически описал различные регионы Польши, начиная от Литвы и заканчивая Западной Галицией. Произведение было широко известно среди польского населения всех разделов, его называли «поэтической географией и этнографией Польши» и «учебником патриотизма». Эта поэма, как отмечается в современном исследовании по истории польской географии, «...сыграла важную роль в развитии интереса поляков к красотах родной земли. Также она стала одним из основных импульсов для зарождения в Польше краеведческого движения»⁹. Будучи профессором кафедры географии Ягеллонского университета в Кракове, В. Пол ввел в практику выезды студентов на местность для проведения полевых исследований и развития у них «любви к родной земле и природе». Его деятельность быстро получила оценку австрийских властей. Ученый был уволен из университета, а кафедра закрыта.

Выдающийся польский историк Иоахим Лелевель, один из творцов романтической версии польской национальной идеи («концепция Лелевеля-Мицкевича»), в научных работах и политико-публицистических выступлениях уделял большое внимание исторической географии. Находясь в эмиграции в Брюсселе в 1836 г., он опубликовал Манифест, обращенный ко всем полякам. Манифест является хорошим примером описанной П. Бурдые политической стратегии, направленной на завоева-

нять народы в зоне своей «историко-географической ответственности», от Балтики до Черного моря. Работа Сташица стала своеобразной «легендой» карты де Пертэ, представлявшей «воображаемую страну».

⁸ Świącki. 1816. S. II. Цит. по: Dybiec. 2004. S. 256.

⁹ Historia geografii polskiej. 2008. S. 44.

ние власти «легитимной номинации» в том, что касается топонимики и этнонимики. В этом документе подчеркивалось, что в результате тех «четвертований», которым Польша подвергалась многократно, «сегодня поляки различаются навязанными им названиями губерний, галицийцев, Царства Польского, Западной Пруссии, захваченных земель, Вольного города Кракова, Познаньского княжества. Пора покончить с этими названиями, обосновывающими грабеж, совершенный чужеземцами. Целостность народа зависит от его единства и полной сплоченности. Украинец, кашуб, русин, велико- или малополянин, литвин, подолянин, жмудин, мазур, волынянин и любой другой сын давней Речи Посполитой является поляком. Только в этом имени мы видим нашу целостность. Польский народ совершённого с ним разбоя никаким суверенным актом не утвердил, никогда он не потакал мерзкой и отвратительной политике, ищущей вымышленных естественных границ. Свои границы и свою целостность он знает не иначе, как только в том виде, в котором их определило многовековое существование его Речи Посполитой...»¹⁰.

В 1859 г. в Познани вышла работа Лелевеля «География. Описание краев давней Польши». Он отмечал динамику ее границ, их историческую изменчивость. В начале своей истории территория Польши была вынесена на запад. Позднее же, благодаря интеграции с Литвой в единое государство, Польша продвинулась далеко на восток. Лелевель описывал вхождение в состав Польши тех или иных территорий и отделение их со временем. «Хотя он и не подчеркивал этого по политическим соображениям, – отмечает современный исследователь польской культурной политики периода разделов, – но территорию Польши в дальнейшем он рассматривал в ее границах накануне разделов». Это видно в таких же внешне нейтральных как географические констатации Сташица, но полных глубокого политического смысла, хозяйственных данных, приводимых Лелевелем. Бесстрастно, никоим образом не обращая внимания на границы разделов, автор констатирует, что лучшая в Польше рожь произрастает в Литве и на территориях русинов, пшеница – в краковском и сандомирском регионах, просо – на Украине и на Подоле, лен – в Жмуди, Курляндии, в вилкомирском и упитских повятах, а также на Подгуже, а конопля – в Беларуси.

Вторая половина XIX века в истории общественной мысли была ознаменована развитием географического направления как составной части натуралистического течения в общественных науках. Влиянием климата и ландшафта старались объяснить все, начиная от особенностей

¹⁰ Цит. по: *Eberhardt*. 2004. S. 32-33.

живописных школ до межгосударственных отношений. Влиятельным течением в рамках географического направления был географический детерминизм. Его сторонники полагали, что географическое положение и природная среда полностью и однозначно определяют характер общества, его культуру и социально-политический строй, особенности людей и их отношения с окружающим миром. Последователями немецкого географа и этнолога Ф. Ратцеля была создана геополитика, искавшая природно-географические основания международных отношений. Место «народного духа», культуры, языка, самосознания, которые приводились романтиками настроенными мыслителями в качестве обоснования права народов на признание и обретение государственности, заняла природа. Теперь именно она должна была засвидетельствовать «естественность» существования того или иного государства, запечатленность его бытия в самом облике земной поверхности и нерушимость его «натуральных» границ. Одновременно как реакция на крайности географического детерминизма возникло социогеографическое направление, делавшее акцент на тех возможностях, которые климат и ландшафт предоставляют людям. Использование же этих возможностей целиком зависит от человеческой активности и уровня развития общества. Происходил отмеченный Э. Смитом двойственный процесс одновременной историзации природы, с превращением ее черт в объекты национальной гордости, и натурализации сообществ и их культур, представленных в качестве элементов естественно-природного порядка вещей¹¹.

В 1869 г. вышла работа Винцента Пола «Историческая территория Польши». Она стала первым научно-географическим обзором I Речи Посполитой. Основной целью, которую автор ставил перед собой, было довести до сведения держав-участниц разделов, что Польша существует как целостная «прирожденная» единица и может составлять независимую политическую территорию. Интересно, что «естественность» существования Польши автор доказывает сочетанием аргументов из области физической географии с примордиалистски интерпретированными фактами из сферы культуры. Границы Польши очерчивались, с одной стороны, климатически, геологически, типами почв, но прежде всего – речной сетью. Территория исторической Польши (которая трактовалась как северо-восток Европы) простиралась, по В. Полу, от Одры на западе до Днепра на востоке, от Двины на севере до Днестра на юге. Именно здесь возникла польская нация. Речная сеть интегрировала этнические территории Польши, Литвы и Руси, объединила их. С другой стороны, грани-

¹¹ *Smith. 1999. S. 151.*

цы Польши – границы распространения влияния католицизма и польского литературного языка. Белорусский и украинский языки представляли здесь диалектами польского языка, равно как и все региональные диалекты на территории, очерченной указанными реками. В. Пол пишет так:

«литературный язык (język piśmienny) составляет как бы национальную взаимосвязь Польши, Литвы и Руси; сразу же после соединения Литвы и Руси с Польшей литературный язык с невероятной скоростью распространился в повседневном общении (w sprawach potocznych) и в общественной жизни по всей исторической территории Польши. ...Мы можем сказать, что “территория польской литературы” вполне покрывает “территорию польской речи”, и что на этой территории, как на протяжении веков в прошлом, так и сегодня, ни один литературный язык не смог утвердиться и подняться до значения языка такой степени влияния и такой литературы, как та, в которой мы видим польские язык и литературу»¹².

Таким образом, становится понятно, почему работы В. Пола признаются сегодня первыми в польской науке трудами по политической географии, хотя формально они к этому жанру и не относятся¹³.

Во второй половине XIX в. наступил период создания глобальных этнографических работ, призванных собрать, систематизировать и сохранить польскую традиционную культуру, которой угрожали как акции властей государств-участников разделов, так и урбанизация и модернизация общества. Созданную географами и историками рамку целостной и неделимой, несмотря ни на какие разделы, страны пришло время заполнить красочными образами. Особая роль в формировании региональных идентичностей и их интеграции в общепольскую принадлежит выдающемуся польскому этнографу и географу Оскару Кольбергу (Oskar Kolberg). Более 40 лет он вел полевую этнографическую работу на землях бывлой Речи Посполитой. С 1865 г. Кольберг начал издавать серию монографий под названием «Народ. Его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, вкусы, забавы, песни, музыка и танцы». В ней была поставлена задача комплексного описания народной культуры. С 1865 по 1890 г. он издал 12 региональных монографий в 33 томах. Оставленные им материалы для следующих работ были изданы посмертно.

¹² Pol. 1869. S.10, 13. Цит. по: Eberhardt. 2004. S. 41-42. Здесь возникает интересная идейная переключка с философом-романтиком Маурици Мохнацким, который в работе «О польской литературе в девятнадцатом веке» (1830) писал о том, что национальное самосознание проявляется в литературе. Народ для него – историко-культурная целостность, границы которого определяются общей литературой, письменностью и миром художественных образов. Именно влияние литературы доказывает, по Мохнацкому, то, что земли Литвы, Украины и Белоруси являются интегральными частями Речи Посполитой.

¹³ Historia geografii polskiej... S. 45.

Историк, археолог и этнограф Зигмунт Глогер (Zygmunt Gloger) также занимался сбором и систематизацией фольклорных материалов, считая их лучшим свидетельством существования польского народа, несмотря на разделы и гибель государства. Особое внимание он уделял популяризации польского фольклора (в первую очередь песенного) и традиций среди разных слоев населения. В частности, в 1900 г. в Варшаве им была издана литературно-этнографическая антология «Польский год». По четырем сезонам там была представлена польская литература, фольклор, описание обычаев. В начале 1900-х гг. З.Глогер издал «Иллюстрированную старопольскую энциклопедию» в четырех томах, в которой систематизировал старопольскую культурную традицию.

Своеобразным монументом идее целостности исторической Польши стал «Географический словарь Польского королевства и иных славянских стран», который выходил в Варшаве на протяжении 1880-1904 гг. и насчитывал 15 томов. Инициатором и первым редактором словаря¹⁴ стал географ Филипп Сулимерский (Filip Sulimierski). Он же сформулировал идейную программу этого предприятия, которая отсылает нас к концепту «власти-знания» М. Фуко и заключается в том, что земля принадлежит не тому, кто на ней живет, а тому, кто ее знает. Поэтому словарь содержал максимум информации не только географического, но и экономико-статистического характера. Отличительной особенностью этого издания также был показ Польши как исторической целостности, невзирая на границы, проведенные разделами. В нем не формулировались открыто политические цели, однако сам его масштаб, охват территорий и степень подробности в сочетании с упомянутым выше кредо носили характер ясной политической программы¹⁵.

Географами конца XIX – начала XX в. был предложен ряд концепций географического и геополитического характера, призванных обосновать «естественно-природную» обусловленность существования Польши как объективной географической реальности вне зависимости от любых политических обстоятельств и ее роль в мировой политике. Варшавский ученый Вацлав Налковский (Wacław Nałkowski), один из

¹⁴ В 1885 г., успев издать 5 томов, Ф. Сулимерский умер в возрасте 42 лет. Редактором стал историк литературы Бронислав Хлебовский (Bronisław Chlebowski).

¹⁵ Своеобразным продолжением «Словаря», выходявшим фактически параллельно, на протяжении 1895–1904 гг., стал огромный (1200 страниц) труд львовского географа Антония Рэмана (Antoni Rehman). Работа называлась «Земли давней Польши и соседних славянских стран, описанные с физико-географической точки зрения». Польша также рассматривалась им как целостность, разделенная уже на природные, а не исторические регионы, как в прежних концепциях.

наиболее выдающихся польских географов этого периода, разрабатывал свою концепцию своеобразия Польши, начиная с 1880-х гг. В 1887 г. вышла его статья «Польша», в которой он впервые дал географический обзор территории страны, выделил в ней физико-географические регионы без учета границ разделов. Окончательное выражение его теории получила в двух работах автора, опубликованных в начале XX в. – «Материалы к географии земель давней Польши» и «Территория исторической Польши как географическая индивидуальность».

Цель свою он формулировал так: «...te disiecta membra, на которые наша страна в силу исторических катаклизмов оказалась разделена, соединить в единую географическую целостность, единый гармоничный образ с определенной руководящей идеей, заключенный в определенную раму, обозначенный первоначально природой и дополнительно задокументированный исторической деятельностью нашего народа»¹⁶. При этом автор с трогательной серьезностью подчеркивает отсутствие у себя всякой национально-политической ангажированности и строгую приверженность естественнонаучному объективному методу, единственно из которого он и выводит «индивидуальность» Польши.

Главную специфическую черту Польши как «естественной» страны, определяющую ее целостность, он видел в «переходном» характере ее географического положения и климата. Польша является в силу своего географического положения страной, призванной соединять восток и запад Европы, предназначенной для путешествий, открытой для перемещений территорией, на которой черты восточно- и западноевропейской культур плавно переходят друг в друга. Польша – естественная защита Запада от Востока и естественные ворота для Востока на Запад.

Евгениуш Ромер (Eugeniusz Romer) вместо концепции «переходности» Налковского предложил свою концепцию Польши как «моста» между Востоком и Западом. Существование Польши заключено в самой физической природе Европы, и ее возникновение зависит целиком от человеческой воли, которой природа будет помогать. Политическое своеобразие Польши заключается в ее коммуникационной роли, предназначенной ей природой. В отличие от сторонников теории «переходности», в этой роли посредника и коммуникатора Ромер видел не угрозу целостности, а, напротив, источник интеграции польских земель. Его взгляды близки к идеям французской социогеографии. Природа предполагает существование Польши и предлагает людям на этой территории определенные возможности. Однако люди должны правильно исполь-

¹⁶ *Nałkowski*. 1912. S. 7 // Цит. по: *Eberhardt*. 2004. S. 46.

зовать предоставляемые природой возможности и потенциал. Роль моста Польша может выполнять только в границах своей «естественной» территории и только при условии, что люди смогут преодолеть все препятствия, поскольку Польши до сих пор еще ни разу не удалось исполнить эту предназначенную ей географией роль в полной мере. «С каких бы позиций ни оценивать образ Польши в природе Европы, ее следует признать однородной географической целостностью... географическая индивидуальность всегда охватывает территорию, объемлющую по меньшей мере целостность исторической Польши... история Польши всегда шла естественными указанными самой природой земли путями. ...Народы Польши, Литвы и Руси не могут забыть, что они имеют определенную роль в построении монолитной земли, предначертанной самой природой», – отмечал ученый¹⁷.

«Географическо-статистический атлас Польши» Ромера был издан в 1916 г. Ему было суждено сыграть большую роль в истории страны. Атлас представлял Польшу в границах 1772 года и вызвал сильное раздражение правительств стран-участниц разделов. Его распространение ограничивалось в Австрии и запрещалось в Германии и России. Зато в 1918 г. «Атлас» вошел в число официальных документов Версальской конференции, подготовленных для обсуждения польских границ.

Влодзимеж Вакар (Włodzimierz Wakar) в начале XX в., критикуя теории «переходности» и «моста», предложил концепцию «транзитного положения» Польши как основы ее специфичности. Польша лишена естественных границ как с востока, так и с запада. Она представляет собой проездные ворота между Западом и Востоком Евразии.

«Естественность» существования Польши в границах 1772 года получала все больше концептуальных обоснований, но ход истории начал ставить под вопрос идеологию реституции Речи Посполитой. Образ «исторической Польши» был по своей социальной сути шляхецким. Шляхта осознавала себя единым «польским народом» на всей территории бывшей Речи Посполитой. Она создавала образ польской политической нации как «исторического народа», объединенного древней традицией государственности, общими социально-политическими ценностями, сознанием своей миссии в истории, «высокой культурой» и вырабатываемыми ею системами образов, идей и мифологем¹⁸. Однако к концу

¹⁷ Romer. 1912. S. 47-48 // Цит. по: Eberhardt. 2004. S. 52.

¹⁸ Именно поэтому А. Валицкий называет шляхецкий национализм эпохи романтизма хорошим примером того, как народ может быть сконструирован элитой, управляющей общественным мнением при помощи формирования сферы воображения (Walicki. 2009. S. 230). Практически речь здесь идет о конструктивистской

XIX в. стало формироваться самосознание недворянского населения регионов бывшей Речи Посполитой. В связи с этим образ Польши стал меняться. Исследователи начали обращать внимание на этническую принадлежность населения «исторической Польши». Критериями этнической польской принадлежности выступали обычно язык и религия.

Первым определить численность этнического польского населения попытался в 1887 г. географ Эдвард Чиньский (Edward Czyński). С этого времени стало формироваться сознание того, что по демографическим и этническим причинам автоматическая реституция земель «исторической Речи Посполитой», скорее всего, будет невозможна. Стали различать понятия Польши «исторической» и Польши «этнической». При этом первая была в три-четыре раза больше второй.

В конце 1880-х была сформулирована концепция Болеслава Вислоуха (Boleslaw Wyslouch), который предлагал восстановление польского государства в этнических границах без «Восточных окраин» с признанием литовцев, украинцев, белорусов отдельными народами. Эта позиция не нашла тогда понимания и поддержки в польском обществе.

Географ и геополитик Станислав Поплавский (Stanisław Popławski) на рубеже XIX и XX вв. выступил за возвращение будущей Польше западных этнических польских территорий с более гибким подходом к судьбе «восточных окраин». Таким образом, он стоял у истоков «пястовской идеи» польской государственности. Впоследствии она была введена в политическую практику лидером этнонационалистического направления в политической жизни межвоенной Польши Романом Дмовским (Roman Dmowski), который полагал, что приоритетом польского государственного строительства должно быть объединение этнических польских земель, включая и те, которые не входили в состав «исторической Польши». При этом от части исторически польских, но этнически непольских «Восточных окраин» он считал благоразумным отказаться.

Подводя итоги, нам хотелось подчеркнуть продуктивность анализа польского материала для понимания мемориальных механизмов конструирования территориальных идентичностей. Польский пример хорошо показывает, как происходит диалог гражданско-политической и этнокультурной моделей нациестроительства, как осуществляется взаимное переплетение этих двух «идеальных типов» нации, какие трансформации коллективной памяти происходят при этом¹⁹.

модели нациестроительства – задолго до того, как она получит свое имя в дискуссиях второй половины XX в., вызванных работами Э. Геллнера, Б. Андерсона и др.

¹⁹ Наши выводы здесь в общем соответствуют предложенной Я. Пенроуз (Jan Penrose) модели, суть которой заключается в том, что концепция территории и стра-

Кроме того, в методологическом плане изучение подобных сюжетов показывает плодотворность интеграции географических наук, cultural studies и memory studies при изучении образов географического пространства. Это может способствовать формированию геокультурологии как новой перспективной области исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
- Dybiec J.* Nie tylko szablą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej. 1795–1918. Kraków: TERCJA S.C., 2004.
- Eberhardt P.* Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004.
- Halbwachs M.* La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte. Étude de mémoire collective. Paris: Presses universitaires de France 1941.
- Halbwachs M.* La mémoire collective. Paris: Presses universitaires de France 1950.
- Historia geografii polskiej / Redakcja naukowa A. Jackowski, S. Liszewski, A. Richling. Warszawa.: Wydawnictwo naukowo PWN, 2008.
- Nałkowski W.* Terytorium Polski historycznej jako indywidualność geograficzna. Warszawa. Wyd. Towarzystwo Krajoznawcze. 1912.
- Penrose J.* Nations, states and homelands: territory and territoriality in nationalist thought // Nations and Nationalism. 2002. № 8 (3). P. 277-297.
- Pol W.* Historyczny obszar Polski. Kraków. Uniwersytet Jagelloński. 1869.
- Rearick Ch.* Consumer Leisure // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000 / Ed. by P.N.Stearns. Vol. 5. Culture, Leisure, Religion, Education, Everyday Life. Detroit: Scribner, 2001. P. 201-217.
- Romer E.* Przyrodzone podstawy Polski historycznej. Zarzewie, Lwów. 1912.
- Smith A.D.* Nation and Ethnoscape // *Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Święcki T.* Opis starożytnej Polski. T. 1. Warszawa, 1816.
- Walicki A.* Naród i terytorium narodowe w misjonistycznych ideologiach polskiego romantyzmu // *Walicki A.* Kultura i myśl polska. Prace wybrane. T. I. Naród, nacjonalizm, patriotism. Kraków: UNIVERSITAS, 2009.
- White G.W.* Nationalism and Territory. Constructing group identity in Southeastern Europe. Lanham, Oxford, 2000.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора Российского института культурологии; vasal2006@yandex.ru

тегии территориализации лежат в основе любой теории и практики нацистроительства. Причем эти стратегии могут иметь в своей основе две более или менее осознанные концепции связи пространства и нации. Одна говорит о латентной и эмоциональной власти пространства над людьми и трактует нацию как естественный феномен, а другая отдает приоритет государству и политической сфере, которые организуют территорию, осуществляют над ней власть и контроль в интересах формирования и поддержания национального государства (Penrose. 2002).

Н. А. АНТИПИН

50-ЛЕТИЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ 1954–1955 гг.

На примере 50-летнего юбилея Русско-японской войны, который отмечался в СССР в 1954–1955 гг., в статье рассматриваются коммеморативные практики, направленные на формирование, трансформацию, актуализацию и де-актуализацию образов войны в культурной памяти советского общества.

Ключевые слова: образы войны, культурная память, Русско-японская война 1904–1905 гг., коммеморативные практики.

Коммеморация – это сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. Коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий¹. Коммеморативные практики предполагают набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. На примере «отмечания» в 1954–55 гг. в СССР 50-летней годовщины Русско-японской войны можно рассмотреть каким образом актуализировался образ войны и каково было его содержание.

Особенности встраивания опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг. в культурную память российского общества были обусловлены её ходом, результатами и внутривнутриполитическим фоном. На процесс формирования и трансформации образов войны в общественном сознании оказывали влияние последующие события российской истории. Долгое время в советской историографии тема Русско-японской войны занимала маргинальное положение и являлась примером хищнической политики империалистических держав, включая Россию. Русско-японская война активно вытеснялась из коллективной памяти: уничтожались и разрушались места памяти, её затмевала революция 1905–1907 гг.²

Реабилитация Русско-японской войны состоялась в 1945 г., когда советская армия одержала победу над Японией. 3 сентября 1945 г. Сталин провозгласил Днём победы над Японией. Это была победа в полувековом русско-японском противостоянии. В обращении к народу Ста-

¹ См.: Зерубавель. 2004. С. 77; Мегилл. 2007. С. 116.

² См. подробнее: Антипин. 2009б. С. 144–150; Он же. 2010. С. 12–15.

лин связал события начала XX в. с японской агрессией против молодой Советской России и СССР в 1920–1930-е гг.: «Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил», – говорилось в обращении³.

Таким образом, открытое военное противостояние России и Японии, начавшееся в 1904 г., закончилось победой первой в 1945 г. Русско-японской войне был открыт путь к встраиванию в позитивное героическое прошлое. Тем не менее, в 1954–1955 гг. отмечалось не 50-летие Русско-японской войны в целом, а годовщины сражения русских кораблей «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой в корейском порту Чемульпо, обороны Порт-Артура, Цусимского сражения.

Можно выделить разные уровни, способы и формы коммеморации. *Индивидуальный уровень* представлен участниками и современниками – теми, кто на собственном опыте сформировал представления о Русско-японской войне. В 1954 г. инициатором организации памятных торжеств, посвященных 50-летию со дня боя русских и японских военных кораблей в порту Чемульпо, выступил сын капитана крейсера «Варяг» В.Ф. Руднева – Н.В. Руднев⁴. В 1955 г. с письмами к Н.С. Хрущеву и Н.А. Булганину, К.Е. Ворошилову⁵ обратилась вдова писателя А.С. Новикова-Прибоя – М.Л. Новикова. В обоих случаях инициаторы представляли группы ветеранов войны, участников сражения в Чемульпо и у о. Цусима. Однако обращение Новиковой не получило той поддержки, какую имел Руднев. В публикациях и на мероприятиях подчеркивалось, что он сын прославленного капитана: он был живым «местом памяти», связующим звеном с теми событиями, ибо имел генетическую связь с героем сражения. Руднев направил обращения в Совет Министров СССР и ЦК КПСС. Очевидно, ещё до обсуждения вопроса в ЦК и официального решения в Москву прибыли участники боя в Чемульпо. Таким образом, можно говорить, что инициатива исходила от участников войны, которых организовал Руднев, а его инициативу поддержало советское военное командование. Уже 3 февраля 1954 г. в Москву стали съезжаться варяжцы, а 7 февраля в «Комсомольской правде» была опубликована фотография участников боя с Н.В. Рудневым⁶.

³ Сталин. 1948. С. 204–205.

⁴ См.: Пономарев. 1961. С. 53.

⁵ См.: РГАЛИ, ф. 356, оп. 1, д. 152, л. 1–2.

⁶ Пономарев. 1961. С. 56; К 50-летию геройского подвига... 1954.

Официальное санкционирование юбилейных памятных мероприятий на *государственном уровне* произошло 8 февраля, когда на заседании президиума ЦК КПСС обсуждался вопрос о награждении моряков крейсера «Варяг». В итоге постановлением президиума ЦК КПСС признавалось целесообразным награждение матросов крейсера «Варяг» и назначение им персональной пенсии. По следам постановления ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. принят указ Верховного Совета СССР о награждении медалью «За отвагу» моряков-участников боя у Чемульпо, и 9 февраля – постановление Совета Министров СССР о назначении им пожизненной персональной пенсии в размере 600 рублей в месяц⁷.

В 1954–55 гг. коммеморация Русско-японской войны в культурной памяти советского общества проходила в разных формах. Ниже мы рассмотрим практики обращения с культурной памятью и их содержание.

В связи с юбилейными мероприятиями *участники сражений* Русско-японской войны заняли особое место в процессе коммеморации. Ветераны были отмечены правительственными наградами и пенсиями. Официальное признание заслуг и легитимация их подвига в современных условиях наделило их функциями «мест памяти»: они связали собой доблестное прошлое с настоящим временем, передавая героический опыт современному поколению через воспоминания, участие в торжественных мероприятиях и приемах, фотографируясь с молодыми матросами⁸. С другой стороны, советские вооруженные силы присваивали этот опыт, выступая преемниками славных традиций.

В юбилейные годы ветераны войны приняли участие в целом ряде *торжественных собраний, встреч и приёмов*. 9 февраля 1954 г. состоялся торжественный вечер в Центральном доме Советской армии имени М.В. Фрунзе⁹. В собрании принимали участие и выступали с докладами главнокомандующий ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, маршал С.М. Буденный, Н. В. Руднев, матросы крейсера «Варяг». Участникам заседания был показан концерт и кинофильм «Крейсер “Варяг”»¹⁰. К 50-летию Цусимского сражения состоялись собрания в Москве, Ленинграде и Кронштадте¹¹. Самое крупное из них прошло 27 мая 1955 г. в ЦДСА, на котором с воспоминаниями выступили участники боя Н.Н. Зубов, Н.С. Вечеслов, минер броненосца «Суворов» М.Ф. Жильцов, старший кочегар «Алмаза» Ф.М. Федотов, А.В. Магдалинский, кочегар броненосца

⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... Т. 1. С. 19, 24, 881; Т. 2. С. 24.

⁸ Торжественное заседание... 1954; Подвиг «Варяга»... 1954.

⁹ 50-летие героического подвига... 1954.

¹⁰ См. подробнее: Антипин. 2009а. С. 128–130.

¹¹ См.: РГАЛИ, ф. 356, оп. 1, д. 154, л. 12–12 об., 14.

«Адмирал Ушаков» У.Д. Шушаричев, М. Л. Новикова. Доклад о Цусимском сражении прочитал контр-адмирал Н.А. Питерский¹².

Юбилейные мероприятия нашли отражение в *периодической печати*. Они послужили информационным поводом к публикации в различных изданиях статей об истории войны. Первая из публикаций появилась 7 февраля в «Комсомольской правде» – фотография ветеранов с Н.В. Рудневым, а также информация о выставке в ЦДСА¹³. Эта же фотография с указом Верховного Совета СССР и анонсом предстоящих мероприятий, посвященных годовщине сражения в Чемульпо, помещены на первой полосе «Правды» 9 февраля 1954 г.¹⁴ В прочих публикациях многократно повторялась история боя¹⁵. «Неувядаема слава героев, она живет в памяти народа. Десятилетия прошли со дня героического боя у Чемульпо, но самоотверженный поступок экипажей “Варяга” и “Корейца” свято чтут народы нашей страны. Отчизна гордится своими верными, отважными сынами. Подвиг “Варяга” олицетворяет героизм всего нашего народа, который никогда не склонял головы перед врагом, самоотверженно боролся за честь и славу своей Отчизны. <...> Героический подвиг “Варяга” стоит перед нами, как символ величия и воинской доблести», – говорилось в статье адмирала Н.Г. Кузнецова¹⁶, а вслед за ним повторялось другими авторами¹⁷.

Также и к 50-летию Цусимского сражения в различных газетах и журналах страны появилась серия публикаций¹⁸. Примечательна фотография, опубликованная в нескольких изданиях: «Корабли Тихоокеанского флота проходят мимо острова Цусима, где 50 лет назад произошло сражение русской эскадры с японским флотом» (снимок сделан в сентябре 1945 г.)¹⁹. На фотографии запечатлен реванш советского военно-морского флота. Он с триумфом курсирует по тем рубежам, которые некогда стали могилой для русских моряков. Прочие публикации, посвященные Цусиме, это воспоминания участников сражения, статьи с описанием боя, рассказы о героях и ныне живущих ветеранах. Их тон

¹² Там же, д. 157, л. 4–5; 50 лет цусимского сражения. 1955.

¹³ См.: К 50-летию геройского подвига... 1954.

¹⁴ Указ Президиума... 1954б; 50-летие геройского подвига... 1954.

¹⁵ См.: Степанов. 1954б; Пономарев. 1954в; Указ Президиума... 1954а; 1954б. С. 18–19; В. 1954; Шулейкин. 1954. С. 37–38.

¹⁶ Кузнецов. 1954.

¹⁷ См.: Котухов. 1954; Пономарев. 1954б.

¹⁸ См.: Исследователь Арктики. 1955; Участник Цусимского боя. 1955; Костенко. 1955а; Мужество и героизм... 1955; 50 лет цусимского сражения. 1955; Магдалинский. 1955; Встреча с участниками цусимского боя. 1955.

¹⁹ Иллюстрированная газета. 1955; Флаг Родины. 1955.

схож: Цусимское сражение – свидетельство героизма русских моряков, которые в крайне невыгодных условиях, плохо подготовленные, оторванные от основной базы и коммуникаций приняли бой с превосходящими силами противника, опиравшегося на поддержку Англии и США. И вслед за В.И. Лениным авторы заключали, что Цусима показала гнилость режима и катализировала революционные процессы в России.

Медиализация Русско-японской войны происходила и посредством радио и телевидения. Утром 9 февраля 1954 г. на первой программе все-союзного радио в рамках литературной передачи была представлена глава из романа А.Н. Степанова «Порт-Артур»²⁰; вечером по телевидению показан художественный фильм «Крейсер “Варяг”», а после с воспоминаниями выступил бывший машинист крейсера «Варяг» С.Д. Крылов. В воспоминаниях, согласованных с Главлитом, воспроизводится общеизвестная история героического боя русских кораблей с превосходящими силами противника: «Сегодня, когда вся наша страна отмечает 50-летие со дня героического подвига наших моряков, я от имени всех оставшихся в живых варяжцев хочу передать сердечную благодарность Коммунистической партии и Советскому правительству за заботу о нас – простых русских моряках, защищавших Родину»²¹.

27 июня 1954 г. по телевидению транслировался спектакль Киевского драматического театра имени Ивана Франко «Порт-Артур» по пьесе А.Н. Степанова и И. Ф. Попова (постановка 1953 г., режиссер народный артист СССР Г. Юра²²). В это время в связи с юбилейными торжествами к 300-летию воссоединения Украины с Россией театр гастролировал в Москве. После спектакля перед телезрителями выступил писатель А.Н. Степанов, признавший удачной киевскую постановку «Порт-Артура»²³.

В 1953–54 гг. спектакль «Порт-Артур» был также поставлен в театрах Москвы, Ленинграда, Воронежа, Челябинска, Магнитогорска²⁴, Николаева. А.Н. Степанов отмечал, что пьеса «Порт-Артур» не является инсценировкой одноименного романа, а представляет собой самостоятельное литературно-драматическое произведение, написанное на материале и по мотивам романа. Ему пришлось остановиться на основных моментах и придать им драматический характер, ибо сам роман – мас-

²⁰ См.: ГАРФ, ф. Р-6903, оп. 15, д. 186, л. 217–234.

²¹ Там же, оп. 26, д. 37, л. 405 об.–406а.

²² См.: РГАЛИ, ф. 2502, оп. 1, д. 88, б/н.

²³ См.: ГАРФ, ф. Р-6903, оп. 26, д. 39, л. 357–361.

²⁴ Премьера спектакля состоялась 19 марта 1954 г. в Магнитогорском драматическом театре им. А.С. Пушкина, режиссер В. Качирин (ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 49, л. 3, 29; д. 127, л. 111, 112; *Вериковский, Мальшиева, Титов*. 2008. С. 175).

штабное эпическое произведение. Выступая 27 июня 1954 г. по телевидению, автор так выразил quintessence своего произведения: «Русско-японская война началась внезапным, без объявления войны, предательским нападением японцев на стоящую на открытом внешнем рейде порт-артурскую эскадру. В дальнейшем крепость Порт-Артур стала ареной упорнейшей борьбы русской и японской армий. В течение восьми месяцев русская армия противостояла напору численно во много раз превосходящих сил Японии, к тому же прекрасно вооруженных и снаряженных. Отрезанные от суши и с моря, героические русские солдаты отбивались от ожесточенных атак противника. И только наличие во главе обороны коменданта-изменника и его ближайших приспешников, шпионов, предателей и чужестранцев, вроде Фока и Рейса, дали возможность японцам овладеть русской крепостью. Они продали её врагу и сдали ещё боеспособный, преисполненный мужества и отваги гарнизон крепости. В ходе обороны Порт-Артура, как в капле воды, отразилась вся гниль царского самодержавия, с которым безуспешно боролись честные патриоты русский Макаров и украинец Кондратенко. Великий Ленин оценил падение Порт-Артура, как пролог к падению самодержавия, и эта политическая оценка порт-артурской обороны была целиком подтверждена всем ходом истории»²⁵. В этом выступлении концентрированно выразился образ Русско-японской войны, транслируемый разнообразными способами в СССР в юбилейные годы.

О содержании и качестве постановок можно судить по стенограммам заседаний секции театра и кино Комитета по Сталинским премиям в марте 1954 г. и рецензиям в прессе. С.А. Григорьев выделил постановку К.А. Зубова и П. Маркова в Малом театре²⁶. Он же отметил её недостатки: «Во-первых, сама пьеса, с точки зрения драматической, не является тем, что надо: в ней нет развития характеров во времени, нет разворота психологии человеческой во времени. Там такой недостаток, что каждый заявляет о себе, кто он такой, свою биографию, там начинается с того, что сразу сообщается, что вот Борейко – он парень хороший, но пьяница и всё»²⁷. Члены комитета высоко оценили работы К.А. Зубова (роль А.М. Стесселя) и Е.М. Шатровой (роль жены А.М. Стесселя – Веры Алексеевны)²⁸. Другой член комитета П.Н. Крылов так оценил постановку Ленинградского академического театра драмы им. А.С. Пушкин-

²⁵ ГАРФ, ф. Р-6903, оп. 26, д. 39, л. 358–359.

²⁶ Премьера спектакля состоялась 29 июня 1953 г., 17 ноября 1955 г. прошел 200-й спектакль (РГАЛИ, ф. 2502, оп. 1, д. 88, б/н; *Дмитриев*. 1997. С. 157.).

²⁷ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, д. 32, л. 183–184.

²⁸ См.: Там же, д. 33, л. 119–120.

на²⁹: «Из 5 спектаклей, которые я смотрел, “Суворов”, “Угрюм-река”, “Порт-Артур”, это очень рядовые спектакли. И если взять “Порт-Артур” по отношению к Малому театру, это в достаточной степени убогое зрелище и по режиссерской работе. Впечатление такое, что люди как будто играют на совершенно другом материале. Если сравнить Зубова Стесселя здесь и там, это несравнимые вещи, а Шатрову с Вольф-Израэль. А о других я не говорю. Борейко это совершенно раздувшийся дядя»³⁰. Решением Комитета спектакль «Порт-Артур» Малого театра был выдвинут на первую премию, однако Сталинские премии больше не вручались³¹. Участник Русско-японской войны генерал-лейтенант А.А. Игнатьев в своей рецензии высоко оценил постановку Малого театра: «Известно, что самым верным показателем театральной неудачи являлась во все времена, и при всех жанрах, – скука. Но на данном спектакле, начиная с лихой мазурки на балу у коменданта крепости и до трагического конца, т. е. объявления о сдаче японцам этим же комендантом русской твердыни, какой считался Порт-Артур, – ни одной минуты скуки»³².

Работа над спектаклем «Порт-Артур» в Челябинском драматическом театре началась осенью 1953 г. (реж. В. Люце), премьера состоялась 14 мая 1954 г.³³ В рецензии отмечалось, что Русско-японская война – важнейшее событие начала XX в., она ускорила революцию, а падение Порт-Артура – начало падения самодержавия, т.е. воспроизводилась известная оценка Ленина³⁴. По мнению рецензента, в спектакле представлен образ надвигающейся революции, чистые человеческие отношения, подлинный патриотизм, мужественная простота солдатского героизма, «спектакль отображает правоту и величие дела русского народа, во главе с рабочим классом, под руководством Коммунистической партии свергнувшего власть самодержавия и капиталистов и создавшего новое, подлинно народное социалистическое государство»³⁵.

²⁹ Спектакль выдвинут Ленинградским обкомом КПСС. Л.С. Вивьен – режиссер и исполнитель роли Стесселя, Г.В. Иванов – режиссер спектакля, Б.Е. Жуковский – в роли адмирала Макарова, Б.А. Фрейдлих – кн. Кирилла Владимировича, Г.И. Соловьев – японского генерала Танаки (РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 454, л. 56–57).

³⁰ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 2, д. 33, л. 108.

³¹ Там же, л. 124.

³² Там же, ф. 1403, оп. 1, д. 120, л. 2; л. 18 л. 18.

³³ 19 мая 1957 г. спектакль был сыгран в 87-й раз, его посмотрели более 50 тыс. зрителей. Особенно активно он шёл в юбилейные 1954–55 гг. См.: ОГАЧО, ф. Р-1589, оп. 1, д. 49, л. 14; ф. Р-1360, оп. 3, д. 16а, л. 79 об.-151 об.; д. 17, л. 36; д. 17а, л. 212; 22, л. 24 об.; д. 22а, л. 146 об.; 159 об.; д. 25а, 31а.; *Маркова и др.* 2008. С. 442.

³⁴ См.: *Ленин*. 1972. С. 151–159.

³⁵ *Викторов*. 1954.

В 1954–55 гг. в СССР были переизданы популярные художественные произведения, посвященные войне: роман А.Н. Степанова «Порт-Артур» и его рассказ «Трагедия в Чемульпо»³⁶; роман «Цусима» и рассказы А.С. Новикова-Прибоя³⁷. Главные герои романов – мужественные, бесстрашные, самоотверженные русские солдаты, моряки и боевые офицеры. Им противостоит вероломный, хитрый и жестокий противник, который побеждает благодаря бездарности русского командования и неподготовленности России к войне. В произведениях прослеживается и четкая революционная линия борьбы с самодержавием³⁸.

В юбилейные годы были опубликованы воспоминания В.П. Костенко и А.В. Магдалинского о Цусимском сражении, дневник С.А. Рашевского об обороне Порт-Артура³⁹, несколько работ по истории Русско-японской войны⁴⁰. Кроме того, тема Русско-японской войны была представлена в школьных учебниках истории⁴¹. Несмотря на то, что перечисленные издания были ориентированы на разнообразную аудиторию, касались различных сюжетов истории войны с Японией, в них сконструирован общий по содержанию героический образ войны. Публикация дневника С.А. Рашевского также представлена как свидетельство героизма русских воинов и предательства генералов.

Опираясь на статьи Ленина, авторы определяли войну как империалистическую, однако роль России в разжигании конфликта нивелировалась: роль ведущих игроков на восточноазиатской арене приписывалась США и Великобритании, подтолкнувшим Японию к войне с Россией. Япония выступает инициатором войны, так как ей нужен плацдарм на материке. Кроме того, позиции России придается позитивная окраска как защитнице интересов Китая. Дальневосточные события начала XX века связываются с советско-японской войной 1945 г. Таким образом, война 1904–1905 гг. встраивалась в длительный процесс противостояния России и Японии с союзниками. Так война превратилась из империалистической в оборонительную со стороны России.

Образ России и русской армии неоднородный. Выделяется две группы: помещики и буржуазия – с одной стороны, крестьяне и рабочие

³⁶ См.: Степанов. 1954а; Он же. 1955.

³⁷ Новиков-Прибой. 1954; Он же. 1955а; Он же. 1955б.

³⁸ Подробный анализ произведений см.: Гордина. 2010. 76–78.

³⁹ См.: Костенко. 1955б; Магдалинский. 1954. (др. издания 1944, 1950 гг.); Дневник полковника С.А. Рашевского. 1954.

⁴⁰ Пономарев. 1954а; Черменский. 1954; Сорокин. 1954; Он же. 1955. Тем не менее, не всегда автор актуализировал свои исследования посредством обращения к 50-летию описываемых событий. См., напр.: Романов. 1954. С. 63–126; Он же. 1955.

⁴¹ Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт. 1948. С. 24–30, 38–39, 44–45.

– с другой. Первые из них представляются инициаторами империалистической политики царского правительства и угнетают вторых внутри страны. Вторые не заинтересованы в войне, однако они – патриоты, защитники родины, а потому вынуждены сражаться на двух фронтах: внешнем – с японцами и внутреннем – с господствующим классом. Вооруженные силы империи отражают отсталость государства, в армии, как и внутри страны, наблюдается противостояние двух лагерей. Защитники отечества, герои – нижние чины, лучшие представители офицерства, некоторые генералы и адмиралы. Их образ персонифицируется через героические фигуры С.О. Макарова, В.Ф. Руднева⁴², Г.П. Беляева, А.С. Сергеева, Р.И. Кондратенко⁴³, которые опирались на богатые русские военные традиции⁴⁴. Им противостояли «предатели», представители «господствующего класса» Е.И. Алексеев, А.М. Стессель, А.В. Фок и др. Это «бездарные», «тупые» командиры, которые способствовали процветанию в армии «рутины» и «косности», «самодурства» и «канцелярщины». Разнородность командования не позволяла активно действовать и принимать быстрые и адекватные решения⁴⁵. Поэтому, несмотря на героизм русских солдат и матросов, высокий моральный дух, русской армии не удалось одержать победу⁴⁶. Оправдывается и пораженческая позиция большевиков, которые выступали за обращение штыков против внутреннего врага – самодержавия⁴⁷.

Образ врага состоит из трёх действующих лиц – Японии, США и Великобритании⁴⁸. США и Англия выступают главными действующими лицами, они руками Японии ослабляют Россию, чтобы подчинить себе Китай. Япония – это агрессор, который долго и упорно готовился к войне. Японцы наделены чертами вероломства, за ними численное превосходство и выгодная обстановка⁴⁹. Япония – динамично развивающаяся, индустриальная страна, имеющая кадровую армию, не лишённую, однако, недостатков. Победы японцев объясняются в большей мере не подготовленностью войск, а поддержкой союзников, просчётами русского командования, его бездарностью⁵⁰.

⁴² Пономарев. 1954а. С. 36, 48, 59.

⁴³ Сорокин. 1954. С. 149–150.

⁴⁴ Черменский. 1954. С. 18–28, 32–33.

⁴⁵ Сорокин. 1954. С. 29, 36, 42, 70, 162.

⁴⁶ Пономарев. 1954а. С. 10, 62.

⁴⁷ Черменский. 1954. С. 29; Сорокин. 1954. С. 57.

⁴⁸ Пономарев. 1954а. С. 23.

⁴⁹ Там же. С. 61.

⁵⁰ Сорокин. 1954. С. 27, 74, 173.

Репрезентация Русско-японской войны в выставках и экспозициях.

Первая и, очевидно, единственная выставка, посвященная Русско-японской войне, открылась к 9 февраля 1954 г. в ЦДСА (Москва), где проходили торжественные мероприятия. Выставку организовывал ленинградский Центральный военно-морской музей. На ней были представлены фотографии, модели кораблей, награды и подарки, которые герои Чемульпо получали по возвращению в Россию в 1904 г.⁵¹

В 1955 г. в СССР отмечалось и 50-летие революции 1905–1907 гг. 28 декабря 1955 г. в Государственном музее революции в Москве открылась выставка «50 лет Первой русской революции 1905–1907 гг.»⁵² Русско-японская война была представлена в разделе «Политика царского самодержавия накануне революции 1905. Оценка её Лениным», который разрабатывали сотрудники Государственного исторического музея⁵³. Авторы выделили три темы: «Внутренняя политика», «Внешняя политика. Русско-японская война», «Ленинская оценка политики царского самодержавия. Отношение народных масс к Русско-японской войне». В тематико-экспозиционном плане выставки говорилось, что Русско-японская война – результат столкновения империалистических противоречий на Дальнем Востоке, она характеризовалась как захватническая, а заинтересованы в ней были помещики и буржуазия. В ходе войны русские солдаты и матросы проявили героизм и мужество, но цели войны были им чужды. Неудачи на фронте вызвали массовые антивоенные выступления рабочих, крестьян и солдат. «Поражение царизма в войне, явившееся следствием экономической, политической и военной системы, ускорило революцию. Капитуляция Порт-Артура явилась прологом капитуляции царизма», – повторялись слова Ленина⁵⁴.

На выставке экспонировались фотографии представителей международного гарнизона в Пекине после подавления боксерского восстания, панорама и общий вид Порт-Артура, картины В.Ф. Штрауха «Бой “Варяга”», Парчевского (Харьков) из серии «Порт-Артур», С.М. Хинского «Возвращение крейсера “Варяг” после боя», В.С. Бибикова «Крейсер “Варяг”», Киримова – портрет участника боя в Чемульпо на крейсере «Варяг» Шшивнова; фотографии С.О. Макарова и Р.И. Кондратенко, фотомонтаж «Герои Чемульпо», листовки РСДРП «Война началась» и «Товарищи солдаты!», фотографии и картины бастионов Порт-Артура и русского военного флота. Всё это сопровождалось выдержками из статей

⁵¹ К 50-летию геройского подвига «Варяга». 1954.

⁵² РГАЛИ, ф. 2458, оп. 2, д. 720, л. 377.

⁵³ НВА ГИМ, ф. 1, оп. 1, д. 1092, л. 29.

⁵⁴ Там же, д. 1103, л. 30.

Ленина «Падение Порт-Артура», «Самодержавие и пролетариат» и листовок РСДРП⁵⁵. Так, в одном зале соседствовал империалистический и героический образы Русско-японской войны, которые отнюдь не противоречили друг другу, ибо захватническая политика России на Дальнем Востоке, проникновение в Китай, подавление боксерского восстания русскими войсками относилось к правящей верхушке и господствующему классу, а подвиг крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», героическая оборона Порт-Артура свидетельствовали о доблести, отваге солдат и матросов из крестьян и рабочих, которые защищали не царя, а отечество. Если учесть, что выставка была посвящена революции 1905–1907 гг., то воспроизводится конструкция, сложившаяся еще в кратком курсе истории ВКП (б)⁵⁶. Солдаты-герои воевали с внешним врагом, а большевики-революционеры с внутренним – царизмом.

В 1955 г. в Челябинском областном краеведческом музее открылась выставка «50 лет первой русской революции». В ней также шла речь и о Русско-японской войне: «Развязывание революции в России ускорила Русско-японская война – одна из первых войн эпохи империализма. Война обнажила гнилость военной организации и всего государственного строя царской России, вызвала глубочайшее недовольство и возмущение масс»⁵⁷. В качестве ведущего текста использована цитата из статьи В. И. Ленина «Падение Порт-Артура». Авторами выставки было указано, что Челябинск играл роль крупного транспортного центра, оренбургские казаки принимали участие в сражениях, а память о них увековечена установленным в селе Травники обелиском⁵⁸.

Примечательной является Вторая выставка произведений молодых художников Москвы и Московской области, открытая 15 февраля – 15 марта 1956 г. в Москве. На ней экспонировался эскиз фрески Л.Я. Беркмана (р. 1924) «Крейсер “Варяг”», выполненной в Доме офицеров Севастополя в 1955 г.⁵⁹ Севастополь – это памятник героизма и стойкости русских воинов, а также база черноморского флота. В 1954–1955 гг. кроме прочих уже названных юбилеев в СССР отмечалось 100-летие обороны Севастополя. Появление в Доме офицеров изображения крейсера «Варяг» имеет символическое значение – это еще один из многочисленных актов реабилитации Русско-японской войны в истории России, при-

⁵⁵ См.: Там же, л. 8–10, 30, 33–35; РГАЛИ, ф. 2458, оп. 2, д. 719, л. 1, 109, 120; д. 718, л. 1, 8, 16, 20, 25.

⁵⁶ История Всесоюзной коммунистической партии... 1938. С. 52–54.

⁵⁷ Антипин. 2011б. С. 143.

⁵⁸ См.: Антипин, Семенов. 2008. С. 667–669; Антипин. 2011а. С. 183–192.

⁵⁹ См.: Вторая выставка произведений молодых художников... 1956. С. 2, 43.

знание за ней права присутствия в героическом прошлом страны, а также присвоение современным советским флотом героического опыта русских моряков на правах наследников дореволюционных традиций.

Особое место в коммеморации занимают «места памяти» – определенные точки, вокруг которых концентрируется и сохраняется коллективная память⁶⁰. В 1954–1955 гг. произошла актуализация существующих мест памяти Русско-японской войны и создание новых.

На государственном уровне основное внимание было уделено увековечиванию памяти о сражении в Чемульпо. 8 февраля 1954 г. участники сражения посетили с. Савино Тульской области, где похоронен командир «Варяга» В.Ф. Руднев, состоялся траурный митинг⁶¹. Вероятно, в эти дни было принято решение установить памятник командиру «Варяга». Он был торжественно открыт 30 сентября 1956 г. в Туле⁶². В память о подвиге «Варяга» командованием ВМФ было принято решение, что один из современных крейсеров будет носить имя «Варяг»⁶³.

Другой пример актуализации ранее существовавших мест памяти. В 1909 г. в станице Миасской и в 1910 г. в пос. Травники Оренбургского казачьего войска местные жители установили памятники погибшим казакам. После 1917 г. памятники были разрушены⁶⁴. Вопрос о восстановлении обсуждался на заседании бюро Красноармейского РК КПСС Челябинской области 7 апреля 1954 г. Бюро постановило: «Обязать председателя райисполкома Анцелевича восстановить исторический памятник воинам станицы Миасской, погибшим в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Реставрированный памятник установить в сквере перед райисполкомом к 1 сентября 1954 г.»⁶⁵ Очевидно, в это же время был вновь установлен и памятник в с. Травники.

Итак, 50-летняя годовщина Русско-японской войны явилась поводом, который позволил устроить широкую «общественную дискуссию» о месте войны с Японией в культурной памяти советского общества. В результате разрешилась одна из «мемориальных» проблем: сконструирован и легитимирован такой образ Русско-японской войны, который удовлетворял общество и власть с её идеологическим аппаратом. Образ Русско-японской войны транслировался посредством организации торжественных вечеров, приёмов и собраний с приглашением ветеранов

⁶⁰ См.: Нора. 1999. С. 20, 26.

⁶¹ См.: 50-летие героического подвига «Варяга». 1954.

⁶² См.: Пономарев. 1961. С. 57.

⁶³ См.: Кузнецов. 1954.

⁶⁴ См. подробнее: Антитин. 2009в. С. 32–36.

⁶⁵ ОГАЧО, ф. П-1129, оп. 3, д. 3, л. 78.

войны; репрезентации в периодической печати, мемуаристике, художественной, научной, публицистической и учебной литературе; актуализации существующих и создание новых «мест памяти»; а также демонстрации художественного фильма, постановки спектаклей о войне. Содержание и наполнение транслируемого образа войны зависело от формы обращения к культурной памяти и жанра произведения, однако воспроизводимые образные конструкции не противоречили друг другу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 50 лет цусимского сражения // Известия. 1955. 28 мая.
- 50-летие героического подвига «Варяга» // Правда. 1954. 9 февр.
- Антипин Н.А.* Кинофильм «Крейсер “Варяг”»: Визуализация героизма // Тобольск научный – 2009: Мат-лы шестой всерос. науч.-практич. конф., посвящ. памяти А.А. Дунина-Горкавича. Тобольск, 2009а. С. 128–130.
- Антипин Н.А.* Метаморфозы памяти: трансформации образа Русско-японской войны в 1920–1940-е гг. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009б. № 38 (176). Сер. История. Вып. 37. С. 144–150.
- Антипин Н.А.* Образы Русско-японской войны: трансформация памяти, 1904 – начало 1920-х гг. // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: мат-лы конф. (Пермь, Пермский гос. ун-т, 4–8 февр. 2010 г.). Пермь, 2010. С. 12–15.
- Антипин Н.А.* Организаторы госпиталей на Южном Урале во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2012 / сост. Э.А. Абхаликова, Л.А. Величкина, И.Н. Пережогина. Челябинск, 2011а. С. 183–192.
- Антипин Н.А.* Трансформация памяти о Русско-японской войне 1904–1905 гг. на Южном Урале // Наш край: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы науч. студ. конф. 2007–2008 гг. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2009в. С. 32–36.
- Антипин Н.А.* Челябинский краеведческий музей. 1913–1957. Челябинск, 2011б. 224 с.
- Антипин Н. А., Семенов В. Г.* Русско-японская война (1904–1905) // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск: «Каменный пояс», 2008. Т. 5. С. 667–669.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В.* История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 7-е. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Мин. просв. РСФСР, 1948. 408 с.
- В. Матрос* с «Варяга» // Волжская коммуна (Самара). 1954. 25 июля.
- Вершиковский О.И., Малышева Л.Н., Титов В.Л.* Драматический театр им. А. С. Пушкина // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск: «Каменный пояс», 2008. Т. 2. С. 173–178.
- Викторов В.* «Порт-Артур» // Челяб. рабочий. 1954. 3 июня.
- Встреча с участниками цусимского боя // Медицинский рабочий. 1955. 7 июня.
- Вторая выставка произведений молодых художников Москвы и Московской области: Каталог / сост. Е.А. Вишняк, Л.В. Розенталь. М., 1956. 112 с.
- Гордина Е.* «Мы заставим вас копать рылом хрен в огороде...»: Формирование патриотизма в советском военно-историческом романе // Родина. 2010. № 6. С. 76–78.
- Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-6903 «Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию», оп. 15, д. 186; оп. 26, д. 37, 39.

- Дмитриев Ю.А.* Академический Малый театр. Хроникальные очерки, спектакли, роли. 1941–1995. М.: «Искусство», 1997. 462 с.
- Дневник полковника С.А. Рашевского: (Порт-Артур, 1904) / предисл. А.Л. Сидорова; археогр. введ. А.А. Бергман // Историч. архив. 1954. № 10. С. 1–344.
- Зерубавель Я.* Динамика памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 71–90.
- «Иллюстрированная газета». 1955. 25 мая.
- Исследователь Арктики // *Вечерняя Москва*. 1955. 25 мая.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б). М.: «Правда», 1938. 352 с.
- К 50-летию героического подвига «Варяга» // *Комсомольская правда*. 1954. 7 февр.
- Костенко В.П.* К 50-летию Цусимского сражения // *Сов. флот*. 1955а. 27 мая.
- Костенко В.П.* На «Орле» в Цусиме: Воспоминания участника русско-японской войны на море в 1904–1905 гг. Л.: Судпромгиз, 1955б. 544 с.
- Котухов М.* Подвиг героев «Варяга» // *Известия*. 1954. 9 февр.
- Крылов С.* Во славу отечества // 1954а. 9 февр.
- Крылов С.* Подвиг «Варяга» // *Сов. воин*. 1954б. № 2. С. 18–19.
- Крынецов Н.Г.* Славный подвиг русских моряков // *Правда*. 1954. 9 февр.
- Ленин В.И.* Падение Порт-Артура // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1972. Т. 9. С. 151–159.
- Магдалинский А.В.* На морском распутье: Записки участника Цусимского боя. 3-е изд., доп. Ярославль: Ярослав. кн. изд-во, 1954. 180 с.
- Магдалинский А.* Цусимский бой: Воспоминания участника // *Северный рабочий*. 1955. 28 мая.
- Маркова Л.М., Палагина Т.В., Поплавская Т.А.* Театр драмы // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск: «Каменный пояс», 2008. Т. 6. С. 438–445.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология / Пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимошина. М.: «Канон⁺»; РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
- Мужество и героизм русских моряков: К 50-летию Цусимского сражения // *Флаг Родины*. 1955. 27 мая.
- Научно-вспомогательный архив Государственного исторического музея, ф. 1, оп. 1, д. 1092, 1103.
- Новиков-Прибой А. С.* Рассказы. М.: Гослитиздат, 1954. 264 с.
- Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955а. Т. 1–2.
- Новиков-Прибой А. С.* Цусима. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1955б. Т. 1–2.
- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Нора П., Озюф М., Пуимех Ж., Винок М.* Франция – память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Объединенный государственный архив Челябинской области, ф. П-1129 «Красноармейский районный комитет КПСС, с. Миасское», оп. 3, д. 3; ф. Р-1589 «Главное управление культуры Челябинской области», оп. 1, д. 49, 127; ф. Р-1360 «Челябинский государственный драматический театр им. С.М. Цвиллинга», оп. 3, д. 16а, 17, 17а, 22а, 25а, 31а.
- Подвиг «Варяга»: Торжественное заседание в Москве // *Комсомольская правда*. 1954. 10 февр.
- Пономарев И.Г.* Герои «Варяга». М.: Воениздат, 1954а. 104 с.

- Пономарев И.Г.* Судьбы героев: записки журналиста о поиске матросов крейсера «Варяг» и броненосца «Потемкин». Мурманск: Мурманское книж. изд-во, 1961. 160 с.
- Пономарев И.* Героический подвиг русских моряков // Комсомольская правда. 1954б. 9 февр.
- Пономарев И.* Героический подвиг русских моряков // Челяб. рабочий. 1954в. 9 февр.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. 2 изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2004. 1360 с.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958 / гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.
- Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 696 с.
- Романов Б.А.* Портсмутская мирная конференция // Ист. зап. / отв. ред. А. Л. Сидоров. Т. 46. М., 1954. С. 63–126.
- Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 356 «Новиков-Прибой Алексей Силыч», оп. 1, д. 152, 154, 157; ф. 1403 «Игнатъев Алексей Алексеевич», оп. 1, д. 120; ф. 2073 «Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства при Совете министров СССР», оп. 2, д. 32, 33; ф. 2458 «Дирекция художественных выставок и панорам Министерства культуры СССР», оп. 2, д. 718, 719, 720; ф. 2502 «Попов Иван Федорович», оп. 1, д. 88.
- Российский государственный архив новейшей истории, ф. 5 «Аппарат ЦК КПСС», оп. 17, д. 454.
- Сорокин А.И.* Героическая оборона Порт-Артура 1904–1905 гг. М.: Изд-во ДОСА-АФ, 1955. 120 с.
- Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. Изд. 3-е, перераб. М.: Воениздат, 1954. 272 с.
- Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Воениздат, 1948. 208 с.
- Степанов А.Н.* Порт-Артур. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1–2.
- Степанов А.Н.* Трагедия в Чемульпо. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1954а. 56 с.
- Степанов А.* Подвиг «Варяга» // Лит. газета. 1954б. 9 февр.
- Торжественное заседание в Москве, посвященное 50-летию героического подвига моряков крейсера «Варяг» // Известия. 1954. 10 февр.
- Указ Президиума Верховного совета СССР «О награждении медалью «За отвагу» моряков крейсера «Варяг»» // Известия. 1954а. 9 февр.
- Указ Президиума Верховного совета СССР «О награждении медалью «За отвагу» моряков крейсера «Варяг»» // Правда. 1954б. 9 февр.
- Участник Цусимского боя // Сталинская смена (Ярославль). 1955. 26 мая.
- «Флаг Родины». 1955. 27 мая.
- Черменский Е.Д.* Русско-японская война 1904–1905 годов. М.: Изд-во «Знание», 1954. 50 с.
- Шулейкин В.В.* Степан Осипович Макаров. (К пятидесятилетию со дня смерти) // Наука и жизнь. 1954. № 4. С. 37–38.

Антипин Николай Александрович, аспирант Челябинского государственного университета, заведующий редакционно-издательским отделом Челябинского государственного краеведческого музея; antipin87@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е. Б. БАРИНОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ С ЗАПАДНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В статье рассмотрено соотношение мировоззренческих принципов и политической практики Китая в отношениях с соседними государствами и народами Центральной Азии. Внешнеполитические доктрины подготовили теоретическую основу для реализации стратегии распространения политического влияния Китая. Открытие и функционирование Шелкового пути, по которому осуществлялись внешнеполитические контакты со странами Запада, способствовало реальному воплощению этих идей.

Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, домонгольский период.*

Формирование принципов взаимоотношений Китайской империи с ближними и дальними государствами проходило на протяжении нескольких тысячелетий. Характерными для древнего Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого лежит концепция «ди го» – «равных государств», второй базируется на конфуцианской доктрине «мироустроительной монархии», которая рассматривала все другие страны как потенциальных данников Китая.

Доктрина «ди го» получила развитие в периоды Чуньцю (VIII – начало V в. до н.э.) и, особенно, Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Она нашла отражение в традициях школы «цзун хэн», деятельность которой была связана с теорией и практикой межгосударственных отношений. Школа придерживалась принципов даосско-легистского толка, ее учение исходило из практических задач внешней политики, игнорируя любые мотивы, кроме государственной выгоды. Установки школы заложили теоретическую основу для практики заключения союзов «по вертикали» и «по горизонтали». Философ-легист Хань Фэй-цзы (умер в 233 г. до н.э.) писал о характере этих союзов: «Союз “цзун” (“по вертикали”) объединяет многие малые царства для удара по одному сильному, а союз “хэн” (“по горизонтали”) служит одному сильному царству для удара помногим слабым»¹. «Союз по вертикали» как тип межгосударственных соглашений возник на рубеже IV–III вв. до н.э., когда на политическое господство в Китае стали претендовать циньские ванные, и ставил целью создать антициньское объединение царств, расположенных в направлении

¹ Цит. по: Межгосударственные отношения... 1987. С. 232.

«с севера на юг», на основе их равноправного участия в противодействии циньской агрессии. «Союз по горизонтали» теоретически объединял царства проциньской ориентации, расположенные в направлении «с запада на восток», с целью вмешательства в дела других государств.

Таким образом, теория равных партнеров исходила прежде всего из практики взаимоотношений «срединных царств» между собой и имела длительную и прочную традицию отношений равноправных государств. Однако нередко этот же принцип использовался и при заключении договоров с «варварами». В науке такая традиция получила название «стратегической дипломатии»². На практике принцип «ди го»³ проявился в начальный период империи Хань в отношениях с хунну, закрепленных договором «о мире и родстве» 198 г. до н.э. Сыма Цянь называл Срединную империю и державу шаньюя Модэ «равными государствами»⁴. Император Вэньди, возобновивший договор «о мире и родстве» с хунну, в письме к шаньюю тоже говорил об обеих державах как «равных государствах»⁵ и установил границу между ними по Великой стене. На раннем этапе развития отношений Ханьской империи с соседними странами договоры «о мире и родстве» не имели в виду какой бы то ни было зависимости от империи и подразумевали, по сути, равенство договаривающихся сторон (а иногда носили даже унижительный для Китая характер, как это было при шаньюях Модэ и Лаошане). Соседние союзные правители во взаимоотношениях с императорами не называли себя «слугами Сына Неба», не брали на себя обязательств уплачивать «дань» и не посылали в одностороннем порядке заложников к ханьскому двору (как это было позже). Более того, даосский трактат середины II в. до н.э. проповедовал принцип равенства между Срединной империей и иноземцами и отрицал принципиальное отличие древних китайцев от «варваров»⁶. Эта концепция взаимоотношений с соседними и отдаленными государствами подготовила такие формы внешнеполитических связей, как «клятвенные договоры» (мэн), заключенные «перед лицом духов», закрепление доб-

² Мясников. 1980; Гончаров. 1986. С. 6.

³ Межгосударственные отношения... 1987. С. 270.

⁴ «Дом Хань заключил с сюнну договор, основанный на братстве. Чтобы сюнну не наносили вреда нашим границам, мы отправили им щедрые подарки» См.: Сыма Цянь. 1972. С. 233.

⁵ «хань и сюнну суть “соседние ди-го”». См.: Таскин. 1968. С. 48.

⁶ Н.Я. Бичурин переводит термин «ди-го» как «равное государство», В.С. Таскин – как «равное по силе государство». Таким образом, термин «ди го» подразумевает равный статус государств, не предусматривающий отношений сюзерен – вассал. Бичурин. 1950. С. 60, 251; Таскин. 1968. С. 39, 48.

рососедских отношений путем заключения равноправных династических браков, заложничество сыновей правителей обеих сторон.

Иной принцип возобладал в теории и практике межгосударственных отношений древнего Китая со времени правления У-ди (140–87 гг. до н.э.). Он исходил из конфуцианской доктрины «мироустроительной монархии», непосредственно связанной с теорией неполноценности «варваров» (т.е. запредельных народов) и рассматривавшей все другие страны как данников по отношению к Китаю. В основу учения Конфуция (551–479 гг. до н.э.) о Сыне Неба как мироустроителе и владыке Вселенной легла идея исключительности жителей «срединных царств». Эта доктрина была зафиксирована в конфуцианских трактатах «Чжоу ли» («Ритуалы Чжоу»), «Лицзи» («Записи о ритуалах») и «Или» («Ритуалы и установления»). Согласно этим текстам предлагалась схема односторонних внешнеполитических отношений чжоуского вана с ближними и дальними народами и царствами, которые должны были выражать ему покорность. Наиболее удаленные от Чжоу территории занимали племена, чьи союзнические обязательства в отношении к Сыну Неба были минимальными, сводясь к военно-оборонительным функциям.

Со временем синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей «срединных царств», населявших центр Вселенной, над окружающим окраинным миром «варваров четырех стран света» стала распространяться на отношения со странами и народами, расположенными за пределами Китая, в том числе фактически независимыми от него, в союзе с которыми Ханьская империя была заинтересована не меньше, чем сами эти народы. Это, прежде всего, были племенные объединения юэчжей и хуннов на северной периферии ханьского мира, тибето-бирманские племена на западе и т.д.⁷ Так, во время своего посольства к усуням Чжан Цянь, прибывший с целью заключить договор «о мире и родстве», потребовал от их правителя бить земные поклоны перед дарами императора. Был выработан специальный ритуал приема послов, который ставил целью подчеркнуть подчиненное положение правителя, пославшего посольство, по отношению к китайскому императору. Обмен посольствами обязательно сопровождался вручением даров. Все подарки со стороны чужеземных правителей и послов обозначались специальными терминами: «гунн» («подношение»), «сянь» («жертвоприношение») или их сочетание: «гунсянь». В этом употреблении термин «гунн» и его производные стали применяться со времени империи Хань. Двор такие «подношения» чужеземных послов

⁷ Крoль. 1973; Он же. 1978.

рассматривал как знак изъявления покорности, хотя они могли представлять собой лишь обычные для того времени посольские дары, никак не связанные с признанием зависимости со стороны пославших их правителей⁸. Некоторые такие договоры «о мире и родстве» расценивались позднейшей конфуцианской официальной традицией даже как унижительные для Китая. Так, например, по договору, заключенному Лю Баном Ханьская империя обязывалась отдавать в жены шаньюю девушек из царского рода, а также ежегодно отправлять хуннам определенное количество даров – продуктов земледелия, шелковых и хлопчатобумажных тканей, вина и разных съестных припасов⁹.

В «мироустроительной» концепции преобладали силовые приемы налаживания межгосударственных отношений. Более того, именно ко времени формирования этой доктрины, т.е. к периодам Чуньцзо и последующему Чжаньго относятся все четыре дошедших до нас древнекитайских сочинения о военном искусстве: Сунь-цзы, У-цзы и трактаты Вэй Ляо-цзы и Сыма Фа. На основе Сунь-цзы и У-цзы была построена практика военной стратегии и тактики, вся философия и теория военного дела в древнем Китае. Как отметил Н.И. Конрад, Сунь-цзы рассматривал войну как «борьбу из-за выгоды»: «получение выгоды и есть победа», «сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего, лучшее из лучшего – победить чужую армию не сражаясь. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника, на следующем месте – разбить его союзы, на следующем месте – разбить его войска»¹⁰. Важным моментом победы У-цзы считает захват пленных: «Помните, если каждая колесница не захватит его колесницу, если каждый всадник не захватит его всадника, если каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого»¹¹. Китайский философ Мо Ди (479–381 гг. до н.э.) в трактате «Мо-цзы» подробно разработал стратегию и тактику обороны городов.

Не менее важным аспектом межгосударственных отношений были мирные договоры. Гарантии таких соглашений нередко обеспечивались династическими браками или заложничеством сыновей правителя. Причем, если на ранних этапах, в периоды Чуньцзо и Чжаньго, заложничество носило взаимный, двусторонний характер, то в ханьское время оно стало односторонним. По мнению знаменитого военачальника Бань Гу, договоры о мире без взятия заложников вообще не имели смысла. Ха-

⁸ Думан. 1976. С. 40.

⁹ Бернштам. 1940. С. 58.

¹⁰ Конрад. 1950. С. 361.

¹¹ Конрад. 1958. С. 481.

рактерно, что в документах, отражавших исторические события, использовалась стандартная формула при сообщении о начале мирных переговоров: «Правитель такой-то послал наследника престола в царство такое-то, чтобы добиться заключения мира». С другой стороны, наличие заложников при китайском дворе соответствовало эгоцентрической концепции, так как заложники свидетельствовали о подчиненном положении присылавших их стран. Через заложников, воспитанных в конфуцианском духе, Китай также осуществлял идею распространения своего политического и культурного влияния на другие народы, считая их проводниками своей политики и подготавливая в их лице будущих правителей, преданных империи, поскольку заложники были наследниками престолов в своих государствах. Нередко они использовались также в борьбе за власть в этих царствах, получая поддержку китайского двора. Этой же цели служила и «практика породнения путем перекрестных браков». Во-первых, она была залогом внешнеполитической стабильности во взаимоотношениях царств. К.В. Васильев приводит отрывок речи циньского военачальника Бо Ци, где отмечается, что после поражения под Чанпином «правитель Чжао и его сановники... с униженными речами и богатыми подношениями во всех четырех направлениях выдавали замуж [дочерей] вана чтобы породниться [с царствами] Янь и Вэй, улучшить отношения с [царствами] Ци и Чу»¹². Во-вторых, отправляемые в жены иноземным правителям китайские «царевны» приезжали к ним с многочисленной свитой и продолжали там следовать своему привычному образу жизни. Детей от смешанных браков матери также воспитывали в китайских традициях. В свите китайских принцесс нередко находились самые образованные и культурные люди. Лю Цзин, например, рекомендовал Лю Бану использовать любой повод для отправки к шаньюю конфуцианцев, «владеющих красноречием, чтобы они незаметно наставляли его в соблюдении ли (правил поведения)»¹³.

Немаловажную роль заложники играли и в осуществлении традиционной политики «подчинения варваров руками варваров», которая была впервые предложена Бань Гу. Ее истоки, на наш взгляд, восходят к концепции союзов «по вертикали» и «по горизонтали», в основе которой лежало использование противоречий между отдельными государствами, раздувание взаимной вражды вплоть до военных конфликтов с целью ослабления этих царств. Активность международной политики Китая и сложность ритуалов, связанных с разными аспектами внешнеполитической деятельности, обусловили появление особой группы людей, вла-

¹² Васильев. 1968. С. 198-199.

¹³ Цит. по: Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров. 1983. С. 118.

деющих специальными знаниями и навыками, необходимыми для выполнения задач дипломатического характера, знающими всю процедуру заключения союзов и ведения переговоров. Одним из таких послов был Чжан Цянь, посланный в 138 г. до н.э. к юэчжам с целью установить с ними связи и заключить военный союз против хуннов. Дело в том, что некогда юэчжи кочевали на территории Ганьсу и соседних областей, но в конце III – первой половине II в. до н.э. после усиления хуннов, потерпев поражение сначала от Модэ, затем от шаньюя Лаошана, откочевывали на запад на территорию Средней Азии, пройдя оазисы Восточного Туркестана. Ханьский император У-ди с помощью метода «руками варваров побеждать варваров» рассчитывал использовать враждебные отношения юэчжей и хунну¹⁴. Однако юэчжи, которые к тому моменту уже покорили Бактрию, не были склонны продолжать войну. Тем не менее, богатые сведения, собранные путешественником о Западном крае, расширили географический кругозор древних китайцев¹⁵.

Об Усуни он писал: «Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях. Усуны прежде были под зависимостью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались отправляться на съезды при дворе хуннов»¹⁶. «Двигаясь далее на Запад через горные перевалы и по долине Нарына (одного из верховьев Сырдарьи) он спустился в Ферганскую долину. Страну Давань он описывал как цветущий край, где насчитывается семьдесят больших и малых городов, где сеют рис и пшеницу, возделывают виноград, разводят изумительных ««небесных коней»»¹⁷. Здесь Чжан Цянь получил проводника к племени кангюй, кочевавшему в присырдарьинских степях¹⁸, а затем добрался до племени юэчжей, обитавших к югу за пустыней Кызылкум¹⁹. Как раз в это время юэчжи покорили Греко-бактрийское царство (в восточной части Иранского нагорья). Чжан Цянь назвал это царство Дася. Для возвращения в Китай (в 127 г. до н.э.) он избрал другой путь, огибающий Памир (он его называет Цун-

¹⁴ *Думан.* 1970. С. 45.

¹⁵ Основные сведения содержатся в отчете о его поездках, дошедших до нас в изложении Сыма Цяня, где описаны встречающиеся ему по пути племена и народы.

¹⁶ *Кюнер.* 1961. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ «Кангюй находится на северо-запад от Давань в 2000 ли, не менее кочевое государство, с юэчжи весьма сходны обычаями». См.: там же. С. 107.

¹⁹ «Большие юэчжи находятся на запад от Давань не менее чем в двух-трех тысячах ли... [Юэчжи] есть кочевое государство: следуя за скотом, передвигаются. Обычаи одинаковые с сюнну». См.: там же. С. 106.

лин или Луковые горы) с севера. Попав после долгих скитаний на родину, Чжан Цянь впервые сообщил китайцам о существовании Каспийского (Северного) и Аральского (Западного) морей. В его отчете содержатся сведения о западной части Азии вплоть до Персидского залива и Средиземного моря. Чжан Цянь наметил трассу из Китая в Индию через Бирму и Ассам, через моря юго-восточной Азии. Впоследствии на рубеже II–I вв. до н.э. по этим маршрутам прошла южная ветвь Великого шелкового пути из Восточного Китая в страны Средней и Западной Азии.

Что касается путей на Запад, то Чжан Цянь предлагал пробиться через земли хуннов в направлении, которого он придерживался в своем путешествии, установить прямой контакт с Даванью, Юэчжи и Дася, странами богатыми и сходными по своему укладу со Срединной империей. Он надеялся склонить их в подданство к Китаю и таким образом «распространить китайские владения на 10000 ли; тогда с переводчиками девяти языков легко узнать обыкновения, отличные от китайских, и распространить влияние Китая до четырех морей»²⁰. В одной из бесед с императором Чжан Цянь выдвинул проект овладения Усунью: «Иноземцы обычно падки на китайские ценные вещи. Ныне чистосердечно пользуясь этим благоприятным временем и щедрыми подарками, [следует], подкупив усуней, призвать их поселиться далее к востоку на старых землях Хуньше²¹ и завязать с Китаем братские узы. Они [усунь] несомненно, должны послушаться. Если послушаются, то это отсечет правую руку сюнну... Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дахя (Дася) и другие владения на западе»²².

С этого времени большое значение во внешней политике императорского двора стали придавать захвату путей между империей и западными странами и установлению с ними регулярных связей. Однако для этого необходимо было сломить могущество хуннов в Западном крае, заселить пустующие земли военными поселенцами, построить заставы и крепости, которые могли бы защитить торговые караваны от набегов кочевников. С целью осуществления этого плана в 128–119 гг. до н.э. крупнейшими китайскими полководцами Вэй Цином, Хо Цюй-бином и Ли Гуан-ли были проведены военные экспедиции, которые нанесли хуннам ряд тяжелых поражений. Китайскими переселенцами из Шэньси был заселен Ордос; на территории современной провинции Ганьсу были проведены каналы для орошения полей и поселено около 50–60 тысяч военных поселенцев. Продвигаясь далее на запад, китайцы освоили и

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ В район между Великой стеной и Лобнором.

²² Кюннер. 1961. С. 115.

заселили Цзюцюань (Суч-жоу), Увэй, Чжанье, Дуньхуан. Недалеко от Дуньхуана были выстроены две мощные крепости – Янгуань и Юймыньгуань, в которых размещены сильные гарнизоны. Опираясь на эти военные базы, китайцы могли приступить к выполнению своей главной задачи – к открытию регулярных торгово-дипломатических связей со странами, расположенными к западу от них.

Из ставки усуньского правителя, которую Чжан Цянь сделал опорной базой Китая в странах Запада, он отправил своих помощников с посланниками в Давань, Канцзюй, к большому юэчжи, в Дася, Аньси, Шэньду, Юйтянь и другие страны. Чжан Цянь с отрядом усуньских «вожачков и толмачей» возвратился в Китай. Сыма Цянь, заканчивая рассказ о втором походе Чжан Цяня на запад, отмечает, что «с этого времени государства северо-запада начали сношаться с Китаем»²³. Кроме того, был открыт путь от Кашгара через перевалы Тянь-Шаня в Семиречье и собраны новые сведения о Согдиане, Бактрии, Парфии и стране Шэньду. Границы Китая расширились до Усуни и Давани, и на землях, открытых для Китая Чжан Цянем, было основано четырнадцать новых провинций.

Первое посольство было отправлено в государство Давань (Фергану), потому что императора У-ди особенно поразило сообщение Чжан Цяня о том, что в Давани водятся превосходные лошади «с кровавым потом», будто бы происходящие от «небесных лошадей»²⁴. Предание о таких лошадях в Китае существовало и раньше, причем обладание ими связывалось с вознесением на небо и достижением бессмертия²⁵. Посольство, направленное в Давань, везло с собой весьма богатые дары: 1000 золотых монет и литую из золота фигуру коня. Отказ даваньцев отдать лошадей и последовавшее за ним убийство китайского посланника повлекли за собой ряд походов китайских войск на Давань. В результате Давань была разбита и подчинена, что открыло Китаю прямую дорогу в Среднюю Азию. Получив сообщение об этом событии, правители государств Западного края поспешили представить свои дары и выказать покорность Китаю²⁶. Тогда же был проложен торговый путь на Запад, впоследствии известный под именем «Великого шелкового пути». В 97 г. н.э. посольство Гань Ина достигло побережья Персидского залива.

Письменные источники содержат сведения об отношениях Китая с соседними государствами и народами Центральной Азии; прежде всего китайские династийные истории. Время их создания близко к описываем-

²³ Там же. С. 117

²⁴ Там же.

²⁵ *Waley*. 1955. P. 97-98; *Edwards*. 1954. P. 17-25.

²⁶ *Бичурин*. 1950. С. 171.

мым событиям и ситуациям, и в силу значения этих источников для востоковедов и историков, почти все они переводились на русский и западноевропейские языки. Ханьская династийная история «Ханьшу» описывает две дороги – Южную и Северную, проходившие через Восточный Туркестан на запад. Южная дорога вела через Тянь-Шань (район Лобнора), Памир в Бактрию и Парфию. Северная дорога, начинаясь в Турфанском оазисе, следовала вдоль Тянь-Шаня, по реке Тарим на запад до Кашгара, затем через Памир и далее шла к Фергане, Среднеазиатскому Междуречью и в район Нижней Волги и Северного Причерноморья. Многие ученые, в том числе Сиратори Куракити и Е.И. Лубо-Лесниченко, считают, что первоначально в связях между Западом и Востоком более важен был Северный путь через степи Евразии, чем Южный, активная деятельность на котором начинается в I в. до н.э.²⁷

По свидетельству Чжан Цяня, первые сведения о Восточном Средиземноморье и античных колониях Северного Причерноморья (кит. Лисянь или Лицзянь) проникли в Ханьскую империю именно по Северному пути²⁸. Для древних китайцев он был «меховым путем». В Ханьской империи особенно ценились соболиные меха из страны Янь, расположенной на Южном Урале и в бассейне Камы к северу от Яньбай. Большая часть археологических находок на Северном пути была обнаружена в Ферганской долине (а также примыкающим к ней областям Южного Тянь-Шаня, Алтая, Ташкента) и в районе обитания сарматских племен. Именно древняя Фергана – Давань была важным транзитным центром на Северном пути, где скапливалось много товаров, привозимых из Ханьской империи, и прежде всего шелковых тканей, бронзовых зеркал, монет «у-шу» первых выпусков. Далее по Северному пути китайские товары проникали в район Нижней Волги и в Северное Причерноморье. Шелковые ткани были найдены в Соколовой могиле, близ Керчи, недалеко от г. Мариенталь. Китайские зеркала II–I вв. до н.э. обнаружены в погребениях у хутора Виноградное (Нижний Дон) и с. Старая Полтавка в Нижнем Поволжье и т.д.²⁹

Вскоре по этому пути одно за другим стали отправляться на Запад китайские посольства, встречаемые в Средней Азии с большим почетом. В «Шицзи» рассказывается, какой пышный и торжественный прием был оказан китайскому посланнику в Парфии. Уже на восточных границах страны гостя встретили 20 тыс. солдат почетного эскорта, сопровождавших его до самой столицы. Столь же торжественно встрети-

²⁷ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 244.

²⁸ Shiratori Kurakichi. 1956. P. 225-226.

²⁹ Синицын. 1946. С. 92.

ли китайских посланников в Индии и в Бактрии, откуда были отправлены ответные дипломатические миссии. Вслед за тем и Парфия снарядила ответное посольство, которое вместе с китайским посланником отправилось в Китай. Посольство было снабжено богатыми дарами и диковинками. Среди последних были яйца страуса и фокусники-жонглеры из страны Ли гань (Рим)³⁰, которые выступали при ханьском дворе³¹. Крайним западным пунктом трансконтинентальных отношений были восточные провинции Римской империи, которые китайцы именовали Да-Цинь или Ли-гань (с VI в. появилось название «Фулинь»).

Обмен посольствами и торгово-дипломатическими миссиями вскоре стал обычным делом. Как сообщает Сыма Цянь, из Китая ежегодно отправлялось не менее пяти-шести, а в отдельные годы более десяти караванов³². К одним только хуннам посылалось так много миссий, что «каждый следующий видит шапку впереди идущего, а следы колес их возков переплелись на дорогах»³³. Посылка таких миссий на запад была делом государственного значения, а их состав определялся непосредственно двором. Торговля первоначально не отделялась от внешней политики. Выгоды от такой торговли были настолько велики, что, по свидетельству источников, все мелкие чиновники и солдаты-охранники прежних посольств наперебой осаждали императора рассказами о заграничных диковинках и просьбами вновь послать их с посольствами³⁴.

В первые века н.э. активное сообщение между Востоком и Западом начинает проходить по «южному» пути. Это объясняется тем, что на пике своего могущества находилась Кушанская империя, влияние которой распространялось на южную часть Восточного Туркестана. К тому же эта дорога была хорошо известна, поскольку расположенные на ней оазисы (например, Хотан) с глубокой древности были главными поставщиками нефрита в Китай. И, наконец, усилившиеся государства Роуран (Лоулань, Шаньшань) и Хотан, подчинившие себе во II в. мелкие государства-оазисы на «южной» дороге, создали хорошо организованную транспортную службу³⁵. Это подтверждается и археологическими данными. Материалы раскопок в Ния, датированные I–III вв., свидетельствуют о роли Хотана как основного перевалочного пункта из Восточного Туркестана в Бактрию и Индию. Среди находок много предметов тор-

³⁰ О локализации Ли Гань см.: *Васильев*. 1958. С. 45; *Needham*. 1954. P. 174.

³¹ *Хеннинг*. 1961. С. 421.

³² *Кюннер*. 1961. С. 118.

³³ *Сыма Цянь*. 1972. С. 240.

³⁴ *Бичурин*. 1950. С. 158.

³⁵ *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 237.

говли: вывозимые на Запад бронзовые зеркала, лаковые и ювелирные изделия, шелковые ткани и привозимые с Запада шерстяные гобелены, ковры, узорные и набивные хлопчатобумажные ткани, стеклянные изделия³⁶. Более того, в районе Хотана выпускались даже двуязычные «синокхарошские» монеты. Их хождение имело место во II–III вв. н.э.³⁷ Обнаружены тексты на кхарошти, в которых сообщается о привозе шелка в Хотанский оазис «купцами из Сина» и о его широком распространении среди местного населения. О двустороннем движении по южному отрезку Шелкового пути говорят многочисленные наскальные надписи и рисунки II – V вв. н.э., обнаруженные в верховьях Инда в районе Гильгита экспедицией К. Йеттмара. Надписи выполнены на индийских языках (кхарошти, раннее и позднее брахми), на бактрийском, парфянском и китайском. IV–VI вв. датируются надписи на согдийском языке³⁸.

Юй Хуань в «Кратком описании Вэй» (III в.), упоминает о существовании уже трех дорог (Южная, Средняя и Северная), ведущих на Запад. Сравнительный анализ древних сведений о путях проникновения китайцев на Запад был сделан известными исследователями Центральной Азии Хуаном Вэньби и Е.И. Лубо-Лесниченко³⁹. Они полагают, что значение Старой Северной (Средней, по «Вэй люэ») дороги как артерии, связывавшей Китай с Ферганской долиной и Согдом в период Западной Хань, отражает маршрут похода Ли Гуанли в Давань в 104–101 гг. до н.э. за «лошадьми, потеющими кровью». Следы древней дороги с развалинами военных башен и военных поселений были обнаружены Хуан Вэньби во время обследования района Лобнора в 1930 г. В развалинах поселений были найдены деревянные дощечки с текстами, датированными рубежом нашей эры. Дорога существовала и в период Западной Хань, придя в упадок только после правления Ван Мана (9–23 гг. н.э.), когда торговые и дипломатические связи с территорией современной Средней Азии пролегли по Новой дороге. Ее освоение было связано с китайским завоеванием территорий Турфанского оазиса (область Чэши в Гаочане), находившихся под хуннским контролем. Первые сведения о существовании Новой дороги относятся к началу нашей эры. Описания Южного пути у Бань Гу и Юй Хуаня совпадают. В Вахане Южный путь раздваивался. Одна дорога шла на запад, в Балх, далее в Мерв, затем через парфянскую столицу Гекатомпил и Эктабану в Ктесифон на Тигре и по древнему ахеменидскому маршруту через Северную Месопотамию

³⁶ *Nackin*. 1984.

³⁷ *Зеймаль*. 1971. С. 109-120.

³⁸ *Yettmar*. 1980. P. 151-159.

³⁹ *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 232-233.

в Сирию до Антиохии. Во II–III вв. дорога шла через Сирийскую пустыню, проходя Пальмиру и заканчиваясь в Дамаске. Вторая дорога вела из Вахана на юг через Гильгит и Кашмир в Гандхару и заканчивалась на берегу океана в Барбариконе (устье Инда) и Бригазе (Бхарош)⁴⁰.

Сведения китайских династийных историй подтверждаются и дополняются античными источниками. Первые дошедшие до нас сведения античных авторов о торговых дорогах, пересекающих Центральную Азию и соединяющих саков, серов и индов, относятся, как и китайские, к середине II в. до н.э. Из сообщений Аполлодора Артемидского, суммированных Поседонием и Артемидором, этот путь «в одном направлении проходит по землям фрунов (фаунов), хохаров и саков, живущих по Яксарту, затем через Эмодские горы в верховьях Окса, в другом – по землям фунов (фаунов), факаров (хохаров), кашров (каспиров), затем через Эмодские горы, реку Гипапис, к Исаму (исарам) и индийским племенам Ганга»⁴¹. По мнению И.В. Пьянкова, здесь описаны Северная и Южная дороги. К I в. до н.э. относится описание морского торгового пути Псевдоаррианом в «Плавании вокруг Эритрейского моря». По его свидетельству часть мехов, попадающих в Восточный Туркестан по Северному пути, затем по Южному пути перевозилась в Индию и оттуда на кораблях в Римскую империю⁴². Плиний Старший в «Естественной истории» (сер. I в. н.э.) сообщает, что савроматы, живущие на Северном Кавказе, имеют торговые связи через пролив (Нижняя Волга) с абзоями, живущими на восточном берегу, и что абзои, подобно савроматам, состоят из множества племен с различными названиями⁴³. Однако наиболее полные сведения о Шелковом пути были приведены в «Географическом руководстве» Птолемея (II в. н.э.). Его источниками послужили сочинения географа Марина Тирского (написанные между 107 и 114 гг. н.э.)⁴⁴, использовавшего, в свою очередь, информацию крупного македонского купца Маеса Тициана, чьи посланцы посещали с торговыми целями Восточный Туркестан. Описанный Птолемеем путь делится на три большие части: первая – от переправы через Евфрат в районе сирийского города Гиераполь, через Мерв и Герат, до Бактры, вторая – от Бактры до Кася (Каменной башни) и третья – от Каменной башни до Серы (Чаньань).

Некоторое расхождение в данных античных и китайских источников не мешает оценить значение каждого из путей, соединяющих Восток

⁴⁰ *Pelliot*. 1921. P. 139-145; *Shiratori Kurakichi*. 1956; *Hirth*. 1885. P. 137-173.

⁴¹ *Пьянков*. 1986. С. 18.

⁴² *Псевдоарриан*. 1940. С. 275.

⁴³ *Plinii Secundi* C. 1897–1902. Цит. по *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 242.

⁴⁴ *Cary*. 1956. P. 130.

с Западными землями в разные периоды истории. По подсчетам А. Хермана, длина пересекающей Восточный Туркестан Средней (Старой Северной) дороги составляла примерно 1700 км. Караван мог пройти этот путь за семь недель. Примерно столько же времени было нужно каравану, идущему по Южному пути до Яркенда. По Новому Северному пути – через Турфан – 2100 км караваны проходили за девять недель⁴⁵.

С развитием торговых связей на смену обремененным в дипломатическую форму торжественным взаимным подношениям приходит обычная частная торговля⁴⁶. К концу I в. н.э. количество прибывавших к границам Китая торговцев и размах торговли достигли таких масштабов, что ханское правительство учредило специальный пост «директора гостей». Торговля между китайцами и иностранными купцами велась в основном в Западном крае. Китайские купцы привозили свои товары на крайние западные границы империи. Здесь, в районе Каменной Башни заканчивалась «китайская часть» «Великого шелкового пути»⁴⁷. Обмен товарами происходил в районе Каменной Башни, поскольку дальше нее китайцы предпочитали не заходить⁴⁸. Однако и китайское правительство почти не допускало иностранцев внутрь империи⁴⁹ (если они не входили в официальные посольства). Покупателями были в основном согдийские купцы, обменивавшие свои товары на китайские вещи. Л.С. Васильев со ссылкой на А. Хермана⁵⁰, указывает, что именно «согдийский язык был наиболее распространенным торговым языком в Средней Азии»⁵¹. Это мнение находит подтверждение в материалах А. Стейна. В бассейне реки Тарим он обнаружил большое количество документов, испещренных согдийскими надписями⁵². Из Западного края (Каменной Башни) китайские товары попадали в Бактру, где находился крупный международный рынок, а затем в Маргиану – первый парфянский торговый центр, где товары скупались парфянскими купцами.

Покорение Ферганы Китаем изменило соотношение сил враждующих сторон на территории Восточного Туркестана. Многие государства региона направили в столицу Ханьской империи посольства и заложни-

⁴⁵ *Herrmann*. 1910. P. 115.

⁴⁶ *Васильев*. 1958. С. 46.

⁴⁷ *Parke*. 1888. P. 301.

⁴⁸ Как сообщает Помпоний Мела (I в. н.э.), китайцы «приносят свои товары в уединенные места и, возвращаясь (восвояси), предоставляют покупателю завершать путь». См.: *Помпоний Мела*. Кн. III. Гл. 7. Цит. по: *Васильев*. 1958. № 5. С. 46.

⁴⁹ *Reinaud*. 1863. P. 334-335.

⁵⁰ *Herrmann*. 1915. P. 476.

⁵¹ *Васильев*. 1958. С. 46.

⁵² *Stein*. 1921. P. 671-672.

ков как свидетельство признания вассалитета по отношению к Китаю. В метрополии был организован штат военных чиновников, которые должны были систематически посещать государства Западного края с целью обеспечить беспрепятственное движение китайских послов и торговых караванов в страны Средней Азии и далее на юг и на Запад.

Однако не прошло и столетия, как Китай начинает терять влияние на Западе. Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых, из-за осложнившейся внутривосточной обстановки в самой империи Хань правительство не могло осуществить эффективный контроль над вассально зависимыми территориями. Во-вторых, борьбу за обладание территорией Западного края начали местные правители. В-третьих, воспользовавшись распрями между местными правителями и ослаблением Китая, хунну резко усилили свою военную активность в регионе. Лишь к концу I в. н.э. Китай восстановил свое влияние в Западном регионе благодаря умелой политике дипломата и полководца Бань Чао. Причем в своих притязаниях на эти земли ему пришлось столкнуться с интересами Кушанской державы (юэчжами), которая к 80-м гг. значительно расширила свои территории далеко за пределы Бактрии. В 90-х гг. кушаны вступают в открытый военный конфликт с Бань Чао. Хотя их поход оказался неудачным, он подготовил будущие действия Кушанской державы в Западном крае. Их следующая акция пришлась на середину II в., когда Китай был ослаблен внутренними противоречиями.

Падение империи Хань на рубеже II–III вв. вызвало глубокие перемены, в результате которых было утрачено единство Китая. По мнению Дж. Брафа, кушаны в этот период не только распространили свое влияние на территорию бассейна Тарима, т.е. большую часть владений Китая в Восточном Туркестане, но и включили их в состав своей империи вплоть до завоевания их собственных территорий Сасанидами в 230 г.⁵³

В III–IV вв. в системе дорог Шелкового пути происходят значительные изменения. На Южном пути в древних оазисах от Черченя до Хотана жизнь угасает, и дорога отклоняется к югу, проходя близ северных отрогов Куньлуня⁵⁴. Одновременно снова оживает Старая Северная дорога (Средний путь – по Юй Хуаню), которая просуществовала на этот раз до конца IV в. (падение Ранней Лян (301–376 гг.)). Именно к этому периоду относятся сообщения в «Кратком описании Вэй» о появлении Нового Северного пути, который начинался в Юймэньгуане, вел в Иу (Хами) и далее шел вдоль северных отрогов Тянь-Шаня на запад⁵⁵.

⁵³ Brough. 1965. P. 597.

⁵⁴ Stein. 1907. P. 375-385.

⁵⁵ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 252.

В III–VI вв. монополией на торговлю между Ближним Востоком и Китаем фактически завладело государство Сасанидов (224–651 гг.), благодаря своему географическому расположению (от Мерва до Месопотамии) и высокоразвитому ремеслу. Однако в Китае о воцарении новой династии узнали не сразу. Китайские известия о Персии III–V вв. вообще не упоминают о Сасанидах. Положение изменилось при Северных династиях, когда Китай установил прямые и довольно тесные дипломатические и торговые отношения с Ираном. С середины V в. северовэйский двор принял более десяти сасанидских посольств. Официальные миссии посылали в Иран и китайские правители⁵⁶.

Крупнейшим партнером и соперником Сасанидской державы в восточной торговле было Согдийское царство, возникшее в районе Ферганы и Самарканда в III в. Согдийские купцы сосредоточили в своих руках караванную торговлю с Китаем. Уже в III в. колонии согдийцев прочно обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и даже внутри Китая. К VI в. торговый оборот Согда с Китаем достиг наибольшего расцвета, а согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до монгольских степей. В Китае уже не удивлялись «носатым и волосатым» чужеземцам. Ян Сюань-чжи, оставивший описание Лояна начала VI в., сообщает о деятельности в столице западных купцов, имевших за южными воротами свое подворье и рынок: «Из сотни царств, тысячи городов к западу от Луковых гор до страны Да-Цинь (Византия) не было никого, кто бы ни приезжал сюда. Торговые варвары со всех краев земли толкались и теснились целыми днями... Все редкостные товары Поднебесной стекались сюда»⁵⁷. Именно согдийцы в этот период стали проводниками китайской культуры на Запад, в частности в среднеазиатские государства.

Следующим этапом в развитии межцивилизационных контактов между Китаем и Западными странами был период V–VII вв., когда Сасанидский Иран предпринял попытку блокировать торговлю по Шелковому пути и пришлось искать обходные дороги. В начале VII в. сановник Пэй Цзюй был послан на северо-запад с поручением расширить дипломатические и торговые связи с Западным краем и разузнать о нем побольше. Пэй Цзюй составил подробное описание западных стран и ведущих к ним путей в «Записках и картах Западных земель», которые впоследствии были утеряны, но сохранились в выдержках из его жизнеописания в династийной «Истории Суй». Сообщения древнего автора были проанализированы Ф. Йегером и Е.И. Лубо-Лесниченко. Пэй

⁵⁶ Крюков, Переломов, Софронов. 1979. С. 102.

⁵⁷ Там же. С. 101.

Цзюй сообщал, что: «От Дуньхуана к Западному морю идут три дороги, и у каждой дороги имеются ответвления. Северная дорога из Иу (Хами) проходит мимо оз. Пулей (Баркуль), земли теле, ставки тюркского кагана (близ оз. Иссык-Куль), идет через Люхэшуй, доходит до страны Фулинь (Византия) и достигает Западного моря. Средняя дорога выходит из Гаочана (Турфан) через Яньцы (Карашар), Цюцы (Куча), Тэле и далее через Цунлин (Памир), проходит через страны Цао (Кабудан), Хэ (Ура-тюбе), Большое и Малое Ань (Бухара, Самарканд), Му (Мерв), доходит до Босы (сасанидский Иран) и достигает Западного моря. Южная дорога из Шаньшаня (район оз. Лобнор) идет через Юйтянь (Хотан), Чжуцзюйбо (Каргалык), Хэбаньто (Ташкурган), Цунлин (Памир) и далее через Хуми (Вахан), Тохоло (Тохаристан), Еда (Эфталиты), Фанье (Бамиан), Цао (Газни) ведет в Болонэн (Северо-Западная Индия) и достигает Западного моря. От каждой страны также отходят дороги, которые, в свою очередь, пересекаются на юге и севере. Таким образом, следуя [по этим дорогам], можно попасть в любое место. Поэтому известно, что Иу, Гаочан и Шаньлань являются воротами в Западные земли»⁵⁸. Таким образом, восточный отрезок Среднего пути Пэй Цзюя соответствует Новому Северному пути «Краткого описания Вэй». К периоду Суй движение по нему ослабевает, караваны предпочитают обходную дорогу, названную Пэй Цзюем «Иуской» (или «Хамийской»). Южная дорога в «Суйшу» совпадает с Южным путем Юй Хуаня и ханьских династийных историй. Северный путь соответствует древнему пути, связывавшему восточнотуркестанские и согдийские центры с Черноморским побережьем и Византией. Этот путь, проложенный тюрко-согдийскими и византийскими посольствами, шел из городов Согда и ставки тюркского кагана на Сырдарье мимо Аральского моря до р. Урал, далее до Волги и оканчивался в Трапезунде⁵⁹.

Замечание Пэй Цзюя о том, что Гаочан является воротами в Западные земли, подтверждается нумизматическими находками в могильниках Астана и Караходжа, где обнаружены 24 серебряные сасанидские и 5 золотых византийских монет. С торговыми караванами такие монеты доходили до Чаньани, где найдено 12 сасанидских и две византийские монеты. Представлены в Восточном Туркестане и монеты последних правителей Ирана: 593 монеты Хосрова II (590–628 гг.), две – Борана (630–631 гг.) и три – Иездегера III (632–651 гг.). Византийские монеты, найденные в Восточном Туркестане и Северном Китае, – это эмиссии, охватывающие период от Феодора II (408–450 гг.) до Юстиниана II

⁵⁸ *Yüger*. 1922-1923. P. 81-115, 216-231; *Любо-Лесниченко*. 1994. С. 253.

⁵⁹ Византийские историки... 1860. С. 370-384.

(565–578 гг.). Значительная часть этих монет попадала на восток по Северному пути, проложенному Менандром и согдийскими купцами. Подтвердить это может золотая византийская монета, найденная в могиле согдийского купца близ Дуньхуана. В династийных историях Северной Вэй и Северной Чжоу сообщалось об обращении серебряных сасанидских монет в оазисах Кучи и Турфана. Тексты из Дуньхуана и Гаочана (главным образом из могильника Астана) подтверждают, что серебряные (сасанидские) и золотые (византийские) монеты широко употреблялись в Суй при различных торговых сделках⁶⁰.

Сведения, добытые Пэй Цзюем и другими исследователями Западного края, пригодились, когда Китай начал проводить активную внешнюю политику. К империи были присоединены земли племен туюйхунь (в Восточном Цинхае), а правители Тюркского каганата признали «старшинство» Китая. Еще в 629–630 гг. китайские войска разгромили Восточный тюркский каганат, в результате чего империя утвердила свое преобладание на Великом Шелковом пути. Китайские армии дошли до Кучара и в 657 г. в союзе с уйгурами разгромили Западный каганат. В крупных населенных пунктах вдоль Великого Шелкового пути разместились китайские гарнизоны.

Расцвет торговли по Шелковому пути пришелся на VII – первую половину VIII в. Первые полтора века Танской империи система путей, описанная в начале VII в. Пэй Цзюем, продолжала функционировать. Активная торговля шла по Средней дороге, проходившей через Согд и низовья Волги до Северного Кавказа и далее в Византийскую империю. Это подтверждается находками разнообразных китайских тканей (гладких, камчатных, полихромных) на горе Муг и в аланском могильнике Мошечая балка. В «погребении китайского купца» были обнаружены китайские тексты (официальные бумаги, обрывки художественных произведений, бухгалтерские записи). В могильнике Астана и Замурованной пещере Дуньхуана были найдены среднеазиатско-согдийских ткани.

Нельзя обойти вниманием роль согдийцев в организации международной торговли в этот период. Их проникновение в Западные земли (Восточный Туркестан) относится уже к IV–III вв. до н.э. Согдийские колонии и поселения зафиксированы в главных центрах караванной торговли Средней Азии, Восточного Туркестана и Западного Китая начиная с первых веков нашей эры⁶¹. Например, письменные сведения о существовании согдийской общины в Дуньхуане относятся к IV в.⁶² Согдийские

⁶⁰ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 255.

⁶¹ Hemming. 1948. P. 257.

⁶² Чугуевский. 1971. С. 147-156.

колонии были и в других важных торговых центрах: Гуцзане (затем Лянчжоу, совр. Увэй), Цзю-цюане, Шаньшане вблизи оз. Лобнор, в оазисе Иу (Хами) и т.д. В династийной истории Северной Вэй говорится, что «торговцы из страны Судэ (Согд) издавна и помногу приезжали в Лян[чжоу], чтобы торговать»⁶³. Подобных сведений довольно много. По китайским письменным источникам, эти колонии процветали и вели особенно активную торговую деятельность в эпоху Тан. Большое число согдийских торговцев, выходцев из Самарканда, Бухары, Кеша, Кабудана и других согдийских городов, жили в танской столице Чанъани.

Об активной торговле согдийцев по Южному пути через Памир с Индией говорят многочисленные наскальные надписи, открытые в верховьях Инда К. Йеттмаром⁶⁴, а так же обширная колония, состоявшая из нескольких поселений в главном центре Южного пути Шаньшане⁶⁵.

По Северной дороге согдийцы вели торговлю в течение всего времени существования государства Гаочан (498–640 гг.). Об этом свидетельствуют многочисленные тексты из могильников Астана и Караходжа. Это преимущественно договора, описи, разрешения на проезд через территорию оазиса, деловые письма и другие подобные документы.

Дипломатические связи с зарубежными странами в период Танской династии осуществлялись в виде обмена посольскими миссиями в соответствии с доктриной универсальности власти китайских государей как посредников между обожествляемыми Небесами и Землей. Прибытие к китайскому двору иноземных посланцев официально трактовалось как выражение подтверждения вассальной покорности. Китайские же посольства за рубеж везли «указы» иноземным правителям с жалованием им китайских титулов. Активизация внешней политики и расширение зарубежных связей в VII–VIII вв. повлекли за собой увеличение торгового оборота с другими странами. Государства Средней Азии (Фергана, Самарканд и другие), страдавшие от вторжений тюрков, тибетцев и арабов, искали поддержки у танских императоров. В 751 г. китайская армия по начальством Гао Сяньчжи даже перешла через Тянь-Шань в Среднюю Азию, но здесь была остановлена арабами в битве на р. Талас. В результате был положен конец военному присутствию Танской империи в Средней Азии, а основные центры трансконтинентальных связей были перенесены на юг. К моменту падения Кайфына в 1126 г. уже около 35% иностранных посольств передвигалось морским путем.

⁶³ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 257.

⁶⁴ Yettmar. 1980. P. 151-159.

⁶⁵ Giles. 1930. P. 87.

Середина VIII в. явилась переломным моментом в системе международных связей Центральной Азии. Это связано с переходом западной части Шелкового пути под арабское влияние после поражения китайцев в Таласской битве в 751 г. К тому же, вследствие тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай во второй половине VIII – начале IX в. весь центральный участок Шелкового пути попал под тибетский контроль. В результате были прерваны налаженные межконтинентальные связи, а проторенные торговые пути пришли в упадок. Появляется необходимость искать обходные дороги.

Одной из таких обходных трасс стал так называемый Кыргызский путь, который из Турфана шел через Джунгарию в предгорья монгольского Алтая, через перевал Кемиз-арт, в Туву и к Минусинской котловине. Кыргызское государство установило прямые дипломатические и торговые контакты с Танской империей еще в первой половине VII в. Из Китая с 633 г. в течение ста лет в государство кыргызов регулярно отправлялись посланники. С 643 по 747 гг. было зарегистрировано одиннадцать киргизских посольств. Однако после падения II Тюркского каганата в 745 г. происходит быстрое возвышение уйгуров, которые в 750–751 гг. захватывают Туву и Северо-Западную Монголию, блокируя традиционные торговые пути кыргызов. И только после того как в 840 г. кыргызы захватывают столицу уйгуров Орду-Балык на Орхоне и оттесняют уйгуров на юг, они восстанавливают свои внешние торговые и политические связи. Г.П. Супруненко приводит сведения сразу о трех кыргызских посольствах, отправленных в 843 г. в империю Тан⁶⁶. В свою очередь, И.Я. Бичурин говорит еще о трех миссиях, отправленных в Китай между 860 и 873 гг. К сожалению, по его словам, письменные источники не сообщают о продолжении официальных контактов между кыргызами и Китайской империей после падения династии Тан⁶⁷.

Сам же Кыргызский путь описывается как в китайских, так и в мусульманских источниках. Основные сведения приводит Гардизи в «Украшении известий» («Зайн ал-Ахбар»), написанном в 1050–1053 гг. по источникам VIII–IX вв.: «Путь к киргизам ведет из страны тугузгузов, а именно из Чинанджжета⁶⁸ в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу...

⁶⁶ Супруненко. 1963. С. 67-81; С. 68.

⁶⁷ Бичурин. 1950. С. 35.

⁶⁸ Локализация названий была сделана В.Ф. Минорским и Л.Р. Кызласовым.

После Манбек-Лу приходят к Кёгмену... От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути... Здесь военный лагерь киргизского хакана»⁶⁹. Далее Гардизи упоминает три дороги, по которым можно попасть в киргизский лагерь: одна вела на северо-восток к Байкалу, другая шла на запад к верховьям Иртыша и Аральскому морю, совпадая с древним Степным путем. Основной же была Южная дорога, начинавшаяся, согласно Гардизи, в Чинанджкете (Турфане). Приведенные Гардизи названия были частично отождествлены В.Ф. Минорским⁷⁰ и Л.Р. Кызласовым⁷¹.

По Кыргызскому пути древнехакасское государство интенсивно торговало с оазисами Восточного Туркестана и странами Среднего Востока. Как пишет «Таншу», кыргызы «всегда имели близкие отношения с Даши, тибетцами и карлуками»⁷². Из Аньси (Куча), Бэйтина (Бешбалык) и Даши к кыргызам регулярно отправляли караваны из двадцати и более верблюдов, груженных, преимущественно, шелковыми и шерстяными тканями. В обмен от кыргызов на юг шли мускус, меха, белый тополь, дерево халадж, рог хуту (бивни мамонта или моржовые клыки)⁷³ и особенно ценимые кыргызские лошади⁷⁴.

Найденный на территории Южной Сибири археологический материал свидетельствует о том, что в VII–XI вв. связи кыргызов с Танской империей были довольно интенсивными. Среди находок представлены бронзовые зеркала, монеты, шелковые ткани, ювелирные и лаковые изделия, сельскохозяйственные орудия. Е.И. Лубо-Лесниченко, исследовавший коллекцию китайских зеркал в Южной Сибири, в Минусинской котловине и окружающих ее районах и обнаруживший более 90 зеркал периодов Суй и Тан, говорит об этом районе как крупнейшем центре находок танских зеркал за пределами Китая⁷⁵. В одной из своих работ он представил общий перечень импортных изделий, найденных в Южной Сибири: китайских, восточнотуркестанских, иранских и других⁷⁶.

В дальнейшем движение по Кыргызскому пути постепенно прекращается в связи с политическим и экономическим упадком хакасских княжеств. Одной из важнейших торговых трасс этого периода стала старая дорога центральноазиатских кочевников, связывающая Восточный

⁶⁹ Бартольд. 1973. С. 47.

⁷⁰ *Hudud al-Alam*. 1937. P. 282-284.

⁷¹ Кызласов. 1969. С. 96.

⁷² Материалы по истории... 1973. С. 41.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Шеффер. 1981. С. 85.

⁷⁵ Лубо-Лесниченко. 1975. С. 16-23.

⁷⁶ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 267.

Туркестан с Северной Монголией. В танское время она получила название Уйгурской, так как шла от Бэйтина (Бешбалык) к оз. Баркуль и далее на северо-восток к столице каганата – Харабал-гас. Впервые название этого пути встречается в «Записках о поездке У-куна в Индию»⁷⁷. У-кун, отправленный в 751 г. в качестве посла в Кашмир, возвращаясь почти через сорок лет на родину, обнаружил, что старая дорога в результате тибетского вторжения стала непроходимой. Тогда он вместе с группой танских чиновников направился Уйгурской дорогой из Бэйтина в Китай.

Важные сведения содержатся и в других источниках. Например, в «Описании областей и уездов в годы правления под девизом Юань-хэ (806–820 гг.)» приводятся названия станций Читу, Вэньцюань, Тело, расположенных к северо-востоку оз. Баркуль на Уйгурском пути. В «Записях о сопредельных с Китаем территориях» Цзя Шэна, сохранившихся в качестве комментария в «Новой истории Тан», говорится: «Через четыре дня пути от крепости Средний Шоусян попадаешь на Уйгурскую дорогу... Там имеется колесная дорога. По ней проходят уйгурские посольства...». Далее путь описывается подробно⁷⁸, причем в наше время можно локализовать большую часть географических пунктов, а, следовательно, проследить весь маршрут до ставки уйгурского кагана⁷⁹. Южный вариант Уйгурской дороги, идущей из Бэйтина через Тунчэн (Эдзина, Хара-Хото) и Ордос в Центральный Китай, назывался «Дорога ветров». Первые сведения об этой дороге, как полагает С.Г. Кляшторный, появились в конце VII в.⁸⁰ а в X в. по ней шли буддийские паломники, направлявшиеся в Ордос⁸¹. Этот же путь был обозначен на тангутской карте XI в., изданной Е.И. Кычановым⁸². Уйгурская дорога как основной транзитный путь использовалась довольно долго – в XII–XIV вв. она была основной артерией Монгольской империи.

Таким образом, существование внешнеполитических доктрин «диго» и, особенно, «мироустроительной» подготовили теоретическую основу для реализации китайской стратегии распространения политического влияния на максимально обширную территорию. Открытие и функционирование Шелкового пути, по которому и осуществлялись внешнеполитические контакты со странами Запада и Севера, способствовало реальному воплощению мироустроительных идей. Установив-

⁷⁷ *Levi, Chavannes*. 1895. P. 341-371.

⁷⁸ Цит. по *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 263.

⁷⁹ *Малаякин*. 1981. С. 271.

⁸⁰ *Кляшторный*. 1964. С. 100-101.

⁸¹ *Bailey*. 1948. P. 616-624.

⁸² *Кычанов*. 1959. С. 204-212.

шиеся длительные и разнообразные связи стимулировали развитие всех народов, включенных в сеть трансконтинентального культурообмена. Эти контакты подразумевали, прежде всего, посольско-договорные и торговые отношения. Не вызывает сомнения заинтересованность многих государств Западного края, в частности, среднеазиатских, в Китае как в военном и политическом союзнике. Торговля с Китаем, а также посредничество в его торговле с Римской империей и Византией, приносили в казну центральноазиатских оазисов огромные доходы, что также укрепляло престиж Срединной империи на Западе. Даже войны, часто длительные, способствовали распространению инокультурных элементов в результате миграций не только отдельных людей, но и целых народов. Это проявилось, в частности, в отношениях с кочевниками. Все это, плюс огромный материальный и духовный потенциал, накопленный китайской цивилизацией к моменту своего выхода на мировую арену, обеспечивало распространение ее влияния не только на соседних территориях, но в отдаленных регионах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 23–62.
- Бернштам А.Н.* Из истории гуннов I в. до н.э. // Советское востоковедение (СВ). 1940. № 1. С. 51–77.
- Бичурин И.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Васильев К.В.* «Планы Сражающихся царств»: исследование и переводы / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М.: Наука, Главн. ред. восточной литературы (ГРВЛ), 1968.
- Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 67–81.
- Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. Прим. Г. Дестуниса. СПб.: Типогр. Леонида Демиса, 1860.
- Гончаров С.Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг. М.: Наука. 1986.
- Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье, М.: Наука, 1970. С. 45–70.
- Думан Л.И.* Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 28–51.
- Зеймаль Е.В.* Сино-кхароштийские монеты (к датировке Хотанского двуязычного чекана) // Страны и народы Востока (СНВ). Вып. X. М., 1971. С. 109–120.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. М.: Наука. 1964.
- Конрад Н.И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л.: Изд-во АН, 1950.
- Конрад Н.И.* У-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: ИВЛ, 1958.
- Кроль Ю.Л.* Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной // Народы Азии и Африки (НАА). 1978. № 6. С. 45–57.
- Кроль Ю.Л.* О концепции «Китай и варвары» // Китай: общество и государство. М.: Наука. ГРВЛ, 1973. С. 13–29.

- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков М.: Наука, 1979.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.И. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кычанов Е.И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Сися, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // СНВ. Вып. I. М., 1959. С. 204–212.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Востлит, 1961.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: Восточная литература, 1994.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М.: Наука. ГРВЛ, 1975.
- Маявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / Отв. ред. И.А. Стучевский. М.: Наука, 1987.
- Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980.
- Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря / Пер. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории (ВДИ). 1940. № 2. С. 264–281.
- Пьянков И.В. «Шелковый путь» от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) // Памироведение. Вып. II. Душ., 1985. С. 125–140.
- Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 6–23.
- Риттер К. Землеведение: Восточный, или Китайский, Туркестан / Пер. и доп. В.В. Григорьев. Вып. 2. Отдел 1. СПб., 1873.
- Синицын И.В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // Советская археология (СА). М.; Л., 1946. VIII. С. 73–95.
- Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Сан-сун Хойчан ипинь цзи» // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук (СОН). Т. I. Вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 67–81.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. II / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Под ред. Р.В. Вяткина. М.: Наука. ГРВЛ. 1975.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и комментарии В.С. Таскина. Вып. 1. М.: Наука, 1968.
- Хеннинг Р. Неизвестные земли. Т. 1. М. Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
- Чугуевский Л.Н. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // СНВ. Вып. X. М., 1971. С. 147–156.
- Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с англ. Е.В. Зеймаль и Е.И. Лубо-Лесниченко. М., Наука. ГРВЛ, 1981.
- Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О. Федченко // Известия русского географического общества (ИРГО). 1873. Т. VI. С. 6–18.
- Bailey V.W. The Seven Princes // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (BSO(A)S). Vol. XII. Pt. 3–4. 1948. P. 616–624.
- Brough D. Comment on Third Century Shan-shan and the History of Buddhism // BSOAS. Vol. XXVIII. 1965. P. 582–612.

- Cary M.* Maes qui et Titianus // The Classical Quarterly. N.S. 1956. Vol. VI. № 3–4. P. 130–134.
- Edwards R.* The Cave Relieves at Ma Hao // *Artibus Asiae* (AA). Ascona, 1954. Vol. 17. № 1. P. 17–25.
- Giles L.* A Chinese Geographical Text of the Ninth Century // BSOS. 1930. Vol. VI. P. 825–846.
- Hackin J.* Nouvelles recherches archéologique à Begram. Vol. I–II. Paris, 1954.
- Henning B.* The Date of Sogdian Ancient Letters // BSOS. 1948. Vol. XII. P. 601–615.
- Herrmann A.* Die Alten Seidenstrasse zwischen China und Syrien. I Abt. Berlin, 1910.
- Herrmann A.* Die Seidenstrassen vom alten China nach dem Romischen Reich // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. Bd. 58. 1915.
- Hirth F.* China and Roman Orient. Chicago, 1885. P. 137–173.
- Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Transl. and expl. by V. Minorsky with a preface by V.V. Barthold. London, 1937.
- Levi S., Chavannes E.* L'itinéraire d'Ou-k'ong (751–790) // *Journal Asiatique* (JA). 9-e ser. T. VI. 1895. P. 341–371.
- Needham J.* Science and civilization in China. Vol. 1. Cambridge, 1954.
- Paquie J.* Le Pamir: Étude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale. P., 1876.
- Parker E.* Contributions to Topography // *China Review*. Hongkong, 1888. Vol. 16. № 5. P. 300–302.
- Pelliot P.* Note sur les anciens itinéraires chinois dans l'Orient Romain // JA. Vol. CCXII. 1921. P. 139–145.
- Plinii Secundi C.* Naturalis Historiae Libri XXXVII. Ed. Carolus Wayhoff. Lipsaciae, 1897–1902.
- Reinaud M.* Relations politiques et commerciales de l' Empire Romain avec l'Asie Orientate // JA. Paris. 1863. Serie 4. T. 1. № 3.
- Richthofen K.* China. Bd. 1. Berlin, 1877.
- Sarianidi V.* Bactrian Gold. Leningrad: Aurora Art Publish, 1984.
- Shiratori Kurakichi.* On the Ts'ung-ling Traffic Route Described by C.Ptolemaes // Memories of the Research Department of the Bunko (MRDTB). 1957. № 16. P. 1–34.
- Shiratori Kurakichi.* The Geography of Western Regions // MRDTB. 1956. № 15. P. 73–163.
- Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. I–II, Oxford, 1907.
- Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. I–III. Oxford, 1928.
- Stein A.* Serindia. Vol. 2. Oxford, 1921.
- Waley A.* The Heavenly Horses of Ferghana. A New View // *History today*. London, 1955. Vol. 5. № 2. P. 95–103.
- Yäger F.* Leben und Work des P'ei Kü // *Ostasiatische Zeitschrift* (OZ). 1922–1923. P. 81–231.
- Yettmar K.* Neuen Felsbilder und Inschriften in der Nordbilder Pakistan // *Archaeologie-Beitrage*. 1980. Bd. 2. B.M. 7. P. 151–159.

Баринова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра евразийской археологии Института этнологии и антропологии РАН; BarinovaElena@rambler.ru

А. С. МЕДЯКОВ

ЗАПАХ РОССИИ

Статья посвящена неизученному аспекту немецкого образа России – её репрезентации в общественном сознании Германии XIX века посредством запаха. Ставится проблема ольфакторного символизма в образе «другого». Рассматриваются функции и эволюция восприятия запаха юфти как элемента немецкой национальной самоидентификации.

Ключевые слова: национальный символ, образ «другого», самоидентификация, ольфакторный символизм, Германия XIX в., образ России.

В создании образа любой нации огромную роль играют символы, которые делают абстрактные представления конкретными, позволяя её вообразить. Символические фигуры – английский Джон Буль или русский медведь, памятники, гимны, флаги, национальные праздники – все это даёт почувствовать принадлежность к собственной нации и осознать отличия чужой. По большей части это символы, которые можно увидеть, о них прочитать, их услышать, к ним прикоснуться. В этой же статье речь пойдёт о том, какую роль в немецких представлениях о России сыграл совсем иной орган чувств. Её тема – символическое значение запаха.

Несмотря на обилие появившихся исследований запаха как исторического и культурного феномена¹, его значение в создании образа своей и чужих наций остается практически неизученным. Тому есть вполне объяснимые причины. В отличие от визуального символа, национальной песни или патриотического рассказа запах нельзя четко зафиксировать, воспроизвести, размножить, сделать достоянием широкой публики. К тому же существует крайне мало запахов, которые однозначно идентифицировались бы исключительно с одной конкретной нацией. Тем не менее, постановка проблемы запаха как национального символа России возможна именно потому, что подобный однозначно «русский» запах существовал. Одним из самых значимых и распространенных символов России в Германии XIX века был запах «русской кожи», юфти. Причинам появления столь необычного символа, его специфике, функциям и эволюции и посвящена предлагаемая статья.

Следует отметить, что запах всегда играл важную роль в восприятии других народов и культур, причем действовала формула «плохо

¹ Corbin. 1982; Rindisbacher. 1992; Classen. 1993; Symnott. 1993; Classen, Howes, Symnott. 1994; Diaconu. 2005; Ароматы и запахи. 2010.

пахнут всегда другие»². Своя же собственная среда представляется лишенной запаха – подобно тому, как человек обычно не чувствует запаха собственного тела³. Не явились исключением и русско-немецкие отношения. Уже с момента становления немецкого образа России в XVI–XVII вв. расхожими стали представления о том, что русские плохо пахнут. Речь шла в первую очередь о неприятных телесных запахах⁴. Учитывая повсеместно крайне низкий уровень личной гигиены в Европе Раннего нового времени, подобные суждения, с одной стороны, могут быть расценены как свидетельства готовности воспринять чужой запах как неприятный – русские путешественники, со своей стороны, также отмечали «мерзкую вонь», встречавшую их за границей⁵. С другой стороны, речь шла не только о запахах как таковых, но и о контроле над ними. Одной из составляющих так называемого процесса цивилизации и становления нового придворного политаеса на Западе⁶ был контроль над телесными запахами и отправлениями, и именно на отсутствие такого контроля в русской среде обращали внимание иностранные наблюдатели⁷. Одновременно представление о «дурно пахнущих русских» хорошо сочеталось с возникшим в XVII в. стереотипом «дикого москвитя»⁸, подчеркивая недостаток цивилизованности, «варварство» русских.

Вместе с тем, хотя неприятный телесный запах и служил дополнительной характеристикой немецкого образа России, он никак не мог претендовать на роль ее символа, в первую очередь потому, что не выделял русских из числа других «нецивилизованных народов». Так, например, французские тексты по этому критерию перечисляли в одном ряду «финнов, эскимосов, негров и казаков»⁹. Между тем, уже с XVI и особенно с XVII в. в Европе все больше становился известным запах, который в полной мере мог считаться исключительно «русским» и потому претендовать на символическое значение – запах русской юфти.

Юфть представляла собой специфический сорт кожи. Само слово, по всей вероятности, было заимствовано в XVI в. из персидского и через посредничество русского вошло в другие европейские языки¹⁰. Бу-

² *Diaconu*. S. 230.

³ *Classen, Howes, Synnott*. P. 165.

⁴ «Этот запах столь силен и въедлив, что его едва возможно изгнать из комнаты, в которой прежде жил русский». *Scheidegger*. 1993. S. 48.

⁵ *Строев*. 2010. С. 86-92.

⁶ *Элиас*. 2001.

⁷ *Захарьин*. 2010. С. 283-289.

⁸ *Ниеск*. 1988.

⁹ *Corbin*. 1982. P. 45-46.

¹⁰ *Черных*. 1999. С. 462-463. О производстве юфти см.: *Волков*. 1973.

дучи продуктом чрезвычайно высокого качества¹¹, одновременно очень прочной и эластичной, юфть пользовалась огромным спросом по всей Европе, включая германские государства. П.И. Марпергер, автор руководства по торговле с Россией, писал в начале XVIII в., что для определения качества юфти нужны пять человеческих чувств, но решающее значение имеет её запах¹². При изготовлении юфти использовался березовый дёготь, придававший ей ни с чем не сравнимый аромат. Поскольку все попытки немецких ремесленников разгадать секрет производства юфти или хотя бы сфальсифицировать её, натирая простую кожу дёгтем, не увенчались успехом, в восприятии немцев этот необычный запах оказывался связанным исключительно с кожей из России.

Обращают на себя внимание необычные ольфакторные характеристики юфти: «Сие есть дух столь своеобразный, что никакой другой ему не подобен, и всякий, единожды его вдыхавший, обмануться уже не может... Есть персоны, для коих дух сей приятен, а для других столь отвратен, что и выносить его вовсе не могут», – писала немецкая «Экономическая Энциклопедия» 1784 г.¹³, т.е. речь идет о запахе исключительно сильном и своеобразном, в отношении которого обычные описания запахов по схожести («это пахнет, как...») просто не действовали. Важно и то, как он воспринимался. Обычно самая простая дифференциация запахов человеком совершается быстро и однозначно, с помощью «аффективной поляризации запахов»¹⁴ – путем подразделения их на «приятные» и «неприятные». В случае с запахом юфти подобной однозначности не было, и эта амбивалентность сохраняла возможности как его положительной, так и отрицательной трактовки, в том числе и символической.

К рубежу XVIII и XIX вв. знакомство немцев с юфтью было уже очень долгим, а сам продукт общеизвестным, о чем свидетельствуют, например, немецкие пословицы «крепкий, как юфть», «не из каждой кожи юфть делается» и т.д.¹⁵. Благодаря широте распространения, своеобразию и однозначной идентифицируемости в качестве «русского», запах юфти мог быть востребован в качестве символа России, однако это произошло лишь по окончании Наполеоновских войн.

¹¹ О высочайшем качестве свидетельствует, например, такой поразительный факт: груз русской юфти, поднятый с затонувшего в 1786 г. у английских берегов датского судна «Метта Катарина», не испортился за 200 лет пребывания в соленой воде и был пущен на изготовление эксклюзивных изделий из кожи.

¹² *Marperger*. 1705. S. 114.

¹³ *Krünitz*. 1784. Bd. 31. S. 234.

¹⁴ *Шаал, Руби, Марлье, Суссиньян, Контар, Трембле*. 2010. С. 90-91.

¹⁵ *Wander*. 1870. Bd 2. Sp. 1872; Bd. 5. Sp. 480.

С одной стороны, превращение юфти в символ России и русских было связано с интересом XIX века ко всему «национальному». Создавались национальные истории, сочинялась национальная музыка, описывались национальные характеры. Эта общая тенденция к «национализации» не обошла стороной и запахи. Так, например, немецкий писатель и путешественник Й.Г. Коль утверждал, что «каждая страна и каждая нация имеет свой своеобразный запах..., как, например, литовцы пахнут селедкой, поляки – горилкой, великороссы – юфтью, малороссы – чесноком, индийцы – свойственным им отвратительным запахом кожи»¹⁶.

С другой стороны, превращение запаха юфти в символ России было связано с ростом контактов непосредственно с русскими, результатом которых стало всеобщее убеждение, что не только юфть обладает своеобразным запахом, но и сами жители России источают тот же аромат. Во многом определяющим оказалось пребывание русских войск в Германии во время заграничных походов 1813–1815 гг., являвшихся самым массовым случаем контактов русских с немцами и принесших с собой так называемый «запах казака». Вот как описывал свои детские ощущения от первой встречи с казаками будущий выдающийся немецкий скульптор Э. Ритшель: «мы вились вокруг лошадей и их всадников, которые пахли юфтью; запах, источаемый ими, был столь новым и энергичным, что..., словно чудесный аромат, этот запах юфти манил нас и окутывал казаков в таинственный эфир»¹⁷. Представления о существовании некоего специфического «запаха казака», далеко не всегда выступавшего в качестве «чудесного аромата», были весьма распространенными и иногда даже использовались едва ли не в качестве объективной научной категории. Так, в немецких медицинских справочниках и учебниках первой половины XIX в. «запах казака» назывался в качестве одного из симптомов тифа¹⁸. Преобладавшей же нотой в этом букете была именно юфть.

Убеждение в том, что русские пахнут юфтью, поддерживалось и впечатлениями многочисленных немецких путешественников, приезжавших в Россию. Оценка этого запаха зависела от личных ольфакторных пристрастий – например, речь могла идти о «легком и совсем не неприятном носу запахе юфти», распространяемом группами русских¹⁹. В свою очередь, и русские путешественники в Германии иногда идентифицировались по этому признаку. Так, в частности, произошло со знаменитым хирургом Н.И. Пироговым – случайный попутчик немец-

¹⁶ Kohl. 1841. Bd. 2. S. 113-116.

¹⁷ Rietschel. 1962. S. 14.

¹⁸ Stark. 1838. S.368; Haeser. 1842. Bd. 2. S. 80; Wunderlich. 1850. Bd. 1. S. 180.

¹⁹ Hackländer. 1879. Bd. 2. S. 130-131.

ленно узнал в нем русского по запаху юфти его бумажника и сапог²⁰. Именно благодаря превращению давно известного запаха «русской кожи» в характеристику самих русских сложились предпосылки для его символической трактовки, но востребованными они оказались лишь в специфической политической ситуации Германии после 1815 года.

Как и повсюду в Европе, Россия была объектом критики немецких либеральных и демократических кругов как «бастион реакции» и одна из учредительниц Священного союза, однако в Германии политические мотивы дополнялись национальными: Россия объявлялась виновницей несостоявшегося германского объединения, и потому неприятие и даже ненависть к ней были особенно сильными. Различные образы и метафоры, связанные с юфтью, практически идеально вписывались в эти представления. Юфть ассоциировалась с запахом русской армии и, следовательно, насилия и принуждения. Особенно важным была связь юфти с другими чрезвычайно распространенными символами России: кнутом, сапогом и их обладателем – казаком. Сапог, которым можно попирать, наступать на горло и т.д., и тем более кнут являлись аллегориями порабощения и угнетения, что превращало запах материала, из которого они были сделаны, в своеобразный дух деспотизма.

Превращение запаха юфти в символ произошло в период так называемого Предмарта (Vormärz) – периода 1820-40-х гг., предшествовавшего мартовской революции 1848 года. Особенно ярко это проявилось в политической лирике, публицистике, сатирических произведениях. С самого начала подобная символика отличалась многообразием нюансов, что, в частности, хорошо видно на примере творчества Г. Гейне.

В целом, представления Гейне о России были противоречивыми и непоследовательными²¹, что отразилось и в его «юфтяных» сюжетах. С одной стороны, метафора юфти являлась для него практически синонимом всего русского и, хотя часто имела форму злой насмешки, не несла никаких дополнительных политических смыслов. Так, он писал о «юфтяном зловонии» и «кожаной поэзии» одного из современных ему литераторов, использовавшего русские сюжеты, называл Россию «юфтяной родиной» русских солдат и т.д.²² С другой стороны, юфть была для Гейне также и политическим символом, который, впрочем, мог иметь различное содержание. В знаменитой поэме «Германия. Зимняя сказка» (1844) будущее Германии представляется им как «смесь юфти со старой капустой», что обычно трактуется в качестве намека на союз между ре-

²⁰ Пирогов. 2008. С. 340.

²¹ См. об этом: Kopelew. 1992.

²² DHA. 1979. Bd.VIII/1. S. 230; 1978. Bd. XI. S. 162; 1980. Bd. XII/1. S. 231.

акционными Россией и Пруссией²³. Вместе с этим в творчестве Гейне запах юфти получает и более широкое трактование, превращаясь не просто в символ России, а в символ насилия и деспотизма как таковых. В частности, он используется для критики Пруссии – поэта ужасает перспектива, «если бы Франция, мать цивилизации и свободы, погибла, и юнкерский язык из Потсдама вновь закрипел бы на улицах Парижа, и грязный тевтонский сапог вновь пятнал бы святую почву бульваров, и Пале-Рояль вновь пахнул бы юфтью...»²⁴. Символ юфти использовался Гейне и в еще более широком понимании, не связанном прямо с Россией или Пруссией. Таково его знаменитое высказывание из «Лютеции» (1854): «Будущее пахнет юфтью, безбожием, кровью и великим множеством палочного битья», выражавшее страх перед наступлением диктатуры «пастуха с железным посохом»²⁵. Некоторые исследователи видят в этих словах критику коммунизма и даже сталинизма²⁶, что, конечно, является телеологическим преувеличением. В целом же запах юфти в произведениях Гейне по большей части связывался именно с Россией, а его источник отчетливо виден из следующего высказывания: встав на берегах Босфора, царь «подчинит все народы земного шара тому скипетру из юфти, который гибче и тверже стали и имя которому кнут»²⁷.

В первой половине XIX в. метафорическая трактовка запаха юфти получила широкое распространение, что отразилось даже в словарях. «Немецкий лексикон пословиц» 1870 г. зафиксировал два основных значения запаха юфти: «Выражение “это пахнет юфтью”, которому едва ли больше, чем четверть века, используется для обозначения превратного влияния России на Германию, а также вообще для напоминания о кнуте и схожих средствах наказания»²⁸. Будучи запахом кнута и, значит, угнетения и деспотизма в широком смысле, аромат юфти мог использоваться в качестве символа и для критики внутренней ситуации в Германии. В первую очередь это касалось Пруссии, которая из-за своей поли-

²³ Höhn. 2004. S. 119; Vormbaum. 2011. S. 84-86.

²⁴ DHA. Bd. XII/1. S. 109. Впрочем, и здесь возможна трактовка юфти как «русского» запаха, так как в период оккупации Парижа в 1815 г., на который намекает Гейне, заведомыми Пале-Рояля, тогда центра развлечений и проституции, были в том числе русские казаки. Ср. описание Пале-Рояля младшим современником Гейне П. Февалем как «здания скептического, чарующего, холодного, лишенного предрассудков, вольнодумца из камня, который однажды нацепил зеленую кокарду Камилла Демулена, а потом улажал казаков». Феваль. 1993. С. 261.

²⁵ DHA, Bd. XIV/1. S. 20.

²⁶ Lämke. 1998. S. 90.

²⁷ DHA. Bd. 13/1. S. 242.

²⁸ Wander. 1870. Bd. 2. Sp. 1028.

тической системы и династической близости к России критиковалась особенно сильно. Так, в одной из сатирических комедий известного публициста Р.Е. Прутца проект нового прусского уголовного закона сравнивается с нагайкой, которая «чудесно пахнет русской юфтью»²⁹. Немецкий поэт-демократ Георг Гервег также использовал такие русские понятия, как *кнут* и *юфть* в качестве образов для критики внутренней политики в германских странах³⁰. В его «Ксениях» (1841) юфть фигурирует как символ одновременно внутренних и внешних препятствий немецким свободе и единству: вместо «роскошного издания» Германии немцы получают ее «переплетенной в русскую юфть»³¹.

Протест против влияния России на германские дела и критика собственных правительств часто были едва различимы. Широко распространилось убеждение, что отсталые политические порядки во многих германских государствах были связаны с той ролью, которую сыграла Россия в 1813–15 гг. Как саркастически писал Гофман фон Фаллерслебен, популярный немецкий поэт и убежденный националист, «москвитские орды» освободили Германию, но зато теперь она вынуждена ходить в юфти и есть русскую икру³². Метафора запаха лучше чем какая-либо другая позволяла показать, как исходящее от России политическое влияние пронизывает Германию: для освобождения от Наполеона немцы были вынуждены воспользоваться русской помощью, но «как тяжело и надолго легла на нас из-за этого эта русская дружба, и какой юфтяной запах приобрело с тех пор все наше внутреннее развитие»³³.

Мощнейший толчок антирусской публицистике дала революция 1848–49 гг. Активно использовавшиеся в ней «юфтяные» метафоры, как и прежде, означали как Россию³⁴, так и антиреволюционные силы внутри самой Германии³⁵. Революционное возбуждение, подогревавшееся, с одной стороны, страхами русского вторжения и, с другой, мечтами о войне с Россией как «огненной пробе» для будущей единой Германии, способствовали распространению антирусских стереотипов. Отныне о юфти писали не только поэты и публицисты, но и безымянные народные авторы, состязавшиеся в остроумии по поводу «страны юфти», «юфтя-

²⁹ Prutz. 1845. S. 75.

³⁰ Pape. 1992. S. 460-461.

³¹ Herwegh. 1909. S. 133.

³² Hoffmann von Fallersleben. 1841. 1. Theil. S. -9.

³³ Deutsche Museum. 1864. Juli-Dezember S.607

³⁴ Der Wiener Parnass im Jahre 1848. 1882.S. 175, 233.

³⁵ Так, в одном из памфлетов проводилась параллель между порядками в прусском Шпандау и «страной юфти»: <http://edocs.ub.uni-frankfurt.de/volltexte/2006/5676>

ной свободы», «торговца икрой Кнутова-Юфтяного» и т.д.³⁶. Подобная символика не оставалась просто пропагандой, но находила отклик в немецких умах, о чем, например, свидетельствуют дневниковые записи³⁷.

Поражение революции символически изображалось как усиление запаха юфти. Гоффманн фон Фаллерслебен писал, что «немецкая весна больше не распространяет аромат, а воняет юфтью»³⁸. И вновь это был запах не только России, но и победившей реакции, как и раньше, особенно характерный для Пруссии – ведь Берлин отныне источал запах кнута и юфти³⁹. В качестве средства критики Пруссии именно ольфакторный символ являлся особенно эффективным. Пруссия дискредитировалась путем сравнения или даже уравнивания с Россией, и для этой стратегии обычный визуальный символ (например, русский медведь) не годился – его невозможно было спроецировать на Пруссию. В отличие от этого, динамичная метафора запаха позволяла показать, как чужое влияние приходит извне, распространяется, усваивается и остается.

После революции 1848–49 г. запах юфти продолжал играть роль своеобразного метафорического оружия в руках внутригерманских противников Пруссии. Речь шла не только о либералах и демократах, критиковавших таким образом прусскую политическую систему, но и о конкурентах Берлина по Германскому союзу, в первую очередь, о Баварии и Австрии. Так, например, баварская газета «Фольксботе» использовала символ юфти для критики как внутригерманской, так и европейской политики Пруссии. В первом случае подчеркивалась необходимость сохранения независимости Баварии – она «не должна запахнуть юфтью». Во втором речь шла о «пахнувшей юфтью», т.е. излишне прорусской позиции Пруссии во время Крымской войны⁴⁰.

В середине XIX в. метафоризация запаха юфти достигла апогея. Особенно популярным этот образ оставался среди радикальных и либеральных кругов. Гораздо в меньшей степени он находил отклик в консервативной среде, хотя был вполне известен и здесь. Так, Бисмарк вспоминал, что прусских консерваторов упрекали в том, что «мы пахнем юфтью, и называли нас казаками со Шпреи»⁴¹. Коренное изменение политических условий в связи с созданием в 1871 г. Германской империи повлекло за собой и дальнейшую эволюцию символа юфти.

³⁶ См.: *Abert*. 1977.

³⁷ *Gasser*. 2010. S. 264.

³⁸ *Hoffmann von Fallersleben*. 1849. S. 16.

³⁹ *Freiheitsklänge*. 1850. S. 87.

⁴⁰ *Der Volksbote*. 18. Juni 1856; 31. Juli. 1855.

⁴¹ *Bismarck*. 1898. Bd. 1. 1898. S. 171.

После 1871 г. запах юфти начал постепенно утрачивать свои критические функции и вместе с ними символический потенциал. Запах юфти в смысле «превратного влияния России на Германию» потерял всякую политическую релевантность. Использование этой метафоры против Пруссии было отныне невозможно ни со стороны Баварии, ставшей частью одного с Пруссией государства, ни со стороны Австрии, превратившейся в верного союзника Германии. Наконец, «запах юфти» как средство критики либералами политической системы Пруссии также терял актуальность в связи с тем, что либералы и часть демократов приветствовали объединение Германии вокруг Пруссии.

Все это привело к тому, что на символическом уровне запах юфти стал связываться почти исключительно с Россией, причем обозначилась важная тенденция – он во все большей степени начинал символизировать не столько русскую политику, сколько русский народ.

Собственно, эта тенденция обозначилась задолго до 1871 г. Используя юфть как символ России, немецкие авторы обычно не проводили четкого подразделения между Россией как государством и русским народом, что приводило к перенесению негативных качеств политической системы на самих русских. С другой стороны, с помощью «юфтяных» метафор демонстрировалось национальное превосходство немцев.

Запах юфти служил, в частности, средством изображения неполноценности русской культуры. Хоффманн фон Фаллерслебен утверждал, что «русская культура годится лишь для России», сводя её к кнуту, салу и с помощью метафоры юфти заставляя её «вонять»⁴². О «неистребимом юфтяном запахе всей московитской культуры» писал также один из лидеров левого литературного течения «Молодая Германия» Карл Гуцков. Хотя вражда к России у Гуцкова, как и у других представителей этого течения, объяснялась преимущественно политическими мотивами⁴³, «юфтяной запах» русской культуры он связывал не столько с «русским деспотизмом», сколько с качествами самих русских – они «сделаны из мягкого теста», ребячливы и суеверны⁴⁴.

После 1871 г., когда немецкое общественное мнение, с одной стороны, уже не нуждалось во многих политических функциях «юфтяной» символики и, с другой, становилось все более националистическим, запах юфти все более превращался в некий признак «русскости». Например, в этом смысле использовал символ юфти немецкий дипломат, опи-

⁴² *Hoffmann von Fallersleben*. 1842. S. 200-201.

⁴³ *Webber*. 1992. S. 590-618.

⁴⁴ *Gutzkow*. 1842. S. 49-52.

сивая русского министра иностранных дел А.П. Извольского: «Он... немного сноб, всегда одевается à l'anglaise по новейшей моде. Для истинно русских (Nationalrussen) он слишком мало пахнет юфтью»⁴⁵.

Если запах юфти становился некоей эманацией «русской сути», он мог одухотворять собой все, что соприкасалось с Россией и русскими. Юфтью запахло даже то, что, казалось бы, не может издавать запаха – музыка: «Увертюра, на мой вкус, чересчур русская, она слишком пахнет юфтью и имеет вкус кнута. Иногда мне представлялось, будто дирижерская палочка сделана из кожи и посылает свинцовые пули», – отзывался в 1871 г. один из критиков об увертюре «Деметриус» (по драме Шиллера о царевиче Дмитриии) немецкого композитора Й.Г. Рейнбергера⁴⁶. Если дурно пахла даже музыка немецкого композитора, то русскому повезло еще меньше. Авторитетный венский музыкальный критик Э. Ганслик писал в 1881 г. о скрипичном концерте П.И. Чайковского, что он «переносит нас в грубое унылое веселье русского церковного праздника. Мы видим сплошь пустые пошлые лица, слышим грубую ругань, чувствуем запах сивухи... Концерт Чайковского впервые подводит нас к ужасной идее о существовании музыкальных произведений, которые воняют»⁴⁷.

Два этих высказывания обозначают важную тенденцию – со временем запаха юфти стало недостаточно, чтобы служить ольфакторным символом всего «русского». В 1871 г. запах юфти трактовался в качестве политического символа, через кнут и пули. Однако одним только запахом юфти оказалось невозможно удовлетворить потребности растущего немецкого национализма. Он становился все более расовым и агрессивным, в политике речь шла часто уже не столько о критике русского царизма, сколько о национальной конкуренции, борьбе за существование. Между тем, в метафоре юфти, по своему происхождению «политической», отсутствовали очевидные оценочные указания на превосходство немцев, в том числе расовое. Для этого русские должны были запахнуть по-другому – потом, грязью, той же сивухой. Подобные запахи указывали на телесную и подразумевали моральную нечистоту русских, что позволяло проводить различие между русскими и немцами согласно классической антитезе грязного и чистого. В результате запах юфти к началу XX в. утерял функции главного ольфакторного символа России, превратившись лишь в одну из составляющих специфического «русского аромата». На взгляд корреспондента немецкой газеты «Кёльнише цайтунг»,

⁴⁵ Adlgasser, Friedrich. 1997. S. 83.

⁴⁶ Signale für die musikalische Welt. 8. November 1871.

⁴⁷ Hanslick. 1886. S. 296.

в 1911 г. специально обратившегося к этому вопросу, «русский аромат» состоял из запахов юфти, папирос, восточных ковров, потного белья и отбросов. Этот «русский парфюм», «острый животный запах народа» пронизывает всю Россию⁴⁸.

Даже немецкие социал-демократы, самые непримиримые враги «русского деспотизма», традиционно использовавшие метафору юфти в ее «политическом» измерении, не избежали этого поворота. С одной стороны, у них сохранилась традиционная «идеологическая» трактовка юфти: «Во времена Священного союза юфтевый сапог встал на горло народов Центральной Европы»⁴⁹. Однако, например, карикатура «Марианна и юбилей Романовых», опубликованная в 1913 г. в их сатирическом журнале, несет в себе совсем другую смысловую нагрузку. В первой части карикатуры изображена любовная сцена между французской символической фигурой Марианной и Николаем II, во второй части Марианна, оставшись одна и раздеваясь ко сну, произносит следующий текст: «То, что я принесу домой запах юфти, я ожидала, но что еще и вшей – бррр!»⁵⁰. Несмотря на упоминание Романовых, карикатура не имеет ничего общего с критикой «русского деспотизма». В отличие от юфтяного запаха Пруссии за полвека до этого, юфтяной запах Франции имеет совершенно иной смысл. Запах юфти понимается не политически, а национально и связывается со вшами – символом телесной нечистоты. Таким образом, совсем иначе, чем некогда Пруссия, Франция дискредитируется не ссылкой на союз со «страной кнута», а из-за своей близости с грязным, некультивированным, варварским народом. Этот тезис получит чрезвычайно широкое распространение в немецкой пропаганде в начавшейся спустя год Первой мировой войне⁵¹.

Уменьшение символического значения запаха юфти из-за постоянного сокращения олицетворявшихся им смыслов происходило не одномоментно. Даже после Первой мировой войны этой метафорой пользовались, например, для того, чтобы указать на континуитет между царской и большевистской Россией. Так, известный немецкий публицист А. Паке считал, что ЧК, «типично русская организация», сменив царских жандармов, «придала русской революции тот юфтяной запах, который напоминает о кнуте Ивана Грозного»⁵². Для консервативного публици-

⁴⁸ Цит. по: *Paddock*. 2010. P. 162.

⁴⁹ *Braun, Eichler*. 2000. S. 258.

⁵⁰ *Der wahre Jakob*. 22 März. 1913.

⁵¹ См. подробнее: *Медяков*. 2011.

⁵² *Raquet*. S.78-79. О «русской теме» у Паке см.: *Кёнен*. 2010. Высказывание Паке 1933 г. представляет собой редкий пример позднего использования метафоры юфти в

ста А. Грабовского запах юфти также связывал старую и новую Россию: «Особенный запах пронизывает всю Россию, запах как бы подгнившей старой кожи. Его тотчас же чувствуешь, пересекая границу, и он оставляет тебя, лишь только ты оставляешь Россию. Этот запах был при царе, и он есть при большевизме. Он – единственное, что вечно в России»⁵³.

В реальности запах юфти не был вечным – ни как таковой, ни в качестве символа. В XX в. юфть перестала быть значимой экономической реалией, оставив свой неповторимый запах прошлому. Как символ юфть также мало что значила для новых поколений немцев и к тому же идеологически она не годилась в качестве лозунга борьбы против «еврейско-большевистской угрозы» в 1930-40-е гг. Однако, фактически сойдя с исторической сцены, юфть оставила после себя неожиданно ароматный шлейф, превратившись в духи.

В силу своей амбивалентности между ароматом и зловонием запах юфти в течение всего XIX в. имел тенденцию к парфюмеризации. Многие немецкие дамы считали его освежающим и успокаивающим нервы⁵⁴. Кроме того, юфтью пахли не только кнут и казачьи сапоги, но и дорогие изделия из кожи – портмоне, сумки, а также книжные переплеты. В межвоенный период этот парфюмерный потенциал запаха юфти был реализован. На дамские духи *Cuir de Russie* французского дома моды «Шанель» немцы ответили мужским одеколоном «Кёльнская юфть», или «Русская юфть», причем подчеркивалась особенная «мужественность» этого запаха. Так, один из героев знаменитого романа Х. Фаллады «Волк среди волков» выбирает одеколон «Русская юфть», так как «реклама гласила: «крепкий, мужественный, благородный»⁵⁵. Для поколений немцев после Второй мировой войны само понятие «юфть» было уже мало знакомо, и не случайно культовый немецкий мужской одеколон 1960-х гг. назывался уже не «Русская юфть», а «Русская кожа».

Превратившись в духи, запах юфти, тем не менее, никогда не терял своих «русских» коннотаций. Иногда даже предпринимались попытки использовать его парфюмированный вариант в старом смысле политического символа. Например, журнал «Шпигель», анализируя в 1949 г. русско-германские отношения 1939-1940 гг., отмечал, что «в немецкой

качестве символа насилия и диктатуры, что делает ее применимой и к нацистской Германии: «Хуже всего – это психологическое давление, атмосфера в сегодняшней Германии, этот юфтяной запах сапог и плетки, этот запах крови, дико возбужденных массовых собраний и за всем этим запах казармы». – Цит. по: *Häfner*. 2005. S. 51.

⁵³ *Grabowski*. 1929. S. 348.

⁵⁴ См. напр.: *Gayette-Georgens*. 1870. S. 38.

⁵⁵ *Фаллада*. 1990. С. 105.

внешней политике тех лет «Русская юфть» была еще хорошо пахнущим парфюмом»⁵⁶. Однако то было скорее исключение. Именно политическая деактивация запаха юфти в качестве символа позволила производителям ссылаться в рекламе одеколона не только на особенности собственно запаха, но и на уже безопасный исторический и политический контекст юфти в Германии, активно используя образы казаков и даже ссылаясь на запах их сапог.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что образ России в Германии XIX в. создавался с помощью не только традиционных визуальных и нарративных символов, но и путем ольфакторного символизма, в центре которого был запах юфти. Подобная ситуация стала следствием, с одной стороны, самого наличия уникального аромата – с вековой историей, неповторимыми особенностями и безусловно русским происхождением. С другой стороны, важной предпосылкой выступили политические реалии раздробленной Германии после 1815 г. Разочарование либеральных кругов несостоявшимся объединением и их протест против политической реакции в германских государствах вылились в отвержение и ненависть ко всему русскому. Издавна известный в качестве «русского», запах юфти в этих условиях превратился в богатый значениями символ, негативное содержание которого усиливалось связью с такими образами, как казак, кнут и сапог. Этот символ оказался особенно востребованным благодаря своей ольфакторной специфике, а именно динамичности и переносимости с русской на другие реалии, что обусловило широкий спектр его применения, в том числе и в качестве орудия критики немецких политических порядков. В конечном счете, именно эта многозначность сделала запах юфти столь широко распространенным символом. Напротив, когда после 1871 г. ситуация в Германии и немецкий образ России стали меняться, запах юфти начал утрачивать свои символические смыслы и в конце концов деградировал просто до одного из парфюмерных ароматов.

На примере юфти можно отметить одну особенность ольфакторного символизма как одной из составляющих «образа другого» – позднейшие исследования должны определить, насколько она является всеобщей. Биологически обусловленная нечувствительность человека к собственному запаху и упоминавшаяся выше социокультурная предрасположенность считать «пахнущими» не свою, а чужие группы, находят соответствие и на уровне национальных символов. В отличие от визуальных образов медведя и казака, которые, будучи изначально западны-

⁵⁶ Der Spiegel. 02.06.1949.

ми стереотипами, превратились в русские национальные символы, запах юфти в этом смысле не находил в России практически никакого отклика. Свой запах не чувствовался – и чужой ольфакторный символ не воспринимался. Показательно, что подобное чутье демонстрировали скорее эмигранты, вырванные из политического и ольфакторного контекста России, как, например, А.И. Герцен⁵⁷. В остальном же действовала отмеченная в начале статьи максима – «плохо пахнут всегда другие».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Волков М.Я. Ремесленное и мелкотоварное производство юфти в России во второй половине XVI – первой половине XVII в. // Исторические записки. М.: 1973. Т. 92. С. 215-253.
- Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 18. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 122-221.
- Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 2. С. 280-309.
- Кёнен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев 1900–1945. М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
- Медяков А.С. Ру Ку, или образ русских на немецких открытках Первой мировой // Родина. 2011. № 3. С. 82-87.
- Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. Иваново, 2008. 427 с.
- Строев А. Чем пахнет чужая земля. // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 2. С. 75-101.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 2.
- Шаал Б., Руби К., Марлье Л., Суссиньян Р., Контар Ф., Трембле Р.Э. Изменчивость и универсалии в воспринимаемом пространстве запахов Межкультурные подходы к исследованию обонятельного механизма. // Ароматы и запахи в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. С. 89-122.
- Фаллада Х. Волк среди волков. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 382 с.
- Феваль П. Горбун, или маленький парижанин. М.: Прогресс, 1993. 543 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.
- Abert G. Berliner Strassenecken-Literatur 1848/49: humoristisch-satirische Flugschriften aus der Revolutionszeit. Stuttgart: Reclam, 1977. 342 S.
- Adlgasser F., Friedrich M. (Hg.) Heinrich Friedjung. Geschichte in Gesprächen: Aufzeichnungen 1898-1919. Bd. II. Wien: Böhlau, 1997. 522 S.
- Bismarck O. Gedanken und Erinnerungen. Bd. 1. Stuttgart.: Cotta, 1898. 376 S.
- Braun B., Eichler J. (Hg.) Arbeiterführer, Parlamentarier, Parteiveteran: Die Tagebücher des Sozialdemokraten Hermann Molkenbuhr 1905 bis 1927. München: Oldenbourg, 2000. 405 S.

⁵⁷ Так, в «Новой фазе в русской литературе» он писал, что «высший свет Грибоедова лучше подделывается под Париж, хотя от него все еще несет юфтью за десять шагов». Герцен. 1959. С. 180.

- Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London, New York: Routledge, 1993. 172 p.
- Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. London, New York: Routledge, 1994. 248 p.
- Corbin A.* Le Miasme et la Jonquille. L'odorat et l'imaginaire social. XVIIIe – XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne. 1982. 334 p.
- Deutsche Museum.* Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben. Leipzig: F.A. Brockhaus. 1864, Juli-Dezember.
- Diaconu M.* Tasten, Riechen, Schmecken. Eine Ästhetik der anästhesierten Sinne. Würzburg: Koenigshausen Neumann, 2005. 496 S.
- Freiheitsklänge: eine Sammlung politischer Gedichte der vorzüglicher Dichter des deutschen Volkes. Berlin: M.Simion, 1850. 248 S.
- Gasser W.* (Hg). Erlebte Revolution 1848/49. Das Wiener Tagebuch des jüdischen Journalisten Benjamin Kewall. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2010. 545 S.
- Gayette-Georgens J.M.* v. Geist des Schönen in Kunst und Leben. Praktische Aesthetik für die gebildete Frauenwelt. Berlin: Nicolaische Verlagsbuchhandlung, 1870. 392 S.
- Grabowsky A.* Das Land der Widersprüche/ Sowjetrußland im Übergang, in: Die Tat. Jena: 1929, XXI. H. 5. S. 342-348.
- Gutzkow K.* Vermittelungen. Kritiken und Charakteristiken. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1842. 284 S.
- Hackländer F.W.* Der Roman meines Lebens. Stuttgart: Verlag Carl Krabbe, 1879. Bd. 2. 384 S.
- Haeser H.* Archiv für die gesammte Medicin. Bd. 2. Jena: Friedrich Mauke, 1842. 385 S.
- Häfner R.Ch.* Frankfurt – ein literarischer Wegweiser, in: Gazzetti M. (Hg.) Frankfurt – literarische Spaziergänge. Frankfurt am Main; Fischer – TB, 2005. 207 S.
- Hanslick E.* Concerte, Componisten und Virtuosen der letzten fünfzehn Jahre. 1870–1885. Kritiken. Berlin: Allgemeiner Verein fuer Deutsche Literatur, 1886. 447 S.
- Heine H.* Die Düsseldorfer Heine-Ausgabe (DHA). Hamburg: Hoffman und Campe, 1973–1997. Bd.VIII/1; Bd. XI; Bd. XII/1.
- Herwegh G.* Werke in drei Teilen. Bd. 1, Berlin; Leipzig; Wien; Stuttgart: Bong & Co [1909].
- Hoffmann von Fallersleben A.H.* Unpolitische Lieder. 1. Theil, Hamburg: Hoffmann und Campe, 1841. 190 S.
- Hoffmann von Fallersleben A.H.* Spitzkugeln: Zeit-Distichen. Darmstadt, 1849. 33 S.
- Hoffmann von Fallersleben A.H.* Deutsche Lieder aus der Schweiz. Zürich und Winterthur, 1843. 264 S.
- Höhn G.* (Hg) Heine-Handbuch. Zeit-Person-Werk. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2004. 590 S.
- Hueck M.* “Der wilde Moskowit”. Zum Bild Russlands und der Russen in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts. Überblick. // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert. München: W. Fink, 1988. S. 289-341.
- Kohl J.G.* Reisen im Inneren von Rußland und Polen: Die Ukraine. Kleinrußland. Dresden, Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1841. Bd. 2. 400 S.
- Kopelew L.* Heinrich Heines russische Phantasien // Russen und Russland in der politischen Lyrik der Befreiungskriege, in: Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871). München: W. Fink, 1992. S. 547-590.

- Krünitz J. G. (Hg).* Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-Stadt- Haus- und Landwirthschaft. Berlin: Joachim Pauli, 1784. Bd. 31.
- Lämke O.* Heine, Lutèce et le communisme. Une nouvelle conception de l'histoire après 1848? // *Revue Germanistique Internationale* (9) 1998, S. 89-101.
- Marperger P.J.* Moscovitischer Kauffmann. Lübeck: In Verlegung Peter Böckmann, 1705. 158 S.
- Paddock T.R.E.* Creating the Russian Peril. Education, the Public Sphere, and National Identity in Imperial Germany, 1890–1914. Rochester, N.Y.: Camden House, 2010. 263 p.
- Paquet A.* Der Geist der russischen Revolution. Leipzig: Kurt Wolff (o/d). 109 S.
- Pape W.* Eispalast der Despotie. Russen- und Russlandbilder in der politischen Lyrik der Vormärz (1830–1848) // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871)*. München: W. Fink, 1992. 435-473 S.
- Prutz R.E.* Die politische Wochenstube. Zürich und Winterthur, 1845. 151 S.
- Rietschel E.* Erinnerungen aus meinem Leben. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1962. 131 S.
- Rindisbacher H.J.* The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. 371 p.
- Scheidegger G.* Perverse Abendland - barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich: Chronos, 1993. 327 S.
- Signale für die musikalische Welt.* Leipzig, 8. November 1871.
- Der Spiegel.* 02.06.1949.
- Stark K.W.* Allgemeine Pathologie oder allgemeine Naturlehre der Krankheit, Bd. 1. Leipzig: Breitkopf u. Härtel, 1838.
- Synnott A.* The Body Social: Symbolism, Self, and Society. L.; N.Y.: Routledge, 1993. 309 p.
- Der Volksbote* für den Bürger und Landmann. 18. Juni 1856; 31. Juli. 1855.
- Vormbaum Th.* Diagonale - Beiträge zum Verhältnis von Rechtswissenschaft und Literatur. Berlin: LIT Verlag, 2011. 300 S.
- Der wahre Jakob.* 22 März. 1913.
- Wander K.F.W. (Hg.):* Deutsches Sprichwörter-Lexikon, Band 2. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1870-1872. Bde. 2, 5.
- Webber M.J.* Distanz und Kritik. Das Rußlandbild der Jungdeutschen. // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871)*. München: W. Fink, 1992. S. 590-619.
- Der Wiener Parnass im Jahre 1848.* Wien, 1882. 463 S.
- Wunderlich C.A.* Handbuch der Pathologie und Therapie. Stuttgart, 1850. Bd. 1. S. 180.
- Медяков Александр Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ им. М.В.Ломоносова; medyakov@hist.msu.ru

Н. Н. БОГОМОЛОВА

ИНДИЙСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАНИНА ВИЗИТ ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО В ИНДИЮ. 1875-1876

В статье раскрываются механизмы репрезентации образа индийской знати в период визита принца Уэльского Альберта-Эдуарда в Индию. Тема вписывается в проблематику образа колониального «Другого». Процесс его формирования показан посредством анализа первого массового иллюстрированного журнала “The Illustrated London News” как одного из информационных каналов выражения имперской идеологии. В центре внимания находятся особенности восприятия викторианцами политической титулатуры индийского мира, их внешнего облика и личностных качеств. Изучается текстовая и визуальная традиции изображения индийцев.

Ключевые слова: образ, инаковость, “колониальный Другой”, викторианские представления, индийский правитель, амбивалентность, стереотип.

Британские представления об Индии вписываются в более широкий контекст изучаемой в исторической науке, культурологии, политической лингвистике, социологии проблемы – феномена «Другого».

Фактор прямой политической зависимости колоний от метрополии, сформулированный пришедшими к власти в 1874 г. консерваторами, предполагал, кроме геополитических целей, еще и поиск путей сосуществования метрополии и колоний на основе идей и принципов, выработанных западноевропейской цивилизацией. Успех экономической модернизации Индии зависел, в огромной степени, от ментальной готовности самого индийского общества воспринимать и позитивно реагировать на предложенные колонизаторами изменения. Этот принцип лег в основу внутривнутриполитической деятельности консервативного вице-короля лорда Литтона в Индии, деятельности, начатой его предшественником графом Нортбруком. Этой цели служила и поездка принца Уэльского Альберта-Эдуарда в Индию (ноябрь 1875 – март 1876 г.), результатами которой стало укрепление отношений с местной индийской знатью, завоевание «сыном королевы» их симпатий и, как следствие, принятие в 1876 г. парламентского Акта о королевском титуле, в соответствии с которым королева Виктория признавалась императрицей Индии. Мы реконструируем представления об Индии в период визита принца Уэльского на основе анализа “The Illustrated London News” как креолизованного текста, репрезентирующего Индию как колониального «Другого».

На октябрь – декабрь 1875 г., на начало путешествия принца Уэльского по Индии, приходится 13% от общего объема креолизованного

текста, и 31% приходится на разгар путешествия: январь – май 1876 г. Ни один другой сюжет, за исключением войн с кафрами и Балканской войны, не имел за эти годы столько широкого освещения в журнале.

Не только дипломатические инструкции и планы передвижения составляли «багаж» принца Уэльского. На заседании в Палате Общин премьер-министр Б. Дизраэли не упустил случая дать ему несколько установок для восприятия страны, которую ему предстояло посетить: «Путешествие – лучшая школа для принцев. В Индии он будет встречаться с представителями множества национальностей и различных рас, чуждых религий, чуждых традиций, чуждой манеры поведения <...> Есть одна характерная черта, хорошо известная любому джентльмену, которая отличает восточные нравы... – традиционность, сильно укоренившаяся в восточной жизни и, я могу сказать, в Индии в частности». Оговаривалось, что «принц Уэльский едет в Индию не как представитель ее Величества <...> Но невозможно отнять у него честь представляться старшим сыном Королевы, и невозможно игнорировать необходимость чествования Принца в такой манере, чтобы поразить Восточный разум»¹.

Специфика изучения текста и иллюстраций в журнале проявляется в неразрывной взаимосвязи вербального и невербального компонентов. Лингвисты ввели понятие креолизованного, семантически осложненного, «нагруженного» текста. Разделяя мнение о том, что вербальный компонент (собственно текст) наполняется особым значением, если соотносить его с изображением, мы говорим об огромной воздействующей силе креолизованного текста “The Illustrated London News” на читательскую аудиторию. Ведь вербально и невербально преподносимая информация воспринимается и усваивается по-разному. Так, исследования М.Б. Ворошиловой показали, что «информация, содержащаяся непосредственно в тексте, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики – на 38%, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие до 55%»². При этом важно, что «текстовые сообщения влияют на сознание читателя рациональным путем, тогда как использование визуального образа переводит восприятие на подсознательный уровень»³. К тому же «впечатление глаза» вызывает у воспринимаемого большее доверие: «то, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений»⁴. «Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию,

¹ The Morning Post. 1875.9 July.

² Политическая лингвистика...2007. С. 74.

³ Бойко. 2006. С. 71.

⁴ Войтасек. 1981. 190.

принимается в качестве некоей объективной картинки. Оно не соотносится в сознании адресата с той или иной политической установкой адресанта, оно кажется более демократичным⁵. Расшифровка языка знаков или креолизованного текста – это метод изучения системы ценностей поздневикторианского общества, особенностей его колониального мировоззрения. В последнее время иконографические источники все чаще привлекаются историками ментальностей для изучения представлений о «Другом»⁶. Механизмы конструирования и функционирования образа колониального «Другого» в обществе поможет вскрыть анализ визуального аспекта оппозиции «Свой – Другой».

Путешествие принца Уэльского по Индии – это череда постоянной смены городов и княжеств, прием в которых ему организовывали представители местной индийской власти: из Бомбея – в Мадрас и на Цейлон, затем опять в Бомбей, откуда путешествие продолжилось через Центральную Индию в Пенджаб, к границам британских владений. По сути, степень контакта с «Другим», колониальным миром напрямую соответствует глубине наблюдения колонизаторов. В нашем случае принц Уэльский и его спутники ограничивались общением с верхушкой индийского общества и с англо-индийским населением. Поэтому одним из центральных сюжетов, освещенных в “The Illustrated London News”, являются портреты и описания индийской аристократии. В глазах наследника британской короны и его сопровождающих она представляла собой некий собирательный образ «влиятельных джентльменов туземного происхождения»⁷, «правителей, восседающих на разукрашенных слонах, с пышным эскортом» в «причудливых одеждах»⁸. Всего за время визита принц и его спутники⁹ удостоили личными встречами лишь некоторых из самых влиятельных правителей Индии, других почтили своим присутствием на приемах – дарбарах, банкетах и представлениях в свою честь. В журнале встречаем изображения и описания некоторых, наиболее политически влиятельных из них:

Раджи: штат Деккан, Колхапур (Deccan States Agency and Kolhapur Residency), штат Мадрас, Мисор (Madras Presidency, Mysore), штат Гуджарат, Удайпур и Кача (Gujarat States Agency, Udaipur and Cutch), также княжество Барода (Baroda), штат Раджастан, Бхартпур (Rajasthan Agency, Bhurtpure), штат Гвалиор, Бенарес (Gwalior Residency, Benares).

⁵ Чудакова. 2005. 189.

⁶ Лучицкая. 2001; Афанасьева. 2004.

⁷ The Illustrated London News. 1875. 23 October.

⁸ Ibid. 1875. 8 January.

⁹ Герцог Сазерленд, сэр Батлер Фрер, лорд Педжет, лорд Саффилд, лорд Карингтон и многие другие.

Махараджи: штат Раджастан, Удейпур (Rajasthan Agency, Oodeypore), штат Гвалиор, Бенарес (Gwalior Residency, Benares), штат Раджастан, Мевар (Rajasthan Agency, Mewar), Штат Центральная Индия, Индор (Central India Agency, Indore), штат Раджастан, Джайпур (Rajasthan Agency, Jaipur), самостоятельная территория Кашмир (Individual residency, Kashmir), штат Гвалиор, княжество Гвалиор (Gwalior Residency, Gwalior), штат Деккан, Колхапур (Deccan States Agency and Kolhapur Residency), штат Гуджарат, Идар (Gujarat States Agency, Idar), штат Мадрас, Мисор (Madras Presidency, Mysore), штат Раджастан, Джодхпур (Rajasthan Agency, Jodhpur), штат Пенджаб, Паттиала (Punjab States Agency, Puttiala).

Со страниц “The Illustrated London News” на нас смотрит 46 портретов. В статьях описываются достаточно полно четверо правителей, упоминается – более 80-ти. Поскольку изображения участвуют в организации текста в разной степени, мы формируем из них две группы:

➤ **тексты с частичной креолизацией**, когда изобразительная часть выступает в качестве сопровождения вербальной части и является факультативным элементом текста (10%), и

➤ **тексты с полной креолизацией**, где вербальная часть не может существовать автономно, независимо от изображения. (90%).

Наиболее типичной оказывается следующая комбинация вербального и невербального компонентов в изображении правителей Индии:

1. иллюстрация+комментарий редакции
2. иллюстрация+комментарий+инициалы художника
3. серия иллюстраций+общий сопровождающий комментарий
4. серия иллюстраций+общий сопровождающий комментарий+частные комментарии к каждой иллюстрации из серии
5. основной вербальный текст (статья)+иллюстрация+комментарий редакции.

За исключением Guisowar¹⁰ Бароды, чьи портреты являются выделительными типами иллюстраций (по соотношению роли изображения с объемом текста), остальные иллюстрации относятся к изобразительно-центрическому, так как все внимание читателей сводится именно к изображениям, которые, порой, не имеют дополнительной информации в статьях. Все богатство образов представителей местной власти в иллюстрациях сводится к скупым комментариям, подчеркивая сосредоточенность на иллюстративном материале. Мизерную роль вербального текста, которую редакторы отвели описанию правителей Индии, можно объяснить спецификой самой страны – блеск и роскошь иллюстрированных образов не смогла бы передать ни одна статья. Необходимо также учитывать, что в этот период в Великобритании шло бурное раз-

¹⁰ Титул суверена Гуджарата в Восточной Индии.

вите печатных изданий, формировался новый массовый способ подачи печатного слова и визуального изображения. Техническая революция, начавшись в 1850-х гг., расширяла способы репрезентации колониального «Другого»: «происходило соединение вербальных и изобразительных элементов, которые облегчали восприятие метрополией подвластных территорий, что создавало опору для мифологизации сознания аудитории, которое всегда нуждается в подсказке»¹¹.

Важную роль в восприятии иллюстраций играла система ценностей викторианского общества, сквозь фильтры которой проходила вся информация, предлагаемая читателю. Говоря об имперском аспекте восприятия подчиненного мира, К. Гирц отмечал: «допустить мысль о том, что многообразие обычаев во времени и пространстве – это не просто вопрос костюма и внешнего вида, сценических декораций и комических масок, – значит допустить также мысль о том, что человечество столь же разнообразно в своей сущности, как и в своем внешнем выражении. И на данной мысли расслабляются некоторые крепко затянутые философские швартовы и начинается беспокойный дрейф в опасные воды»¹². Европейцы были убеждены в том, что перспектива войти в культуру, приобрести «историческое измерение» у народов других континентов появилась только с того момента, как они вошли в европейскую орбиту. Поэтому индийская культура, ее правители выступали на страницах «The Illustrated London News» как объект западного знания. Англичане писали и рисовали ту Индию, стереотипное восприятие которой накапливалось в памяти народа еще со времен Великих географических открытий.

Вся логика изложения информации в газетах служит этой колонизаторской модели восприятия и познания викторианцами неевропейского мира. Маркерами, идейно подтверждающими модель активного познания мира, служит специфическая лексика текста, насыщенная речевыми оборотами, фигурами речи и тропами, выражающими ценностные ориентиры эпохи. Очевидно, что в первую очередь это касается названия «Другого». Семантический анализ терминов, обозначающих данный феномен, есть первый уровень постижения представлений викторианцев, поскольку «‘название’ уже есть представление»¹³. В понятиях, обозначающих «Другого» создается образ Индии в целом, где мы находим семантическую оппозицию господства–подчинения: «наши Восточные Индийские владения», «Британская Индия», «наша Восточ-

¹¹ Смирнова. 2006. С. 56.

¹² Гирц. 2004. С. 47.

¹³ Фуко. 1977. С. 138.

ная Империя», «наши портовые гавани». Индия, безусловно, заслуживала того, чтобы гордиться ее завоеванием. Употребление личного местоимения «наш, наше» показывает определение Индии как части Себя, но подчиненной части. Истоки такого восприятия Востока, по-видимому, необходимо искать в идеях эволюционизма, сформировавшихся в европейской науке в первой половине XIX в. Как известно, эволюционизм исходил из общности человеческой природы и единства мировой истории. «Идеи универсальности и однолинейно-прогрессивной эволюции мирового исторического процесса вели к поиску и обнаружению в развитии восточных стран черт, присущих общемировому историческому процессу, эталоном которого служило передовое западное общество»¹⁴. Покровительственное отношение к менее цивилизованной стране, тем не менее, не мешало викторианцам находить такие обозначения, которые подчеркивают барьер между «Своим» и «Чужим» («другая цивилизация»¹⁵, «варвары»¹⁶, «эти Арабы»¹⁷); они имеют особое значение, так как применяются ко всей стране, туземному обществу в целом.

Изучая представления англичан об индийских правителях, небезинтересно посмотреть на то, как выглядит рисуемая ими политическая структура индийского мира, а также выявить особенности восприятия внешнего облика и личностных качеств.

Английская колониальная администрация в Индии была громоздка, и история завоевания континента позволила им в доскональности изучить индийскую политическую титулатуру. В социальной политике консерваторы традиционно стремились к союзу с аристократией. Литтон писал королеве Виктории: «Аристократия имеет сильное влияние на остальное местное население. Объединить ее вокруг трона» Вашего Величества и связать их симпатии и интересы с британским правлением означает серьезно укрепить власть и увеличить славу императрицы Индии <...> Если князья будут с нами, то и народ будет с нами»¹⁸. Конечно, конкретные шаги по предоставлению властных полномочий индийской аристократии были предприняты после возвращения наследника престола на родину и провозглашения королевы Виктории императрицей Индии. Но курс на эти реформы, несомненно, был выработан в самом начале прихода к власти консерваторов. Отношения наследника британской короны с индийцами строились «на основе 'матрицы' им-

¹⁴ Смирнов. 2005.

¹⁵ The Illustrated London News. 1875. 30 October.

¹⁶ Ibid. 3 January.

¹⁷ Op. cit. 20 November.

¹⁸ Lytton to the Queen. May 04, 1876. Цит. по: Сидорова. 2006. С. 198.

перских идей и рефлексов: идей иерархии, неравенства ‘отсталых’ и ‘цивилизованных’ народов»¹⁹.

Ключевые термины в словаре английских газет для обозначения индийских правителей – “indian princes or rajahs” (48 раз), “native Potentates” (18), “chiefs” (35), “ruler” (42). Риторическая фигура «называния» помогает викторианскому читателю найти для чуждых терминов близкие эквиваленты, создавая «эффект ясности». Семантический анализ терминов, обозначающих «Другого», есть первый уровень постижения представлений викторианцев об индийцах, поскольку «перевести – значит назвать, дать наименование»²⁰. Коннотация всех этих терминов – политическая. Ведь стремление англичан понять значительно уступало стремлению подчинить, что накладывает отпечаток на способ познания.

Одним из главных атрибутов статуса индийского правителя англичане видят присутствие рядом с каждым из них местной знати: «в Лахоре сына Королевы встречали местные принцы, и каждый из них имел при себе двух синдаров, и все – на слонах»²¹. Понятие “sindars” англичане переводят как “noblemen” или в другом варианте “the nobles or sindars, как их здесь называют”(курсив мой. – Н. Б.). И. Фабиан определяет подобное как «этнографическое настоящее», когда язык колонизируемого населения выступает как объект западного знания. Описание услышанного в данный конкретный момент подается как типичное для данной культуры. Исследователь отмечал, что «этнографическое настоящее» как бы ‘замораживает’ общество в том времени, когда его обозревают»²². В статьях “The Illustrated London News” мы находим много примеров «этнографического настоящего», что дает право говорить о тенденции англичан воспринимать колониальный мир в категориях статики.

Знатные индийцы постоянно окружают кронпринца, куда бы он ни следовал. Имеется единственное описание местного аристократа, чему способствовали его особые заслуги. Dwarkanath Tagore – владелец пригородной виллы Belgatchia вблизи г. Калькутты. В конце декабря 1875 г. «этот местный джентльмен» устраивает здесь пышный прием в честь королевского наследника и, будучи прогрессивным человеком, «делает всё, что в его силах, для улучшения взаимопонимания европейцев и туземцев на благо плодотворного сотрудничества». «Нет такого индийца, который принес бы больше пользы на этом поприще, чем Dwarkanath

¹⁹ Богомолов. (URL).

²⁰ Лучицкая. 2001. С. 172.

²¹ The Illustrated London News. 1876. 19 February.

²² Fabian. 1983. P. 9.

Tagore»²³. Описания личных качеств или черт характера других представителей местной знати мы не встречаем. Для англичанина они сливаются в однородную группу знатных и влиятельных особ, состоящих при каком-либо из правителей Индии. Детализация их восприятия сводится лишь к знанию рода, к которому принадлежит тот или иной приглашенный: «На банкете, организованном в г. Калькутте, среди приглашенных присутствовали главы самых могущественных семейств Индии: Траванкора, Джодпура, Джейпура, Рева, Бенареса, Кашмира и Визанаграма, и блеск несметного числа драгоценностей слепил глаза повсюду»²⁴.

Дистанцирование европейца от «чужой» культуры, постоянный контроль и саморефлексия порождали порой казусные ситуации, как, например, на приеме в Доме Правительства в г. Пареле. Принц Уэльский отказался принять дары индийской знати, так как «нечего было предложить в ответ»²⁵. «Викторианская самоуверенность вела к тому, что своим поведением англичане стремились вызвать у индийцев восхищение и признание себя в качестве существ высших и достойных подражания и тем самым воздействовать на них»²⁶. Поэтому даже в таких мелочах, как подарки, сын английской королевы не мог себе позволить остаться обязанным. А чтобы «показаться учтивым, он прикоснулся к дарам в знак признательности за их подношение. И некоторые из презентов (букет роз и сладости) передаривал стоящим рядом принцам и раджам»²⁷.

Описания правителей, носящих высший титул *махараджа*, наиболее детализированы. Махараджи – единственные из князей, владения которых наследник британского престола посетил лично, а в некоторых провел более месяца (г. Джайпур). Показательно, что титул *махараджа* в статьях вообще никак не переводится и не поясняется. Это направлено на создание у читателя «эффекта реальности» описываемых персон. Наличие определенного титула индийской иерархии подразумевает существование соответствующего эквивалента в собственной культурной традиции. Тогда в таблице соответствий двух миров не возникает феномена, описанного С.И. Лучицкой как «лакуна» или «пробел»²⁸. В нашем случае, наоборот, отсутствие риторической фигуры перевода образует «языковую лакуну», которая усиливает эффект экзотичности как одного из проявлений инаковости. И, если англичане в собственной традиции не

²³ The Illustrated London News. 1876. 21 January.

²⁴ The Illustrated London News. 1876. 19 February.

²⁵ The Illustrated London News. 1875. 25 December.

²⁶ Лурье. 1995. С. 253.

²⁷ The Illustrated London News. 1875. 25 December.

²⁸ Лучицкая. 2001. С. 171.

видят титула, соответствующего индийскому, то, видимо, речь идет так же и о «культурной лакуне»²⁹.

Рассмотрим одну из главных визуальных характеристик – внешний вид. Описания правителей, их эскорта и одежд занимают большую часть отдельных статей, эмоционально насыщенных средствами художественной выразительности: эпитетами «живописные белые одежды Востока», риторическими восклицаниями «Их присутствовало 50 или 60 человек, как мало из них я знал, и как много из них носят великие исторические имена!»³⁰, перечислениями «Улицы Бомбея дают большее разнообразие характеров, чем можно найти в любом другом крупном городе Индии. Нигде нет такого разнообразия костюмов: здесь и маратхи, и парсы, жители Бароды, Качи, арабы, пожаловавшие с Персидского залива, кабульцы, африканцы, а помимо них еще китайцы и многие другие»³¹.

Сложные по конструкции одеяния правителей и жителей Индии, многообразие украшений, тканей, вышивки и аксессуаров значимы в контексте обращения к амбивалентным характеристикам в восприятии британцами индийского варианта внешнего вида. С одной стороны, экзотичность и роскошь напоказ восхищали, будоражили воображение. Индийская одежда как бы придавала в своей визуализации законченность уже имеющимся в умах британцев представлениях об Индии вообще, о «ее колоссальных богатствах и ее богатейших ресурсах»³². Она подтверждала визуально все то, что британцы читали и слышали об Индии ранее – в романах Ч. Диккенса, в опубликованных рассказах путешественников или в речах политических лидеров. Каждый отдельный атрибут внешнего вида жителя Индии и индийская одежда в общем плане «играли» на этот образ. С другой стороны, все чуждое обязательно проходит сквозь фильтры имперского сознания и получает не только положительную оценку: “The Illustrated London News” открыто смеются над парадным видом великих правителей Канди, о Цейлон, почтивших принца Уэльского своим визитом: «Их костюмы были самыми примечательными и вычурными из всех, когда-либо видимых <...> На их головах восседали ‘подушечки для булавок’ диаметром около 18 дюймов <...> А нижняя часть их одеяния была еще более примечательна, чем верхняя, и представляла собой массу муслиновых складок, придавая им вид весьма дородных матрон в крайне интересном положении»³³. Ко-

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ The Illustrated London News. 1875. 13 November.

³¹ The Illustrated London News. 1875. 20 November.

³² Костюченко. 1977. С. 6.

³³ The Illustrated London News. 1875. 15 January.

мичный эффект усиливается наличием иллюстрации, по сути, выделительным типом иконической части креолизованного текста. {рис.1}

Эффект экзотичности подогревается рассказами о «гостеприимстве» махараджей, «невероятных приемах», «величии и сказочности» их владений. Образы внешнего вида реалистичны и имеют яркую художественную выразительность. Объемность форм, «индивидуальный почерк» художника, игра света и тени – вот отличительные художественные манеры, в которых работали иллюстраторы. Собственно, развитие иллюстративной графики с середины XIX в. характеризуется, прежде всего, расцветом графического искусства, имеющего самостоятельное художественное значение и внесшего ценный вклад в передовое реалистическое искусство нового времени. Поэтому персонажи правителей-индусов имеют яркую портретную индивидуальность, типично наличие мимики и выразительности взгляда. В основном, это гравюры на дереве, фотографии еще крайне редки. Этническая инаковость в иллюстрациях 1870-х гг. проявляется не в фантастичности, но в реальной экзотичности рисуемых образов индусов. Отличия не нужно подчеркивать или придумывать, они сами бросаются в глаза.

Несмотря на то, что литографии “The Illustrated London News” черно-белые, художники-иллюстраторы сумели передать не только блеск и роскошь нарядов махараджей, оригинальные детали одежды, но также и расовые признаки. Изображения лиц индусов заштрихованы черным карандашом, что создает эффект смуглой кожи. Это особенно бросается в глаза, когда два портрета – индуса и англичанина, как это часто встречается, расположены на одной странице. {Рис.2}

На символическом уровне цвет кожи имел свои коннотации: «в дихотомии черно-белого белый цвет ассоциируется с чистотой, светом дня и моральной непорочностью, тогда как черный предполагает грязь, грех, зло и тьму»³⁴. С.И. Лучицкая отмечала, что «цвет сам по себе нейтрален, смысл ему придает лишь наше восприятие. Ведь оно зависит от системы ценностей; оно связано с опытом и установкой созерцателя»³⁵. Если исходить из особенностей имперского мышления викторианца, то рассматривая изображения индусов, он моментально должен был ассоциировать «империю» с блеском, «имперскую расу англосаксов» – с белым цветом кожи, «цивилизаторскую миссию» – со светом. Метафоры, основанные на цветовом контрасте, подталкивали к восприятию как грязной, темной – смуглой кожи правителей-индусов, повышенной растительности и на-

³⁴ Cairns. 1965. P. 75.

³⁵ Лучицкая. 2001. С. 329.

личия красок на лицах, босых ног. Эти два цвета играли основополагающую роль в викторианском восприятии колониального мира. Лица туземных князей необычайно живые и отлично передают характер их владельцев, подмеченный художниками. Все фигуры самодовольны и внушительны, что выражается в статности и воинственности, соответствующей принадлежности к воинскому сословию. Махараджа Индора – высокомерен, смотрит свысока и вздернул подбородок {рис. 3}; махараджа Удайпура имеет ленивый взгляд, мягкие очертания лица, губ выдают безвольность характера {рис. 4}, верховный правитель Бароды – совсем юн, замкнутое выражение лица придает ему серьезности {рис. 5}, махараджи Гвалиора и Кашмира – правители почтенного возраста, на их лицах печать восточной хитрости и проницательности {рис. 6}. Всех объединяет одно – присущая Востоку в целом инертность по отношению к внешнему миру, что англичане назвали праздностью, ‘men of idle’; англичане также характеризуют восточные народы как неисправимых лгунов, кроме того, они «апатичны и подозрительны»³⁶ и «во всем выступают против ясности, прямоты и благородства англо-саксонской расы»³⁷.

Из такой мозаики личностных качеств туземных правителей Индии мы получаем стандартизированный набор представлений англичанина о том, как должен выглядеть восточный суверен: атрибуты язычества (тюрбан и платье для мужчин), темный цвет кожи (символ нечистоты), толстые губы (символ лицемерия и лживости), растительность на лице (символ мужественности). Выделение типичности параметров внешнего вида обуславливает социальную категоризацию. Н.А. Белолипецкая отмечала: «Картина мира ‘Другого’ тяготеет к малой подвижности, к инерции в сознании колонизаторов, и даже качественные сдвиги, происходящие в другой культуре, не закрепляются быстро в восприятии ‘Другого’»³⁸. То есть, перед нами упорядоченная информация, которая в основе своей соответствует прочно вошедшим в сознание викторианцев устойчивым этническим стереотипам о колониальном правителе вообще и правителе Индии в частности.

Пресса поддерживала «простые, наглядные, легко запоминающиеся и доступные освоению, знакомые многим»³⁹ характеристики колониального мира и его отдельных персонажей, упрощая богатство их качеств и сводя их к этим характеристикам. Таким образом, мы выявили три следствия стереотипизации, о которых говорил С. Холл: «редукция,

³⁶ The Illustrated London News. 1876. 20 March.

³⁷ Историческая психология и социология...2009. С.21.

³⁸ Белолипецкая. 2010. С. 28.

³⁹ Вестник ННГУ...2002. С.227.

эссенциализация, фиксация ‘различий’⁴⁰. Получается, что стереотипы ригидны, оказываются характерно неизменны и однозначны. Технический прогресс позволил использовать в массовой печати иллюстрированный материал, который по сути своей, привнес лишь обновление формы подачи стереотипов, но не их содержание.

Индийская одежда сама по себе выполняет функцию религиозной инаковости. Важно, что в контексте анализа внешности индийских правителей стереотипизация «оказывается практикой ‘замыкания границ’ или исключения»⁴¹, символически фиксируя границы узнавания и исключая все, что не охватывается ими. Здесь мы имеем дело с особенностью колониального познания: стремясь к активному узнаванию подвластных территорий англичане, скрупулезно изучая внешние детали всех институтов и сфер индийского общества, тем не менее, сознательно исключают для себя глубокое познание другой культуры, ограничиваясь поверхностным. В частности, это касается головного убора индусов – тюрбана. Английские иллюстраторы тщательно прорисовывают каждый штрих, делают различия между манерами драпировки. Но если для самого индуса этот атрибут внешности являлся символом его статуса и неураченной чести, то для викторианца этот факт ничего не значит и является, в первую очередь, визуальным атрибутом иноверца, язычника. Англичане исключили знание его разновидностей и символического значения из пространства познания чуждой культуры, и будь то тюрбан типа «сафа» (ткань складывается в более узкую полосу и накручивается на голове) или «пагди» (ткань скручивают жгутом, что напоминает чалму), для англичанина это просто тюрбан. Та же особенность стереотипизации касается и индийских ювелирных украшений. Головной убор всегда имеет украшение, вошедшие в моду еще при Моголах. Как отмечала Е.Н. Успенская, «чаще всего – сердоликом, аметистом, сапфиром. Спереди надо лбом часто прикалывали брошь-сарпеч»⁴². Так, махараджа Кашмира изображен в тюрбане с драгоценной брошью невероятной красоты, придерживающей пучок перьев райской птицы⁴³. Такие атрибуты внешности являлись характерными для всех правителей-раджпутов. Надо знать, что ювелирные украшения, по сути, являются оберегами и амулетами, а также символами социального статуса, и носят их не просто из любви к красивым вещам. Но эта деталь внешнего вида в текстах не описывается, значит, для англичанина – это просто аксессуар.

⁴⁰ Hall. 1997. P. 257.

⁴¹ Вестник ННГУ... 2002. С.228.

⁴² Успенская. 2000. С. 360-361.

⁴³ The Illustrated London News. 1875. 18 December.

«Развенчанию» ценности и качества ювелирных украшений местной знати посвящена целая статья, написанная, видимо, в целях предотвращения их массовых покупок соотечественниками. «Отличительной особенностью индийских ювелирных украшений», – заявляет корреспондент, «является обманчивость их великолепия, фальшивая твердость металла, который не стоит больших денег, а также их броскость». Обращаясь к читателю, он объясняет: «...Вы видите ожерелье или кушак, усеянный драгоценными жемчужинами, которые считаете бесценными, но это чистой воды обман, 'игра цвета'. Жемчужины и бриллианты, изумруды и рубины, они лишь обманчиво горят, и не имеют в сущности ценности. Индийский ювелир добивается лишь яркого эффекта сияния, варварски кричащего, и не задумывается над чистотой камней», но ничто не может превзойти артистическое мастерство и эффектность, с которой эти безделушки носят в Индии»⁴⁴. {рис. 7} Так газета дает установку на восприятие сопутствующего материала. Махараджи Бенареса, Индора, Гвалиора, Джайпура просто «увешаны» подобными украшениями, «индийские принцы и вожди блистали варварским жемчугом и золотом»⁴⁵ на каждом из приемов – дарбаров. «Индийского ювелира интересует количество, и совершенно не беспокоит качество; брак изумрудов, фальшивые рубины, 'большие как грецкий орех', и просто алмазная крошка... Бессчетное число камней, популярных в Индии, не имеют ценности в Европе, если только как музейные экспонаты»⁴⁶.

Религиозная символика инаковости одежды индийцев дополняется эстетической: «причудливые одежды людей являли собой любопытнейшее зрелище»⁴⁷, – заявляет корреспондент из Калькутты. На фоне высоких лиц, «шествовавших по улицам Бомбея к Дому Правительства на встречу Индийских Принцев с Его Высочеством»⁴⁸, выделялись двое: юный Guicowar Бароды и махараджа Удайпура. Первый был одет в «парадное платье, усеянное бриллиантами, стоимость которых оценивается в несколько сотен тысяч фунтов стерлингов». «Он не такой деспот, какими были его предшественники»⁴⁹. Имеется в виду, в частности Маратха Гаеквар Бародский, который был низложен в 1875 г. за плохое управление и попытку отравить состоявшего при нём британского резидента⁵⁰,

⁴⁴ The Illustrated London News. 1876. 12 August.

⁴⁵ The Illustrated London News. 1875. 13 November.

⁴⁶ The Illustrated London News. 1876. 12 August.

⁴⁷ The Illustrated London News. 1875. 8 January.

⁴⁸ The Illustrated London News. 1875. 18 December.

⁴⁹ The Illustrated London News. 1875. 11 December.

⁵⁰ История Индии...1973. С.402.

а владения оставлены за одним из его малолетних родственников, и взяты под опеку Короны. “The Illustrated London News” дают довольно полную характеристику реформам, предпринятым англичанами на территории княжества. Поэтому тональность текста по отношению к ‘boy-prince’ самая теплая. Юный правитель изображен «по всей форме и во всей пышности»⁵¹. Корреспондент отмечает, что «маленький мальчик наделен выдающимся интеллектом»⁵², что художник и постарался передать на портрете: несмотря на атмосферу восточной роскоши и праздности, лицо юного принца серьезно и с оттенком грусти.

«Среди множества роскошных одежд одевание махараджи Удайпура Dheraj Sumbhoo Singh заслуживает особого внимания: весь в белоснежном хлопке, с золотым ремнем через левое плечо, на котором пораджпутски держался щит, с индийской саблей в руке... вот в таком виде он предстал перед своим будущим Императором». {рис. 8} Повидимому, этот «молодой человек, чья слишком смуглая кожа странна для туземца и была в оспинах, носит небольшие усики, и выражение его лица угрюмо и без следов интеллекта», не входил в круг приближенных к принцу Уэльскому, поскольку не удостоился почетного звания «местного джентльмена». Он был уязвлен тем, что на торжестве «занимал место после мальчишки Guicowag», хотя был «одним из самых важных раджпутских принцев, чей род вел начало от мифического героя Рана»⁵³.

В целом, комментарии постоянно акцентируют внимание читателей на описании деталей индийской одежды: будь то вышивка золотой нитью на тончайшем шелке, который носит раджа, или массивные бесценные серьги, броши, браслеты, ожерелья и подвески. Имеется четкое понимание того, что Индия – баснословно богатая страна. Употребляемые эпитеты – роскошь, блеск, богатство, помпа, вычурность – создают образ сказочности. Так, англичане вводят понятие «Грандиозного восточного торжества» (“Grand oriental state”)⁵⁴ в контексте помпезности различного рода торжественных событий, увиденных ими в Индии: въезда в город, дарбара или представления {рис. 9}. «Правители, восседающие на слонах, их пышный эскорт, внешний вид являли собой самое красочное представление»⁵⁵. Подобные реплики предвеляют описания торжеств по поводу приезда наследника в любой из городов Индии. Понятие включает такую картину {рис. 10}: «Принц въехал в Джайпур вечером со всей

⁵¹ The Illustrated London News. 1875. 25 December.

⁵² The Illustrated London News. 1875. 11 December.

⁵³ The Illustrated London News. 1875. 18 December.

⁵⁴ The Illustrated London News. 1876. 2 February.

⁵⁵ The Illustrated London News. 1876. 8 January.

грандиозной восточной пышностью. Процессия включала пехотинцев, верховых сопровождающих, метальщиков копий – все в вычурных костюмах. За ними следовали слоны с седоками и длинная вереница местных жителей. Затем показалось несчетное количество тяжеловооруженных всадников с длинными восточными саблями, представляющими дикий танец перед Его Высочеством Принцем и махараджей Джайпура. Последние восседали на слоне в окружении факелоносцев. Дворцовая свита, также верхом на слонах, раджи и местная знать следовали за процессией, а конные и пешие воины замыкали шествие. Всё это вместе производило невероятное впечатление. Весь город был украшен венецианскими масками и огнями. Толпы зевак наводнили улицы, и в них царил всеобщий восторг»⁵⁶. Корреспонденты отмечают, что «лишь единицы из местных правителей имеют меньше, чем 20 слонов и 40, а то и 50 верблюдов, 6 стрелков, 20 конных и, по меньшей мере, 1000 кавалеристов, а пехотинцам нет числа. Некоторые из них могут похвастаться численностью пехоты и кавалерии, втрое больше вышеприведенной»⁵⁷.

Особый интерес представляет декодирование понятий, которые несут в себе этические коннотации. Те из правителей, которые сумели заслужить одобрение англичан или выказали должное почтение, именуются туземными джентльменами – “native gentlemen”⁵⁸. Так, приветствуя просвещенность индийской элиты и европейскую образованность, «Принц был рад слышать, что раджа Колапура делает успехи в учебе, и отметил, что *этот туземный джентльмен* (курсив мой. – Н. Б.) будет иметь большое преимущество, если сможет общаться по-английски»⁵⁹. За этим последовало приглашение раджи посетить Англию. Так же обозначены цейлонские правители, принимавшие принца Уэльского в начале декабря 1875 г. {рис. 11}: «Принц весело болтал с правителями Канди во время представления Перехара, и почти все *эти туземные джентльмены* (курсив мой. – Н. Б.) бегло говорили по-английски»⁶⁰. При въезде в Джайпур Его Высочества один из отрядов эскорта махараджи был одет в европейскую форму, и одним этим фактом солдаты заслужили себе гордое звание джентльменов. Использование во всех примерах риторической фигуры метонимии⁶¹ следует расшифровывать

⁵⁶ The Illustrated London News. 1876. 2 February.

⁵⁷ The Illustrated London News. 1876. 11 March.

⁵⁸ The Illustrated London News. 1876. 19 February.

⁵⁹ The Illustrated London News. 1876. 20 November.

⁶⁰ The Illustrated London News. 1876. 8 January.

⁶¹ Метонимия – вид тропа, «перенос слова с одного объекта на другой на основании смежности понятий, обозначаемых этим словом». (Литература и язык... С. 382).

не просто как процедуру перевода. Понятие «джентльмен» в данном контексте несет в себе явную моральную нагрузку. Англичане, пытаясь найти подходящий для данного случая прямой эквивалент обозначения чувства приятия поступков правителей, их личного прогресса или просто внешнего вида, высказывают свое оценочное суждение и, тем самым, осмысливают некую схожесть между «Своим» и «Чужим».

Так было в случае с махараджей Джайпура (Sewae Ram Singh), который устроил наследнику пышный прием. Его Высочество пользовался его гостеприимством почти месяц (дольше, чем в любом другом городе Индии) и был обязан ему незабываемыми экспедициями и охотой на тигров, диких слонов и кабанов в Непале и Тираи. Его словесный портрет – единственный, на котором заостряется внимание в статьях. «Он всё свое время и все помыслы направляет на благо своего народа. Махараджа настоял на налаживании санитарных условий в городе и довел дело до конца со всей строгостью, которая свойственна европейским властям. Он образовал Совет министров при правительстве, в его владениях царит конституционное правление; он дал городу самоуправление и основал просторный и красивый колледж. Здесь также имеются Институт искусств, музей, превосходные школы, великолепные публичные парки и многое другое. Все это содержится в превосходном состоянии, исправно функционирует, и может конкурировать с любым крупным английским городом в сельской местности. Все процессы махараджа контролировал лично, пешком обходя стройки, инспектируя работу с утра и до ночи. В нем нет и намека на ту помпу и самодовольство, которые так часто можно увидеть в иных индийских принцах». «У махараджи Джайпура нет склонности выставлять напоказ армию, хвалиться воинским составом, хотя его армия превосходит в числе любую из армий правителей богатых и влиятельных городов Индии на 1/5». Проницательность взгляда, немногословность, судя по сжатой линии рта, и сильная воля – так рисуется его визуальный образ {рис. 12}; к нему добавляется словесное описание: «Его народ управляется мудрым и справедливым правителем, он дарует комфорт, счастье и такое материальное благосостояние, какого нет ни у кого из правителей по всей Индии»⁶². В описании этого правителя присутствует прямая оценочность, исключительная для статей, избобилующих лишь косвенными характеристиками:

Махараджа Гвалиора Синдия оказал кронпринцу не менее теплый прием, став в глазах корреспондента «местным джентльменом» (после того, как дизайн его дворца сравнили с великолепием Тюильри), а затем

⁶² The Illustrated London News. 1876. 30 March.

заслужил высшей степени одобрения: был назван «другом, личным другом Его Высочества» {рис. 13}. Осознанно или нет, но слова махараджи Синдрии попали в подготовленную почву: «Для меня было честью видеть Ваше лицо. И я едва ли могу надеяться увидеть его вновь, но пусть в Англии обо мне останется добрая слава. Всё, чем я владею – принадлежит и Вам»⁶³. Словесное выражение почтения к кронпринцу, подтверждение права Британии на территорию Гвалиора воспринимаются англичанами как должное, поведение махараджи перерастает в статус образцового, так как полностью оправдал ожидания.

Слова махараджи Синдрии следует воспринимать не только как выражение почтения к королевской персоне, но и буквально: новая политика в отношении индийской феодальной верхушки, провозглашенная ещё в прокламации королевы Виктории от 1 ноября 1858 г., последовательно проводилась колониальной администрацией в жизнь. Синдрия активно поддерживал метрополию во время восстания сипаев, и вошел в круг правителей Северо-Западных провинций, кому англичане пожаловали значительные территории из земель, конфискованных у мятежников. Наделяя индийских помещиков и князей землями, англичане экономически закрепляли свой союз с верхушкой индийского общества. В этом же проявился один из основных принципов английской политики в Индии – «разделяй и властвуй». На большом приеме–дарбаре в ноябре 1859 г. в Агре, куда для встречи с генерал-губернатором были приглашены владетельные князья Раджпутаны и некоторых других районов Индии, впервые было объявлено об изменении английской политики в отношении «выморочных» (не имевших прямого наследника по мужской линии) княжеств. Лорд Каннинг разрешил Синдрии выбрать себе приемного наследника. Принц Уэльский собственноручно наградил махараджу орденом «Звезда Индии». Таким образом, поводов у Синдрии благодарить метрополию в лице Принца были.

Англичане постоянно навязывают индийцам «правильный» поведенческий кодекс. От них ожидается выражение признательности по отношению к Англии в словах, поступках и даже мыслях. Показателен анализ грамматической текстовой доминанты – глагола *must*, используемого для выражения уверенности, несомненности. Частое его употребление в статьях “The Illustrated London News” по отношению к индийцам вскрывает ожидаемую от них модель поведения. Если глагол в высказывании передает денотативное значение действия, а западная модель отношения к внешнему миру характеризуется высокой активностью, то

⁶³ The Illustrated London News. 1876. 4 March.

нахождение таких глаголов в тексте напрямую отражает степень британской активности в Индии. Так, индийское население должно: «быть благодарным Англии»; «оказать блистательный прием Принцу Уэльскому»; «симпатизировать установлению прогресса цивилизации и выражать удовлетворение по поводу установления хороших отношений между Востоком и Британской Империей»; «выказывать рвение на ниве просвещения»; «выражать высшую степень признательности за ту честь, которую выказал Принц, посетив страну».

Основную роль в формировании образа индийских правителей на страницах газеты играет использование не только риторических фигур, но также стереотипов. В итоге, мы видим, что англичане целенаправленно делят их на два лагеря: правители, которые следуют советам метрополии (им даются самые лестные характеристики в терминах западной системы ценностей); и те, которые не оправдали их ожиданий (получают в глазах англичан отрицательные характеристики). Предлагается следующий набор ценностных характеристик индийцев, построенный на полярных оценочных суждениях:

«+» характеристики	«-» характеристики
Спонтанность в проявлении чувств и доброта	Грубые варварские поборы с населения
Безмятежность	Иррациональность
Фантастичность одежд	Варварство
Восточная pompa правителей, или вычурность	Чудаковатость
Веселый, беззаботный	Праздность
Учтивость, любезность	Сверхъестественность, склонность к мистике
Баснословное богатство	Хвастовство
Восточное гостеприимство	Расточительность
Выражение глубокого чувства обязанности	Умение пускать пыль в глаза, обман

Таким образом, процесс восприятия креолизованного текста есть процесс двойного декодирования заложенной в нем информации: при восприятии изображения происходит его наложение на воспринятое содержание вербальной составляющей статей. В итоге, «возникает некая третья, единая, общая семантическая составляющая всего креолизованного текста»⁶⁴. Изучение такого типа текстов позволило в рамках нашего исследования выявить взаимодействие языка, отражающего имперский тип мышления англичан, с другими семиотическими системами.

⁶⁴ Вестник ТвГУ...2010. С. 137.

Креолизованный текст “The Illustrated London News” о колониальных правителях основывается на предзнании – «глубинных пластах образов»⁶⁵, уходящих своими корнями в британскую литературную, политическую и историческую традиции. В соответствии с этим публицисты выстраивают текст, а британский читатель вычитывает смысл высказываний и имплицитные коды, организующие новостные статьи. При конструировании образа правителей Индии британская пресса использовала стилистические средства, помогающие осмыслить инаковость индийского мира и его правителей: перевод, сравнение, метонимия, метафора. Помимо этого, «эффект экзотики» формировали культурные стереотипы отсталости туземцев, такие стратегии дифференцирования «Другого» как: утверждение об инертности индийцев в качестве оппозиции динамично меняющемуся Западу; использование «этнографического настоящего времени»; объединение индийцев в коллективное «они» в оппозиции к «нам». Задачей было органичное введение информации об Индии в пространство своей колониальной ойкумены, потому и персонифицированный образ индийского правителя репрезентируется в обобщенной, абстрагированной форме, рассматривается как подтверждение ранее созданных политических и культурных клише. По большому счету, целью авторов статей и иллюстраций было не столько сформировать объективное представление б Индии, сколько убедить читателя в правильности той интерпретации, которую они предоставляли. Система аргументации была направлена на то, чтобы мнение авторов стало мнением аудитории. Имплицитно оно соответствовало мнению консервативной власти: склонить «туземных джентльменов» к лояльности и преданности британской власти, переориентировать их в сторону европейских ценностей в рамках той культурной и политической модернизации, процесс которой начался в Индии еще в 1860-х гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии (краткий очерк). М.: Мысль, 1973.
- Афанасьева А.Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций: дис. ... канд. ист. наук: Ярославль, 2004.
- Белолипецкая Н.А. Образ Египта и египтян в британской культуре последней четверти XIX – первой четверти XX вв.: механизмы формирования: дис. ... канд. культурол.: Екатеринбург, 2010. С.182.

⁶⁵ Шестопал. 2002. С.17.

- Богомолов С.А.* Проблемы функционирования социопсихологического механизма имперской идентичности в поздневикторианской Великобритании // URL: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/new_history_20/6.php
- Войтасек Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.
- Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 73-78.
- Гири К.* Насыщенное описание // Гири К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С.478-522.
- Cairns H.A.C.* Prelude to Imperialism: British reactions to Central African Society 1840–1890. L., 1965.
- Костюченко В. С.* Вивекананда. М.: Мысль, 1977.
- Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. Горкина. М.: Росмэн. 2006.
- Лурье С.В.* Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. Вып. II. С. 252-274.
- Луцицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
- Любимов Ю.В.* Образ Другого: (Восток в европейской традиции) // Историческая психология и социология истории. М., 2010. № 1. С. 21–47.
- Сидорова С.Е.* Английский либерализм и проблемы модернизации Индии в 60-х – первой половине 80-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. Наук: М., 2006.
- Смирнов С.В.* Образ Востока в мировой исторической науке (втор. пол. XIX – XX в.) // "Проект Ахей". URL: <http://mmj.ru/index.php?id=39&article=500>
- Смирнова И.С.* Образ лидера и политической элиты в прессе Великобритании. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
- Спешилова А.Ю.* Виды взаимодействия вербальной и визуальной составляющих креолизованного текста на примере современной печатной рекламы // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». Вып. 5. 2010. С. 136-140.
- Сундуков Р. В.* Дилемма социальных и культурных оснований репрезентации // Вестник ННГУ. Сер. Социальные науки. Выпуск 1 (2). Н. Новгород: ННГУ, 2002. С. 221-233.
- Успенская Е.Н.* Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб.: Евразия, 2000.
- Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М., 1977.
- Чудакова Н.М.* Концептуальная область "Неживая природа" как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Шестопал Е.Б.* Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти: психология восприятия власти. М., 2002.
- The Illustrated London News. 1875–1876.
- The Morning Post. 1875.
- Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. N.Y.: Columbia University Press. 1983.
- Hall S.* The spectacle of the 'other' // Representation: cultural representations and signifying practices / Ed. By Stuart Hall. London, Sage publ. 2003. P. 223-290.
- Богомолова Наталия Николаевна**, аспирант кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета; natalie_bogomolova@mail.ru



Рис. 1.

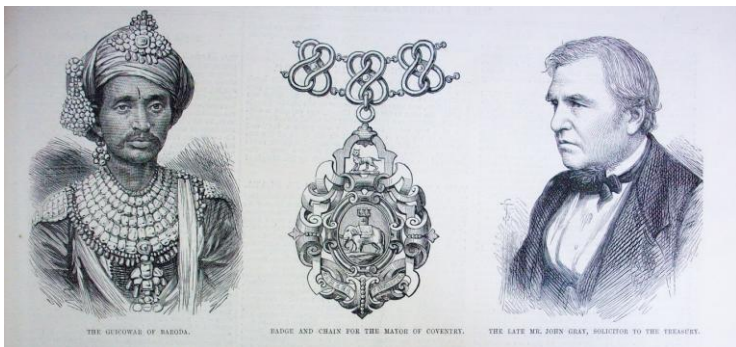


Рис. 2

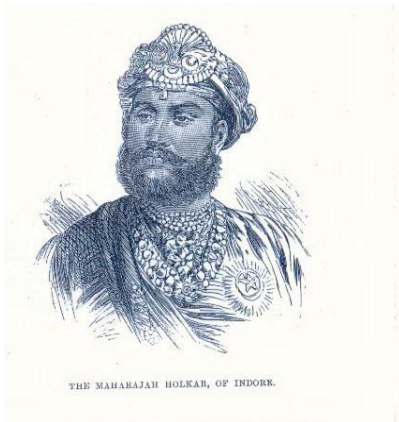


Рис. 3



Рис. 4



Рис. 5



Рис. 6

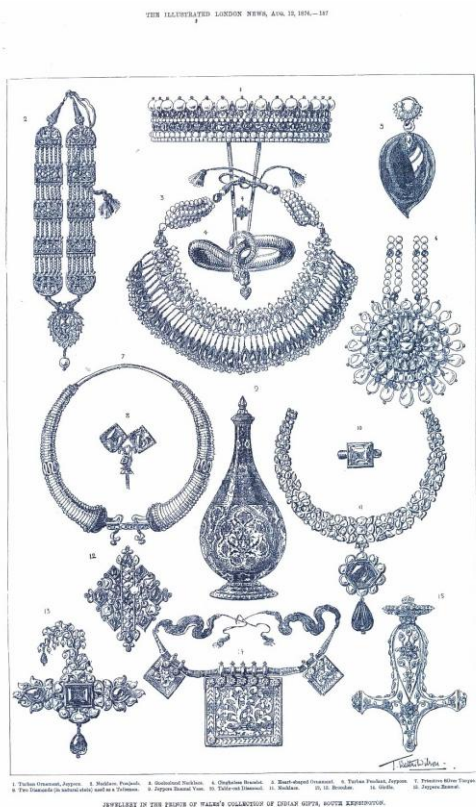


Рис. 7



Рис. 8



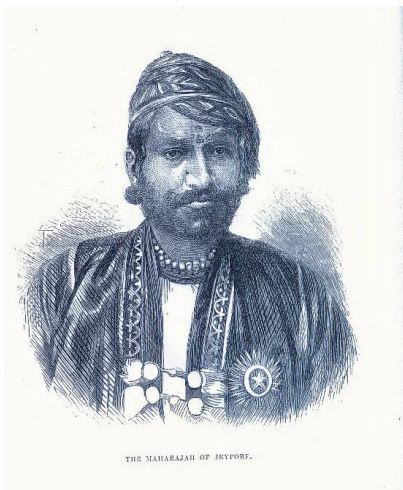
Рис. 9



Рис. 10



Рис. 11



THE MAHARAJAH OF JEYPORE.

Рис. 12



Рис. 13

Ю. А. ЕФРЕМОВА

СИМВОЛИКА МОНАСТЫРСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО САДА (НА ПРИМЕРЕ РАННЕЦИСТЕРЦИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ)

В статье рассматриваются представления о саде в раннецистерцианских источниках (главным образом, первой половины и середины XII в.). Из всех функций сада для монахов особенно важной оказывается символическая, причем богатой символикой обладают как отдельные растения, так и сад в целом. Монастырь и отдельно монастырский сад воспринимаются как образ рая на земле. Сад, в представлении монахов, позволял им приблизить свое непосредственное окружение к божественному совершенству, существовавшему в земном раю и впоследствии утерянному.

Ключевые слова: *средние века, монастырские сады, символика, представления о рае, природа, цистерцианцы.*

Сад повсеместно присутствует в средневековых источниках – документах, хрониках, художественных произведениях, как повсеместно присутствует он и в жизни многих людей Средневековья. Сады можно встретить едва ли не в каждом поселении, поместье, замке, городе и монастыре, и, в некотором смысле, сад является их неотъемлемым признаком¹. Он занимает особое место в организации пространства, так как здесь человек взаимодействует со «своей» природой, которую он преобразует в соответствии с определёнными представлениями. Являясь в значительной мере творением рук человека, сад занимает своего рода промежуточное положение между «природой» и «культурой»².

Нет уверенности в том, существовали ли универсальные общие принципы разбивки сада в Средние века, однако известно, что сады, разбитые в разных видах поселений, значительно различались. Так, например, для замковых садов – в отличие от монастырских – были характерны меньшие размеры и куда более свободная планировка. Совсем небольшие сады можно было встретить и в стенах города – при домах богатых горожан (в каком-то смысле именно такой сад был единственным связующим звеном между жителем города и природой)³.

¹ Deluz. 1990. P. 100.

² Carroll-Spillecke. 1992. S. 289.

³ Willerding. 1992. S. 259-263.

Цистерцианские и бенедиктинские монахи устраивали сады согласно строгому плану. В отличие от них, картезианцы, к примеру, приспособляли расположение построек и устройство садов к условиям среды, в которой строился монастырь. Но в целом, схожесть садов у разных монашеских орденов можно объяснить схожей концепцией монашеской жизни и относительно схожими, довольно благоприятными климатическими условиями. Сад встраивался в общую организацию монастыря, был естественной частью его архитектурного ансамбля. Как монастырь немислим был без храма, так и без засаженного растениями внутреннего дворика, огорода и фруктового сада⁴. Внутренний двор с садом был одним из центров жизни монастыря. Здесь проводили время в размышлениях, выполняли послушания монахи, выздоравливающие после болезни или уже неспособные к более тяжелой работе, здесь же хоронили умерших. Сад встраивался в общую организацию монастыря, был естественной частью общего его архитектурного ансамбля.

О том, как выглядели монастырские сады в раннее и классическое Средневековье, можно на примере сада Сен-Галленского монастыря в Швейцарии⁵. Сад присутствовал в Сен-Галлене в четырех «ипостасях». Во-первых, внутренний двор (*claustrum*), окруженный постройками и представлявший собой открытое пространство, покрытое травой, в центре которого росло дерево. Во-вторых, место, где выращивали ароматические и медицинские травы (*herbularius*), – в северо-западном углу монастырской территории рядом с кельей врача. В-третьих, огород (*hortus*) в юго-западной части плана и, наконец, фруктовый сад, где также находилось кладбище⁶. Ни для какого другого сада этого времени мы не обладаем настолько полным описанием. Есть, впрочем, основания предполагать, что сады других монастырей – как бенедиктинских, так и цистерцианских – были организованы по схожему принципу.

Монахи XI–XII вв., как и все люди Средневековья, видели в природе не только практическое, но и символическое значение, тесно связанное с их идеалами и ценностями⁷. Выращивали, как правило, те расте-

⁴ Бернард Клервосский аллегорически обозначает монастырь как «сад и келью». *Bernardus Claraevallensis. Sermones in cantica canticorum. Sermo XXIII, 3. Col. 885C.*

⁵ Рукопись с подробным планом этой обители, сделанным в скриптории Райхенау в первой половине IX в., – единственное дошедшее до нас подробное изображение архитектурного ансамбля монастыря вплоть до XIII в.

⁶ Литература о садах Сен-Галленского монастыря обширна. См., например: *Berschlin. 1987; Berschin. 1984; Janssen. 1986. S. 225-228; Miglio. 1990. P. 709; Vogellehner. 1989. P. 11-40. P. 25-28.*

⁷ См., например, *Brunner. 1992. S. 684-686.*

ния, которые не только приносили практическую пользу, но и были символами добродетелей⁸. Например, плоды и ветви миндальных деревьев были символом чистоты деви Марии, персики – безмолвия и верности, а в каштане, чей плод несмотря на колючую оболочку, остается невредимым, видели символ непорочности и целомудрия, не поддавшегося искушениям плоти. Символическое значение было не только не менее значимым, чем практическое, но порой даже преобладало над последним. Наиболее яркий пример – розы и лилии, символы непорочности и чистоты, бывшие неотъемлемым элементом сада. Роза, благодаря своим эстетическим свойствам и символическому значению, ставилась выше других растений, получая, таким образом, особый статус. Красная роза символизировала пролитую кровь Христа и всех мучеников⁹, белая роза или лилия – деви Марию¹⁰. Лилии также были символами праведников¹¹. Фиалка – символом смирения и – что имело особое значение для монахов – послушания¹². Томас из Сито называет лилию, фиалку и розу самыми важными из цветов. По его словам, «в моральном смысле» они олицетворяют деви Марию, Иоанна и Христа: «лилия девственности, фиалка смирения и роза любви»¹³. Не следует, правда, забывать и об эстетической функции этих цветов: их красоту отмечали и сами монахи.

Некоторые растения приобретали значимость как символы очищения от грехов и борьбы с дьяволом¹⁴. Кроме того, их целебные свойства для тела были символом исцеления, которое вера могла принести душе.

⁸ *Bernardus Claraevallensis*. Sententiae 30: De prima die dicit sponsus sponsae: Veni in hortum meum, soror mea sponsa (Cant. V, 1); hoc est in plantaria bonarum virtutum. Col. 754B.

⁹ *Petrus Cluniacensis*. Carmina. In honore matris Domini alia prosa: Virginitatis liliium, et rosa per martyrium. Col. 1018D. *Bernardus Claraevallensis*. Sermones in Cantica Canticorum. Sermo XXVIII, 10: Formosus plane quem circundant flores rosarum, et lilia convallium; hoc est, martyr, virginumque chori: et qui medius resideo, utriusque non dissideo choro, virgo et martyr. Col. 926B.

¹⁰ Например: *Bernardus Claraevallensis*. Tractatus de laudem gloriosae virginis Mariae: O Virgo, virga nobilis... tam florens rosa de tam sicca spina! Col. 1144D.

¹¹ *Guericus Igniacensis*. Sermones per annum. Sermo in verba Cantici Canticorum, 1: totus justus germinabit sicut liliium, et florebit in aeternum ante Dominum. Col. 21D.

¹² *Petrus Cluniacensis*. Sermones. Sermo II: Spargant illi sepulcra corruptione horrentia diversorum generum flore, nos sepulcrum de quo incorruptio ex vita exorta est castitatis liliis, humilitatis... Col. 973B.

¹³ *Thomas Cisterciensis, Joannes Algrinus*. Commentaria in Cantica canticorum. Liber tertius: Tres sunt flores privilegiati quibus floridus dicitur. Primus Christus, secundus virgo Maria, tertius Joannes evangelista... Sed et moraliter isti sunt tres flores, scilicet liliium virginitatis, viola humilitatis, rosa charitatis. // PL 206. Col. 1059-1060.

¹⁴ *Sodigne-Costes* 1990. P. 338.

Вот как Томас из Сито характеризует руту: «Ведь скорбь раскаяния обвивает человека и умеряет гной грехов, как и рута обвивает раненого и умеряет поток крови»¹⁵. Еще в большей степени преобладание символики над практикой было характерно для растительного архитектурного декора. Не будет большим преувеличением предположить, что символическое значение придавалось любым цветам как таковым, независимо от их видовой принадлежности, внешнего вида, практической пользы. Именно «просто» цветы (*flores*) встречаются в источниках чаще всего, в том числе и у Бернарда Клервосского¹⁶. Цветы же – наряду с плодами – являются существенным компонентом сада как места «удовольствий», или, скорее, радостей (*deliciae*), что, в свою очередь, следует понимать как недвусмысленную аллюзию на потерянный земной рай – Эдем (*paradisus deliciarum, hortus omnium pomorum*)¹⁷.

Монастырский сад воспринимался как образ рая на земле, по которому испытывали ностальгию уже основоположники христианства (см., напр.: 2 Кор. 12:3-4). Отсылки к раю присутствуют также в устройении церквей и монастырских садов. Подобно тому, как Бог создал сад Эдемский, так и человек, сотворенный по образу Божию, создаёт сад на земле. В некотором смысле, роль садовника была уготована человеку Господом изначально: ведь Бог поместил человека в Эдем с тем, чтобы тот «возделывал и хранил его»¹⁸. Некоторые исследователи полагают, что в такой формулировке имеется в виду земледельческая работа, и, таким образом, главное изменение после изгнания из рая состоит не в том, что человек должен трудиться, а в том, что труд этот – в поте лица¹⁹. Однако такая точка зрения основана на недопонимании: человек должен был лишь оберегать рай, а не трудиться там. Об этом свидетельствует и тот факт, что по отношению к раю никогда не употребляется термин *labor*. Так,

¹⁵ *Thomas Cisterciensis, Joannes Algrinus. Commentaria in Cantica Canticorum: Nam moeror poenitentiae cingit hominem; et restringit peccatorum saniem: sicut ruta cingit vulneratum, et restringit sanguinis fluxum. Col. 716B.*

¹⁶ Например: *Bernardus Claraevallensis. Sermones in cantica canticorum. Sermo XLVII, 3: In horto autem non ita: sed neque in campo similiter. Ex se enim semel productis floribus assidue subministrant, unde diu in ipsis decus ingenitum perseverat. Col. 1009A.*

¹⁷ *Idem. Tractatus de laudem gloriosae V. Matris: Speciosa et suavis facta es in deliciis tuis sancta Dei Genitrix, quia totum tuis aspirat unguentis quidquid habet hortus odoris, vel thesaurus spiritualium deliciarum in cubiculo, et in hortis aromatum. Col. 1146A. Idem. Sermones de diversis. Sermo XCIV, 2: Haec est paradisus deliciarum, hic est hortus omnium pomorum. Col. 718A.*

¹⁸ *Gen 2:15: tulit ergo Dominus Deus hominem et posuit eum in paradiso voluptatis ut operaretur et custodiret illum.*

¹⁹ *Barber. 2008. P. 520.*

Бернард Клервосский упоминает, что о рае человек должен был «нежно заботиться, добросовестно сохранять его для себя и своих потомков»²⁰.

Символика сада связана, в первую очередь, с двумя наиболее значимыми для христиан садами – библейским Эдемом и, в меньшей степени, садом Песни Песней²¹. Сходство рая и сада определялось многими чертами, начиная с обозначавших их понятий, которые в источниках часто употребляются как синонимы²². В латинской версии книги Бытия райский сад Эдем обозначается термином *paradisus*, который происходит от древнегреческого *παράδεισος* (парк). Древнегреческий язык заимствовал этот термин из персидского (“*paridaida*” – «сад», «парк», авестийское “*pairidaeza*” – «то, что обнесено оградой»), куда он, в свою очередь, попал из шумерского, где использовался для обозначения некогда плодородного места, которое высохло и стало бесплодным²³. Впервые этот термин был использован Ксенофонтom для обозначения огромных парков персидских царей, полных разнообразных растений и животных²⁴. При этом термин *paradisus* в древнееврейском тексте Ветхого Завета отсутствует – ему соответствуют выражения «сад в Едеме», «сад Господень» (Быт 2:8,10,15; 13:10)²⁵. Под *paradisus* в латинском языке имеется в виду именно закрытый, огороженный сад²⁶, и на практике – подобно раю, средневековые сады были местом непременно закрытым, обнесённым стенами, что неоднократно специально подчёркивалось²⁷. Правда, в Библии закрытость райского сада становится вполне очевидной только после изгнания оттуда людей (Быт. 3:23-24).

Непосредственным прообразом для Эдема могли быть древневосточные сады. Последние, в нашем понимании, были похожи, скорее, на парки: росшие здесь деревья и кустарники далеко не всегда были пло-

²⁰ *Bernardus Claraevallensis*. In feria IV hebdomadae sacrae. De passione Domini, 11: Non hoc ipse audierat in paradiso, quem acceperat ut operaretur, et custodiret illum; operaretur delectabiliter, custodiret fideliter, et sibi, et posteris suis. Col. 268C.

²¹ Ср., например, *Veni in hortum meum, soror mea sponsa* (Cantic. V, 1). Также и у Бернарда: *Bernardus Claraevallensis*. Epistula CCLIV, 7: Emissiones tuae paradisi malorum puniceorum cum pomorum fructibus (Cant. IV, 13). Col. 462C.

²² См., например: *Bernardus Claraevallensis*. Sermones de diversis XCIV, 2: Haec est paradisi deliciarum, hic est hortus omnium pomorum. Col. 718A.

²³ *Merchant*. 2004. P. 18.

²⁴ *Тоунбее*. 1973. P. 284.

²⁵ *Бондарко*. 2003. С. 12.

²⁶ Как и в случае с *χώρας*, хотя эти слова этимологически не связаны.

²⁷ *Bernardus Claraevallensis*. Sermones de diversis. Sermo XLII: Secunda regio est paradisi claustralis. Vere claustrum est paradisi, regio vallo disciplinae munita, in qua pretiosarum est mercium fecunda fertilitas. Col. 663B.

довыми²⁸. Петр Достопочтенный даже называет рай «рощей»²⁹. Особую ценность на древнем Востоке, а позже и в христианской традиции, имели сады, обладавшие собственным источником воды, поскольку они были полностью самодостаточны. Именно такой сад можно было тайно «запереть». Отчасти именно по этой причине в Библии особо подчеркивается наличие в раю реки для его орошения, которая затем разделяется на четыре³⁰. Этот мотив неоднократно появляется и в средневековых текстах, где райский источник становится символом вечной жизни³¹.

Образ Эдемского сада связан с образами священных садов в других древневосточных религиях и цивилизациях. Главная отличительная черта христианского Эдема – наличие древа познания³², в остальном его образ ничем не отличается от древневосточных. На представления о рае также значительно повлияла античная традиция и, в некоторой степени, мифология кельтов, германцев и других народов³³. В начале нашей эры христиане даже подвергались обвинениям со стороны язычников в «краже» их идей. Первые, однако, считали, что все произошло наоборот: по их представлениям, это Гомер почерпнул свои идеи о рае у Моисея³⁴.

Представления о некоем прекрасном месте, *locus amoenus*, каким для христиан стал рай, в значительной степени основывались на изображении Огигии, острова нимфы Каллипсо из «Одиссеи»³⁵. Кроме того, особое внимание следует обратить на очевидные параллели между *locus amoenus*, Эдемом и Аркадией – пасторальной утопией античности³⁶. В Древней Греции и Риме образ Аркадии пользовался исключительной популярностью, которая была утрачена с триумфом христианства и вернула себе часть былой славы лишь в эпоху Возрождения. Для Аркадии,

²⁸ Keel. 1994. P. 170.

²⁹ *Petrus Cluniacensis* Duo libri adversus nefandam sectam Saracenorum. Liber primus, 23: Hoc de coeli et terrae creatione, hoc de Adam et Eva, de paradiso, de nemore paradisi... Col. 692B.

³⁰ Gen 2:10 : et fluvius egrediebatur de loco voluptatis ad inrigandum paradysum qui inde dividitur in quattuor capita.

³¹ *Bernardus Claraevallensis*. In nativitate beatae virginis Mariae sermo, 3: Vita aeterna, fons indeficiens, qui universam irrigat superficiem paradisi. Nec modo irrigat, sed inebriat, fons horticorum, puteus aquarum viventium, quae fluunt impetu de Libano. Col. 439D.

³² Delumeau. 2000. P. 5.

³³ Алексеев. 2003. С. 195.

³⁴ Brock, Parker. 2008. P. 92.

³⁵ Schulze-Belli. 2007. P. 211. Отчасти именно этим объясняется «средиземноморский» характер *locus amoenus* в средневековых текстах: Notz. 1998. P. 232.

³⁶ Отдельных работ на эту тему практически нет, однако ряд авторов обращает внимание на феномен Аркадии в контексте изучения других проблем средневековой культуры. Например, Haudebourg. 2001. P. 258 ; Pearsall, Salter. 1973. P. 64 cf.

как и для Эдема, характерна закрытость или, скорее, недоступность. Оба эти места труднодоступны³⁷, оба существуют в настоящем времени, оба должны обрабатываться руками человека. Кроме того, Аркадия и Эдем олицетворяют собой почти идеальный, но все же не до конца совершенный образ жизни. Наконец, об обоих почти ничего не известно, что придаёт этим местам особое очарование таинственности. Параллели можно продолжить. Наряду с прекрасной, но недоступной Аркадией, существовали в античности и Элисейские поля, куда отправлялись особо удачливые души; так же и в христианской традиции бытовало представление о посмертном существовании праведников в раю, никак не связанном с Эдемским садом. Таким образом, в некотором смысле, Аркадия – это своего рода Эдем античности, а Эдем – христианская Аркадия³⁸. Возможно, их сходства не стоит переоценивать, однако кажется странным, чтобы образ Аркадии был забыт в Средневековье, но неожиданно вернулся в искусство Нового времени. Вероятно, этот образ лишь надолго утратил своё имя, ассимилировавшись с похожим образом Эдема. С некоторой долей уверенности можно сказать, что всякий раз, когда речь в средневековых источниках идёт о райском саде, в той или иной степени, сознательно или нет, в них присутствует и «языческая» Аркадия.

Рай впервые упоминается в Библии во 2 главе книги Бытия: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке... И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и древо жизни посреди рая, и древо познания добра и зла» (Быт 2:8-9)³⁹. Сколько-нибудь подробного описания Эдема в Библии нет, но это и не имело большого значения для средневекового человека, который без труда мог выделить те или иные конкретные характеристики на основе общих символических толкований. Вслед за Библией, в источниках XII в. рай нередко обозначается как *hortus voluptatis*⁴⁰. Так, образ рая оказывается непосредственно связанным с садом, и эти понятия часто находятся рядом в источниках XII в. К примеру, Бернард Клервосский пишет о пра-

³⁷ Rüffer. 1999. S. 348; *Dauphine*. 1990. P. 90-92.

³⁸ Отчасти именно этим объясняется «средиземноморский» характер *locus amoenus* в средневековых текстах: *Notz*. 1998. P. 232.

³⁹ Gen 2:8-9: Plantaverat autem Dominus Deus paradisum voluptatis a principio in quo posuit hominem quem formaverat produxitque Dominus Deus de humo omne lignum pulchrum visu et ad vescendum suave lignum etiam vitae in medio paradisi lignumque scientiae boni et mali.

⁴⁰ *Bernardus Claraevallensis*. In festo omnium sanctorum. Sermo I, 9 : Propter hoc paradisum perdidit, terram deliciarum: propter hoc in ipso corpore suo contrariam legem invenit // PL 183. Col. 458A.

веднике, обратившем душу свою к Господу: «и тогда откроется ему рай, посаженный Господом, откроется цветущий и прекраснейший сад»⁴¹.

В источниках рай изображается как некое «идеальное»⁴² место. Томас из Сито неоднократно говорит о «красоте» (*amoenitas*) рая⁴³ и сада из книги Песни Песней⁴⁴. Николай Клервосский описывает рай как место, где «зеленые луга... высочайшие деревья, хороводы святых, и нет ни одной земли, которая была бы столь богата плодами»⁴⁵. Бернард Клервосский упоминает, что обитающий в раю «окружен благоухающими плодами, увит цветами, увенчан благодатью и славой»⁴⁶. «Рай сладости» предстает в образе обширного, прекрасного сада, наполненного дивными деревьями, благоухающими цветами и чудно поющими птицами. Такое «натуралистическое» представление о Рае, по мнению некоторых исследователей, формируется под влиянием позднеиудейской и апокрифической литературы⁴⁷.

Сад Песни Песней описан в Библии более подробно. По крайней мере, есть некоторые сведения о том, какие растения там можно было увидеть. Так, в ней упоминается «сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами»⁴⁸. Авторы XI-XII вв. зачастую переносят его черты на рай.

⁴¹ *Idem*. De conversione. Caput XII, 24: inveniet paradysum voluptatis plantatum a Domino; inveniet hortum floridum et amoenissimum. Col. 847A.

⁴² Впрочем, прилагательное «идеальный» начинает употребляться в значении «содержащий в себе все совершенства» только с XIX в.: *Notz*. 1998. P. 231.

⁴³ *Thomas Cisterciensis, Joannes Algrinus*. Commentaria in Cantica canticorum: Primo enim cecidit cum Adam de amoenitate paradisi... Col. 324C. Ibidem: Sed per nativitatem istam erimus liberati, peregrini, expulsi a paradisi amoenitate... // Col. 358B.

⁴⁴ Ibidem: In primo scilicet sponso habemus liberalitatem, in sponsa affinitatem, in horto amoenitatem. Liberalitatem qua sponsus communicat sua gaudia, affinitatem qua dicitur soror et sponsa, amoenitatem ubi nominatur myrrha et aromata. Col. 484A. Ibidem: Veni in hortum meum, ad amoenitatem supernam, ubi messui myrrham, meam cum aromatibus meis, ubi, scilicet amaritudinem poenitentiae gratam accepi, et aromata coelestis dulcedinis meis praeparavi. // Col. 487B.

⁴⁵ *Nicolaus Claraevallensis*. In festo Sancti Nicolai Myrensis, 5: Vere claustrum est paradysus. Hic prata virentia... Hic sunt arbores erectissimae, chori sanctorum, nullaque est quae non multa gaudeat fructus ubertate. Col. 1058B.

⁴⁶ *Bernardus Claraevallensis*. Sermones in Cantica Canticorum. Sermo XXXV, 4: Habitabat in paradiso, et in loco voluptatis conversatio ejus. Nihil molestiae, nihil indigentiae sentiebat, odoriferis stipatus malis, fulcitus floribus, gloria et honore coronatus. Col. 964A.

⁴⁷ *Собольникова*. 2003. С. 109.

⁴⁸ Cant 4:13-14: emissiones tuae paradysus malorum puniceorum cum pomorum fructibus cypri cum nardo, nardus et crocus fistula et cinnamomum cum universis lignis Libani murra et aloe cum omnibus primis unguentis...

Упоминания о них в источниках также нередко оказываются связанными. Например, Бернард Клервосский говорит о «плодовых деревьях в саду супруга и в раю Господнем»⁴⁹. Аналогия между садом Песни Песней и раем прослеживается и в утверждении Амадея Лозаннского о том, что «рай – это сад, куда Церковь приглашает своего возлюбленного»⁵⁰.

Создание сада как таковое есть уже акт символический и ценный сам по себе. Следует, однако, заметить, что в Книге Бытия имеются две версии сотворения человека и его места и роли в райском саду. Согласно первой (Быт. 1:26-30), в которой, правда, ни о каком саде речи не идёт, человек был наделён правом владычествовать «над всею землею» (Быт. 1:26). Согласно второй версии (Быт. 2:8-20), человек был помещён в Эдеме, чтобы только «возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15) – этой версии придерживается Бернард Клервосский⁵¹. Согласно ей, Адам, наблюдал за тем, как Господь создавал Эдем, что должно было служить ему примером. Нетрудно заметить противоречие между двумя версиями: в первой человек – хозяин всей природы, во второй же – хранитель лишь малой её части, Эдема. Однако люди Средневековья, по всей видимости, не находили здесь противоречия, в каком-то смысле в сознании средневекового человека обе версии соединились в одну. Вся природа, таким образом, воспринималась, в некотором смысле, как один огромный сад, ожидающий быть возделанным человеком – полноправным садовником⁵². Одной из главных символических функций сада, таким образом, становилось повторение процесса творения в миниатюре.

Не только сад отсылает к раю на земле, но и сам монастырь. «Другим раем» называет Клуни Удалрик в прологе к *Consuetudines* этой

⁴⁹ *Bernardus Claraevallensis*. Sermones in Cantica Canticorum. Sermo XXIII, 4: Et primum quidem historiam ad hortum puto non immerito deputari, quod in ea inveniuntur viri virtutum, tanquam ligna fructifera in horto sponsi et in paradiso Dei... Col. 885D.

⁵⁰ *Amedeus Lausannensis*. De Maria virginea matre homiliae octo. Homilia prima: paradisis est hortus, ad quem Ecclesia invitat dilectum suum. Col. 1305C.

⁵¹ *Bernardus Claraevallensis*. Sermones de diversis II, 6: Dico autem quando positus est in paradisi, ut operaretur et custodiret. Col. 544D.

⁵² Такую точку зрения разделяет и Бернард Клервосский: в отличие от «дикого» поля, где все произрастает само по себе («естественным образом»), сад непременно должен быть возделан «рукой человека». *Bernardus Claraevallensis*. Sermones in cantica canticorum XLVII, 3: Differunt tamen et ipsi inter se, quod hortus quidem ut floreat, hominum manu et arte excolitur: campus vero ex semetipso naturaliter producit flores, et absque omni humanae diligentiae adjutorio. Col. 1009B. *Idem*. De adventu Domini sermo II, 4: Campus enim sine omni humano floret adminiculo, non seminatus ab aliquo, non defossus sarculo, non impinguatus fimo. Col. 42D. См. также: *Cardini*. 1996. P. 337-338.

обители⁵³. Петр Достопочтенный в письме к Атону, епископу Труа, описывает, какой рай ждет того в Ключи: «там рай любви, там древо жизни, там красота, приятная глазу, там душистые клумбы, чей вид наполнит тебя радостью, запах усладит твоё обоняние, а вкус насытит»⁵⁴. Николай Клервосский, в свою очередь, в письме к братьям так рассказывает о своём приходе в Клерво: «И пришел я на место, которое избрал Господь из всех мест, и там, а не где-либо в другом месте, сидел я у ног Господа моего, до тех пор пока прегрешения мои не были отпущены с миром; свято это место, лесистая долина, долина плодородная, рай наслаждений, сад удовольствий, и я умер бы, если бы не остался там»⁵⁵. Наконец, в житии епископа Ирландии святого Малахия, составленном Бернардом Клервосским, рассказывается о монастыре Бангоре, разрушенном во время пиратского нападения. Малахий «получил эту обитель со всей ее прежней славой, словно рай, который предстояло посадить заново»⁵⁶.

Говоря о символическом значении сада, нельзя не вспомнить и о том, что уже начиная с раннего Средневековья в источниках появляется образ «духовного сада», который каждый человек должен возделывать в собственной душе для Господа⁵⁷. Сад, в который, по словам Бернарда, не раз прибегавшего к этой аллегории, входят «не ногами, но [благими] желаниями», и который возделывают благочестивыми помыслами⁵⁸. Важную роль играет здесь мотив восприятия Господа как садовника. Не только Эдем, но и все достойные люди и их добродетели, по словам

⁵³ *Udalricus Cluniacensis*. *Antiquiores consuetudines Cluniacensis monasterii*. Praefatio: *Amator autem praecipuus totius religionis, et specialiter nostro deferens monasterio, quasi alteri paradiso, enixius me rogavit...* Col. 731C.

⁵⁴ *Petrus Cluniacensis*. *Epistola I*: *Exspectat te in Cluniaco tua ante paradisum voluptatis, paradus charitatis, ubi lignum vitae, ubi amoenitas jucunda, ubi areolae aromatum consitae a pigmentariis: quorum aspectu jucundaberis, odore oblectaberis, gustu satiaberis*. Col. 276C.

⁵⁵ *Nicolaus Claraevallensis*. *Epistola VII*: *veni ad locum quem elegit Dominus ex omnibus locis, ut ibi non alibi sederem ad pedes Domini mei, donec audirem criminum remissionem in pace; locus ille locus sanctus est, vallis nemorosa, vallis abundans, paradus deliciarum, gratiarum hortus, in quo si non fuero et vixero moriar*. Col. 1602B.

⁵⁶ *Bernardus Claraevallensis*. *Liber de vita et rebus gestis sancti Malachiae Hibernii episcopi*, VI, 13: *Haec de antiqua dicta sint Benchoensis monasterii gloria. Hoc olim destructum a piratis, ob insigne dignitatis antiquae, Malachias, veluti quemdam replantaturus paradisum, amplexus est*. Col. 1082C-D.

⁵⁷ *Stammler*. 1975. S. 251.

⁵⁸ *Bernardus Claraevallensis*. *De conversione XIII*, 25: *Nec vero locum reputes corporalem paradisum hunc voluptatis internae. Non pedibus in hunc hortum, sed affectibus introitur. Nec terrenum tibi commendatur arborum copia, sed virtutum utique spiritualium jucunda decoraque plantatio*. Col. 847C.

Бернарда Клервосского, были «посажены» Господом. Отсюда и встречающиеся в его сочинениях сопоставление людей с деревьями Господними, отсылающее к Псалтири⁵⁹. Гверрик из Иньи, в свою очередь, прямо называет Господа садовником: «Господь Иисус... ты истинный садовник, создатель, возделыватель и сторож сада своего, духом сажаешь, словом орошаешь, добродетелью засеваешь»⁶⁰.

Еще одно символическое значение сада отсылает к истории человечества. Бернард Клервосский в одной из проповедей на Песнь Песней говорит, что история трехчастна и схожа с садом: «творение подобно бросанию семян и севу, возвращение в лоно церкви – словно произрастание семян или растений», наконец, во время будущего обновления, которое наступит в конце времен, «праведники будут собраны среди грешников, как плоды в саду»⁶¹.

В целом, в раннецистерцианских источниках сады намного чаще упоминаются в аллегорическом и символическом контексте, чем в связи с реальным окружением монахов. Главное значение монастырского сада состояло в том, что он был своего рода моделью земного рая, и сам процесс разбивки сада как бы повторял процесс творения в миниатюре. Наличие сада и возможности размышлять, гуляя по нему, давало верующему возможность приблизиться к Господу. Он также наглядно воплощал параллелизм между явлениями разных пластов европейской культуры, такими как античная Аркадия и христианский Эдем. Цистерцианцы рассматривали свои сады как воплощение божественного замысла, согласно которому человек есть главный садовник. Свою задачу они видели не только в духовном совершенствовании и наставлении окружающих на путь истинный своим примером, но и в воссоздании в своем непосредственном окружении толики божественного совершенства – земного рая, своеобразным отражением которого был монастырский сад.

⁵⁹ *Bernardus Claraevallensis*. Sermones in Cantica Canticorum. Sermo XXIII, 4: An forte quis ambigat Dei esse plantationem bonum hominem? Audi sanctum David de viro bono quid canat. Erit, ait, tanquam lignum quod plantatum est secus decursus aquarum, quod fructum suum dabit in tempore suo, et folium ejus non defluet (Psal. I, 3.). Col. 886A.

⁶⁰ *Guerricus Igniacensis*. Sermo in solemnitate omnium sanctorum, 4: O Domine Jesu... Tu enim verus es hortulanus, idem creator qui cultor vel custos horti tui, qui verbo plantas, spiritu rigas, virtute incrementum das. Col. 212A.

⁶¹ *Bernardus Claraevallensis*. Sermones in Cantica Canticorum. Sermo XXIII, 4: Est ergo historia hortus, et ipsa tripartita. Continetur namque in ea coeli et terrae creatio, reconciliatio, et reparatio. Creatio quidem, tanquam horti satio sive plantatio. Reconciliatio autem, quasi germinatio satorum vel plantatorum... Porro reparatio futura est in fine saeculi... et colligentur boni de medio malorum, tanquam fructus de horto. Col. 886B.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев А.И.* Представления о рае в период Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Сер. "Symposium", вып. 31. СПб: Санкт-Петербургское этнографическое общество. 2003. С. 195-198.
- Бондарко Н.А.* Сад, рай, текст: аллегория сада в немецкой религиозной литературе позднего Средневековья // Образ рая: от мифа к утопии. Сер. "Symposium", вып. 31. СПб: Санкт-Петербургское этнографическое общество. 2003. С. 11-30.
- Собольникова Е.Н.* Формирование христианского представления о Рае // Образ рая: от мифа к утопии. Сер. "Symposium", вып. 31. СПб: Санкт-Петербургское этнографическое общество. 2003. С. 108-113.
- Amedeus Lausannensis.* Homiliae de Maria virginea matre // PL 188. Col. 1303-1346.
- Barber J.* The Road from Eden: Studies in Christianity and Culture. Bethesda; Dublin; Palo Alto: Academica Press, LLC. 2008. 587 p.
- Bernardus Claraevallensis.* De conversione // PL 182. Col. 833-856.
- Bernardus Claraevallensis.* Epistolae // PL 186. Col. 1347-1410.
- Bernardus Claraevallensis.* In adventu Domini // PL 183. Col. 35-56.
- Bernardus Claraevallensis.* In feria IV hebdomadae sacrae // PL 183. Col. 263-270.
- Bernardus Claraevallensis.* In festo omnium sanctorum // PL 183. Col. 453-482.
- Bernardus Claraevallensis.* Liber de vita et rebus gestis sancti Malachiae Hibernii episcopi // PL 182. Col. 1073-1118.
- Bernardus Claraevallensis.* Sententiae // PL 183. Col. 747-757.
- Bernardus Claraevallensis.* Sermones de diversis // PL 183. Col. 537-748.
- Bernardus Claraevallensis.* Sermones in Cantica Canticorum // PL 183. Col. 785-1198.
- Bernardus Claraevallensis.* Tractatus de laudem gloriosae Virginis Mariae // PL 182. Col. 1141-1148.
- Berschin W.* Eremus und Insula: St. Gallen und die Reichenau im Mittelalter – Modell einer lateinischen Literaturlandschaft. Wiesbaden: Reichert. 1987. 133 S.
- Berschin W.* Karolingische Gartenkonzepte // Freiburger Diözesan-Archiv, 104. 1984. S.5-18.
- Brock R.N., Parker R.A.* Saving Paradise: How Christianity Traded Love of This World for Crucifixion and Empire. Boston: Beacon Press. 2008. 552 p.
- Brunner K.* Der Schweif am Roß und die Lilie im Garten // Symbole des Alltags, Alltag der Symbole: Festschrift für Harry Kühnel zum 65. Geburtstag / hgb. G. Blaschitz u.a. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt. 1992. S. 684-686.
- Carroll-Spillecke M.* Die Gärten in ihrer kulturhistorische Perspektive // Der Garten von der Antike bis zum Mittelalter / hgb. von M. Carroll-Spillecke. Mainz am Rhein: P. von Zabern. 1992. S. 285-289.
- Dauphine J.* Du paradis terrestre // Vergers et jardins dans l'univers médiéval. Aix-en-Provence: CUER MA, Université de Provence. 1990. P. 87-96.
- Delumeau J.* History of Paradise: The Garden of Eden in Myth and Tradition / Transl. by M. O'Connell. Illinois: University of Illinois Press. 2000. 288 p.
- Deluz Ch.* Le jardin médiéval, lieu d'intimité // Vergers et jardins dans l'univers médiéval / Centre universitaire d'études et de recherche médiévales d'Aix. Aix-en-Provence: CUER MA, Université de Provence. 1990. P. 97-107.
- Guerricus Igniacensis.* Sermones per annum // PL 185. Col. 11-214.
- Haudebourg M.-Th.* Les jardins du Moyen Age. Paris: Perrin. 2001. 266 p.

- Janssen W.* Mittelalterliche Gartenkultur. Nahrung und Rekreation // Mensch und Umwelt im Mittelalter / hgb. von B. Herrmann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 1986. S. 224-243.
- Keel O.* The Song of Songs: a Continental Commentary. Minneapolis: Fortress Press. 1994. 308 p.
- Merchant C.* Reinventing Eden: the Fate of Nature in Western Culture. New York: Routledge. 2004. 308 p.
- Miglio M.* Il giardino como rappresentazione simbolica // L'ambiente vegetale nell'alto Medioevo. Settimane di studio del centro italiano sull'alto medioevo. Vol. 37. T. 2 / Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo. Spoleto: Presso la sede del Centro. 1990. P. 709-724.
- Nicolaus Claraevallensis.* In festo Sancti Nicolai Myrensis // PL 184. Col. 1055-1060.
- Nicolaus Claraevallensis.* Epistolae // PL 196. Col. 1589-1654.
- Notz M.-F.* À l'ouest d'Eden: paysage idéal et "météorologie" dans la littérature française du Moyen Âge // Le temps qu'il fait au Moyen Âge: Phénomènes atmosphériques dans la littérature, le pensée scientifique et religieuse. Cultures et civilisations médiévales. Vol. 15 / Ed. J. Ducos, C. Thomasset. Paris: Presses Paris Sorbonne. 1998. P. 231-241.
- Pearsall D., Salter E.* Landscapes and Seasons of the Medieval World. L.: Elek, 1973. 252 p.
- Petrus Cluniacensis.* Carmina // PL 189. Col. 1005-1025.
- Petrus Cluniacensis.* Duo libri adversus nefandam sectam Saracenorum // PL 189. Col. 659-720.
- Petrus Cluniacensis.* Epistolae // PL 189. Col. 61-472.
- Petrus Cluniacensis.* Sermones // PL 189. Col. 1005-1024.
- Rüffer J.* Orbis Cisterciensis: Zur Geschichte des monastischen ästhetischen Kultur im 12. Jahrhundert. Berlin: Lukas Verlag. 1999. 507 S.
- Schulze-Belli P.* From the Garden of Eden to the *locus amoenus* of Medieval Visionaries // Fauna and Flora in the Middle Ages. Beihefte zur Mediaevistik. Vol. 8 / Ed. S. Hartmann. Frankfurt am Main: Peter Lang. 2007. P. 209-224.
- Sodigne-Costes G.* Les simples et les jardins // Vergers et jardins dans l'univers médiéval / Centre universitaire d'études et de recherche médiévales d'Aix. Aix-en-Provence: CUER MA, Université de Provence. 1990. P. 329-342.
- Stammler W.* Der allegorische Garten. Wege der Forschung. Vol. 418 // Landschaft und Raum in der Erzählkunst / A. Ritter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1975. S. 248-261.
- Thomas Cisterciensis, Joannes Algrinus.* Commentaria in Cantica canticorum.
- Toynbee J.* Animals in Roman Life and Art. London: Cornell Univ. Press, 1973. 431 p.
- Udalricus Cluniacensis.* Antiquiores consuetudines Cluniacensis monasterii.
- Vogelheiner D.* Les jardins du haut Moyen Age (VIIIe – XIIe siècles) // Jardins et vergers en Europe occidentale (VIIIe – XVIIIe siècles). Flaran. Vol. 9. Centre culturel de l'abbaye de Flaran, 1989. P. 11-40.
- Willerding U.* Gärten und Pflanzen des Mittelalters. // Der Garten von der Antike bis zum Mittelalter / hgb. von M. Caroll-Spillecke. Mainz am Rhein: P. von Zabern. 1992. S. 249-284.

Ефремова Юлия Александровна, аспирантка кафедры истории средних веков и раннего нового времени МГУ им. М.В. Ломоносова; harinedzumi@gmail.com

А. В. ФЕДИН

«ДОРОГАМИ, ПОЛНЫМИ КРЕСТОВ»

ИЕЗУИТСКОЕ МИССИОНЕРСКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО В XVII В.

Статья посвящена проблеме формирования иезуитского миссионерского мученичества на примере миссии в Новой Франции (Канаде) в XVII в. Проблема рассматривается как с точки зрения христианской мартирологической традиции, получившей в этот период новый импульс развития и игравшей важную роль в определении мотивов иезуитов к миссионерской деятельности, так и с точки зрения ее трансформации в условиях миссионерского поля Канады, приведшей к появлению новых функций.

Ключевые слова: иезуиты, Новая Франция, миссионерство, мученичество, мартирология, агиография, религии.

В ночь с 16 на 17 марта 1649 г. в только что захваченном враждебными ирокезами-могауками гуронском селении, называемом французами Сент-Иньяс, были казнены два иезуитских миссионера, впоследствии названные святыми мучениками Римско-Католической церкви: Жан де Бребеф и Габриель Лалеман. Смерти предшествовали традиционные пытки, предназначенные индейцами Северо-Востока Северной Америки для военнопленных:

Они взяли обоих, и раздели их полностью, и привязали каждого к шести. Они связали их руки. Они отрывали ногти от их пальцев. Они били их дубинками по плечам, пояснице, животу, ногам и лицу... После этого они заставили его [Бребефа] перенести несколько других пыток. Первая заключалась в раскаливании топоров, и прикладывании их к пояснице и подмышкам. Они сделали ожерелье из этих раскаленных топоров, и повесили его на шею доброму Отцу. После этого они надели на него пояс из смолистой коры и подожгли, огонь охватил все его тело. Во время этой муки, Отец де Бребеф, стоял как скала, не чувствуя пламени, что удивило всех кровожадных грешников, которые мучили его. Его ревность была настолько велика, что он проповедовал непрерывно этим неверным, пытаясь обратить их. Чтобы помешать ему говорить, они отрезали его язык и губы. После этого они срезали плоть с его ног, бедер и рук, до самых костей; и затем зажарили и съели у него на глазах». Старое сердце 56-летнего человека, изнуренное трудами и пытками, не выдержало к четырем часам утра, после трех часов пытки. Тогда «эти мясники, видя, что добрый Отец начал слабеть, заставили его сесть на землю; и, один из них, взяв нож, отрезал кожу, покрывающую его череп. Другой из тех варваров... сделал отверстие в верхней части его груди, и вырвал его сердце, которое изжарил и съел. Другие пили его кровь, еще теплую, говоря, что о. де Бребеф был очень храбр, вынеся такую большую боль, какую они причинили ему, и что, выпив его крови, они станут храбрыми, как он.

С шести часов, после небольшого отдыха, ирокезы занялись Габриелем Лалеманом, который в свои 38 лет и в руках опытных палачей смог продержаться до де-

вяти часов утра. Он получил, наконец, удар топора по левому уху. В глаза ему были вставлены горящие угли. У него также вырвали и съели сердце.¹

В данном пассаже, взятом из ежегодных *Реляций*, направляемых канадскими иезуитами во Францию для публикации и изучения как их коллегами, оставшимися в метрополии, так и благочестивой публикой, внимание привлекает не столько жестокость ирокезов, сколько реакция пленных миссионеров. В процессе пыток они продолжали вести евангелизаторскую деятельность, стремясь поддержать гуронских неофитов, вместе с ними попавшими в руки могауков, и, по возможности, обратиться самих истязателей: «Хотя о. де Бребеф был под градом этих ударов, он не прекращал говорить о Боге, и ободрять всех новых христиан, которые были пленниками, как и он, пострадать хорошо, чтобы умереть достойно и отправиться вместе с ним в Рай»². Уже позже, осмысляя случившееся и вспоминая предшествующее ему, коллеги Бребефа придут к выводу, что его страдание было предопределено Богом, он знал и стремился к этому «ради вящей славы Господней», а стало быть – он, а затем и еще семеро французских иезуитов, ставших жертвами межплеменных конфликтов середины XVII в. в Канаде, – мученики и святые.

В данной статье ставится задача раскрыть структуру иезуитского миссионерского мученичества, ставшего яркой страницей истории католического миссионерства и ранней истории Канады. Что заставляло представителей французской элиты, образованнейших людей своего времени, членов могущественного ордена, переживавшего период расцвета, покидать цивилизованный мир, претерпевать трудности морского путешествия к берегам почти неосвоенной колонии, переносить невыносимые мучения речных и лесных передвижений, вонь и грязь, холод и жару, болезни и голод туземной жизни, находясь под постоянной угрозой смерти как со стороны врагов, так и своих хозяев? Они «приветствовали эту новую землю, куда по воле Бога... пришли дорогами, полными крестов, а также, чтобы установить их среди этих лесов»³. Они концентрировали внимание на более далекой перспективе, наставляя прежде всего детей, а потом уже и взрослое население⁴. Создается впечатление, что в миссионерское предприятие их вовлекло не столько желание спасти других, сколько пострадать самим и, возможно, тем самым обрести благодать. Еще в 1634 г., за десять лет до первых пленений и смертей, Ле

¹ The Jesuit Relations... Vol. XXXIV. P. 27-33, 139-157 (далее – JR).

² Ibid. P. 27.

³ Ibid. Vol. XLVI. P. 277.

⁴ Подробнее о миссионерской стратегии иезуитов в Новой Франции XVII в. см.: Федин. 2010; Федин. 2009; Федин. 2005.

Жен, первый суперитор канадской миссии Общества Иисуса, писал о «желании столь многих из нашего общества, прибыть в эти страны и пожертвовать своими жизнями и силами для славы Нашего Господа»⁵. Если это так, они демонстрируют модели кризисного мышления и поведения, воплощенные в христианской концепции мученичества.

Христианская традиция к XVII в. имела детально разработанную доктрину и практику мученичества, формировавшуюся с самых первых лет церкви. Выделялись три основных требования мученичества: необходимость физической смерти; эта смерть наступала из ненависти к христианскому образу жизни и учению (*odium fidei*); и эта смерть была добровольно принята ради их защиты⁶. В XVII в. идея *odium fidei* получила более строгое выражение в римской церкви, по сути, став главным критерием мученичества (и оставалась таковым до II Ватиканского собора, когда акцент сместился на свидетельство любви к Христу, предоставленному мучеником)⁷. В целом, мученичество и миссионерство в западнохристианской традиции были связаны друг с другом, исходя из общего апостольского наследия: апостолы были по преимуществу миссионерами и в результате своего благовествования, стали мучениками⁸. В XVI-XVII вв. в католической церкви тема мученичества вновь становится популярной в связи с распространением Реформации и заморского миссионерства. Реформация вынудила церковь вновь открыть свое апостольское прошлое и изменить вид агиографии, которая превратилась в один из инструментов полемики с протестантскими критиками. Обновленный энтузиазм миссионерской работы совпал с заселением колониальных территорий, и эти миссионерские поля оказались весьма плодотворны в производстве святых.

Франция, в силу долгих религиозно-политических конфликтов и особенностей развития национальной церкви, включилась в это движение лишь в XVII в. и представляет наиболее подходящий объект для исследования такой трансформации: мощная тенденция утверждения национальной идентичности и преодоления конфессиональной разнородности имела в основе контрреформационный, пост-тридентский католицизм, со всем его арсеналом методов воздействия как традиционных, так и модернистских. Мартирологическая концепция и ее

⁵ JR. Vol. VI. P. 99.

⁶ Gilby, Cunningham. 2003. P. 230.

⁷ Latourelle. 1993. P. 248-49.

⁸ Bou. 1997. С. 59, 127, 132; Jensen. 2010. P. 4-6. Раймонд Луллий, один из создателей миссиологической традиции католицизма в XIV в., считал желание мученичества необходимым для миссионера. Henry. 1962. P. 101.

агиографическое воплощение были одним из важнейших инструментов приспособления французского общества к реалиям Нового времени⁹.

Иезуитская традиция с XVI в. впитала и переработала общехристианскую мариологическую традицию, создав свое понимание мученичества, специфически иезуитского. Основой его стала краугольная доктрина Общества Иисуса о повиновении. Св. Игнатий Лойола писал о «совершенном повиновении»: если «эта добродетель процветает, все другие добродетели будут процветать и давать плод в ваших душах, которого желаю я, и которого требует Тот, кто Своим повиновением искупил мир после того, как он был разрушен нехваткой оно, смирившись перед смертью, даже смертью на кресте»¹⁰. *Imitatio Christi* (прежде всего, Христа Гефсимании, покоряющегося воле Отца) было главной целью иезуита – в том числе, его страстей и мученической смерти на кресте. «Мы должны быть готовыми, – утверждал Лойола, – в силу нашего обета и образа жития, идти во все части света каждый раз, когда мы получим повеление от Верховного Понтифика или от нашего непосредственного возглавителя. Дабы должным образом осуществлять эти миссии..., они желают претерпеть несправедливости, лжесвидетельства, бесчестие, быть принятыми за умалишенных..., и все это ради своего желания хоть в чем-нибудь уподобиться нашему Творцу и Господу Иисусу Христу»¹¹.

Лойола разработал и практику достижения этого совершенства в повиновении, исходя из идеи смерти. Его «Духовные упражнения» были во многом построены на визуализации и размышлении о смерти с целью подчинения всей жизни одной единственной цели – утверждению славы Божьей, не отвлекаясь на суетность земного существования. Однако речь идет не о практике телесного умерщвления, традиционной для христианской церкви, а умерщвления воли. Физическое здоровье – залог успеха священника и миссионера, поэтому Лойола призывал заботиться о нем: «Мы должны любить тело, поскольку оно послушно и полезно для души, так как душа с помощью и службой тела лучше подготовлена для служения и хвалы нашего Творца и Господа»¹². Ценности страдания как такового Лойола противопоставляет «разумное служение» св. Павла, основанное на ясном представлении о цели и средстве. Лойола указывает на два недостатка в самоумерщвлении: «Первый – в том, что без чуда [вы] долго не задержитесь в ваших святых усилиях;

⁹ Greer. 2000. P. 330-331; Pearson. 2008. P. 37-38. О «всеобщем кризисе» в Европе: см.: Trevor-Roper. 1967, особ. с. 36-38. См. также: Скакун. 2000.

¹⁰ Young. 1959. P. 288.

¹¹ Лойола. 1991. С. 132.

¹² Young. 1959. P. 180. Ср.: P. 25, 126, 268.

скорее, смерть свяжет ваши руки. Второй – в том, что, будучи столь суровым к себе, вы можете легко стать столь же чрезмерно суровым с теми, кто находится на вашем попечении»¹³.

На ценности повиновения зиждилась идея индифферентизма: каждому иезуиту должно быть «безразлично, насколько это возможно, останетесь ли вы в Германии, или отправитесь в другое место, ибо вы желаете пребывать только там, где сможете наивысше послужить славе Господа Бога и Апостолическому престолу»¹⁴. Речь здесь идет не столько о спасении других, сколько себя самого. «Послушание лежит в основе героических поступков и добродетелей, – говорили отцы-основатели Общества Иисуса. – Тот, кто вполне готов исполнить это, отвергнув собственное суждение и всю свою волю, неизменно будет причастен к геройству, а это еще более увеличит его заслугу»¹⁵. С этой точки зрения, страдание и мученичество – лишь результат индифферентного, полностью подчиненного высшей цели, служения, а не самоцель.

В XVI-XVII вв., в эпоху расцвета миссионерской деятельности, как заморской, так и антипротестантской в Европе, прецедентов мученичества становилось все больше, и сам факт смерти отступал на задний план, замещаясь ее мотивом. Уже Лайнес, второй генерал ордена, отмечал, говоря о своем желании обращать язычников, что «лучший способ умереть хорошо состоит в том, чтобы жить хорошо... И чтобы это произошло, исповедуя Его веру»¹⁶. Кардинал Беллармин признавал страдание и покаяние перед смертью как условия спасения¹⁷. «Те, кто умирает на пути к муке – конечно, мученики», – резюмировал Поль Ле Жен¹⁸.

Канадские иезуиты четко осознавали необходимость повиновения, не столько приказам их супериоров, сколько «командам Христа», данных через этих супериоров: «Верно, что некоторые люди вообще умирают в этих начинаниях, – писал Ле Жен в 1633 г. перед миссией в рай-

¹³ Ibid. P. 325. Ср.: Рим. 12: 1. Очень часто стремление к спасению перевешивало всякую осторожность: в марте 1567 генерал ордена Ф. Борджиа требовал, чтобы будущие американские миссионеры не только «стремились умереть, но и были убеждены сохранять свои жизни, дабы лучше использовать их в службе нашему Господу Богу» (цит. по: *Clossey*. 2008. P. 126).

¹⁴ *Young*. 1959. P. 164. «Он не привязывался ни к своей работе, ни к людям, к месту, ни к занятиям; но уважал одинаково во всем волю Божью, везде, где находился» – вот характеристика идеального иезуитского миссионера Шарля Гарнье, составленная после его мученической смерти (JR. Vol. XXXV. P. 133).

¹⁵ *Собеседование первых отцов*. 1991. С. 127-128.

¹⁶ *Young*. 1959. P. 324.

¹⁷ *Архив*. 1992. С. 267.

¹⁸ JR. Vol. VII. P. 227.

он будущего Труа-Ривьер, – но смерть – не всегда большее зло. Сын Божий, умерший на кресте, обязал нас нести крест, так что мы не должны бежать от него»¹⁹. Однако смерть эта не должна быть напрасной, она должна быть именно миссионерской. Особая молитва, которую Ле Жен читал во время своего кочевья с индейцами-монтанье голодной зимой 1633-34 гг., подчеркивает этот момент: «О, Иисус... ты, кто... умер ради нас, кто воскрес и вознесся к Небесам ради нас... Я молю тебя от всего сердца дать пропитание этим бедным людям, которые желают верить в тебя и повиноваться тебе. ...Я предлагаю тебе свою жизнь за этих людей, согласен умереть, чтобы они могли жить и познать тебя. Аминь»²⁰.

Само по себе мученичество не было чем-то экстраординарным для иезуитов. Его пропаганда – один из элементов воспитания будущих членов ордена с XVI в. Так, фрески ротонды Св. Стефана в Риме, роспись которой спонсировало Общество в конце века, были посвящены мученичеству первых христиан²¹. Стена иезуитского новициата в Сант-Андреаль-Квиринале была расписана сценами с изображениями иезуитских мучеников: над каждым из них парил ангел, держащий пальмовую ветвь и корону – символы победы²². Во время трапезы новициям вслух читали мартирологи, регулярно обновлявшиеся по мере получения известий о новых мученических смертях собратьев по ордену. Как писал Луи Ришом в *Духовной Животиси* (1611), у новициев «каждый день после ужина... есть немного времени для благочестивого отдыха, чтобы поразмышлять над тем, что [они] услышали во время еды, или историями, которые изображены на картинах на стенах». Эти образы иезуитских мучеников были отобраны, чтобы «подвигнуть вас мягко к вашему долгу»²³. В течение полувека после основания Общества Иисуса (1540) 81 его член умер за веру. За следующие полвека еще 107 приняли мученическую смерть. Французские иезуиты в Северной Америке внесли свою лепту в этот список: 14 – умерли от рук ирокезов, двое погибли, выполняя свой христианский долг, трое были пленены, и 15 миссионеров погибли в морских и речных кораблекрушениях и посещая больных²⁴.

¹⁹ Ibid. Vol. VI. P. 43-45.

²⁰ Ibid. Vol. VII. P. 151.

²¹ Ч. Диккенс так описывал свои впечатления от этих изображений: «Эти фрески изображают муки святых и первых христиан, и такое зрелище всевозможных ужасов и кровавой резни не приснится даже тому, кто съест на ужин целую свинью в сыром виде». *Диккенс*. 1958. С. 467.

²² *Bangert*. 1972. P. 110.

²³ Цит. по: *Clossey*. 2008. P. 82.

²⁴ *Wynne*. 1925. P. 10, 225.

Арьес писал о «терроризме мученичества», особенно распространившемся в XVII в., о расширении и обогащении тематики смерти во всех ее аспектах. Эта «смертельная» эстетика раннего Нового времени («барочная патетика смерти», в терминологии Арьеса), включала в себя и ожидание и покорность перед неизбежным концом, и спокойствие и стойкость в момент близкой гибели, даже пытки: «В эпоху барокко смерть неотделима от насилия и страданий»²⁵. В результате, формируется модель благой смерти, «прекрасной и поучительной». Это смерть праведника, который мало думает о непосредственном акте физической смерти, но готовится к нему всю свою жизнь²⁶.

Французские иезуиты XVII века были ярчайшими представителями такого отношения к смерти. Когда де Бребеф столкнулся с ритуальной практикой эксгумации у гуронов во время периодически проводимого Праздника Мертвых, он воспринял это как должное, ибо мысли о смерти и поминовение мертвых были для него и других миссионеров залогом праведной жизни: «не знаю, можно ли увидеть в мире более яркую картину или более совершенное представление того, каков человек. Верно, что во Франции наши Кладбища проповедуют мощно, все кости складывались одна на другую без различий, – бедняков с богатыми, простолудинов со знатью, – и множеством голосов, непрерывно возвещали нам мысль о смерти, тщеславии этого мира и презрении к жизни; но кажется мне, то, что наши Дикари делают в этом случае, трогает нас еще больше, и заставляет нас видеть яснее и предчувствовать сильнее наше несчастное состояние. Ибо, открыв могилы, они показывают все эти Трупы.., чтобы понять на их примере, и раз и навсегда, чем они станут однажды. Это ли не благородный пример, чтобы вдохновить христиан, мысли которых должны намного сильнее стремиться к милосердию... к своему ближнему?»²⁷.

Такое отношение к жизни и смерти культивировалось в иезуитских французских коллежах, в том числе и коллеже Руана, откуда вышло большинство будущих канадских мучеников. Одним из наставников новичиев, и первого поколения иезуитских миссионеров Новой Франции (Поля Ле Жена, Жерома Лалемана, Жана де Бребефа, Антуана Даньелья, Изага Жога и Поля Рагено), в 1616-1631 гг. там был Луи Лалеман, автор «Духовной доктрины»²⁸.

²⁵ Арьес. 1992. С. 316, 339-340.

²⁶ Там же. С. 269.

²⁷ JR. Vol. X. P. 283-285.

²⁸ Lallemand. 1855.

Опираясь на наследие св. Августина, Л. Лалеман стремился сформировать у своих подопечных эсхатологическое мировоззрение, которое вело их к пониманию миссии как возможности спасти и быть спасёнными²⁹. Он учил, что миссия была, прежде всего, возможностью для испытания страдания самим миссионером, как основы внутреннего духовного развития, и с этой точки зрения, канадская миссия представлялась самой предпочтительной «потому, что эта миссия была более плодотворна в трудах и крестах, потому, что она предлагала менее блестящую карьеру и вела больше, чем любые другие к освящению миссионеров»³⁰. «Нашей первой заботой, – утверждал Лалеман, – должно быть собственное совершенство, которое нужно предпочесть всему; тогда... мы послужим нашему ближнему под влиянием истинной ревности, укрепленной благоразумием».³¹ Святые – это те, кто в состоянии победить внешнее и мирское «я» в интересах внутреннего, духовного «я», полностью подчиниться высшей цели, отбросив все преходящее. «Вот почему Святые, хотя и подвергались преследованиям людей и нападениям дьяволов, смеялись над всем этим с презрением. Это была всего лишь внешняя сторона, которая чувствовала удары, внутренняя же пребывала в мире»³². Иисус искупил мир через крест, а не через чудеса или проповедь, «так и евангельские работники обретут благодать искупления только своими крестами и гонением, от которых они страдают. Так что нельзя ждать великого плода от их служения, если ему не будут сопутствовать споры, клеветы, раны и страдания»³³. Для Лалемана именно мученики были первыми из разрядов святых, потому что своими страданиями они способствовали славе церкви:

«Именно святым мученикам Церковь обязана своим распространением по всему миру... Смерть освобождает их не только от вины, но также и от всякого наказания за их грехи, и нет для них никакого чистилища»³⁴. «Есть три способа умереть благородно: во-первых, умереть на службе тем, кто поражен смертельной болезнью; во-вторых, умереть в заморской миссии, от рук ли неверных, или от чрезмерного труда, или в результате несчастного случая в ревности; в-третьих, отдать жизнь за нашу паству, как могут поступать прелаты, пастыри и супериоры»³⁵.

²⁹ *Goddard*. 2001. P. 193-197. Об августирианской трактовке мученичества см.: *Jensen*. 2010. P. 87-88.

³⁰ *Lallemant*. 1855. P. 12.

³¹ *Ibid*. P. 68.

³² *Ibid*. P. 46, 110.

³³ *Ibid*. P. 59-60.

³⁴ *Ibid*. P. 186, 283. Мысль, не раз повторенная св. Франциском Ксаверием (*Venn*. 1862. P. 49).

³⁵ *Lallemant*. 1855. P. 184.

Мученичество было столь важным компонентом идентичности и идеологии иезуитов-миссионеров в XVII в., что они не могли представить успешную миссию без него. Видя себя наследниками апостольской традиции, они неизбежно рассматривали всю свою деятельность в контексте святости. С их точки зрения, они встречались с теми же вызовами, что и первые апостолы: гонения, пороки, маги и чудотворцы, враждебные народы, клевета, долгое и опасное путешествие и т.д. И они могли обрести ту же божественную благодать своей жертвой ради Бога: «Враг, который не дает сражение, – опасен, поскольку не ослабляет свою силу; чем более кроваво сражение, тем благородней победа и величественнее триумф. Чем больше эта младенческая Церковь имеет общего с ранней, тем больше надежда для нас узреть как она произведет цветы и плоды, достойные Рая»³⁶. Достигая успеха в изучении туземных языков, в лечении или иных «чудесах», какими славились апостолы ранней церкви, они считали эти дары знаками своего избранничества Богом³⁷. Ученик Лалемана и будущий мученик Жан де Бребеф в 1630 г. подписал свое первое посвящение миссии собственной кровью, сообщая, что «готов пожертвовать всю [ею] так же охотно, как этой каплей». Тот торжественный обет был первым из многих, сделанных им в последующие годы: «Потому тебе, господи Иисусе, я предлагаю с удовольствием свою кровь, свое тело и свой дух, чтобы я мог умереть за тебя, пожелавшим умереть за меня... Позволь мне жить так, чтобы я смог умереть, когда ты призовешь меня. Господи, я приму твой потир и воззову к твоему имени: Иисус, Иисус, Иисус»³⁸.

Важно также отметить, что Лалеман способствовал распространению культа св. Иосифа в иезуитской среде, особенно среди его учеников³⁹. Этот святой считался покровителем благой смерти⁴⁰, что отражало априорные установки иезуитов в их миссионерской мотивации.

Таким образом, мученичество играло важную (если не определяющую) роль в мотивации к миссионерской деятельности у иезуитов XVII в., что было связано с восприятием ими традиционной мистической апокалиптико-эсхатологической модели раннехристианского апостолата. Одним из критериев отбора кандидатов в заморские миссии было (наряду с крепким здоровьем) доказательство переживания *mors mystica*, т.е.

³⁶ JR. Vol. XI. P. 41-43.

³⁷ Deslandres. 2003. P. 301.

³⁸ Monumenta Novae Franciae. (далее – MNF). Vol. VII. 1994. P. 508.

³⁹ Lallemand. 1855. P. 14-15, 17. Св. Иосифу были посвящены миссии в Новой Франции и Китае. Бемер. 1999. С. 53; MNF. Vol. IV. 1989. P. 28.

⁴⁰ Арьес. 1992. С. 101.

смерти по отношению к себе как предварительного условия для союза с Богом, основанном на повиновении. Обращаясь к тем, кто испытывал подобное мистическое переживание, Бребеф подчеркивал: «любой, кому Бог дает эти чувства и вдохновение... – это работники, которые нужны нам здесь»⁴¹. Порой такая позиция вела к профанации самой идеи целенаправленной и планомерной миссионерской работы, сводя всю ее сущность к «сверхъестественным» основаниям. Уже в 1637 г. о. Пьер Шомоно заявлял, что ему не понадобится «доктрина» для обращения дикарей Новой Франции, «людей... невежественных во всем, что касается религии». Среди этих варваров, утверждал он, скромность и милосердие – более подходящие достоинства, чем философия и *sottile teologia* (тонкая теология). Поэтому Шомоно предлагал наиболее искусных священников использовать в Европе, а в Америку, «столь грубые земли», отправлять «более слабых в науках», которые смогут действовать там эффективнее, чем ученые. Причем для себя он искал в этой миссии долгожданный мученический венец не столько ради конверсии, сколько для борьбы со смертными грехами, противными Иисусу Христу⁴².

Эсхатологизм таких мистических переживаний, вероятно, воздействовал на укрепление мариологических идеалов в иезуитской миссионерской мотивации. Новая Франция как чистая территория, отделенная от религиозных противоречий старой Франции, представлялась обществом благочестивых католиков, ведомых их священниками. Уже в первые годы колонизации сформировались представления о Новом Свете как новом Израиле и обещанном тысячелетнем царстве. Каждый успех в продвижении дела христианизации (часто даже иллюзорный) воспринимался как очередное доказательство приближения конца света и исполнения пророчеств: «Евангелие... уверяет нас, что перед судным днем все Нации земли узнают своего Искупителя», – писал супериор канадской миссии Жером Лалеман в 1650 г. в связи с якобы полной конверсией жителей района Квебека⁴³. «Мир не исчезнет, – вторил ему о. Ф. Брессани в 1653 г., – пока Евангелие не будет проповедовано повсюду. На запад от Гурунов, вплоть до Китайского моря, [находятся] неисчислимыя нации, следовательно, необходимо, чтобы Евангелие однажды проникло туда»⁴⁴. С другой стороны, многие кандидаты в заморские миссии испытывали настоящий страх не успеть принять участие в триумфальном шествии Евангелия в закатные времена этого мира, и тем

⁴¹ JR. Vol. X. P. 97-99.

⁴² Цит. по: Pizzorusso. 1997. P. 887-888, 892.

⁴³ JR. Vol. XXXVI. P. 49-51.

⁴⁴ Ibid. Vol. XL. P. 61.

самым упустить шанс обрести благодать спасения, пролив свою кровь⁴⁵. Эти идеи культивировались во Франции в течение большей части XVII в., подкрепляемые американским материалом, с одной стороны, и оказывавая обратное воздействие на миссионеров, с другой. «Несмотря на препятствия, не надо пытаться спускаться с креста», – убеждал канадское священство иезуитский французский провинциал Жан Фийо в 1645 г.⁴⁶ «Никто не желает спускаться с этого креста», – отзывался супериор Гуронской миссии Поль Рагено в 1650 г. генералу ордена Карафе в условиях тотальной войны, развернутой ирокезами против гуронов⁴⁷.

Уже в 1636 г., всего через несколько лет после начала планомерной работы с племенами в районе Квебека, Ле Жен стал задаваться вопросами о цене успеха миссии: «Я едва могу убедить себя, что эти племена войдут в Церковь без жертвы, – я подразумеваю, не казнив некоторых из тех, кто должен наставить их. Едва ли кто-нибудь, начав открывать им некоторые из истин Евангелия, не испытал сопротивления... Дьявол не позволит свергнуть свою Империю без сражения...»⁴⁸. Миссионеры подкрепляли свои ожидания орденской традицией: «Св. Игнатий, – утверждал Ле Жен, – получая из различных мест известия, что его дети встречали большое сопротивление в своих святых предприятиях, весьма радовался этому, говоря, что Божье дело, как правило, начинается в мучениях и оскорблениях, а в конце концов заканчивается во славе»⁴⁹.

Однако время шло, а иезуиты не погибали, подобно древним мученикам на аренах цирков: «Мы... здесь, – писал Шарль Гарнье из страны ниписсингов в 1636 г., – настолько счастливы и в столь добром здравии, что я весьма стыжусь этого»⁵⁰. Успехами в конверсионной деятельности они тоже не могли похвастать: первоначальный апостольский пыл и оптимизм постепенно сменялись стойким разочарованием в способности местных индейских народов, таких как алгонкины или монтанье, стать истинными христианами. Эти кочевые племена всем образом жизни противоречили христианским ценностям и идеалам, столь важным для пост-тридентского католицизма. И работа среди оседлых гуронов, на которых так рассчитывала иезуитская миссия, не могла компенсировать

⁴⁵ Pizzorusso. 1997. P. 890-891. Здесь можно провести параллель с развитием т. н. апокалиптической миссии иоакимитской средневековой традиции (Daniel. 1975. P. 13-22). В XVII в. наблюдалось возрождение теорий циклического развития мира и предсказаний гибели цивилизаций (Trevor-Roper. 1967. P. 44).

⁴⁶ MNF. Vol. VI: Recherche de la paix (1644-1646). 1992. P. 245.

⁴⁷ Ibid. Vol. VII. P. 656-657.

⁴⁸ JR. Vol. XI. P. 239.

⁴⁹ Ibid. Vol. XII. P. 39.

⁵⁰ Ibid. P. 129.

эти неудачи: среди этих «аристократов» канадских лесов (как назвал их реколлектский миссионер Сагар⁵¹) существовала не меньшая (если не большая), чем у племен Св. Лаврентия, оппозиция христианству.

Ожидание чуда сменила разработка долгосрочной миссионерской программы обращения канадских «дикарей»: «Как странно, – восклицал настоятель Гуронской миссии Ж. Лалеман в 1638 г., – что некоторые требуют мгновенного введения Христианства в неверность, утонченности в Варварство, – когда столетия были необходимы, чтобы утвердить нашу веру в Европе, среди оседлых и цивилизованных наций!»⁵² Но рационализм, и даже прагматизм, этой стратегии были всего лишь пустой формой, функцией, тогда как суть и смысл всего иезуитского миссионерского предприятия в Новой Франции стала окончательно определять идея мученичества. «Возможно, наша кровь сделала бы больше для обращения этих народов, чем весь наш пот»⁵³, – вот резюме нового видения перспектив иезуитского апостолата в Новой Франции.

С учетом значения, придаваемого страданию и мученичеству и для идентичности миссионеров как наследников апостолов, и для успеха новой церкви в Канаде, факт, что канадская миссия еще не дала своих мучеников, вызывал беспокойство⁵⁴. В качестве утешения, Ж. Лалеман начал расценивать всю миссию как повседневное мученичество:

Мы иногда задавались вопросом, можем ли мы надеяться на обращение этой страны без потери крови; следуя принципу, гласящему, что кровь Мучеников – семя христиан, видя славу Божью, которую усиливает твердость Мучеников, кровью которых была в последнее время так пропитана вся остальная часть земли, это будет своего рода проклятием, если эта область мира не будет соучаствовать в счастье величия этой славы. Но я признаю, теперь, когда я здесь и вижу, что происходит, а именно: бои, сражения, атаки и генеральные наступления против всей Природы, с которыми ежедневно сталкиваются здесь Евангельские работники, и в то же время, – их терпение, их храбрость и непрерывное усердие в преследовании цели, – я задаюсь вопросом, необходимо ли какое-либо еще мученичество для результатов, к которым мы стремимся; и я не сомневаюсь, что найдется множество людей, которые предпочли бы сразу получить удар топора по голове, чем провести годы, влача такую жизнь каждый день, трудясь ради обращения этих варваров⁵⁵.

⁵¹ *Sagard*. 1939. P. 139.

⁵² JR. Vol. XIV. P. 131.

⁵³ *Ibid.* Vol. XX. P. 63.

⁵⁴ Подобные проблемы беспокоили на рубеже XVI-XVII вв. и мексиканских иезуитов после известий о гонениях на христиан и мученических смертях их коллег в Японии: как добиться, чтобы Новая Испания демонстрировала столь же яркие возможности для обретения мученического венца и утверждения святых покровителей нарождающейся церкви? (*Clossey*. 2008. P. 125).

⁵⁵ JR. Vol. XVII. P. 13. *Реляция* 1639 года.

Эта идея «перманентного» мученичества оказалась адекватной и психологическим установкам прибывших в Канаду иезуитов (*mors mystica*), и объяснениям медленного и скудного прогресса христианской веры. Буквально все стороны жизни канадских аборигенов становились препятствием для жизни и работы миссионера: их задымленные и грязные жилища казались им «миниатюрной картиной Ада», «их слова – часто только богохульства против Бога и наших тайн, и оскорбления против нас». К этому следует добавить суровость погоды, неудобство дорог и постоянную опасность ирокезского вторжения. «В результате, нужно всегда быть готовым и терпеливым, и знать, что здесь еще менее, чем в любом другом месте мира, можно быть уверенным в своей жизни». Логическим заключением такого образа жизни было убеждение, что «единственный год терпения и храбрости среди этой непрерывной борьбы и сражений действительно равен одной короткой мученической смерти; и что, поэтому, хотя кровь мучеников еще не пролита, мы не имеем, однако, причины для отчаяния в обращении этих народов»⁵⁶.

С этой точки зрения, мученичество состояло не только в акте физической смерти, но также, что, возможно, было более важным, в добровольном страдании. И она формировалась не столько на канадском материале, сколько в широком контексте миссионерской работы, ведущейся католической церковью и в Европе, и за ее пределами. Св. Франциск Ксаверий, протагонист иезуитской миссии, ставший эталоном к XVII в., вероятно, был одним из основателей такого подхода. В своих письмах он не скупился на описания препятствий для миссионерской работы, возникавших по географическим, климатическим или психологическим причинам, сравнивая их преодоление с пребыванием в чистилище:

Тяготы длинного путешествия; соприкосновение с грехами других людей, в то время как вы угнетены собственными; постоянная жизнь среди язычников, и это на земле, которая опалается лучами солнца; все это – действительно испытания, – писал он из Индии. – Но если они переносятся ради Бога, они становятся великими удобствами, и источником многих небесных удовольствий. Я убежден, что те, кто истинно любит крест Христа, ценят такую жизнь, проведенную в бедствии, чтобы стать счастливым, и расценивают предотвращение креста, или освобождение от него, как своего рода смерть. Ибо такая смерть более горька, чем жизнь без Христа, когда мы ощутили Его ценность. Верьте мне, никакой крест не сравнится с этим крестом. С другой стороны, какое счастье ежедневно жить при смерти, и в умерщвлении наших желаний, и в поиске, не своего, но того, что от Иисуса Христа!⁵⁷

⁵⁶ Ibid. P. 13-19.

⁵⁷ Venn. 1862. P. 27-28, 49.

Св. Винсент де Поль (1581–1660) также описывал миссию как постоянную («живую») форму мученичества: «Есть вид мученичества – истощаться ради добродетели. Действовать так, значит возвещать правду и максимы Евангелия Иисуса Христа не словами, а соответствием своей жизни – жизни Иисуса Христа; и следовательно жить и умирать так же; это и значит быть мучеником»⁵⁸.

Физическая смерть, поэтому, не была необходимой для мученичества, однако по-прежнему желанной. Даже спустя десятилетия, когда реальная кровь и смерть стали едва ли не обыденным явлением в работе иезуитского миссионера, идея «постоянного мученичества» сохраняла свою ценность. Описывая в 1668 г. свою «жизнь в компании варваров как непрерывное мученичество», о. Жак Бруйя фиксировал ежедневную мортификацию чувств: страдание глаз от дыма в хижинах; слуха – от «докучающих криками туземцев»; обоняния – от зловония сальных волос и тел; осязания – от жестокого холода; и «безвкусие пищи, пригодной лишь для собак». Бруйя также указывал, что «есть некоторое различие между размышлением о канадской миссии в молельне [во Франции] и трудом в этой канадской миссии»⁵⁹.

Новые возможности для страданий и мученичества открылись перед французскими иезуитами в 1640-х гг., когда начались кровавые Ирокезские войны против французов и их индейских союзников – гуронов, алгонкинов, монтанье. Уже в 1640 г. о. Шомоно предупреждал своих корреспондентов в Европе, что «мы теперь рискуем быть плененными и замученными, ибо ежегодно проходим по тем местам, где постоянно находятся враги»⁶⁰. И вот, в 1642 г. произошли события, положившие начало истории мученичества в Новой Франции. 2 августа гуронская флотилия, возвращающаяся с торгов в Труа-Ривьер в сопровождении нескольких французов, в том числе о. Изага Жога и его слуги Рене Гупиля, подверглась нападению ирокезского отряда, закончившегося пленением иезуитов и нескольких гуронов. Впервые иезуитский миссионер оказался в ирокезских селениях и столкнулся с традиционными обрядами принятия военнопленных, и прежде всего, пыткой.

Цель ирокезской пытки заключалась не в убийстве человека, а скорее в обновлении его идентичности через ритуальную смерть и возрождение, чтобы пленник мог быть принят («усыновлен») в качестве

⁵⁸ Цит. по: *Deslandres*. 2003. P. 62.

⁵⁹ JR. Vol. LI. P. 135-137. Ср. с пассажем из *Реляции* 1672 г. о путешествии о. Альбанеля к Гудзонову заливу: «такой образ жизни являл собой непрерывную жертву нашими жизнями во славу Божью и во спасение душ» (*Ibid*. Vol. LVI. P. 159).

⁶⁰ *Ibid*. Vol. XVIII. P. 33.

нового члена племени, заменив погибших. Так называемые Бобровые войны, войны ирокезов против французов и их индейских союзников в 1640-50-х гг., преследовали не столько экономическую выгоду, сколько компенсацию потерь людских ресурсов в результате эпидемий и войн⁶¹. Пленника либо принимали, либо, в конце концов, убивали. Но Гупиль и Жог не были ни убиты, ни «усыновлены». Им оставили жизнь, поскольку «замешательство возникло в советах Ирокезов». Некоторые желали казнить их, в то время как другие предпочитали получить за них выкуп⁶². Иезуитов оставили в состоянии неопределенности, на грани между жизнью и смертью. Они получили статус, примерно эквивалентный испытательному сроку, который мог длиться месяцы или всю жизнь, во время которого пленник, как ожидали, докажет свою готовность интегрироваться в ирокезское общество, поступая как ирокез⁶³. Но иезуиты презрели возможность компромисса, отказываясь играть роль приемных детей ирокезов. Они провоцировали конфликт, проповедуя, публично молясь и пытаясь обратить других. Они оставались чужими, а значит – представляли угрозу, реальную или ритуальную. Рано или поздно такой стиль поведения должен был дать свой закономерный результат. Однажды Гупиль нанес знак креста на лоб мальчика, и тут же был зарублен ирокезским воином⁶⁴. Его действия были восприняты как отказ следовать нормам ирокезского образа жизни, это был акт провокации и агрессии, ответом на который стала быстрая и безжалостная смерть.

Все эти подробности стали известны лишь по возвращению Жога из плена: истрадавшего, искалеченного, но не сломленного. В августе 1643 г. ему удалось бежать от могауков к голландцам в Форт-Оранж (совр. Олбани), а оттуда, к январю 1644 г., он достиг Ренна во Франции, вызвав настоящий фурор сначала в местном иезуитском коллеже, а затем и в Париже. Во время аудиенции при дворе, королева не смогла сдержать слез при виде его искалеченных рук, на которых ирокезы отрезали большинство пальцев. Папа Римский, в нарушение ритуальных правил, требующих, чтобы священники были физически полноценными для служения мессы, сообщил: «Несправедливо, что мученик за Христа не может пить Кровь Христа»⁶⁵. Добровольное возвращение Жога в 1646 г. в Канаду, землю креста, а затем в Ирокезию к могаукам, почти к

⁶¹ Richter. 1992. P. 64-74. Рихтер утверждает, что к середине 1660-х гг. более двух третей населения Ирокезской лиги были принятыми пленниками (Ibid. P. 61-66).

⁶² JR. Vol. XXIII. P. 127.

⁶³ Richter. 1992. P. 69.

⁶⁴ JR. Vol. XXVIII. P. 129-135.

⁶⁵ Martin. 1885. P. 164.

неизбежной смерти, возможно, сместило ощущение мученичества в Новой Франции от пассивного смирения перед лицом опасности к более активному поиску мученической смерти⁶⁶.

Пленение Жога и казнь Гупиля произвели сильное впечатление на их коллег в Гуронии и Квебеке. Мученическая смерть стала достигаемой, особенно для тех, кто работал в гуронской миссии: «Кажется, что Бог намеревается установить свою Церковь в этих варварских странах, – сообщил Ж. Лалеман осенью 1643 г., – исключительно теми же самыми путями, которые повсюду рождали Веру. Я хочу сказать, что быть превосходным христианином и в то же время страдать – две нерасторжимые вещи»⁶⁷. Эту возможность следовало использовать ради «вящей славы Господней». Миссионер у гуронов Пьер Пижар писал друзьям в Европу и спрашивал «не жалеют ли они его за то, что он лишен удачи, которую Отец Изаг Жог получил, попав в руки Ирокезов. Этот Отец совершил ту поездку только раз, и столкнулся с тем счастьем. Я спускался шесть раз к Квебеку, и шесть раз поднимался снова тем же путем, не встретив этого счастливого приключения. Я не знаю, к чему наш добрый Бог predetermined меня; но я считал бы себя очень счастливым, столкнувшись с подобным. Ярость наших врагов увеличивает нашу заслугу, а их огни нашу славу, когда мы войдем в Небо теми вратами, у нас будет большая сила, чтобы привлечь их»⁶⁸. Он написал элогию (похвалу) о Жогу, не зная еще жив тот или мертв, но уже воспринимая его как святого мученика. Следуя агиографическому штампу, он рассказывает о безупречной жизни святого перед его подвигом: глубокая внутренняя духовность с ранних лет; пылкое желание миссий; работа в гуронской миссии и страдания, которые он кротко претерпевал там; разного рода достоинства и добродетели, продемонстрированные им (скромность, милосердие, глубокое почитание евхаристии и т.п.); захват его в плен⁶⁹.

Можно сказать, что миссионерами у гуронов овладела эйфория в преддверии неминуемой гибели во славу Божью. Предпосылкой для этого была не только возросшая опасность со стороны ирокезов, но и рост оппозиции деятельности миссионеров среди гуронов. И до этого склонный к мистическим переживаниям и видениям, о. Жан де Бребеф жил в это время особенно интенсивной духовной жизнью, оказывая сильное влияние на своих коллег и туземных хозяев. Его видения становились все более насыщены сценами скорого и жестокого мученичества за веру,

⁶⁶ Anderson. 2010. P. 131.

⁶⁷ JR. Vol. XXVI. P. 217.

⁶⁸ Ibid. Vol. XXV. P. 41; MNF. Vol. V. 1990. P. 585.

⁶⁹ MNF. Vol. V. P. 576-580.

связанными со страданием Христа, который являлся ему «неся свой Крест, или уже будучи на нем», отражая пылкое желание миссионера разделить его страдания, желание, которое он удовлетворял ритуальным искупытельным самоистязанием⁷⁰. Незадолго до смерти, Бребеф вновь писал о стремлении к мученичеству, выражая готовность перенести даже адскую муку аборигенной пытки ради Христа: «я даю тебе обет никогда не бежать от благодати мученичества, если однажды своим бесконечным милосердием ты предложишь ее мне... мой возлюбленный Иисус, я предлагаю тебе сегодня... свою кровь, свое тело и свою жизнь; чтобы я мог умереть только за тебя».⁷¹ За три дня до гибели, он рассказал о видении своего мученичества, точно указав, что с ним должно произойти⁷².

Мистические предчувствия Бребефа касались не только его судьбы, но отражали и его страхи за выживание всех иезуитов Гуронской миссии. Рассказывая о своем зловещем видении громадного креста в небе, который «прибыл со стороны Ирокезских Наций», Бребеф отметил, что он был «достаточно большим, чтобы распять нас всех»⁷³. В 1644 г. он видел себя и компаньонов обрызганными Кровью Христа⁷⁴. Его видения так убедили коллег в его предназначении к судьбе мученика, что, опасаясь, что тело Бребефа может пропасть или быть уничтожено во время страданий, они убедили его пожертвовать пузырек своей крови, дабы чтить ее как реликвию⁷⁵.

В иезуитских *Реляциях* во Францию появилась новая сюжетная линия, связанная как с утверждением святости мучеников, ушедших и грядущих, так и выполнявшая традиционную для *Реляций* пропагандистскую и полемическую функцию. В 1643 г. о. Вимон, новый супериор канадской миссии, сообщал: «Эти огонь и страсть расточения крови ради Иисуса Христа сообщается молодым людям, которые могли бы влачить свои жалкие жизни в пороке, если бы остались во Франции, и которые, в этом Новом Свете, уподобляются Святым»⁷⁶. Для Ж. Лалемана, те, «кто прибудет к нам, должен оставить во Франции всякую любовь к жизни, чтоб предаться без остатка тому, что вызывает наибольший ужас у естества. Но я думаю, именно это должно вдохновить в добром сердце желание идти в эти потерянные земли; забыть себя здесь

⁷⁰ JR. Vol. XXXIV. P. 161, 183.

⁷¹ Ibid. P. 165-169.

⁷² *Marie de l'Incarnation*. 1971. P. 379-80.

⁷³ JR. Vol. XXXIV. P. 163-165.

⁷⁴ *Latourelle*. 1993. P. 233.

⁷⁵ *Marie de l'Incarnation*. 1971. P. 379-80.

⁷⁶ JR. Vol. XXV. P. 31-33.

по примеру святых, и не искать в этом мире ничего более прекрасного, чем Бог»⁷⁷. В дальнейшем эта пропагандистская функция лишь укреплялась. В 1657-1658 гг., когда функционировала первая иезуитская миссия у ирокезов-онондага в Ганентэйю, *Реляции* призывали своих коллег во Франции «прибыть и принять участие в Завоеваниях, столь блестящих, хотя сопровождающихся невероятными трудами и... высокими надеждами на смерть на поле сражения»⁷⁸.

С 1640-х гг. демонизированный образ ирокеза получает яркое воплощение на страницах *Реляций* и частной корреспонденции, обретая сочные краски врага веры и творца мучеников. Но при этом он абсолютно лишается собственной активной воли: подобно древнееврейским пророкам, иезуиты в Новой Франции видят его «бичом божьим», карающим младенческую канадскую церковь за ее грехи. Когда в 1646 г. возникла вероятность отправки миссионера к ирокезам, Ж. Лалеман, главный инициатор этого самоубийственного проекта, прямо заявлял, что эта миссия «создана с именем Мучеников; ибо помимо жестокости, которую те Варвары уже причинили некоторым людям, движимым желанием спасения душ; помимо боли и страдания, которым те, кто предназначен в эту Миссию, обязаны подвергнуться, мы можем сказать воистину, что она была уже окрашена в темно-красный цвет крови одного Мученика [Гупиля]... Добавьте к этому, что планы, которые мы строим против империи Сатаны для спасения этих народов, не приведут к своим плодам прежде, чем не будут политы кровью других Мучеников»⁷⁹.

К середине 1640-х гг. окончательно сложилась мариологическая доктрина иезуитов Новой Франции: новая церковь будет принята Богом, только когда произведет своих мучеников; для этого Господь предопределил и жертв (не только французских священников, но и аборигенов-неофитов⁸⁰), и палачей (ирокезов, а позднее, аборигенов-отступников или традиционалистов). Можно предположить, что она выполняла, прежде всего, компенсаторную функцию – страдания и жестокая смерть должны были не оставаться лишь эпизодом этнических войн, а обрести высший смысл, объяснявший цели и результаты миссионерского труда.

Реляция Ж. Лалемана за 1647 год стала поворотным пунктом в развитии доктрины. Она почти полностью была посвящена о. Жогу, его страданиям с пленения в 1642 г. и до мученической смерти в 1646 г. Был

⁷⁷ Ibid. Vol. XXVIII. P. 99-101.

⁷⁸ Ibid. Vol. XLIV. P. 61.

⁷⁹ Ibid. Vol. XXIX. P. 45.

⁸⁰ Тема индийского мученичества, и шире – святости, в иезуитском мариологическом дискурсе XVII в. требует отдельного изучения.

сформирован облик святого-мученика Новой Франции, и его прототипом стал Изаг Жог. «Мы чествовали эту смерть как смерть Мученика, – писал Лалеман. – [Ибо] тот является истинным мучеником Божиим, кто свидетельствует пред Небом и землей, что ценит Веру и возвешение Евангелия сильнее собственной жизни, – теряя ее в опасностях, в которые, с полным сознанием, он ввергает себя ради Иисуса Христа, и выступая перед его лицом с желанием умереть, чтобы сделать его известным. Эта смерть – смерть мученика перед Ангелами. Он был убит из-за ненависти к учению Иисуса Христа»⁸¹. Лалеман утверждал, что Жог бежал от ирокезов в 1643 г. только потому, что знал – однажды он вернется, чтобы завершить свое мученичество: «наш Господь продлил ему жизнь, чтобы он мог придти и пожертвовать собой ради Него там, где он уже начал свою жертву»⁸². Те, кто видел его в этот пограничный период между жизнью и смертью в 1643-46 гг. (в Новых Нидерландах, Англии, Франции и Канаде), воспринимали его как мученика. В голландском поселении, где он нашел убежище, мальчик-лютеранин, не знавший Жога и даже не говоривший на его языке (он был поляком), бросился ему в ноги, целовал его руки и восклицал: «Мученик, Мученик Христа!», а отец Бюте, бывший его компаньоном в последнее лето его жизни в Монреале, «открыто признавал, что Бог готовил его к Небу»⁸³. Но главное, Жог сам воспринимал себя именно в этом дискурсе мученика, подобно многим коллегам по канадской миссии. Уходя в свое последнее путешествие к могаукам, он написал другу: *Ibo et non redibo* (я ухожу и не вернусь)⁸⁴.

Собственный взгляд Жога на свое призвание мученика, как и Жана де Бребефа и некоторых других, особенно ярко демонстрирует тот личностный кризис, который переживали иезуиты в Новой Франции первой половины XVII в. Умереть мученически, страдая, и тем самым спасти других и себя – вот истинная цель всей жизни, которая является лишь подготовкой к этому последнему акту святости. Поскольку эта идея изначально присутствовала у них, можно предположить, что перед нами форма суицидального эскапизма, порожденного как религиозной ситуацией во Франции, так и тяготами миссионерской жизни.

⁸¹ Ibid. Vol. XXXI. P. 119.

⁸² Ibid. P. 137.

⁸³ Ibid. P. 99, 125.

⁸⁴ Ibid. P. 113. Позднее Мари де л'Энкарнасьон приписала ему три мученических смерти, для каждого путешествия в Ирокезскую страну: «Первый раз он там не умер, но достаточно претерпел, чтобы умереть. Второй раз он... умер там только в желании, ибо сердце его постоянно жгло желание мученичества. Но в третий раз Бог даровал ему то, чего так долго жаждало его сердце» (*Marie de l'Incarnation*. 1971. P. 326).

Поль Перрон провел текстологический анализ записки Жога о своем пленении и смерти Гупиля, написанной в 1646 г., и обнаружил присутствие в ней двух дискурсов: исторического (профанного) и мартирологического (сакрального). В повествовании о своем пленении Жог организует события, используя в основном прошедшее время, время исторического дискурса, отражающего временную дистанцию между временем повествования и временем события, иногда используя прошедшее и настоящее времена одновременно⁸⁵. Эти переходы из исторического времени в настоящее предлагают разный ритм, – или дистанцирование, или сопереживание событий, совершаемых телом. Историческое-временное действие тела контрастирует с отсутствием чувства времени в ритуале. Однако свои пытки Жог описывает в прошедшем времени, подчеркивая страдания плоти в контрасте с торжеством духа (и Бога):

«они напали на меня с безумной яростью, избив меня палками и военными дубинками и бросив меня на землю полумертвым. Когда я снова начал дышать, те, кто еще не ударил меня, приблизились, яростно вырвали мои ногти; а затем отрезали, один за другим, концы двух указательных пальцев, лишенных ногтей, заставив меня испытать самую острую боль, сломав и сокрушив их как будто между двумя камнями, раздробив в осколки или обнажив кость... Надолго закрывающиеся пути спасения множества народов, погибающих ежедневно из-за отсутствия помощи, заставляли меня умирать ежечасно в глубине души»⁸⁶.

Жог четко определил, почему он считает Гупиля мучеником: «Я даю ему это звание не только потому, что он был убит врагами Бога и его Церкви, и в деянии пылкого милосердия к своему ближнему, – находясь в очевидной опасности ради любви божьей, – но особенно потому, что он был убит из-за молитвы, и особенно святого креста»⁸⁷. Мученичество, с точки зрения Жога, не заключается лишь в смерти, а скорее в действиях, моментах и намерениях, которые предшествуют смерти.

В результате, события 1648-49 гг. в Гуронии, приведшие к гибели пяти миссионеров, уже были восприняты в сформировавшемся мартирологическом дискурсе и, в свою очередь, оказали огромное влияние на его дальнейшее развитие. Был создан общий эталон канадского миссионера,

⁸⁵ Perron. 2003. P. 160: «Я подываю одного из Ирокезских стражей... он приближается и, схватив меня, поместил с тем, кого называют жалким мира сего... Этот добрый молодой человек немедленно исповедался. Дав ему прощение, я приближаюсь к Гуроном, наставляю и крещу их... Выполняя свой долг, я посещаю всех пленников, я крещу тех, кого еще не окрестили, я ободряю этих несчастных в страданиях... Я узнал во время этого посещения, что нас было двадцать два пленника». Ср.: JR. Vol. XXXI. P. 25-27.

⁸⁶ Perron. 2003. P. 160-162. Ср.: JR. Vol. XXXI. P. 27-29.

⁸⁷ JR. Vol. XXVIII. P. 133.

которому необходимо было соответствовать. Шарль Гарнье писал своему брату 25 апреля 1649 г., что ему жаль, что он не был одним из тех, кто подвергся мученичеству, и надеялся, что такая возможность возникнет в будущем: «я впредь считаю себя просфорой, которой должно пожертвовать»⁸⁸. Через полгода такая возможность ему представилась.

А Ж. Лалеман с удовлетворением сообщал в Рим в 1649 г. о достижениях канадской церкви – три мученика и тысячи крещений, ставя эти цифры в прямую зависимость: «От смерти Отца Антуана Даныеля... до смертей Отца Жана де Бребефа и Отца Габриеля Лалемана... окрестили более одной тысячи трехсот лиц; и от последних убийств до месяца августа мы окрестили более одной тысячи четырехсот... Столь верны слова, *Sanguis martyrum semen est Christianorum* – “кровь Мучеников”, если можно их так называть, семя... христиан».⁸⁹

Мученические смерти 1640-х гг. к началу следующего десятилетия стараниями таких иезуитских агиографов как Поль Рагено или Франсуа-Жозеф Брессани превратились в хрестоматийные примеры, которым было необходимо следовать следующим за ними в поисках благодати спасения. Рагено, став супериором миссии Новой Франции, провел в 1652 г. расследование о жизни и рукописях своих компаньонов, умерших за веру. Стремясь следовать каноническим правилам в перспективе будущей беатификации этих мучеников, он получил полномочия от архиепископа Руана, считавшегося высшей церковной властью во Французской Америке. Результатом этого труда стал объемный корпус документов, известный как *Manuscrit de 1652*, дополненный во Франции «Сборником писем о Шарля Гарнье», составленным его братом, кармелитским монахом о. Анри де Сен-Жозефом. Все документы сборника засвидетельствованы под присягой супериором и о. Жозефом-Антуаном Поне, который был в 1652 г. кюре Квебека⁹⁰. Однако манускрипт не пытался синтезировать документы в общий текст или разместить их в контексте истории канадской миссии. Первая попытка такого рода произошла год спустя в *Реляции* об иезуитских миссиях в Канаде, написанной Брессани для иезуитов Италии, и прежде всего руководства ордена. Наряду с описанием природы и жителей Новой Франции, а также деятельности автора среди туземцев, громадное внимание было уделено гибели иезуитов в

⁸⁸ MNF. Vol. VII. P. 494.

⁸⁹ MNF. Vol. VII. P. 533; JR. Vol. XXXIV. P. 229.

⁹⁰ Полное название: “*Mémoires touchant la Mort & les Vertus des Pères Isaac Jogues, Anne de Noue, Anthoine Daniel, Jean de Brebeuf, Gabriel Lallement, Charles Garnier, Noël Chabanel & un séculier René Goupil*”. MNF. Vol. II. 1979. P. 776; Vol. IV. P. 44; Vol. V. 1990. P. 284; Vol. VII. P. 554.

1640-х гг.⁹¹ Первый подобный синтез, предпринятый французским автором, произошел в 1664 г. с публикацией на латыни «Истории Новой Франции» иезуита Франсуа Дюкре. Как и работа Брессани, эта книга суммировала историю канадской миссии, основываясь на *Реляциях*, и рассказывала ее как священную эпопею, акцентированную героическими делами святых людей. Символично посвящение автора Людовика XIV: «Ваша Новая Франция, Луи, имеет много святых того замечательного сорта, о котором Апостол упоминает всюду в своих Посланиях»⁹².

Все случаи, начиная со смертей Гупиля и Жога до жертв ирокезского нападения на Гуронию в 1648-49 гг., были приведены в систему, основой которой стала мартирология. Абсолютно разные случаи – вызов и провокация со стороны Гупиля, подозрение в колдовстве Жога и Ж. де Лалана, гибель в бою Ш. Гарнье и А. Даньеля, традиционная пытка военнопленных в случае Ж. Бребефа и Г. Лалемана, исчезновение без вести Н. Шабанеля,⁹³ – все они оказались сведены к *odium fidei*, ненависти к вере. Одновременно вся жизнь этих мучеников организовывалась по традиционной агиографической схеме: с раннего детства она оказывалась подчинена великой и святой цели – мученичеству за веру. Такие схемы Перрон называет тавтологическими, так как они просто сообщают, что уже во Франции молодой Жог (или Бребеф, или Гарнье) был тем, кем он станет, так как он продемонстрировал там все те качества, которые покажет в Новой Франции⁹⁴.

Не менее важно было отделить смерти иезуитских миссионеров от смерти обращенных ими туземцев, с одной стороны, и смерти светских французов, с другой, ведь внешнее сходство (особенно, ирокезская пытка) бросалось в глаза читательской аудитории. С этой задачей справлялись либо путем прямого противопоставления, снимая их религиозную значимость, либо просто игнорируя. В первом издании «Истории» Дюкре присутствовала гравюра, изображающая мучеников Новой Франции: самые главные (Изаг Жог, Жан де Бребеф и Габриэль Лалеман) изображены в первом ряду; за ними находятся мученики второго ранга, такие как Антуан Даньель и Шарль Гарнье, а на заднем плане, в виде неясной темной фигуры, изображена смерть Жозефа Онахаре, алгонкинского христианина, погибшего за веру от рук ирокезов в 1650 г. Мало того, что на этой картине не видно ни его лица, ни каких-либо иных деталей (кро-

⁹¹ Breve Relatione d'alcune missioni de' PP. della Compagnia di Giesù nella Nuoua Francia (1653) // JR. Vol. XXXVIII-XL.

⁹² *Du Creux*. 1951. Vol. I. P. 6.

⁹³ См.: *Mali*. 1994; *Greer*. 2000. P. 323-348; *Perron*. 2003; *Anderson*. 2010.

⁹⁴ *Perron*. 2003. P. 165.

ме легенды к гравюре), отличающих его от остальных индейских персонажей, которые все являются ирокезами, т.е. мучителями святых.



В последующих изданиях его образ вовсе исчезает, оставив только визуализацию «колониальной агиографии»: язычники-дикари зверски убивают белых миссионеров⁹⁵. На той же гравюре, Гупиль (*donné*, светский слуга иезуитов) почти скрыт фигурой Жога. Смерти французов иезуитов миссионеры стремились придать нерелигиозное значение. Например, только за одиннадцать месяцев до гибели Бребефа и Лалемана, Жак Дуар, молодой *donné*, был убит гуронскими традиционалистами, которые надеялись тем самым разорвать союз с французами и изгнать иезуитских миссионеров из Гуронии. Важная роль, которую убийцы Дуара играли в гуронском обществе, как и тот факт, что иезуиты приня-

⁹⁵ Первая версия: Grégoire Huret, *Preciosa mors quorundam Patrum é Societé Jesu in nova Francia* (1664) в: *Du Creux*. 1951. Vol. I. P. 481; вторая: Etienne David, *Mort heroïque de quelques peres de la Compagnie de Jésus dans la Nouvelle France*, литография 1868 г.

ли компенсацию от гуронов за это преступление (по туземной традиции), мешали Рагено считать убийство Дуара мученической смертью⁹⁶.



Nona Decem viri christiani Jesuitas belonging to the Society of Jesus in New France:

(1) Father Anne de Noyé of Châteauguay, driven to death by the execution of death, February 9, 1648. (2) Father Jean Jacques, born at Orleans. While preaching, Christ to the Indians and before the time he had returned an evil spirit to destroy their country, killed with an axe on October 18, 1647. (3) and (4) Two young Frenchmen, his companions, cruelly murdered. (5) Christian Indians, born at Quebec, died in an effort to save the lives of his flock, July 4, 1648. (6) and (7) Father Jean de Brébeuf, born in the diocese of Bayeux, and Father Gabriel Lalumière, of Paris, perished after being searched by the and by a collar

of an Indian bound to the flames and being drowned with boiling water in baskets of lignite, and having their flesh cut and dissolved, on May 15, 1649. (8) Father Charles Garnier of Paris, also died on December 7, 1649, while engaged in pastoral duties. (9) Father Noël Chabanel of the diocese of Meaux in the department of Lorraine, killed about the same time by an Iroquois, who found his body near a small stream. (10) Joseph Chabouis, a young Algonquian, tortured for three days and nights in the spring of the same year, in giving up the worship of his idols.

Эти труды о мучениках подтверждают, что достаточно скоро после разрушения Гуронской миссии, иезуиты в Канаде и в Европе расценивали мучеников как опознаваемую группу. Эти усилия были поддержаны и иезуитской верхушкой в Риме: первым документом, вышедшим из-под пера нового генерала Общества Ф. Пикколомини (1650), стало письмо миссионерам в Канаду, в котором погибшие священники были прямо названы мучениками: «Не сомневаюсь, что те три жертвенные просфоры пребывают в благоухании Царственного мученичества»⁹⁷. В результате, с начала 1650-х гг. поиск мученичества стал приоритетным для миссио-

⁹⁶ JR. Vol. XXXIII. P. 229-249.

⁹⁷ MNF. Vol. VII. P. 649.

неров: когда ирокезы захватили в 1654 г. очередного кандидата в мученики – о. Поне, при нем оказалась рака с реликвией, «маленьким листком бумаги, на котором я написал своей кровью... имена наших Отцов, преданных мученической смерти в Америке, и короткую Молитву, в которой я просил у Нашего Господа насильственной смерти на службе ему, и милости пролития всей моей крови»⁹⁸.

Огромную роль новофранцузские мученики сыграли в создании иезуитской миссии у ирокезов. Здесь легитимизирующая функция мартирологии видна очень четко. Мир, заключенный французами с племенами Лиги в 1653-54 гг., открывал перспективы и для их христианизации, и для поддержки в вере захваченных ирокезами гуронских и алгонкинских неофитов. Вместе с тем, и ирокезские лидеры, и колониальные чиновники рассматривали миссию лишь как составную часть франко-ирокезских политических отношений, стремясь использовать иезуитов как посредников в них. Чтобы оправдать участие в подобном (скорее, светском, нежели религиозном) мероприятии часть иезуитских миссионеров (Рагено, Лемерсье и др.) стала активно использовать образ мучеников, пострадавших от ирокезов. «Кровь мучеников заставила услышать себя на небесах; – писал Лемерсье в *Реляции* 1654 г., – и мы видим себя призванными Возвестить Веру теми жестокими Варварами, единственной целью которых, казалось, было бороться против нее»⁹⁹. Ради утверждения в Ирокезии было привлечено все христианское наследие, а именно, «пример Апостолов» и «общая Аксиома: *Sanguis Martyrum semen est Christianorum*. “Кровь, пролитая за Веру Ирокезами, взмолится Богу не ради отмщения, а для благословения и прощения этих Ирокезов”».¹⁰⁰ В результате столь смелого толкования христианской традиции, к 1656 г. в среде иезуитов идея ирокезской миссии полностью утвердилась. Генерал ордена Никель в 1655 г. приписывал успехи у онондага «драгоценной крови ваших компаньонов»-мучеников¹⁰¹. Сообщая в *Реляции* 1656-57 г. о крещении более 200 ирокезов, супериор Лемерсье писал:

«Мы знаем, что эти Дикари с удовольствием ели нас и пили кровь Отцов нашего Общества; что их руки и их губы все еще влажные от нее, и что костры, на которых они жарили их члены, все еще не погашены. Мы не забыли пожарище, которое они устроили в наших домах, и жестокость, которую они обрушили на наши тела, которые все еще имеют [ее] знаки; никакие Нерон или Диоклетиан никогда не выступали так рьяно против христиан, как эти кровожадные Дикари выступили против нас. Мы еще не осушили слезы, которые в течение шести лет

⁹⁸ JR. Vol. XL. P. 123.

⁹⁹ Ibid. Vol. XLI. P. 131.

¹⁰⁰ Ibid. Vol. XLIII. P. 133.

¹⁰¹ MNF. Vol. VIII: Au bord de la ruine (1651-1656). 1996. P. 729.

омывали наши глаза, когда мы обращаем их на процветающее состояние Гуронской Церкви прежде, чем те Угнетатели иссушили ее основания, сделав Мучеников из ее Пастырей, и Святых из большинства ее членов. Несмотря на все это, мы настолько полагаемся на волю Божию, – который в старину превратил своих величайших преследователей в своих ярчайших Апостолов, – что не сомневаемся, что теперь он открывает дверь своим Проповедникам, чтобы они смогли пойти и посеять веру в самое сердце его врагов»¹⁰².

Миротворчество традиционно рассматривалось в Обществе Иисуса как составная часть общей программы христианизации, и новый супер-иор Декон не преминул напомнить об этом в 1656 г., используя тот же мартирологический дискурс: «как Иисус Христос послал своих Апостолов аки Агнцев среди волков, чтобы обратить их в Агнцев, мы не должны бояться пожертвовать наши жизни ради установления Мира и Веры там, где всегда господствовали война и неверность»¹⁰³. Такая точка зрения на ирокезскую миссию, сочетающая и светские (политические), и религиозные (мартирологические) мотивы, использовалась не только для ее инициирования, но и для оправдания того фиаско, которое она потерпела. 20 марта 1658 года, узнав о готовящемся нападении ирокезов на Ганентэйю, иезуиты и другие французы тайно, под покровом ночи покинули миссию, и бежали в Квебек: «...видя, что их смерть несколько не послужит бедной плененной Церкви, которую они оставляли, и что их рабство не даст ей облегчения, ибо эти варвары собирались связать их и взять в Квебек, чтобы обменять на своих соплеменников, которых наши французы держали в цепях, – видя, что их смерть и плен принесут больше вреда, чем пользы французской Колонии, они решили спастись и попытаться спасти французов»¹⁰⁴.

Важной особенностью иезуитской мартирологии являлась ее жертвенность. Страдания и смерть при этом переносились не только ради собственного спасения, более того, такое мученичество не вело к обретению благодати, а ради грешника – индейца (и «союзного» гурона или алгонкина, и «враждебного» ирокеза). В этом иезуитское понимание мученичества принципиально отличалось от пуританского, где жертва приносилась не во имя грешников, а во имя «святых» – колонистов-пилигримов¹⁰⁵. Иезуитский подход к мученичеству в Новой Франции противоречил и взглядам их коллег и конкурентов на этом миссионном поле – реколлектов. Еще в 1624 г. настоятель реколлектской миссии Жозеф Ле Карон предупреждал своих собратьев по ордену: «Никто не

¹⁰² JR. Vol. XLIV. P. 55-57.

¹⁰³ Ibid. Vol. XLII. P. 41. Ср., Мф. 10, 16 и Лк. 10, 3.

¹⁰⁴ Ibid. Vol. XLIV. P. 173.

¹⁰⁵ Sayre. 1997. P. 23.

должен идти сюда в надежде на страдание мученической смерти, ибо мы не в той стране, где дикари казнят христиан за их религию. Они оставляют всех в своей вере»¹⁰⁶.

Итак, иезуитская мариология включала в себя как общехристианскую традицию, на которой она основывалась и в формы которой облекалась, так и новые тенденции, которые, вслед за А. Гриром, можно назвать «колониальной агиографией» – одной из ее главных особенностей стал расовый подход к святости¹⁰⁷. Прежде всего, мариологическая доктрина, развитая иезуитскими миссионерами в Новой Франции, демонстрировала ярко выраженную легитимирующую и объясняющую функции. Мученичеством определялись мотивы прибытия сюда миссионеров, мученики закладывали и укрепляли основания строящейся здесь церкви, мученические смерти миссионеров рассматривались как наилучший способ христианизации местных народов. Это был взаимовыгодный обмен: Новый Свет освящал иезуитов, и они в свою очередь освящали Новый Свет, предавая себя в жертву ради его спасения.

Однако становление и развитие такой «колониальной» мариологии, основанной на реальных фактах мученической смерти, с одной стороны, и их превращение в типовой агиографический текст, с другой, демонстрируют определенную переходность от «эпохи взрыва», с ее противоречиями и гетерогенностью, ее яркой индивидуальностью, к застою и «одинаковости», в терминологии Ю.М. Лотмана. «Героическая личность, чье имя выписывается на страницы истории, и безмянный типовой герой воплощают два сменяющих друг друга типа исторического развития»¹⁰⁸. Агиография отражает отношения между различными группами в обществе. Житие мученика преобладает в обществах, находящихся под угрозой, в то время как повествования о добродетелях отражают стабильную социально-политическую и церковную ситуацию. Религиозные герои раннего периода истории Новой Франции вели активную жизнь, добываясь продвижения веры и укрепления колонии, и стали известны тем, чего они добились в результате и какой ценой. В XVIII в. картина меняется, и местные святые переходят от репрезентации внешних потребностей колонии в своей деятельности к помощи колонистам в их личных нуждах, прежде всего в посмертном заступничестве и представлении образцов для благочестия¹⁰⁹.

¹⁰⁶ *Le Clercq*. 1881. Vol. I. P. 221-222.

¹⁰⁷ *Greer*. 2000. P. 325-329.

¹⁰⁸ *Лотман*. 1992. С. 101-103.

¹⁰⁹ *Pearson*. 2008. P. 292-293.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. М., Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- Бемер Г.* Иезуиты // Бемер Г. Иезуиты. Ли Г.Ч. Инквизиция. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999. 1248 с.
- Бош Д.* Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1997.640 с.
- Диккенс Ч.* Собр. соч. в 30 тт. Т. 9: Американские заметки. Картины Италии. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 558 с.
- Лойола И.* Выдержки из Общего Экзамена // Символ, № XXVI, 1991. С. 129-134.
- Собеседование первых отцов (1539)* // Символ, № XXVI, 1991. С. 123-128.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.:Издательская группа «Прогресс», 1992. 270 с.
- Скакун А.А.* XVII век как альфа и омега истории западноевропейской культуры // XVII век в диалоге эпох культур. Материалы Международной научной конференции «Шестые Лафонтенские чтения». СПб., 2000. С. 7-8.
- Федин А. В.* Гуронская миссия Общества Иисуса в Канаде: 1634-1650 годы // Всеобщая история: современные исследования: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. Брянск, 2009. С. 145-165.
- Федин А.В.* Становление иезуитской миссии в Новой Франции в 1611-1630 гг. // Вопросы истории. № 2, 2010. С. 113-121.
- Федин А.В.* Формирование концепции миссионерской деятельности Общества Иисуса // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005. С. 265-286.
- Anderson E.* Blood, Fire, and “Baptism”, Three Perspectives on the Death of Jean de Brébeuf, Seventeenth-Century Jesuit “Martyr” // Native Americans, Christianity, and the reshaping of the American religious landscape / edited by Joel W. Martin and Mark A. Nicholas. Chapel Hill: The Un-ty of North Carolina Press, 2010. P. 125-158.
- Bangert W.V.* A History of the Society of Jesus. St. Louis, Institute of Jesuit Sources, 1972. 558 p.
- Clossey L.* Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 327 p.
- Daniel E.R.* The Franciscan Concept of Mission in the High Middle Ages. Lexington, The University Press of Kentucky, 1975. 168 p.
- Deslandres D.* Croire et faire croire: Les missions françaises au XVIIIe siècle. Paris, Fayard, 2003. 633 p.
- Du Creux F., SJ.* The history of Canada or New France. 2 vols. Toronto: Champlain Society, 1951-1952. 775 p.
- Gilby T., Cunningham L.S.* Martyrdom, Theology of // New Catholic Encyclopedia, 2nd Edition, vol. 9. Detroit, 2003.
- Goddard P.* Canada in Seventeenth-Century Jesuit Thought: Backwater or Opportunity // Decentering the Renaissance: Canada and Europe in Multidisciplinary Perspective, 1500-1700 / ed. Germaine Warkentin, Carolyn Podruchny. Toronto, 2001. P. 186-199.
- Greer A.* Colonial Saints: Gender, Race, and Hagiography in New France // The William and Mary Quarterly, 3rd Ser., Vol. 57, No. 2, Apr., 2000. P. 323-348.
- Henry A.M.* A Mission Theology. Notre Dame, Fides Publishers, Inc., 1962. 197 p.
- Jensen M.P.* Martyrdom and Identity. The Self on Trial. London, T&T Clark International, 2010. 214 p.

- The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 / ed. by Reuben Gold Thwaites. 71 vols. Cleveland, The Burrows Brothers Company, 1896-1901.
- Lallemant L.* The spiritual doctrine of Father Louis Lallemant, of the Company of Jesus. L.: Burns & Lambert, 1855. 351 p.
- Latourelle R.* Jean de Brébeuf. Québec: Bellarmin, 1993.
- Le Clercq C.* First establishment of the faith in New France. Vol. I-II. New York: J.G. Shea, 1881-1882.
- Mali A.* New World Spirituality: Mystical Writings of Missionaries in 17th Century Canada. Occasional Paper № 16. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 1994. 49 p.
- Marie de l'Incarnation (Guyart).* Correspondance. Edited by Dom Guy-Marie Oury. Solesmes, Abbaye Saint-Pierre, 1971. 1077 p.
- Martin F., SJ.* The life of Father Isaac Jogues, missionary priest of the Society of Jesus, slain by the Mohawk Iroquois, in the present State of New York, Oct. 18, 1646. New York: Benziger Brothers, 1885. 263 p.
- Monumenta Novae Franciae / Ed. L. Campeau. Vol. I-VIII. Québec, Les Presses de l'Université Laval, 1967-1996.
- Pearson T.G.* Becoming Holy in Early Canada: Performance and the Making of Holy Persons in Society and Culture. A Thesis submitted in partial fulfillment of the degree of Doctor of Philosophy. Montreal: McGill University, 2008. 467 p.
- Perron P.* Isaac Jogues: From Martyrdom to Sainthood // Colonial Saints: Discovering the Holy in the Americas / ed. Allan Greer and Jodi Bilinkoff. New York, 2003. P. 153-168.
- Pizzorusso G.* Le choix indifférent: mentalités et attentes des jésuites aspirants missionnaires dans l'Amérique française au XVIIe siècle // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Italie et Méditerranée T. 109. N°2. 1997. P. 881-894.
- Richter D.* The Ordeal of the Longhouse: The Peoples of the Iroquois League in the Era of European Colonization. Chapel Hill, The Un-ty of North Carolina Press, 1992. 454 p.
- Sagard G.T.* The Long Journey to the Country of the Hurons. Toronto: Champlain Society, 1939. 488 p.
- Sayre G.M.* Les Sauvages Américains: Representations of Native Americans in French and English Colonial Literature. Chapel Hill: Un-ty of North Carolina Press, 1997. 379 p.
- Trevor-Roper H.* The Crisis of the Seventeenth Century. Religion, Reformation and Social Change. New York: Harper & Row, 1967. 451 p.
- Venn H.,* ed. The Missionary Life and Labours of Francis Xavier Taken from his own Correspondence With a Sketch of the General Results of Roman Catholic Missions among the Heathen. London: Longman, Roberts, & Green, 1862. 326 p.
- Wynne J.J., SJ.* The Jesuit Martyrs of North America. New York: The Universal Knowledge Foundation, Inc ,1925. 247 p.
- Young W.J., SJ.,* ed. Letters of St. Ignatius of Loyola. Chicago, Loyola University Press, 1959. 449 p.

Федин Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета; avfedin@yandex.ru

Е. М. КИРЮХИНА

СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ И ПРЕОБРАЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ХУДОЖНИКАМИ-ПРЕРАФАЭЛИТАМИ

В статье рассматриваются способы отображения эпохи Средневековья художниками-праерафаэлитами и мастерами их круга, анализируется соотношение объективного и субъективного начала в их творениях. Особое внимание уделено проблеме изучения меры использования исторической конкретики и художественного вымысла.

Ключевые слова: *Артуровское Возрождение, праерафаэлиты, историческая реальность, художественный вымысел.*

Историческая эпоха, преломленная через призму изобразительного искусства, всегда вызывает особый интерес своей наглядностью и, казалось бы, особой убедительностью. Однако эти произведения ни в коей мере нельзя рассматривать в качестве документальной фотографии, отчета с места события: мера объективного и субъективного начала и их соотношение в отображенном творении весьма различны. На наш взгляд, имеет место, во-первых, попытка наиболее точного как в конкретно-историческом, так и в плане художественной техники изображения реалий и персоналий эпохи; во-вторых, условное, субъективное преобразование действительности, в том числе художественными средствами; в третьих, своеобразный ретроспективизм, в котором при четком соблюдении исторических деталей и атрибутов эпохи в эти своеобразные декорации помещаются либо современники, либо сами художники. Рассмотрим это на примере отображения и преобразования эпохи Средневековья художниками-праерафаэлитами и мастерами их окружения.

Лейтмотивом культуры и, временами, символом самой английской нации, являлась Артуровская легенда. Интерес к Средневековью, возникший в середине XVIII в. в Готическом Возрождении, привел к Артуровскому Возрождению во времена правления королевы Виктории. Оно отличалось двумя чертами: патронажем государства и лично принца Альберта, а также интересом к культу рыцарства: «...рыцарь, который служил моделью для джентльмена, был комбинацией исторической традиции и нового вымышленного героя исторической литературы. Как результат современного вымысла, рыцарство стало пониматься как манифестация всего, что было по своей природе хорошего в человеке, приложенного ко всему, что могло быть хорошего в обществе»¹. В ры-

¹ *Mancoff*. 1982. P. 175.

царском герое находили не только пример исторической доблести, но и символ способности человека к самоусовершенствованию.

Среди источников, питавших вдохновение художников и поэтов, помимо личных коллекций, выставок и экспозиций в музеях, большую роль играли литературные произведения. Именно в конце XVIII – начале XIX в. были переизданы произведения средневековой литературы и фольклора. Первое место по популярности принадлежит Т. Перси со сборником английских легенд и баллад (1765, опубл. в 1801 г.)²: многие сюжеты из него использовали прерафаэлиты и А. Теннисон. J. Ritson издал «Старинные английские метрические романсы» (1802), George — «Образцы ранних английских романсов» (1805), E. Davies — «Мифологию и обряды британских друидов» (1809), Th. Keightley — «Волшебную мифологию» (1828); в 1839 г. был опубликован рыцарский роман «Сэр Гавейн и Зелёный Рыцарь»; Ch. Guest перевела на английский язык валлийские легенды («Мабиногион», 1840). Этапным событием для Артуровского возрождения стала публикация «Смерти Артура» Т. Мэлори (с 1816 г., а с 1817 — по изданию Кэкстона), регулярно с тех пор перепечатывавшаяся. В XIX в. необычайную популярность приобрели исторические романы В. Скотта, произведения романтиков на средневековую тематику, баллады и «Королевские идиллии» А. Теннисона.

В то же время, все больший интерес вызывали книги, посвященные историческому прошлому Великобритании. С 1723 г. стали выходить иллюстрированные издания истории Англии (в 1725-1730 гг. издавал Тиндалом в 10 томах). Затем вышли «История англо-саксов» Sh. Turner (1807), «История рыцарства или Рыцари и их времена» Ch. Mills (1825), «Британия после римлян» А. Herbert (1836), «История рыцарства» G.P.R. James (1839), а в 1844 г. вновь увидела свет «История правителей Британии» Гальфрида Монмутского³. Неоценимым источником для художников была книга J. Strutt «Полный обзор костюмов и облачений людей Англии» (1796–1797), основанная на манускриптах и материалах Британского музея и Оксфордской библиотеки. Кроме того, были известны и средневековые книги о турнирах, — например, в популярной в XV в. французской книге о турнире 1470 г. был представлен лист вооружения рыцарей: красный крест на щите Галахада, золотые короны у короля Артура, у Персеваля – пунцовое поле с золотыми крестами, что стало стандартно для изображения артуровских рыцарей⁴.

² Percy. 1860.

³ Mancoff. 1982. P. 199-200.

⁴ Scherer. 1945. P. 26.

Особую роль как в пропаганде Артуровской легенды, так и в привлечении интереса к эпохе Средневековья сыграло творчество прерафаэлитов и художников их круга, которые смогли вдохнуть новое живое начало в аллегорическую академическую образность, позволяя английской публике почувствовать, что артуровские герои были такими же, не отличающимися от них людьми. В единении поэзии и живописи прерафаэлиты видели одну из главных задач своего искусства, что нашло воплощение в иллюстрации, жанре «литературной картины» (произведении, основанном на литературном источнике, но не предназначенном для оформления книги), создании синтетического жанра «поэтической живописи». Традиционно принято считать, что Артуровское Возрождение заканчивается к 1890-м гг.⁵ Однако если оно и закончилось как общественное явление, интерес к произведениям на средневековую тематику не исчез. Более того, именно с конца 1870-х гг., с развитием неоромантизма, символизма и модерна, прерафаэлиты и художники их круга имели устойчивую популярность. Ностальгические настроения в английском обществе, вызванные утратой имперских позиций, предощущением и событиями Первой мировой войны создали интерес к эпохе, воспринимавшейся временем стабильности и славы Англии⁶.

Вне зависимости от общего эстетического замысла произведения, для придания им большей достоверности художники могли использовать детали реальной одежды, аксессуаров, вооружения, убранства интерьеров и т.п. Так, в одежде чаще копировалась средневековая мода времени Плантагенетов, а особенно Эдуарда III (1327–1377). Современница прерафаэлитов *ms. Haweis* писала в 1879 г.: «Длинное в обтяжку платье с поясом вокруг бедер и длинными лацканами на рукавах <...> одно из самых простых и прекрасных, когда-либо существовавших. С пуговицами спереди до низу оно прекрасно подходит для любого материала и любых случаев», — это описание напоминает платье Жанны де ла Тур, дочери Эдуарда III, с ее надгробия⁷ и одеяние героини в картине «Марианна» (1851) Д.Э. Миллеса (1829–1896). Однако чаще всего термин «средневековый» употреблялся, чтобы включить элементы от XII до XVI в. На деле могло быть смешение элементов различных стилей: пуфики на рукавах – от XVII в., манжеты – от итальянского XV в., узкие юбки – из ранних 1800-х, а кружевная оборка на шее могла сильно напоминать своих предшественников XVI в. Таковы фотографии Д.М. Кэмерон

⁵ См. *Соколова*. 1995.

⁶ См. *Кирюхина*. 2011.

⁷ *Radcliffe*. 1990. P. 320.

(1815–1879), где средневековые платья представляют смешение стилей⁸. Большую роль прерафаэлиты придавали передаче цветовой гаммы одежды⁹. Известно, что отношение к цвету уточнялось и усложнялось на протяжении всего Средневековья, а особенно — в XIV–XV вв., когда среди книг, посвященных символике цвета и цветовых сочетаний, был фундаментальный труд герольда Альфонса V Арагонского (Сицилийского Герольда) *Le Blason des Couleurs* («Геральдика цветов», ок. 1485)¹⁰. Й. Хейзинга подробно описывает: «В праздничной и парадной одежде над всеми прочими цветами господствует красный. <...> Торжественные выходы государей нередко полностью выдержаны в красном. Наряду с этим становится повсеместной праздничная одежда преимущественно белого цвета. При составлении цветовых сочетаний возможны самые разнообразные комбинации: синий – с красным или фиолетовым. <...> Черное, особенно черный бархат, явно знаменует гордое, мрачное величие, столь любимое этой эпохой»¹¹. Одевание Джейн Моррис в «Гвиневре» (1858) У. Морриса (1834–1896) – платье, покрытое драгоценностями по декольте и украшенное пуговицами спереди до низу, спускающееся мягкими складками на землю, привлекает контрастом длинных узких красных рукавов, покрытых пуговицами от предплечья до запястья, с черными, напоминающими перчатку, манжетами: художник тщательно копирует моду XV в. вплоть до обработки манжет на рукавах¹². Далее у Й. Хейзинги: «Среди всех прочих цветов прежде всего зеленый и синий обладали особым символическим смыслом... Ведь оба они являлись цветами любви: зеленый – влюбленности, синий – верности. <...> Зеленый цвет был преимущественно цветом юной любви, полной надежд. <...> Поэтому и странствующий рыцарь должен одеваться в зеленое»¹³. В романе Т. Мэлори, объекта пристального изучения прерафаэлитов, в свите Ланселота, сопровождающего королеву Гвиневру к королю Артуру, была сотня рыцарей в одеждах из зеленого бархата, двенадцать всад-

⁸ Ibid. P. 331.

⁹ Можно согласиться с мнением Л.М. Горбачевой о том, что в средневековье «цвет в костюме играл наиважнейшую роль, не только радуя и печалая глаз, но и передавая определенную информацию, иногда понятную абсолютно всем, иногда зашифрованную и предназначенную лишь посвященным, в некоторых случаях — информацию двойного рода, поскольку людям были доступны разные уровни понимания в зависимости от сословной принадлежности, воспитания и образования» (Горбачева. 2000. С. 167).

¹⁰ Хейзинга. 2004. С. 328.

¹¹ Там же.

¹² См. Radcliffe. 1990. P. 328.

¹³ Хейзинга. 2004. С. 329-330.

ников, облаченных «в одежды из белого бархата с золотыми цепями вокруг бедер, и кони покрыты белыми же чепраками по самые копыта, а сбруи унизаны драгоценными пряжками, шиты камнями и жемчужинами в золотой оправе, – всего числом в тысячу на каждом коне. И в подобном же облачении была королева, а также сэр Ланселот – в одеждах из белой ткани с золотым шитьем»¹⁴. Подобные цветовые сочетания и аксессуары мы увидим во многих картинах.

Выбранные произведения можно разделить на несколько сюжетно-тематических групп. Первая представляет изображение неких реальных или псевдо-реальных сцен повседневной жизни Средневековья. Здесь условности картины Д.Г. Россетти (1828–1882) «Перед битвой» (1858) противостоит стремление к исторической точности в работах Э. Блейр-Лейтона (1853–1922) «Accolade» (1901) и «God Speed» («Бог в помощь!»), (1900), романтизирующих культ прекрасной Дамы. У Д.Г. Россетти прекрасная Дама стоит на помосте, завязывая цветной вымпел на алебарду, которую держит юный рыцарь: чувствуется, что автора более привлекает декоративная составляющая картины, нежели историческая точность деталей. Брат художника и его биограф У.М. Россетти подтверждает его интерес к рыцарству, что выразилось в их совместной подписке в 1847 г. на журнал с характерным названием «Сказки о рыцарстве»¹⁵: именно сказочно-легендарная составляющая средневековых сюжетов интересовала художника в первую очередь. Хотя Д.Г. Россетти, готовясь создать картину «Перед битвой», писал своему другу профессору Чарльзу Элиоту в июле 1858 г.: «Эти рыцарские темы из Фруассара сильно волнуют меня»¹⁶, имея в виду автора средневековой хроники, однако, его способ создания произведений можно, скорее, назвать «избирательным реализмом» – личной интерпретацией сюжета¹⁷. Россетти считал, что историческая точность в деталях не столь необходима: «она только представляет существенное, то, что является жизнью, характером, игрой чувств, мнением и фактом. Акт прошлого должен проходить через человека, во-первых, и чувствоваться им так искренне, как человеком нашего времени» и через костюм, «только, если это существенно для человека»¹⁸.

Противоположен взгляд на историческую достоверность Блейр-Лейтона, возглавлявшего почти двадцать лет Королевскую Академию.

¹⁴ *Мэлори*. 2007. С. 569-570.

¹⁵ *Rossetti*. Rossetti as Designer and Writer. 1889. P. 175. Там же он пишет о влиянии этих сказок на поэму Россетти «Немецкая трубка» 1882 г.

¹⁶ Цит. по: *Mancock*. 1982. P. 432.

¹⁷ *Mason*. 2009.

¹⁸ *Chandler L'Enfant*. 1996. P. 299.

Как и его современник Л. Альма-Тадема, Блейр-Лейтон уделял огромное внимание исторической точности деталей¹⁹. У художника была обширная коллекция оригинальных костюмов XVIII в., инструментов и оружия, которые он использовал в своей живописи. «Нужно сказать, что ключевым моментом в рождении его средневековых и XVIII века работ было внимательное воспроизведение костюмов и тканей. Это было так важно для него, что, если он не мог найти оригинальный фрагмент, который бы подходил ему, его жена должна была работать с портнихой в нижней комнате, воссоздавая деталь с оригинально одетых моделей. Он должен был использовать живую модель, чтобы сделать эскиз, дабы узнать, как точнеешим образом ложится ткань, а затем трансформировать ее на манекене, который он держал в студии»²⁰. В картине «*Accolade*» изображен момент, когда дама ударяет плашмя мечом по плечу стоящего перед ней коленопреклоненно рыцаря, тем самым публично признавая, что становится для него прекрасной Дамой²¹. Церемония происходит в храме, где свет выделяет Даму в белом платье на возвышении и рыцаря с обнаженной головой в ярко-алой котте с гербом, на коленях на церемониальной мягкой подушечке. Оруженосец, держащий щит рыцаря, священник и прочие наблюдатели с благоговением следят за обрядом. На картине «*God Speed*» Дама, провожающая своего рыцаря на мосту, завязывает на его рукаве свой алый шарф, дабы все знали, во имя кого он будет совершать подвиги. Куст роняющего лепестки цветущего шиповника и уходящие вдаль силуэты воинов говорят о быстротечности счастья и опасностях, поджидающих рыцаря на пути славы.

На смену подобным работам приходят картины о безымянных персонажах, сюжеты которых лишены понятной зрителю предыстории, а настоящие события грустны и ностальгичны: «*Requiescat*» («Покойтесь с миром», 1888) Б. Ривьера (1840–1920) и «Заложница» (1912) Блейр-Лейтона. Работы Ривьера, «...картины о безымянных рыцарях, героях неизвестных битв, выражали романтический мир мечты, в котором продолжало действовать рыцарство и легенды, осужденные на историческое

¹⁹ «Живописная манера Блейр-Лейтона почти фотографична, множество мелких деталей на его картинах, отличающихся праздничной пышностью, прописано с большой тщательностью» (Прерафаэлизм. 2006. С. 39).

²⁰ Ross. 2011.

²¹ «Акколада (фр. знач. *Accolade* — объятие). Так называется церемония приема в рыцарский орден. После принятия посвящения в рыцари в собственном смысле, гроссмейстер ордена или совершавший посвящение торжественно обнимал принимаемого, возлагая руки ему на шею (лат. *ad collum*). Позднее это слово стало употребляться для обозначения всего акта посвящения или принятия в рыцарский орден (Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1890. С. 287).

забвение»²². Поздняя картина «Requiescat» изображает мертвого рыцаря, лежащего в полном великолепии, в то время как его верный пес породы блестяунд сохраняет одинокое бдение. При этом зритель не получает даже намек на то, как рыцарь встретил свою смерть и кем он был при жизни: «Без повествовательного объяснения кажется, что эти рыцари служат бездумно или без цели и вознаграждения»²³. На картине Блейр-Лейтона детально выписана одежда героини, золотой крест и пуговицы выдают ее высокое происхождение; среди других персонажей мы видим вышивающую девушку, задумавшуюся послушницу с книгой на коленях, девочку с куклой, но неизвестно, ни кто эти персонажи, ни как они оказались в этом месте. Внимание, с которым героиня вглядывается за линию морского горизонта, вызывает у зрителей чувство тоски.

Если рассматривать предшествующую картину как желание автора выразить общее настроение безотносительно к исторической конкретике, то работа Ф. Дикси (1819–1895) «Рыцарство» (1885) — «возможно, лучший пример рыцарского сюжета, лишённого источника <...>. Красивый победитель, чисто выбритый и очень современный по внешности, блистателен в своих сверкающих латах по контрасту с мрачной, потрепанной внешностью его противника»²⁴. Он гордо вкладывает в ножны свой меч, который напоминает шпагу XIX в. Рядом – конь, покрытый алой попоной. К дереву кроваво-красным кушаком привязана, все еще дрожащая от страха прекрасная рыжеволосая Дама. Ее изумрудно-зеленый наряд по контрасту с алым плащом рыцаря выглядит ярким сочным пятном. Однако наряд дамы и кокетливо спущенное плечико можно, скорее, отнести к моде XIX в., нежели Средневековья, да и выражение лица героини одновременно и грустно, и чувственно²⁵. Особый романтический эффект создают лучи закатного солнца, на фоне которого происходит действие картины. Нельзя избавиться от ощущения, что перед нами персонажи конца XIX в., старательно разыгрывающие на сцене сентиментальную историческую пьесу: «вневременная тема доблестного рыцаря, спасающего прекрасную даму, освобождена от банальности только благодаря мастерскому колоризму Дикси»²⁶. Так прежний идеал становится сюжетом для хорошеньких картинок.

²² *Mancoff*. 1982. P. 535.

²³ *Ibid*. P. 536.

²⁴ *Forbes C.* 1975. P. 38-39.

²⁵ В 1870-е зеленый цвет в одежде был очень популярен. В женской моде стали усиливаться элементы одежды, превращающие женщину в роковую соблазнительницу, а к началу века появилось красивое нижнее белье. *Radcliffe*. 1990. P. 320.

²⁶ *Ibidem*.

Вторая выделенная нами группа – портреты-картины с изображением как исторических, так и вымышленных персонажей Средневековья. Так, Э.Г. Корбуд (1815–1905) в картине «Лорд Эглинтон» (1840) изображает распорядителя турнира в Эглинтоне, который одновременно участвовал в состязании. Детали рыцарского снаряжения, сбруя и убранство коня переданы с удивительной точностью, хотя остается сомнение в их исторической принадлежности – Эглинтонский турнир 1839 г. представлял собой пример первой исторической реконструкции рыцарского турнира в XIX в.²⁷ В картине Ч.О. Коллинза (1828–1873) «Монашеские размышления» (1851) автор изобразил молодую монахиню, остановившуюся в своей прогулке по монастырскому саду возле пруда с плавающими лилиями. Фотографической точности деталей сопутствует скрытая символика. Такой прием использования символов (*types*) получил в английской критике название «типологического символизма» (*typological symbolism*) или «символического реализма» (*symbolic realism*): выявления общности судьбы человека с библейской историей. Склонность прерафаэлитов к натуралистической детализации «объяснялась стремлением не только воссоздать картину природы, но и доказать сакральную значимость мельчайших ее проявлений»²⁸, давая одновременно свободу зрительскому воображению. Детально и четко изображены цветущие растения и зелень. Согласно замечанию Т. Комба (оксфордского покровителя прерафаэлитов), цветы на заднем плане были написаны в его саду на Walton Street²⁹. Послушница была добавлена позже в Лондоне – в костюме, прежде использованном У.Х. Хантом в «Клаудио и Изабелле»³⁰. Коллинз заметил, что испытывал искушение укоротить рукава, закрывавшие молитвенник, который держала послушница: «Это мешковато, а более половины истории заключается в руке и книге, которую она держит»³¹. Книга, несомненно, заключает ключ к символике картины. Указательный палец монахини показывает на страницу, иллюстрирующую Благовещенье. Героиня «...окружена множеством различных сортов лилий, атрибута Богоматери, которые также располагаются на раме карти-

²⁷ См. *Anstruther*. 1963. P. 270.

²⁸ *Соколова*. 1995. С. 13.

²⁹ *Whiteley*. 2011.

³⁰ Прерафаэлиты в свою одежду вносили средневековые черты, мужчины (У.Х. Хант, Д.Г. Россетти) не любили надевать костюмы. Первое прерафаэлитское платье создал Россетти в «Отрочестве Богоматери» (либо используя элементы одежды Раннего Возрождения, либо – платье без корсета и нижней юбки, которое носила его сестра Кристина), подобный вариант использовал в упомянутой картине Хант. Такие платья носила возлюбленная Россетти Элизабет Сиддал (*Radcliffe*. 1990. P. 320).

³¹ *Whiteley*. 2011.

ны, разработанной Милле и вдохновленной “Sicut Lilim”, открывающейся словами текста из “Песни песней царя Соломона”, условно служащими прообразом Богоматери в Новом Завете». Цветок, который держит монахиня, – страстоцвет, символ Распятия, к нему обращены ее помыслы, молитвенник также раскрыт на странице с распятием. Ограда монастыря отделяет земной мир от небесной синевы вечности.

Предшествующая картина достаточно известна, чего нельзя сказать о работах В.К. Принсепа (1838–1904) «Королева в своих покоях, едящая хлеб и мед» (1860) и Э. Блейр-Лейтона «Вышивание штандарта» (1911), являющих пример авторского домысливания эпохи. Принсеп изображает кусочек комнаты, украшения интерьера, где помимо иконописного изображения и букета белых лилий находится любовно выписанная посуда; фасон и ткань платья королевы, его атрибуты изображены с такой же точностью. Все это не оставляет сомнения у зрителя, что он стал свидетелем иной, скрытой от окружающих тайной жизни королевы. Картина Блейр-Лейтона рассказывает об эпизоде повседневной жизни Средневековья: прекрасная Дама любовно вышивает штандарт своему избраннику. Конечно, знатных дам обучали искусству вышивания и шитья, хотя основную работу исполняли служанки. Картина с удивительным мастерством изображает не столько реальную, сколько желаемую картину эпохи: прекрасную Даму с черно-желтым штандартом в проеме крепостной стены на фоне лирического пейзажа.

Интересным примером ретроспективизма является картина К. Банс (1856–1927) «Мелодия» (1897). В ней четкость деталей (узор платья³² и музыкальный инструмент дамы) сочетается с повторяющимся из картины в картину вариантом одного и того же лица. Моделью была сестра художницы Мирра, которая разработала кованую металлическую конструкцию, включающую раму для картины. Молодая женщина, играющая на лютне в окаймлении цветущей яблони, смотрит в открытое окно, отражающееся позади нее в зеркале, на раме которого в нижнем левом углу написано: «Музыка». «Представляется, что она находится в маленькой частной часовне с изображением Богоматери на витражах, распятием и стенами, украшенными ангелами. Ее ожерелье из золота, украшенное жемчугом, символизирует чистоту»³³.

³² Под влиянием картин прерафаэлитов женщины, считавшие себя артистическими личностями, стали носить платья под средневековые с всяческими рукавами XIII века (напр., Леди Лайонелл в «Собаке Баскервилей» – Е.К.). Radcliffe. 1990. P. 330.

³³ «Формат композиции, использование орнаментальных деталей, чувственная текстура и музыкальный субъект повторяет иконографию женщин Россетти, особенно, «Голубую беседку» (1865)» (Bunce. 1897).

Третья группа картин изображает сюжеты из жизни героев, имеющих отношение к реальной истории, но при этом либо в жизни исторических личностей акцентируется легендарный эпизод, либо сами личности полуполегендарны. Так, картина Россетти «Святой Георгий и принцесса Сабра» (1862), в которой коленопреклоненная спасенная принцесса в сочно-зеленом платье целует руки своему спасителю, и примыкающая к ней сюжетно «Свадьба Святого Георгия и принцессы Сабры» (1857) основываются на жизни святого по версии Т. Перси³⁴. Его поэма о Св. Георгии отличается от версии «Золотой легенды» Я. Воррагинского. У Т. Перси Св. Георгий спасает принцессу Сабру, они женятся и ведут тихую деревенскую жизнь в Ковентри. «Прерафаэлиты использовали либо сюжет Перси, либо «легенду Ковентри» для своих картин»³⁵.

Этим произведениям противостоит академически-реалистичное «Милосердие Елизаветы Венгерской» (1895) Э. Блейр-Лейтона. Елизавета Венгерская, причисленная к лику святых после своей смерти в 1235 г., была дочерью венгерского короля Эндре II из династии Арпадов (1207–1231). Помолвленная в раннем детстве с сыном и наследником ландграфа Тюрингии и Гессена Людовиком, она получила воспитание при его дворе в Марбурге и замке Вартбург близ Эйзенаха. Следуя учению францисканцев, Елизавета посвящала свободное время помощи бедным, а после смерти мужа в Шестом крестовом походе основала для них больницу (1228) и трудилась в ней. Наиболее известна ее ежедневная подача милостыни голодающим и предание, по которому, остановленная зимой родственником, потребовавшим показать, что она выносит из замка, она явила чудо: под плащом вместо еды оказались благоухающие розы³⁶. На картине прекрасная Елизавета с почти неземным ликом оделяет хлебами нуждающихся на пороге замка. Лишь яркий оранжево-красный цвет ее головного платка создает некий чудесный контраст с реалистично выписанными лицами бедняков.

Работа Блейр-Лейтона «A little prince likely in time to bless a royal throne» («Этот маленький принц, возможно, в свое время благословит королевский трон», 1904) представляет собой двойное преобразование исторической реальности. Сюжет взят из ранней пьесы В. Шекспира «Генрих VI»: «Коль силы тайные вещают правду // Пророческому духу моему, // Красивый этот мальчик принесет // Благословение родной стране. // В его чертах – спокойное величье, // И создано чело носить корону, // Рука державой править; суждено // Ему со временем престол ук-

³⁴ Percy. 1860. P. 252-254.

³⁵ Mancoff. 1982. P. 665.

³⁶ St. Elizabeth of Hungary. 2011.

расить. // Его, милорды, чтите: он рожден // исправить вред, что мною принесен»³⁷. Сцена, в которой Блейр-Лейтон показал юного Ричмонда, будущего Генриха VII, являет плод воображения художника. Мальчик изображен на балконе перед собравшейся толпой, поддерживаемый матерью леди Маргарет Бофорт. «Блейр-Лейтон дает зримую форму золотому обещанию будущего мира»³⁸. Руки маленького принца подняты, будто он пытается что-то понять, но он стоит прямо и уверенно. Вооруженные охранники вздымают стену вымпелов, отделяющих принца от признательной толпы, часть которой собралась на балконах. За королевской группой – вооруженная охрана без шлемов, несущая тяжелые штандарты. Динамика и контраст между физически сильными, мощными солдатами, полностью покрытыми броней, и чисто символической силой юного принца «придает картине Блейр-Лейтона особую остроту. Есть еще иная динамика, которая также разрешается; в живописном цветовом решении красных и белых цветов Дома Йорков и Дома Ланкастеров найдена гармония в предвидении их подчинения Дому Тюдоров»³⁹.

Целиком укладываются в русло легенды о королеве Элеоноре Аквитанской и любовнице Генриха II Джоан Клиффорд (Прекрасной Розамунде, или Честной Розамунде) картины Э.Ф. Сэндиса (1832–1904) «Элеонора» (1858) и Д.У. Уотерхауза (1849–1917) «Честная Розамунда» (1917). Согласно легенде, самая красивая женщина Англии Розамунда, происходившая из бедной семьи, стала объектом мести со стороны Элеоноры Аквитанской. Ее не спасло тайное убежище в Вудстоке, окруженное по приказу короля садом в виде лабиринта, преодолеть который можно было только с помощью серебряной нити, хранившейся у рыцаря сэра Томаса. Жестокость королевы, убившей охранника и проникшей в лабиринт, и мужество Розамунды, которая выбрала смерть от предложенного королевой яда, а не кинжала, потрясла короля, приказавшего выбить эпитафию на надгробии возлюбленной: «*Nic jacet in tumba Rosa Mundi, non Rosamunda, // Non redolet, sed olet, redolere solet*»⁴⁰. В реальности Джоан Клиффорд (до 1150 – ок. 1176) происходила из богатой и влиятельной семьи. Вряд ли она могла находиться в замке Вудстока, ведь именно в нем ожидала рождение наследника королева Элеонора в

³⁷ Шекспир. 1997. С. 368.

³⁸ Blair Leighton. 2011.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Терещенко. 2006. Жители Вудстока верили, что призрак Розамунды бродит по замку. Когда чиновники парламента в XVII в. решили описать имущество замка за долги, «по ночам дух Розамунды переворачивал их кровати, швырял в них камни, а однажды даже вылил на спящих бочку холодной воды» (Там же).

1166 г., когда начались любовные отношения короля и Розамунды. Заточенная в 1174 г. за участие в восстании принцев, королева не могла представлять угрозу для соперницы. В 1176 г. Розамунда удалилась в монастырь в Годстоу, где скончалась и была похоронена. «История о том, что Элеонора отравила Розамунду Клифффорд» впервые была зафиксирована во Французской Хронике Лондона в XIV в., а история о лабиринте в Вудстоке, прозванным «Приютом Розамунды», имела популярность в правление Елизаветы I. Уже в XIX в. было известно, что история о Розамунде представляла собой лишь красивую легенду, о чем повествует с сожалением Ч. Диккенс в «Истории Англии для детей» (1851-1853)⁴¹. Для картины Сэндиса, изображающей знаменитую супругу английского короля Генриха II, позировала жена художника. Элеонора в нарядном плаще и короне с кубком в руках одновременно прекрасна и опасна. Напротив, героиня Уотерхауза всей своей позой выражает нетерпение и ожидание: отринув прялку, сжимая в волнении руки, она устремлена к окну, вглядывается в неизвестную даль, надеясь на возвращение возлюбленного. Написанная в год смерти художника и в разгар Первой мировой войны, картина, несомненно, выходила за пределы средневековой легенды: находящимся вдали от родной земли воинам хотелось верить, что дома их ожидает такая же Честная Розамунда.

Хотя героиня следующей картины также является историческим лицом, работа Д. Кольера (1850-1934) «Леди Годива» (1898) опирается на средневековую легенду из Ковентри и одноименную балладу А. Теннисона. Теннисон использовал народную легенду о прекрасной жене Леофрика, правителя Ковентри во времена Эдуарда Исповедника, которая, чтобы уменьшить бремя налогов над жителями графства, согласилась проехать по городу верхом обнаженной. Праздничные шествия в Ковентри в ее честь совершаются ежегодно в ярмарочный день на Троицу⁴². Поэт прекрасно передает момент драматического выбора героини, останавливающий время: «Потом она поспешно поднялась // Наверх, в свои покои, расстегнула // Орлов на пряжке пояса – подарок //

⁴¹ Там же. Интерес к теме адюльтера в искусстве отражал и викторианскую идеологию двойных стандартов в сексуальном поведении, что привело к парламентским дебатам и акту Matrimonial Causes Act of 1857, более известном как Divorce Bill: «В 1857 году был утвержден закон, разрешавший парам разводиться, не дожидаясь акта парламента. <...> Этот закон впервые давал женщинам, покинутым или живущим отдельно от своих мужей, какие-то права на недвижимость, принадлежавшую им до замужества» (*Диттрич*. 2007. С. 129).

⁴² Известно, что граф и графиня основали прекрасный бенедиктинский монастырь в Ковентри, хотя есть разночтения о времени первой датировки легенды: О. Мосин относит ее к XIII в., другие – к 1307 г. (*Прерафаэлизм*. 2006. С. 98).

Сурового супруга – и на миг // Замедлилась, бледна, как летний месяц, // Полузакрытым облачком... Но тотчас // Тряхнула головой и, уронивши // Почти до пят волну волос тяжелых, // Одежду быстро сбросила, прокралась // Вниз по дубовым лестницам – и вышла, // Скользя, как луч, среди колонн, к воротам, // Где уж стоял ее любимый конь, // Весь в пурпуре, с червонными гербами. // На нем она пустилась в путь – как Ева, // Как гений целомудрия. И замер, // Едва дыша от страха, даже воздух // В тех улицах, где ехала она»⁴³. Кольер выбрал самый эффектный эпизод, когда обнаженная леди Годива на коне проезжает по опустевшему городу (по легенде, она приказала жителям Ковентри закрыть ставни и не выходить из домов). У. Патер с восхищением писал о ее героизме: «Кому непонятно, сколь многое происходит в переломные моменты жизни, и полная таинственного внутреннего богатства душа проникает, даже при сиянии полдня, “в готические арки укреплений”, где Годива в конце своей страшной поездки увидела, как “засияли цветом белоснежным // Кусты густой цветущей бузины”»⁴⁴. Что же касается картины, то она, несомненно, несет в себе черты стилистики модерна.

К этой, третьей группе картин примыкает четвертая, сюжеты и герои которой целиком основываются на легендах и преданиях. Картина Ф.У. Бартона (1816–1900) «Встреча на лестнице башни» (1864) написана на сюжет средневековой датской баллады «Хильдебранд и Хеллели» в переложении У. Морриса. Баллада повествует о том, как принцесса Хеллели влюбилась в Хильдебранда, принца Англии, одного из двенадцати ее личных охранников. Разгневанный отец приказал своим семи сыновьям убить его, и Хильдебранд, защищаясь, убил его и шестерых сыновей, прежде чем Хеллели успела попросить о спасении младшего. В финале Хильдебранд умирает от ран, а Хеллели – от горя. Бартон «...вольно интерпретировал историю, поместив их прощание на ступени башни и оставляя простор воображению. Его выдумка поцелуя протянутой руки женщины и отсутствие контакта взглядов придает картине пикантность»⁴⁵. В картине, посвященной несчастной любви, сохраняется точное изображение исторических реалий: четкий цветовой контраст насыщенно-синего и красного цветов одежды персонажей, замкнутость в интерьере, как схваченное мгновение мимолетного счастья.

К более художественно-условным по своему исполнению относятся картины Д.Г. Россетти «Моя Леди Green Sleeves» (1864) и «Король Кафетуа и нищенка» (1884) кисти Э.К. Берн-Джонса (1833–1898). Работа

⁴³ Теннисон. 2007. С. 178-179.

⁴⁴ Патер. 2005. С. 13.

⁴⁵ Morris. 2011.

Россетти навеяна популярной песней Green Sleeves. Как полагает исследователь английского фольклора F. Kidson, песня была впервые зафиксирована в книготорговой описи 1580 г. как *A new Northern Dittye of the Lady Green Sleeves*⁴⁶. Известная легенда гласит, что она была написана королем Генрихом VIII для Анны Болейн, его будущей жены, что объясняет популярность этой мелодии во время правления ее дочери королевы Елизаветы I. Но ряд исследователей относит песню именно к елизаветинскому времени: итальянский стиль ее композиции появился в Англии только после смерти Генриха VIII⁴⁷. Сами же зеленые рукава иногда считаются атрибутом одежды куртизанок в средневековой Англии⁴⁸. На картине Россетти изображена прекрасная женщина в условно-средневековом зеленом наряде и с отстегнутым по средневековой моде рукавом⁴⁹. Несомненно, художнику важна не столько историческая конкретика, сколько следование собственному, повторяющемуся из картины в картину, типу идеальной красоты: «...образ женщины с напряженным, страстным и печальным взглядом, с красивыми длинными волосами, с наклоненной головой, длинной лебединой шеей, с чувственными полуоткрытыми губами, тяжеловатой челюстью, с длинными нервными руками»⁵⁰, – объекту поклонения, подражания, а позднее – пародирования.

В условном ключе выполнена и работа Берн-Джонса, за которую он был удостоен на Всемирной выставке в Париже 1898 г. ордена Почетного Легиона. В ней использована легенда в переложении Т. Персу. Это история о доблестном короле, который, возвращаясь из похода, увидел прекрасную добродетельную нищенку, влюбился в нее и сделал своей женой, но в глазах его окружения она так и осталась безродной и достойной презрения. Легенда передана и в балладе А. Теннисона: «Свои руки на груди она скрестила; // Она была настолько прекрасна, что не выразить словами; // Босой предстала нищенка // Перед королем Кофетуа. // В мантии и короне король спустился вниз, // Чтобы встретить и приветствовать ее на ее пути, // “Это не удивительно, – сказали лорды, – // Она прекраснее, чем ясный день”. // Как сверкает луна сквозь

⁴⁶ *Kidson and Neal*. 1915. P. 26.

⁴⁷ *Weir*. 2002. P. 131.

⁴⁸ *Шестимиров*. 2008. С. 24.

⁴⁹ Отстегивающийся рукав, который дама могла отдать рыцарю, чтобы тот мог представить ее на турнире, должен был соответствовать определенному цвету (ее герба). Так, в романе Т. Мэлори Элейна из Асталота просит Ланселота надеть на шлем «мой красный рукав из тонкой ткани, шитый крупным жемчугом» (“a red sleeve of myne, of scarlet”), а королева Гвиневера, в свою очередь, отдает ему свой золотой рукав (*Мэлори*. 2007. С. 464).

⁵⁰ *Аникин*. 1986. С. 291.

облака, // Она выглядела в своих бедных одеждах; // Один восхищался ее ножками, другой – ее глазами, // Иной – ее темными волосами и прекрасной внешностью // Так нежна лицом, так ангельски грациозна, // Во всей стране такой никогда не было. // Кофетуа поклонился королевской клятвой: // “Эта нищенка станет моей королевой!”⁵¹ Композиционно картина построена по образцу работы художника Раннего Возрождения Мантеньи «Мадонна дела Виттория» (1496). Красивый молодой король одет в рыцарское облачение, которое, варьируясь из картины в картину художника, становится, скорее, знаком рыцарства как такового, чем признаком определенной эпохи. Хотя король с невыразимой нежностью смотрит на свою избранницу, взгляд девушки в темно-коричневом наряде устремлен мимо него на зрителей. Эти мечтающие фигуры как бы «заморожены во времени» (frozen in time)⁵². Темный фон картины, закатный свет в открытом окне вызывают ощущение грусти и сомнения в возможности счастья. Работа соответствует живописному кредо художника, сформулированного им самим: «Я представляю картину как красивый романтический сон о том, чего никогда не было и никогда не будет; сон этот озарен неземным светом, в нем мы видим те земли, в которых никто и никогда не побывает и не постигнет их. Мое единственное стремление – сделать формы красивыми»⁵³.

За пределами статьи остаются пятая и шестая группы картин (произведения на средневековые сюжеты поэтов-романтиков и на сюжет «Смерти Артура» Т. Мэлори). Однако они лишь подтверждают обозначенную концепцию: эпоха Средневековья, вошедшая в культурную и историческую память, во многом благодаря прерафаэлитам и художникам их круга, и получившая столь разнообразное отражение в их творениях, воспринималась (и, видимо, будет восприниматься), прежде всего, в качестве устойчивого мифа, вызванного как стремлением к стабильности и порядку, так и надеждами на лучшее будущее – теми желаниями, которые вновь и вновь будут вызывать из прошлого идеальный образ Артура, «короля в настоящем и будущем», и его время.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникин Г.В. Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века. М.: Наука, 1986. 318 с.
- Горбачева Л.М. Костюм средневекового Запада: От натальной рубахи до королевской мантии. М.: ГИТИС, 2000. 232 с.

⁵¹ Tennyson A. 2011.

⁵² Kefalas C.L. 1983. P. 108.

⁵³ Прерафаэлизм. 2006. С. 25-26.

- Диттрич Т.В.* Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Молодая гвардия, 2007. 382 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
- Кирюхина Е.М.* Трансформация эпохи Средневековья художниками-праерафаэлитами // Человек, семья, нация в контексте мировой культуры. «Добролюбовские чтения-2010». Н. Новгород: Гладкова О.В., 2010. С. 311-319.
- Мэлори Т.* Смерть Артура / Пер. с англ., примеч. И. Бернштейн; предисл. Л. Сумм. М.: ЭКСМО, 2007. 688 с.
- Паптер У.* Данте Габриэль Россетти // Россетти Д.Г. Дом жизни: Поэзия, проза / Пер. с англ. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 5-21.
- Праерафаэлизм: иллюстрированная энциклопедия / Сост. И.Г. Мосин. СПб.: ООО «СЗКО «Кристалл», 2006. 256 с.
- Соколова Н.И.* Литературное творчество праерафаэлитов в контексте «Средневекового возрождения» в викторианской Англии. Автореферат дис.... д-ра филол. наук. М., 1995. 33 с.
- Теннисон А.* Волшебница Шалотт и другие стихотворения / Пер. с англ.; состав., предисл. Г.М. Кружкова; на англ. и русск. яз. М.: Текст, 2007. 399 с.
- Тереженко М.* История в историях (о последних книгах Б.С.Г. – Пресс) / Октябрь. 2006. № 10. – URL: <http://www.magazines.russ.ru/october/2006/10/te10.html>.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2004. 544 с.
- Шекспир В.* Генрих VI. Ч. 3 // Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 3 / Пер. с англ.; прим. А. Смирнова. М.: ТЕРРА. 1997, с. 5-416.
- Шестимиров А.* Данте Габриэль Россетти. М.: Белый город, 2008. 48 с.
- Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Тип-я «Брокгауз-Ефрон», 1890. Т.1.
- Anstruther J.* The Knight and the Umbrella. An Account of the Eglinton Tournament. London: G. Bles, 1963. 270 p.
- Blair Leighton E.A.* A Little Prince likely in Time to bless a Royal Throne / URL: <http://www.goldenagepaintings.blogspot.com/2010/09/frederic-lord-leighton-little-prince.html>.
- Bunce K.E.* The Melody / Presented by Sir John Holder, Bt., 1897 // Birmingham Museum and Art Gallery. URL: <http://www.bmagic.org.uk/objects/1897P17>.
- Chandler L'Enfant J.* Truth of Art: William Michael Rossetti and Nineteenth-Century Realist Criticism. A diss. ... of D-r of Philosophy. University of Minnesota, 1996. 631 p.
- Forbes C.* The Royal Academy Revisited: 1837–1901. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1975. 182 p.
- Kefalas C.L.* The Nazarenes and The Pre-Raphaelites: a Comparative Analysis. A diss. ... of D-r of Philosophy. Athens: University of Georgia, 1983. 430 p.
- Kidson F. & Neal M.* English Folk-Songs and Dance. London: Cambridge University Press, 1915. 178 p.
- Mancoff D.N.* The Arthurian Revival in Victorian Painting. A diss. ... of D-r of Philosophy. Evanston, Illinois: Northwestein University, 1982. V. 1, 2. 823 p.
- Mason D.V.* “The Perennial Dramas of East” Representations of the Middle East in the Writing and Art of Dante Gabriel Rossetti and William Holman Hunt. A diss. ... of D-r of Philosophy. Ontario, Canada: Queen’s University Kingston, 2009. 351 p.
- Morris W.* Hildebrand and Hellelil. URL: <http://www.artmagick.com/poetry/poet.aspx?poet=william-morris>

- Percy T.* Reliques of Ancient English Poetry. London: Henry G. Bohn, 1860. 558 с.
- Radcliffe P.* Pre-Raphaelite influences on Women`s Dresss in the Victorian Era. A diss. ... of d-r of philosophy. The Floride State University, 1990. 558 p.
- Ross K.* Ribbons and Laces for Very Pretty Faces // Victorian Art in Brittan. URL: <http://www.artrenewal.org/pages/artist.php?artistid=844&page=1>.
- Rossetti W.M.* Rossetti as Designer and Writer. London; Casswell and Co, 1889. 302 p.
- Scherer M.R.* About the Round Table. N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1945. 106 p.
- St. Elizabeth of Hungary* // Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/05389a.htm>.
- Tennyson A.* The Beggar Maid. URL: <http://www.artrenewal.org/pages/artist.php?artistid=72>.
- Weir A.* Henry VIII: The King and His Court. Ballantine Boors, 2002. 656 p.
- Whiteley J.* Oxford and the Pre-Raphaelites. URL: <http://www.artmagick.com/pictures/picture.aspx?id=6113&name=convent-thoughts>.

Кирюхина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент культурологии, доцент кафедры истории России Нижегородского государственного педагогического университета; elenakiruhina@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ

И. Ю. ВАЩЕВА

ПАРАДОКСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ

Статья посвящена анализу исторической концепции первого армянского историка Мовсеса Хоренаци. В условиях сложной национально-освободительной борьбы образ прошлого, формируемый историческими сочинениями армянских авторов V–VII вв. должен был способствовать сохранению в памяти потомков героических подвигов армянского народа и укреплению национального самосознания. Однако в изложении Мовсеса Хоренаци немало не только исторических несоответствий и неточностей, но и моментов, противоречащих идее армянского патриотизма. Соответственно предметом исследования является анализ данных парадоксов.

Ключевые слова: армянская историография, Мовсес Хоренаци, исторические представления, образ прошлого, национальная идентичность.

Первым знаменитым писателем-историком, «классиком жанра», «отцом армянской историографии» считается Мовсес Хоренаци, перу которого принадлежит «История Армении»¹, многие века служившая армянам лучшим учебником по истории своей страны.

Личность Мовсеса Хоренаци долгое время вызывала дискуссии. Высказывались мнения о том, что автором этой «Истории» был неизвестный писатель IX в. или епископ VII в. Мовсес Кертох, что был некий псевдо-Мовсес и т.д. Наконец, после долгих дискуссий², отечественные исследователи пришли к выводу, что Мовсес Хоренаци – это реальный исторический персонаж, писатель и историк V в.³ Однако

¹ «История Армении» Мовсеса Хоренаци традиционно пользуется большой популярностью и выдержала несколько изданий и переводов на разные языки мира, начиная с XVII в. См. первое печатное издание: Амстердам, 1695; перевод на латынь (Лондон, 1736); третье издание (Венеция, 1752); перевод на французский, итальянский (Венеция, 1841). Первое русское издание – Армения, сочиненная Моисеем Хоренским, с кратким географическим описанием Древней Армении / Перевел с Армянского на Российский язык Архидиакон Иосиф Иоаннесов. СПб., 1809. Другое русское издание: История Армении Моисея Хоренского / Пер. с древнеармянск. Н. Эмина. СПб., 1893. См. также: *Movses Xorenac'i. Patmut'iw'n Hayoc'* (Histoire d'Armenie) / Ed. by A. Abelean et S. Varut'iwnean. Tiflis, 1913; История Армении Моисея Хоренского. 1913; *Саркисян*. 1986. Самое полное, комментированное издание: *Moses Khorenats'i*. 1978. В статье использовано издание: *Мовсес Хоренаци*. 1990.

² Подробнее см: *Абебян*. 1975. С. 139–143.

³ См., например: *Малхасянц*. 1940 (на армянском языке с русским резюме).

большинство западных исследователей, вслед за бывшим главой кафедры армянских исследований Гарвардского университета и автором английского перевода «Истории» Хоренаци проф. Робертом Томсоном, полагают, что автор труда жил в более позднее время, между VII–IX вв. Основанием для такого заключения являются многочисленные анахронизмы, содержащиеся в труде Мовсеса Хоренаци, которые не согласуются с датировкой этого сочинения V веком⁴. Таким образом, споры о личности автора и датировке его основного сочинения продолжаются, что, впрочем, не мешает его репутации первого армянского историка.

Сочинения Мовсеса Хоренаци исследованы лучше, чем труды других авторов V–VII вв. Однако имеющиеся на сегодняшний день работы касаются не его исторической концепции, а, в основном, использованных им источников и времени его жизни⁵.

V век традиционно считается “золотым веком” армянской литературы и всей духовной культуры. Именно к этому периоду относится появление собственной армянской исторической традиции. Именно V–VII вв. являются периодом оформления армянского национального самосознания и армянской идентичности. «История Армении» Мовсеса Хоренаци сыграла первостепенную роль в складывании собственного исторического нарратива Армении, в отборе важных и значимых исторических событий с древнейших времен до современности и конструировании из них своего нового прошлого, в выстраивании собственной генеалогии и закреплении ее в исторической памяти народа.

В самом начале своей «Истории» Мовсес Хоренаци объясняет цель и необходимость создания своего труда. Он пишет: «Хотя мы народ небольшой, весьма малочисленный, слабосильный, и часто находившийся под чужим господством, однако и в нашей стране много совер-

⁴ Например, Мовсес был первым армянским писателем, идентифицировавшим Сюник с Сисаканом. Последний термин впервые встречается в сирийском источнике VI в.; в «Армянской Географии» VII в. он обозначает округ, а не всю провинцию; Мовсес упоминает четыре Армении. Эти четыре византийских провинции были созданы в 536 г. византийским императором Юстинианом I (527–565); Мовсес называет Васпураканом территорию к востоку от озера Ван. Этот термин стал использоваться после раздела Армении в 591 г.; Мовсес упоминает хазар, не упоминаемых в других армянских источниках до «Армянской Географии»; Мовсесу известно о продвижении иранцев в Вифинию. Иранцы продвинулись так далеко на запад только во время войны 604–629 гг.; Мовсес упоминает должности в византийской Армении, которые были учреждены только после победы императора Ираклия I над персами в 629 г. Подробнее см.: *Moses Khorenats'i*. 1978.

⁵ *Аннинский*. 1899; *Moses Khorenats'i*. 1978; *Adontz*, 1936.; *Carrire*. 1893. P. 33-43, 44-47; *Conybeare*. 2001. P. 867–879; *Халатьянц*. 1896.

шено подвигов мужества, достойных внесения в летописи – (подвигов), которые ни один из них не позаботился передать письму» (I. 3). Таким образом, первоначальная установка – сохранить память о героических подвигах прошлого – вполне соответствует задаче укрепления национального самосознания и гордости армянского народа. Однако отбор автором событий для конструируемой им армянской истории, а также система их изложения часто не соответствуют заявленной цели.

Казалось бы, автор стремится представить читателю (прежде всего, армянам) историю, наполненную примерами героической борьбы и великих побед древнего и мужественного армянского народа. С этой точки зрения, вполне логично, что Мовсес Хоренаци пишет не историю Армянского государства (в этом случае перед читателем должна была бы предстать серия разрозненных очерков, посвященных разным государственным образованиям, существовавшим на территории Армении в разное время), но историю единого армянского народа, ведущего свое происхождение от Хайка и Арама. Начало армянской истории связывается автором с легендарными (часто неисторическими) персонажами, бывшими, согласно его описаниям, современниками великих правителей древности – Навуходоносора, Сарданапала, Семирамиды (Шамирам), Кира Великого и пр. Эта особенность сочинения армянского историка объясняется стремлением представить глубокие корни своего народа и его связь с великими народами и государствами древности. Таким образом, автор сознательно «удревняет» армянскую историю, ставит армянский народ в один ряд с избранным иудейским народом и другими историческими народами ойкумены.

Пространственная ориентация «Истории» Мовсеса Хоренаци также обладает определенной спецификой. Так, например, очень важное место в историческом прошлом Армении, как следует из его повествования, занимает Эдесса и эдесский правитель Абгар IV Ухама. Сирийский город Эдесса попадает на страницы «Истории Армении» не случайно и не по оплошности автора. Основание Эдессы в интерпретации Мовсеса Хоренаци оказывается напрямую связанным с армянской историей. Первоначально, столицей и резиденцией Абгара, оказывается, был армянский город Мцбин, а Эдесса выступает форпостом Армянского царя на восточных границах государства:

«Немного спустя умирает Август и его на римском престоле сменяет Тиберий. Германик, ставший кесарем, подвергает поношениям вельмож, посланных в Рим Аршавиром и Абгаром, за проведенную ими войну, в которой был убит сын брата Ирода. Ожесточенный этим, Абгар замышляет мятеж и готовится к войне: строит город на том месте, где сторожевой полк армян в свое время охранял Евфрат от Кассия, и называет его Эдессой. Переносит туда свой двор,

бывший в Мцбине, и все свои идолы — Набога, Бела, Батникала, Тарата⁶ и книги храмовой школы, также и все архивы царей» (II. 27).

Мовсес ссылается на Абгара как на первого в истории царя, принявшего христианство, и делает его, не имеющего никакого отношения к Армении, чуть ли не главным персонажем армянской истории: «В двадцатом году Аршеза, когда истекали дни его царствования, собралось армянское воинство и по его указанию провозгласило царем над собой Арджама, то есть Аршама⁷, сына Арташеса, брата Тиграна, отца Абгара» (II. 24). Мовсес не только называет Абгара «нашим царем» (II. 25) или «царем Армении» (II.33), но вводит его в династию Арташесидов и трактует его имя на армянский манер: «Абгар, сын Аршама, вступает на престол на двадцатом году правления Аршавира, царя персов. Этот Абгарос именовался “*аваг айр*”⁸ из-за своей необычайной скромности и мудрости, а потом также из-за возраста. Греки и сирийцы, не умея правильно произнести это (имя), наименовали его Абгарос» (II. 26).

Более того, в интерпретации Мовсеса Хоренаци Абгар представлен фигурой, связывающей воедино историю царской власти (идущую от первого в мировой истории царя – Нина) и христианскую историю. Так армяне оказываются в ключевые моменты истории в центре событий:

«Во второй год его [Абгара – *И. В.*] царствования вся Армянская страна полностью стала данницей римлян, ибо, как говорится в Евангелии от Луки, император Августом был издан приказ совершить перепись по всей вселенной. Поэтому римские должностные лица были присланы также в Армению и принесли с собой статуи Августа, кои установили во всех храмах. Около этого времени родился наш Спаситель Иисус Христос, Сын Божий» (II. 26).

Синхронизм «Август – Христос» демонстрирует не только совпадение христианской и светской (имперской) истории по божьему Промыслу, но также и связь Абгара и Армении с этим великим событием.

На Абгара возлагается глобальная миссия – он не только правит Арменией, но наводит порядок среди персов, учреждает у них три рода

⁶ Набог, Бел, Батникал, Тарат – семитские, не армянские боги.

⁷ Исследователи и комментаторы «Истории Армении» отмечают, что имя Аршам возникло по недоразумению: у царя Эдессы Абгара было прозвище Укама («Черный»), которое в армянском переводе «Церковной истории» Евсевия Кесарийского передано в форме Арджама (от *арджн* – «черный»), а в переводе труда Лабубны (см. прим. 367) – Аршама. «Абгар Аршама» было воспринято как «Аршамов Абгар», т.е. Абгар, сын Аршама. Отсюда возникло представление, что Абгару на троне Эдессы предшествовал Аршам.

⁸ Абгар Укама или Ухама (4–50 гг.) у Мовсеса Хоренаци выступает как армянский царь. Толкование его имени как *аваг айр* – «старший (или главный) муж», принадлежит к серии народных этимологий Мовсеса Хоренаци.

(из одного из них происходил св. Григор – просветитель Армении) и порядок наследования, дабы не пресекался род Арташеса, «этот великий род воистину является кровью Валаршака, то есть семенем Аршака Великого, брата Валаршака» (II. 27).

История Армении через Абгара оказывается напрямую связана и с библейской историей. Абгар выступает на стороне справедливости, а его врагами оказываются Пилат, Ирод и прочие злодеи, которые:

«злословили на его счет. Абгар же, прибыв в свой город Эдессу, заключил союз с Аретом, царем патрийцев, и послал ему помощь через некоего Хосрана Арцруни для ведения войны с Иродом. Ибо Ирод, ранее женатый на дочери Арета, выгнал ее с позором и взял (в жены) Иродиаду, разведя ее с живым мужем, за что постоянно подвергался осуждению со стороны Иоанна Крестителя, и по этой причине убил его. И из-за бесестия дочери между Аретом и им вспыхнула война, в которой при помощи армянских храбрецов войскам Ирода было нанесено тяжелое поражение; как будто провидению Божию было угодно воздать за смерть Иоанна Крестителя» (I. 29).

Армянский народ не только оказывается сопричастен истории Спасителя, но и выполняет важную миссию – осуществляет божественное воздаяние и способствует реализации божественного замысла. Мовсес излагает известную легенду о переписке Абгара с Иисусом Христом, исцелении его и обращении в христианство, а также о проповеднической деятельности в Эдессе апостолов Фаддея и Варфоломея (I. 33), которых называет «нашими [т.е. армянскими – *И. В.*] апостолами» (I. 34). Эти сюжеты служат обоснованию того, что свет истины (истинной веры) очень рано воссиял в армянской земле и армянская церковь по праву считается апостольской. Но для объяснения дальнейших злоключений и мученической кончины апостолов в земле армян Мовсес вынужден ввести в повествование рассказ о том, что после смерти Абгара государство его разделилось на две части, а «воцарившийся после смерти Абгара его сын не оказался наследником отцовских добродетелей; он открыл храмы идолов и признал языческие обряды» (I. 34).

В целом же, несмотря на некоторые противоречия и нестыковки, историку удастся обосновать с помощью сирийской легенды об Авгаре древность армянского народа и его божественную миссию, а также утвердить значимость и истинность армянской церкви.

История армянского народа, в разное время находившегося под властью разных царей-завоевателей, трактуется своеобразно. Это не история страданий и порабощений угнетенного народа, но героическое прошлое армян. Факты завоевания и покорения армян великими завоевателями древности преподносятся не как поражения и национальная трагедия, но как добрые союзнические отношения; армяне действуют

как друзья и союзники завоевателей, а иногда и главные участники этих завоевательных походов. Так, завоевание персами Мидийского царства Мовсес Хоренаци трактует как великую победу армянского царя Тиграна⁹, который в союзе с Киrom и при его помощи разгромил царство мидян (I. 24). Он пишет о Тигране: «это самый могущественный и разумный из наших царей, превзошедший в храбрости не только их, но и всех остальных. Он при помощи Кира сокрушил владычество мэров [мидян – И.В.] и, покорив греков, долгое время держал их в повиновении. Он раздвинул пределы страны нашего обитания, доведя их до крайних древних ее рубежей. Он вызывал зависть всех своих современников, а для нас, ныне живущих, его время и он сам – заветная мечта» (I. 24).

В трактовке Мовсеса Хоренаци армяне прославились своими подвигами и «в Илионской войне, описанной у Гомера». Так он рассказывает об участии армян в этом эпохальном событии: «Также и наш Зармайр, служивший ассирийцам, с немногими (воинами отправился) вместе с эфиопским войском на помощь Приаму и там, получив рану от эллинских храбрецов, умер; желал бы я, чтобы это было от Ахилла, а не от кого-либо другого из храбрецов» (I. 32).

Судьба армянского народа оказалась связанной и с Александром Македонским. Мовсес так описывает основание Константинополя:

«Не считая нужным возвращаться в Рим, он [основатель Константинополя, император Константин – И. В.], отправившись в Византий, учреждает там свой двор, следуя повелению, полученному в пророческом сне. Построив великолепнейшие здания, он пятикратно увеличил (город). Ибо ни один из великих царей не осуществлял здесь подобных предприятий, если не считать весьма немногие сооружения, как, например, (то, которое возвел) властитель вселенной Александр Македонский, когда он здесь вооружался для войны против Дария и поэтому построил в память о себе здание, получившее название Стратегион, ибо в нем он делал свои военные приготовления» (II. 88).

Кроме того, довольно причудливым способом он связывает с македонским правителем династию Аршакуни, правившую в Армении:

«Александр Македонский, сын Филиппа и Олимпиады, двадцать четвертый потомок Ахилла, овладев всей вселенной, умирает, завещав свое государство многим, дабы всюду считали властителями македонян. Вслед за ним в Вавилоне воцарился Селевк, отобрав власть у многих; в упорной войне он покорил также парфян и поэтому был прозван Никанором¹⁰. Он властвовал тридцать один год и оставил царство своему сыну Антиоху, прозванному Сотером, (который процарствовал) девятнадцать лет. За ним последовал Антиох, прозванный Теосом, (процарствовавший) десять лет, а на одиннадцатый парфяне отпали от

⁹ Имеется в виду Тигран I Ервандид (ок. 560 – 535 г. до н.э.)

¹⁰ Речь идет о Селевке I Никаторе (312–281 гг. до н. э.), основателе династии Селевкидов.

служения македонянам. Так воцарился *Аршаак Храбрый из Авраамова семени*, от отпрысков Кетуры¹¹, в подтверждение слова Господнего к Аврааму: «цари народов от тебя произойдут» (II, 1).

В другом месте говорится о роли Аршаака в истории Армении:

«Рассказывают, что Аршаак Великий, царь Персии и Парфии и родом парфянин, отложившись от македонян, воцарился над всем Востоком и Ассирией и, убив в Ниневии царя Антиоха, *подчинил своей власти всю вселенную*. Брата своего Валаршаака он ставит царем в Армении, сочтя это благоприятным для сохранения независимости своего царствования. Столицей ему он назначает Мцбин¹² и включает в пределы его (государства) часть западной Сирию, Палестину, Азию¹³, все Средиземье¹⁴ и Теталию¹⁵, начиная от Понтийского моря до того места, где Кавказ оканчивается у Западного моря¹⁶, а также Атрпатакан¹⁷ «и прочее, чего достигнут мысль твоя и храбрость, ибо границы храбрецам, говорит он, определяет их меч: сколько отсечет, стольким и владеют» (I.8).

Мовсес кратко резюмирует роль Аршаака I в мировой истории:

«*Аршаак же завладевает третьей частью света*, как об этом можно узнать из четвертой книги Геродотовой Истории о событиях, сообщающей о делении всей земли на три части и о том, что одна из них называется Европой, другая – Ливией и третья – Азией; ею-то и овладел Аршаак» (II. 2).

В этом описании мировой истории важно все: и связь Александра Македонского с Ахиллом и Троянской войной, и происхождение Аршаака от Авраамова семени (важно проследить преемственность, а также предсказанность события Священным писанием), и героические подвиги этих великих завоевателей древности. В результате виртуозного рассказа Мовсеса Хоренаци земли, данные в удел Валаршааку, царю Армении, представляются как армянские земли, а сирийский город Нисибин оказывается столицей Армении.

События, не имеющие прямого отношения к Армении, автор включает в общий контекст, придавая величие и значимость армянской истории. В результате, у читателя должно сложиться впечатление, что

¹¹ Кетура, Хеттура – вторая после Сары жена библейского Авраама, родившая ему сына, названного Маданом (Бытие, 25,1).

¹² Мцбин – сирийский город Нисибин в Северной Месопотамии, близ границ исторической Армении.

¹³ Азия, в данном случае, – западная часть Малой Азии, соответствовавшая территории римской провинции Азии.

¹⁴ Средиземье (Миджеркрайк) – так Мовсес называет полуостров Малая Азия.

¹⁵ Теталия – судя по контексту, страна, расположенная между Черным и Каспийским морями.

¹⁶ Западное море – здесь, судя по всему, имеется в виду Каспийское море, которое названо так с точки зрения обитателей исконной Парфии, располагавшейся к юго-востоку от Каспия.

¹⁷ Атрпатакан – Атропатена, нынешняя иранская провинция Азербайджан.

история армянского народа тесно связана с историей ойкумены, что правители армян сопричастны этой великой истории, а сам армянский народ является древней и важной частью этого населенного мира.

Вместе с тем, идея армянского патриотизма и рисуемая автором картина доблестных побед и завоеваний армян с древнейших времен до современной ему эпохи неожиданно (для читателя XX – XXI вв.) вступает в противоречие с теми оценками, которые Мовсес Хоренаци дает выдающимся правителям Великой Армении.

Казалось бы, лучшим примером доблестного правителя и мужественного завоевателя в собственной истории Армении может служить Тигран Великий (95–55 гг. до н.э.), царь Великой Армении, один из самых могущественных представителей династии Арташесидов и великих завоевателей древности, присоединивший к Армении Сирию, Месопотамию и земли парфян¹⁸. Однако у Мовсеса Хоренаци он (Тигран Последний) не заслуживает похвалы, уважения и тем более гордости:

«Тирана сменяет его брат Тигран Последний, занявший престол в двадцать четвертом году правления персидского царя Пероза. Он царствовал долго – сорок два года и умер, так и не свершив никаких достойных упоминания подвигов мужества, кроме разве того, что был взят в плен некоей молоденькой гречанкой во времена, когда скончался римский царь Тит Второй, который был назван Антонином Августом...» (II. 64).

Тигран в изображении Мовсеса оказывается плохим воином и полководцем, человеком, легко нарушающим государственные и брачные обязательства и отрекшимся от своих сыновей (II. 64). Ссылаясь на стремление излагать только «справедливое и истинное» (там же), Мовсес Хоренаци ловко уходит от необходимости каких-либо еще рассказов о Тигране: «Так же поступаю и здесь, удерживаясь от потока неуместных слов и от того, что может породить неправильные мнения. А тебя умоляю [обращение автора к Сааку Багратуни, побудившему его взяться за написание «Истории» – *И. В.*] и теперь, как уже делал многократно, – не принуждай нас к излишнему и к тому, что скудостью или чрезмерностью слов может обратить весь наш большой и достоверный труд в напрасный и ненужный, ибо это нанесло бы вред равным образом и мне, и тебе» (II. 64).

Фигура Тиграна Великого обрисована автором «Истории Армении» на удивление невыразительно. При этом, в тексте читается скорее уничижительное и в целом отрицательное отношение автора к своему герою, нежели уважительное.

¹⁸ См.: Тиханович, Козленко. 2005; Рыжов. 2001; Кусикьян. 1940; Манандян. 1943; Манасерян. 1985; Манасерян. 1992; Манасерян. 1982; Халатьянц. 1903.

В начале второй книги Мовсес бегло и без всяких эмоций сообщает о многочисленных победах армян (в правление и под предводительством Тиграна) над римлянами и прочими могущественными противниками (II. 17-20), но это не добавляет славы Тиграну. Хронология изложения событий, касающихся правления Тиграна Великого, в «Истории» Мовсеса Хоренаци нарушена. Автор бегло говорит о Тигране в начале второй книги («Срединной истории»), а затем в самом конце. Очевидно, это не случайное упущение историка, а сознательное и намеренное действие. Отсутствие связного, подробного рассказа о деяниях этого правителя и упоминания о Тигране лишь в начале и в самом конце книги, вероятно, помогают автору избежать закономерного вывода об успешности и могуществе Тиграна как полководца и правителя.

Данное обстоятельство неизбежно ставит перед исследователем вопрос о причинах такой парадоксальной репрезентации событий армянским историком. Вместо гордости за армянских правителей и восхищения доблестью армянского войска автор демонстрирует весьма благосклонное отношение к завоевателям (римлянам) и негативное отношение к выдающемуся армянскому правителю и полководцу.

Сын Тиграна Великого Артавазд также не заслуживает добрых слов от Мовсеса Хоренаци. Он описывает его как глубоко порочного и нечестивого правителя: «Артавазд, однако, не совершил каких-либо иных мужественных и доблестных деяний. Предавшись обжорству и пьянству, он бродил по болотам, тростниковым зарослям и скалистым местностям, преследуя диких ослов и кабанов. Пренебрегая мудрыми и отважными делами и заботой о доброй славе, истинный прислужник и раб чрева, он лишь умножал нечистоты». Автор добавляет также, что он подвергался «упрекам со стороны своих войск за крайнюю беспечность и невероятное чревоугодие, особенно же за то, что Антоний отнял у него Месопотамию» (II, 22). Однако при этом автор вынужден заявить, что в конечном итоге «двинув войска, он спускается в Месопотамию и прогоняет оттуда римскую рать» (II, 22). В конце концов он был захвачен в плен римлянами и вместе с богатой военной добычей передан Антонием в дар Клеопатре (II. 22), при этом Мовсес несколько искажает рассказ об этих событиях. Он ничего не говорит о том, что в сражениях армянские войска под предводительством Артавазда неизменно одерживали победы, и сам армянский правитель был захвачен только после того, как Антоний хитростью заманил его в свой лагерь якобы для ведения переговоров. Мовсес представляет эти события как доблестную военную победу Антония: «с большим войском он идет на Артавазда и,

пройдя через Месопотамию, предает мечу неимоверное множество армянских воинов и забирает в плен их царя» (II, 22). Складывается впечатление, что симпатии армянского историка находятся на стороне римлян. В целом, в «Истории» формируется удивительный образ римлянина – не столько коварного и жестокого противника и завоевателя, поработившего Армению, сколько могущественного и доблестного покорителя народов, подчинившего своей власти весь мир.

На наш взгляд, такая интерпретация событий должна быть соотнесена с распространенной в раннее средневековье теорией четырех царств. Вероятно, именно концепция четырех империй, в сочетании с идеей о переходе политической власти из одного региона ойкумены в другой (концепция *translatio imperii*) определила структуру «Истории» Мовсеса Хоренаци и особенности трактовки многих исторических сюжетов. Центральная, вторая книга «Истории» («Изложение средней истории наших предков») рассказывает не столько о злоключениях и страданиях армянского народа или, напротив, о его величии, но об утверждении в мире власти римлян, то есть об установлении этого последнего, четвертого из предсказанных мировых царств.

Учитывая распространенность данной концепции и ее очевидное влияние на мировоззрение Мовсеса Хоренаци, его понимание роли армянского народа в мировой истории выглядит уже несколько иначе. Армяне выступают не столько многострадальным народом, пережившим многочисленные завоевания, порабощения и пр., или же, напротив, доблестными воинами – покорителями вселенной, сколько древним и богоносным народом, способствующим реализации божественного плана. Так, именно армяне, в изображении Мовсеса Хоренаци, сломили власть мидийцев (I.24), именно армяне способствуют переходу мировой власти от македонян к римлянам (книга II. 2 рассказывает о войне с македонянами и дружбе с римлянами). Во всех ситуациях армяне выступают не противниками римлян, данниками Рима, покорившимися их власти, но их союзниками и друзьями («Он [Аршак Храбрый – II. В.] отправляет послов договориться [с римлянами – II. В.] о союзе, с тем чтобы они не помогали македонянам, с условием *не уплаты дани, а ежегодных даров* в сто талантов» (II.2)).

«История» Мовсеса Хоренаци представляет собой законченное произведение с добротным подобранным историческим материалом. Очевидно, что указанные натяжки и вольные интерпретации событий мировой истории возникают в тексте истории не случайно. Трудно заподозрить автора в незнании материала, путанице, ошибках и т.п. Те сюжеты,

которые, по справедливым замечаниям исследователей, не имеют ничего общего с реальными событиями, тем не менее, не являются просто нелепицей, сказкой, свидетельством недобросовестности или недостаточного образования автора. Напротив, перед нами тщательно продуманное, целенаправленное конструирование истории армянского народа в соответствии с несколькими генеральными идеями. Многие парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци объясняются христианским мировоззрением и особенностями раннесредневекового исторического сознания.

Попытка расширить армянскую историю за счет включения в нее сюжетов, заимствованных из истории других народов древности, очевидно, не является для армянского историка и его аудитории чем-то экстраординарным, нуждающимся в дополнительных объяснениях. Такой подход вполне согласуется с идеей Pax Christiana. В IV–VII вв. представления о государстве как о четко очерченном географическом единстве, тем более в сознании армян, еще не сложилось. Государство, воспринимаемое как Империя, или христианская мировая империя, совпадало для них с ойкуменой, то есть со всем населенным миром. Поэтому и Мовсес Хоренаци пишет не «Историю Армении», как принято считать, а историю христианского мира и старается показать в нем место и роль армянского народа, составляющего органическую часть этой христианской ойкумены.

Попытки максимально «удревнить» историю армянского народа согласуются с идеей христианского универсализма. Для Мовсеса Хоренаци его «История» – не история армянского государства и даже не история злоключений армянского народа под властью различных правителей древности, но история обнаружения Божественной истины, осуществление некоего Божественного плана. Армяне, в интерпретации автора, оказываются не просто современниками и свидетелями это глобального процесса, и не только причастны этому Божественному плану, но в разные периоды именно они способствуют воплощению в жизнь Божественного замысла. Так, именно армяне способствуют смене мировых империй и даже ценой собственного поражения приближают римлян к мировому господству. В глобальной картине исторического развития, нарисованной первым армянским историком, армяне выступают не только как древний народ и часть христианской ойкумены, но и как очень важный участник исторического процесса – проводник божественной воли, богоносный народ, через который осуществляется Божественный план.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абемян М.* История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975.
- Аннинский А.* Древние армянские историки как исторические источники. Одесса, 1899.
- История Армении Моисея Хоренского / Пер. Н. Эмина. Тифлис, 1913.
- Кусикьян И.* Тигран II и Рим // исторический журнал. 1940. № 10. С. 87–98.
- Малхасянц Ст.* К вопросу о загадке Хоренаци. Ереван, 1940.
- Манандян Я.А.* Тигран II и Рим: в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943.
- Манасерян Р.Л.* Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93-91 гг. до н.э. // ВДИ. 1985. № 3. С. 109–118.
- Манасерян Р.Л.* Международные отношения на Переднем Востоке в 80-70-х гг. до н.э. (Тигран II и войска с берегов Аракса) // ВДИ. 1992. № 1. С. 152–160.
- Манасерян Р.Л.* Процесс образования державы Тиграна II // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 122–138.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатын. Ереван: Айастан, 1990.
- Рыжов К.* Все монархи мира. Древний Восток. М.: "Вече". 2001.
- [*Саркисян Г.Х.*] «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван: Изд. Ереванского университета, 1986.
- Тиханович Ю.Н., Козленко А.В.* 350 великих. Краткое жизнеописание правителей и полководцев древности. Древний Восток; Древняя Греция; Древний Рим. Минск, 2005.
- Халатьянц Г.* Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Опыт критики источников. Часть I. М., 1896.
- Халатьянц Г.А.* Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского: опыт критики источников. Ч. 1-2. М., 1903.
- Adontz N.* Sur la date de l'Histoire d'Armenie de Moise de Chorene // Byzantion, 1936. Т. XI. F. 1.
- Carrere A.* Nouvelles sources de Moise de Khoren. Etudes critiques. Vienne, 1893. P. 33-43, 44-47.
- Conybeare Fr.G.* The Date of Moses of Khoren // *Conybeare Fr.G.* The Armenian Church. Heritage and Identity. New York, 2001. P. 867–879.
- Moses Khorenats'i.* History of the Armenians / Transl. and comm. by R. Thomson. Cambridge (Mass.), 1978.
- Ващева Ирина Юрьевна***, кандидат исторических наук, доцент кафедры древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; vashева@mail.ru

*200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года
посвящается*

Т. П. ФИЛИПОВА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ Л. А. ТЬЕРА

Статья посвящена анализу взглядов французского историка Л.А. Тьера на события Отечественной войны 1812 года, изложенных в его многотомном труде «История Консульства и Империи». В центре внимания понимание Л.А. Тьером роли России в развитии международных отношений конца XVIII – начала XIX в. Показаны взгляды историка на политику Александра I, причины и итоги войны, роль в войне ближайшего окружения русского императора и главнокомандующих.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., Л.А. Тьер, Франция, Россия, Александр I, Наполеон Бонапарт.*

Отечественная война 1812 г. является знаковым событием в истории нашего государства. Значение этого события и масштабность его итогов для европейского и российского общества стало основной причиной создания за два столетия многочисленных сочинений, посвященных вехам Отечественной войны 1812 года.

Начавшийся в 1990-х гг. пересмотр принятой в советской исторической науке методологии исторического познания оказал влияние и на развитие взглядов на войну 1812 г. На сегодняшний день многие аспекты этого события являются предметом дискуссий. В силу этого стоит обратиться к опыту осмысления событий Отечественной войны 1812 г. зарубежными исследователями. Одним из них является французский историк Луи Адольф Тьер (1797–1877).

С именем Л.А. Тьера связано полвека истории Франции. Он оставил видный след в политике и науке. Как политический деятель начал свою карьеру с должности депутата, а в 1871–1873 гг. занимал пост президента Французской республики. Многотомные труды Тьера: имели большой успех во Франции¹. В нашей стране творчество этого историка является малоизученным.

«История Консульства и Империи» – одна из самых объемных работ об эпохе Наполеона Бонапарта – описывает события от его прихода к власти во Франции (18 брюмера 1799 г.) до смерти на острове Святой

¹ *Histoire de la revolution française* (V.1–10. P., 1823–1827) и *Histoire du Consulat et de l' Empire* (V. 1–20. P., 1845–1862). См. подробнее: *Филипова*. 2009.

Елены (май 1821 г.). Для создания истории Наполеона Тьер использовал разнообразные источники, основу которых составили официальные документы из французских архивов, личная переписка Наполеона Бонапарта и его окружения. Доступ к этим документам историк смог получить благодаря своим высоким государственным постам. Кроме этого, Тьер активно использовал метод «устной истории», собирая и привлекая к написанию труда воспоминания современников событий².

В России «История Консульства и Империи» менее известна по сравнению с первым исследованием Тьера – «Историей Французской революции». Если этот труд полностью переведён на русский язык, то издание и перевод «Истории Консульства и Империи» ограничились первыми четырьмя томами. Тем не менее, в России XIX в. с этим сочинением Тьера были знакомы. Когда выдающийся русский историк Сергей Михайлович Соловьев, работая над своим трудом «Император Александр I. Политика. Дипломатия», обратился к директору архивов, сыну известного военного историка, Александру Генриховичу Жомини, тот отказал Соловьеву в допуске, заявив, что Тьер уже написал все, что следовало, о Наполеоне и Александре I. С.М. Соловьев возмутился и через голову Жомини добился у государя разрешения работать в архиве Министерства иностранных дел³. Этот факт свидетельствует, насколько труд Тьера был известен в общественно-научных кругах России. И не случайно, поскольку «История Консульства и Империи» была одной из первых объёмных работ по европейской истории первой четверти XIX в. Возможно, размышления опытного политика и дипломата, понимавшего значение России в истории Европы, помогут нам по-другому взглянуть на тесную связь России и Франции как международных партнеров.

Л.А.Тьер достойно оценил роль России в международных отношениях на рубеже XVIII–XIX вв.:

«И действительно, прошло не более восьмидесяти лет, с тех пор, как Пётр Великий обратил на себя внимание всей Европы своим владычеством на Севере и борьбой с Карлом XII за право дать Польше короля от своей руки. Сорок лет спустя, Россия перенесла свои виды на Германию и вместе с Австрией и Францией боролась с Фридрихом Великим, чтобы не дать основаться прусскому могуществу. Через несколько лет потом, в 1772 г. – она участвовала в разделе Польши. В 1778 г. она сделала ещё значительный шаг, вместе с Францией приводила в порядок дела в Германии, стала посредником между Пруссией и Австрией, которые готовы были вступить в борьбу за Баварское наследие, и при заключении Тешенского мира приняла на себя обеспечение германской конституции. Наконец, ещё до исхода столетия, в 1799 году, она послала сто ты-

² Об этом свидетельствуют официальные биографы историка: *Frank*, 1877. P. 20.

³ *Ефимов*. 1966. С. 329.

сяч русских в Италию, не для решения поземельного вопроса, но для нравственной цели, сохранения европейского равновесия и гражданского устройства, которым угрожала Французская революция. Никогда ещё не бывало примера, чтобы государство в столь короткое время приобрело такое огромное влияние!»⁴.

Л.А. Тьер описал и внутривластную ситуацию в России на рубеже XVIII-XIX вв, уделив особое внимание личности Александра I. Первые слова Тьера о нём звучат так: «Удивительный государь вступил на престол царей русских, удивительный, как и большая часть государей, царствовавших в России в течение века»⁵. Историк показал, как положительные, так и негативные стороны характера русского императора, которые, по его мнению, он унаследовал от своего отца Павла I. «Молодой царь умен, добр, проникателен, впечатлителен, приятен в обращении...», но в то же время он «...хитёр, переменчив, скрытен и подозрителен»⁶. Тьер отметил, что русский император был переменчив не только в своём образе, но был непостоянен и в своих мыслях и убеждениях, что также, по его мнению, было унаследовано им от отца. Свои негативные качества, по словам историка, Александр проявил при восхождении на престол. По мнению Тьера, Александр был обманут графом Паленым, организатором заговора против Павла I, цель которого состояла, прежде всего, в том, чтобы престол занял молодой, неопытный и «послушный» император. Александр верил, что это был единственный выход спасти Россию, свою мать, братьев, самого себя и всегда ненавидел себя за эту ошибку и тех людей, которые вынудили его её сделать⁷. Историк признавал в Александре человека, способного на глубокие и основательные размышления⁸. Тьер также отметил в нём необыкновенную способность обольщать людей, перед которой, по его мнению, не устоял даже Наполеон Бонапарт:

«...сам лично [Александр] был одарён необыкновенной силой прелести и увлекательности, которая должна была обольщать всех его современников. Ему суждено было пленить даже необыкновенного человека, владычествовавшего над Францией, которого так трудно было обольстить, и с которым юный Император должен был вступить в великую и страшную борьбу»⁹.

Свидетельства современников сходятся в том, что Александр умел очаровывать и нравиться всем, с кем общался¹⁰. Здесь уместно вспом-

⁴ *Thiers*. 1845. P. 47.

⁵ *Ibid.* P. 8.

⁶ *Ibid.* P. 9.

⁷ *Ibid.* P. 9.

⁸ *Ibid.* P. 8.

⁹ *Ibid.* P. 9.

¹⁰ *Манфред*. 1986. С. 474.

нить мнение самого Наполеона об Александре I, которое он высказал, будучи уже на о. Святой Елены: «Царь умен, изыщен, образован; он легко может очаровать, но этого надо опасаться; он неискренен; это настоящий византиец времен упадка Империи... Вполне возможно, что он меня дурачил, ибо он тонок, лжив, ловок... Он может далеко пойти. Если я умру здесь, он станет моим настоящим наследником в Европе»¹¹.

Стоит заметить, что Тьер дал не просто сжатые оценки характера русского императора, а подробно показал, как сложились его характер и мировоззрение, считая, что характер Александра I повлиял на внутриполитические и внешнеполитические события.

Оценки Александра I, данные Л.А.Тьером, во многом схожи с мнениями отечественных исследователей XIX в. С.М.Соловьёв характеризовал императора как человека необычайно восприимчивого, впечатлительного по природе¹², в отношении к людям, по мнению историка, он был очень спокойным и тактичным,¹³ но он также указал на его негативные черты – подозрительность,¹⁴ недоверчивость к людям¹⁵. Историк Н.К. Шильдер, оценивая характер Александра, сделал акцент на его недостатках: «ему никогда не удалось отрешиться во всех своих начинаниях от некоторой присущей ему двуличности и скрытности, соединенной с недоверием вообще к людям. Таким образом, в уме Александра постепенно вкоренилась двойственность в делах и в мыслях, которая преследовала его затем в продолжение всей жизни»¹⁶.

Борьба Франции и России в начале XIX в., с точки зрения Тьера, было столкновением двух характеров «самых великих правителей в мире»¹⁷. По мнению историка, русский император не хотел войны с Наполеоном, он не шел на открытое противостояние с ним, все шаги, приведшие к войне, были сделаны Александром под давлением русского дворянства: «...которое по очереди запугав или поддержав Александра, заставило его понемногу сопротивляться французскому господству. Жестокие, озлобленные, огорченные хотели этого; они также были решительны ради своей потребности пожертвовать всеми богатствами и всей кровью нации»¹⁸. Совершенно противоположное мнение было у

¹¹ Романовы... 1997. С. 207.

¹² Соловьёв. 1996. С. 213.

¹³ Там же. С. 218.

¹⁴ Там же. С. 325.

¹⁵ Там же. С. 337.

¹⁶ Шильдер. 1896. С. 148.

¹⁷ Thiers. 1849. P. 627.

¹⁸ Thiers. 1856. P. 124.

С.М. Соловьёва, который считал, что Александр I не был втянут в войну своим окружением, а изначально хорошо знал характер Наполеона и полагал, что равенство с ним в Европе невозможно и война неизбежна¹⁹: «он знал человека, с которым имел дело, знал, что с Наполеоном не может быть мира, а только кратковременное перемирие»²⁰.

Роль военачальника в войне, с точки зрения Тьера, Александру не удалась. Император изначально вызывал гнев армии и своих придворных: во-первых, поддержкой проекта генерала Фуля, которого он принимал за непризнанного гения и ему доверил руководить всем планом войны, во-вторых, тем, что окружил себя иностранцами и прислушивался к их мнению при принятии решений²¹. Чем дальше усугублялась военная ситуация, тем больше росло недовольство императором, который, по словам Тьера, даже «не захотел и не осмелился назначить главнокомандующего...»²². Александр I сам был на фронте, в чём была его ошибка, поскольку он мешал командованию из-за неизбежной почтительности к его персоне и страха быть подвергнутым порицанию императора. По мнению Тьера, Александра незаслуженно обвиняли в том, что он не умел приказывать и был лишен военных талантов, историк считал, что русский император обладал «военным пониманием»²³. Противоположного мнения придерживался С.М. Соловьёв, который считал, что русский император был лишен военных талантов, приводя в качестве особенно яркого примера – Аустерлицкое сражение²⁴.

Отъезд Александра I с фронта с целью формирования ополчения историк назвал благовидным предлогом, придуманным представителями дворянства, для удаления императора. Исходя из этого факта, Тьер заключил: «Странный спектакль, что этот царь современной Европы с абсолютным суверенитетом, зависимый от его главных придворных, был выгнан с фронта! Столь глубока иллюзия деспотизма!»²⁵. «Дворянство, находясь в этот момент в столице состояло из старых русских, которых их возраст вынуждал жить вдалеке от военных лагерей; оно было заинтересовано возвратить Александра в центр империи, держать его, так сказать, под своей рукой, подальше от сильных впечатлений поля битвы, далеко главным образом от оболщений Наполеона, они всегда

¹⁹ Соловьёв. 1996. С. 407.

²⁰ Там же. С. 431.

²¹ Thiers. 1856. P. 19.

²² Ibid. P. 19.

²³ Ibid. P. 123.

²⁴ Соловьёв. 1996. С. 331.

²⁵ Thiers. 1856. P. 124.

боялись, что встреча в вечерних форпостах проигранного сражения, вернёт их снова к политике Тильзита. Все, окружавшие его, не позволили ему решения, которые бы не соответствовали их желаниям»²⁶. Подчеркнув, что Александр I был вовлечен в войну своим окружением, а затем не был допущен к управлению этой войной и во многом несамостоятелен в принятии политических решений, Тьер поставил под сомнение сам абсолютный характер власти русского императора.

Важным моментом в событиях Отечественной войны 1812 г. стало назначение главнокомандующим М.И. Кутузова. По мнению Тьера, причиной недоверия Александра к Кутузову была неудавшаяся кампания 1805 г. и проигрыш Аустерлицкого сражения²⁷: «Александр не имел никакого к нему доверия, только сохраняя неприятные впечатления от кампании 1805 г., не находя в нём ни решительности, ни ловкости на поле боя»²⁸. Только под давлением общественного мнения император был вынужден назначить Кутузова главнокомандующим²⁹. Этого мнения придерживается и большинство современных исследователей³⁰.

Здесь уместно рассказать о взглядах самого французского историка на двух известных российских полководцев – Михаила Богдановича Барклая де Толли и Михаила Илларионовича Кутузова. Представление об этих, несомненно, великих людях мы имеем по отечественной историографии, они известны нам как блестящие полководцы. Между тем в последнее время развернулись жаркие дискуссии, появились работы, в которых исследователи предлагают другие подходы к оценкам личностей российских военачальников³¹. В своей «Истории Консульства и Империи» Л.А. Тьер дал следующую оценку человеческих качеств и военных талантов российских главнокомандующих.

Барклай де Толли представлен в труде Тьера как один из лучших российских генералов: «Барклай де Толли ...был из всех русских генералов самым лучшим руководителем. Образованный, отлично знающий детали своей профессии, невозмутимый и упрямый...»³². Тьер пытался оправдать действия Барклая де Толли под Смоленском, которые вменялись в вину этому полководцу и стали основной причиной снятия его с

²⁶ Ibid. P. 292.

²⁷ Ibid. P. 296.

²⁸ Ibid. P. 298.

²⁹ «Александр, тем не менее, побежденный мнением, решился назначить Кутузова главнокомандующим объединенными силами». Ibid. P. 298.

³⁰ Бескровный. 1968. С. 24; Труайя. 1997. P. 154.

³¹ Троицкий. 1998, 2002; Горностаев. 2003.

³² Thiers. 1856. P. 128.

поста главнокомандующего. Приведем здесь слова историка: «Он пожертвовал 12 тысяч русских солдат, это была его ошибка, это была его жертва. В общественных бедах нужно, чтобы виноват был кто-то один, толпа часто выбирает жертвой хороших и достойных людей...»³³.

Более развернутая характеристика дана Кутузову. Начнем с оценки его человеческих качеств: «Хотя ему 70 лет, полностью измученный войной и развлечениями, могущий с трудом держаться на лошади, глубоко развращенный, лживый, коварный, фальшивый...»³⁴. Тьер считал единственным положительным качеством Кутузова «совершенную осторожность», которая помогла ему достичь успеха в военных делах и стать идиологом для своего народа³⁵. Мнение историка о Кутузове как военном неоднозначно. Вспоминая кампанию 1805 г., он считал неоправданным назначение «старого» Кутузова главнокомандующим, так как для главнокомандующего Кутузов «не был решителен и ловок, он стал фаворитом общественного мнения, только благодаря своему истинно русскому имени и службе у Суворова»³⁶. Несмотря на перечисленные недостатки, Тьер указал на одно большое достоинство русского главнокомандующего – «военную мудрость»³⁷. Яркий сюжет – совет в Филях. Историк считал, что генералиссимус созвал его, чтобы разделить с другими военными ответственность, возложенную на него за решение, что делать после Бородинского сражения³⁸. Тьер отмечал, что решение оставить Москву принадлежит именно Кутузову и чтобы решиться на это, нужно было обладать большим мужеством, но осуждал полководца за боязнь нести личную ответственность за это трудное решение³⁹.

«История Консульства и Империи» посвящена Наполеону, у которого историк находил много ошибок (нарушение Амьенского договора в 1803 г., агрессия против Англии, война с Испанией, поход на Россию и др.)⁴⁰, но в большинстве случаев он для него герой. При этом Тьер, восхваляя Наполеона, не мог не признать, что Кутузов, несмотря, возможно, на многие свои недостатки, был великим военным: «Старый Кутузов, таким образом, был вторым соперником, который остановил Наполеона, другой – это конечность европейского континента»⁴¹.

³³ Ibid. P. 295.

³⁴ Ibid. P. 296.

³⁵ Ibid. P. 296.

³⁶ Ibid. P. 296.

³⁷ Ibid. P. 298.

³⁸ Ibid. P. 357.

³⁹ Ibid. P. 358.

⁴⁰ Тьер. 1900. С. 87.

⁴¹ Thiers. 1856. P. 297.

После оставления Москвы, по словам Тьера, Александр I оказался посреди конфликта. Многие представители дворянства стали склоняться к миру, даже самые ярые сторонники войны до победного конца, как например, Аракчеев. Другие же «горячие умы» желали продолжения войны и победы⁴². Историк писал: «Посреди этого конфликта между ненавистью и страхом, волнение было общим и глубоким. Александр выбрал войну до конца»⁴³. Тьер сделал вывод, что русский император самостоятельно принял такое решение, благодаря «своей глубоко раненной гордости»⁴⁴, он не допустил развития событий как после Тильзита и Эрфурта и решил бороться до победного конца: «Он имел дворянскую гордость и предпочел бы смерть такому унижению. Александр заявил своему окружению, что он и Наполеон не смогут больше царить вместе в Европе, необходимо, чтобы один из них покинул сцену... Тайный инстинкт говорил ему, что дошедший до Москвы Наполеон подвергался большим опасностям, чем он сам заставил им подвергнуться Россию»⁴⁵.

Таким образом, французский историк признавал в Александре I победителя Наполеона Бонапарта, который смог принять верное решение для окончательной победы над ним. Стоит отметить, что С.М. Соловьев также признавал решение Александра не вести переговоров и не заключать мира с Наполеоном, великим⁴⁶.

Подведем итоги. В многотомном труде Л.А. Тьера «История Консульства и Империи» нашли отражение сюжеты, связанные с историей России конца XVIII – первой четверти XIX вв. Знаковым событием этого периода историк считал Отечественную войну 1812 года, которая стала переломным моментом в истории Европы. Несмотря на то, что труд написан в духе апологетики Наполеона Бонапарта, французский историк достойно оценил роль России в развитии событий 1812 года.

Выдающийся представитель французской исторической мысли был современником событий и имел доступ к уникальным источникам, отражающим историю Отечественной войны 1812 года, а его труды использовали некоторые отечественные исследователи XIX – начала XX в.⁴⁷) в своих работах. Вместе с тем можно говорить о недооценке влияния взглядов Тьера в современной отечественной историографии.

⁴² Ibid. P. 439.

⁴³ Ibid. P. 439.

⁴⁴ Ibid. P. 439.

⁴⁵ Ibid. P. 439.

⁴⁶ Соловьев. 1996. С. 410.

⁴⁷ См., например: Богданович. 1869-1871; Шумигорский. 1907.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Тьер А. Наполеон на острове святой Елены. Пер. М.: Панафин, 1900. 192 с.
- Thiers M.A. Evacuation de l'Égypte // Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'histoire de révolution française: par 20 vv. Paris: Paulin, 1845- 1862. V. 3. 1845.
- Thiers M.A. Fridland et Tilsit // Histoire du Consulat... V. 7. 1849.
- Thiers M.A. Moscou // Histoire du Consulat... V. 14. 1856.
- Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М.: Московский рабочий, 1968. 78 с.
- Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. В 6-ти тт. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869-1871.
- Горностаев М.В. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М., 2003. 60 с.
- Ефимов А.В. С.М. Соловьёв как историк международных отношений // История и историки. Историография всеобщей истории / Отв. ред. М.А. Алпатов. М.: Наука, 1966. 400 с.
- Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986. 735 с.
- Романовы. Исторические портреты 1613-1917: В 2-х тт. / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 1997.
- Соловьёв С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия // Соч. в 23 кн. Кн. XVII. М.: «Мысль», 1996. С.203-704.
- Троицкий Н.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов: мифы и факты. М.: Центрполиграф, 2002. 367 с.
- Троицкий Н.А. Фельдмаршал М.И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. 80 с.
- Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М.: Молодая гвардия. 1997. 320 с.
- Филиппова Т.П. О теоретико-методологических взглядах Л.А. Тьера // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 302-317.
- Шильдер Н. Александр I // Русский биографический словарь: в 25 тт. СПб., 1896-1913. Т. 1. 1896. С. 144-384.
- Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1907. 214 с.
- Frank F. Vie de M. Thiers. P., 1877. URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb340333990>.
- Филиппова Татьяна Петровна**, научный сотрудник Коми научного центра Уральского отделения РАН; tpf@presidium.komisc.ru, tanya.tatiana-fil@yandex.ru

В. А. ФИЛИМОНОВ

**Н. И. КАРЕЕВ О РЕЦЕПЦИИ
АНТИЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ**

Автор анализирует взгляды Н.И. Кареева на проблему рецепции античного культурного наследия в тесной связи с формированием его общей концепции истории Западной Европы, с пониманием истории как процесса, детерминированного взаимодействием и взаимовлиянием культур в историческом времени и в пространстве.

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, античное наследие, рецепция, философия истории.*

Среди многообразия тем греко-римского дискурса Н.И. Кареева философско-историческая проблема рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время представляет особый интерес. По замечанию Е.А. Чиглинцева, «в современном гуманитарном знании стало уже общим местом утверждение, что рецепция наследия античности осуществлялась в различных сферах социально-культурной практики во все периоды истории человечества»¹. Но прежде чем это утверждение стало «общим местом», и в XIX, и в XX в. была проведена огромная исследовательская работа и предприняты «попытки обобщить многочисленный накопленный филологами-классиками и искусствоведами эмпирический материал»². Появление трудов Г. Фогта и Я. Буркхардта³ стало дополнительным стимулом изучения этого неоднозначного феномена. Не оставалась в стороне и русская историческая наука – над темой активно работали М.С. Корелин, А.К. Дживелегов, А.Г. Вульфius и др.⁴.

Однако когда мы говорим о вкладе Кареева в разработку проблематики, то не имеем в виду ни введение в научный оборот новых источников, ни разработку сюжетов, по тем или иным причинам не исследованных предшественниками и современниками⁵. Заслугой ученого было сведение всех существующих точек зрения в единую непротиворечивую концепцию, поэтому для него вопрос о рецепции лежит не в плоскости простой эмпирии, а в сфере философии истории, которая, по его мне-

¹ Чиглинцев. 2001. С. 166.

² Чиглинцев. 2009. С. 285.

³ Voigt. 1860.

⁴ Корелин. 1892, 1896; Дживелегов. 1908; Вульфius. 1922.

⁵ «На изучаемый предмет, – писал он, – историку приходится смотреть через призму не только источников, но и литературы предмета» (Кареев. 1916. С. 126).

нию, есть универсальный инструментарий для понимания сути любого раздела всеобщей истории, безотносительно времени и пространства, а также для понимания ее общего хода. Кареев писал: «Историк, который желает связать изучаемую эпоху с ее прошлым, должен невольно стать на точку зрения философии истории: он так или иначе обозревает все целое истории и в этом целом ищет место для своей эпохи»⁶.

Начнем с исходного тезиса: для Кареева важно было определиться с понятийно-категориальным аппаратом, т.е. договориться о диапазоне употребления самого термина «рецепция». В литературе того времени, сложилась успешно перекочевавшая и в современную историческую науку тенденция узкой трактовки этого понятия (от лат. *receptio* — принятие) как «восприятие правовой системы и принципов другого государства как основы национального права»⁷. Кареев предлагает расширительное толкование рецепции: «Заимствуются извне не только слова, понятия, изобретения, которых раньше не было ни в языке, ни в мыслях, ни в работе народа, но заимствуются равным образом, и чужие порядки, законы, учреждения. Фактами этого рода полна история народов и в известных случаях для их обозначения употребляется термин – рецепция»⁸. Историк приводит известные в европейской истории факты рецепции: принятие римского права во второй половине средних веков, распространение Кодекса Наполеона, «пересаживание» английских конституционных форм в континентальные страны, уточняя, что «реципироваться могут и другие порядки – административные, судебные, финансовые, церковные, школьные, то есть разные формы организации тех или других деятельностей, существующих в государстве»⁹. При этом Кареев использует ботаническую аналогию («пересадка... с одной почвы на другую или прививка веток, взятых от одного дерева к другому»¹⁰), возражая, однако против буквального ее понимания, ибо «зажигая одну свечу от другой, мы переносим с одной на другую пламя, фитили же и горючий материал обеих свечей остаются разными, у каждой свои»¹¹.

⁶ Кареев. 1881б. С. 11.

⁷ Рецепция... 1997. С. 1015. Любопытно, что в лучшей дореволюционной энциклопедии – Словаре Брокгауза и Ефрона – объяснение понятия «рецепция» вообще отсутствует, есть только рубрика «Рецепция римского права», отсылающая к статье «Римское право» (См.: Энциклопедический словарь... 1899. Т. 52. С. 652.)

⁸ Кареев. 1915. С. 268.

⁹ Там же. Например, XXIV глава в «Происхождении современного народно-правового государства» (1908б) называется «Рецепция конституционного строя, ее основные причины и общий ход».

¹⁰ Кареев. 1915. С. 269.

¹¹ Там же. С. 270.

Именно потому, считает Кареев, «античный мир не бесследно прожил свою жизнь для новой Европы ... и падение его было не настолько полно, чтобы мы могли заниматься его историей ради одного отвлеченного интереса»¹². При этом, несмотря на то, что «античная образованность продолжала всегда понемногу питать умственную жизнь средневековья», настоящее «широкое влияние стала оказывать философия и наука древних на умственную деятельность лишь с эпохи классического возрождения...»¹³. Характер рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время, стал предметом напряженной рефлексии ученого на протяжении всей его многогранной научной деятельности.

Уже в одной из ранних работ Кареев с позиций становящегося все более близким ему позитивизма, пытался осмыслить феномен европейского Возрождения, проводя параллели между исследуемой эпохой и античностью: «В этом открытии классической древности, в этом стремлении возврата к ней в науке, искусстве и даже жизни и состоит особенность эпохи, о которой идет речь, казалось, возродилась самая жизнь древности, возродился тот дух, который создал прекрасный эпос Гомера, глубокую философию Платона, великие статуи Фидия и блестящую речь Цицерона»¹⁴. Историк находил в возврате общества Возрождения к античным стереотипам поведения и мышления, духовным и жизненным ценностям имманентную особенность этого времени, что представляется важным, прежде всего, в связи с началом формирования кареевской концепции истории Западной Европы, осмыслением роли античной цивилизации в процессе ее генезиса, а также с пониманием истории как процесса, детерминированного взаимодействием и взаимовлиянием культур и в историческом времени, и в историческом пространстве.

Разделяя исповедуемую позитивизмом генеральную идею прогресса, историк выявил характерные черты античного и средневекового индивида (то, что современная наука обозначает термином «менталитет»): «Веселый взгляд на жизнь древнего грека, вечный инстинкт римлянина жить практической, земною жизнью находились в дисгармонии с отвлечением от жизни, от всего земного у средневекового аскета... Идеал древнего грека, главного мастера в пластике, составляет прямую противоположность аскетическому идеалу средних веков: идеал этот здоровое, породистое, красивое в своей наготе тело, вполне наслаждающееся жизнью»¹⁵. Таким образом, уже в ранних работах рецепция античности в ре-

¹² Кареев. 1903в. С. 89.

¹³ Кареев. 1903а. С. 121.

¹⁴ Кареев. 1875. С. 1.

¹⁵ Там же. С. 3, 11. См. также: Кареев. 1879. № 21. С. 9-17.

нессансную эпоху трактовалась Кареевым как главный структурообразующий фактор гуманизма.

Во время профессорства в Варшавском университете (1879–1884) вышеозначенная тема получила дальнейшее развитие в серии философско-исторических введений. Развивая версию Буркхардта о рецепции не столько античной древности как таковой, а именно античного индивидуализма, ставшего опорой нового умственного движения – ренессансного гуманизма, Кареев пытается представить античность как один из важнейших источников современной европейской цивилизации, без уяснения которого невозможно понять процессы, происходившие и происходящие в последней.

Эта мысль предвосхитила многие положения докторской диссертации Кареева¹⁶ и нашла развитие в других его работах. Так, во вступительной лекции, читанной студентам Петербургского университета в 1891 г., историк намечает программу расширительного толкования рецепции, справедливо полагая, что «классик, думающий, что ему, как классику, можно и не знать того, что делалось в передовой части человечества, положим, после 476 года по Р. Х., не подозревает целой стороны, открываемой у этого мира с точки зрения всеобщей истории, того влияния, которое мир этот продолжал оказывать и после падения своей цивилизации на историю европейских народов, не говоря уже о том, что непосредственно было унаследовано новыми народами от древних: вспомним хотя бы такие крупные культурные факты из истории Запада, каковы *рецепция римского права, классическая сторона Ренессанса, ложный классицизм в литературе, увлечение античными политическими идеями в XVIII в.*» (курсив мой – В. Ф.)¹⁷.

Разработка Кареевым концепции истории Западной Европы вывели исследование рецепции античности на качественно новый уровень. Анализируя разные стороны влияния греко-римского наследия на европейскую историю, ученый не ограничивает это влияние ренессансной эпохой, расширяя как нижнюю (XII в.), так и верхнюю (XIX в.) хронологические границы этого феномена. Итоги изучения проблемы были подведены в ряде обобщающих работ начала XX века («Главные обобщения всемирной истории», «Общий ход всемирной истории», «История», «Историка») и в рукописи «По большой дороге истории»,

¹⁶ Кареев. 1883. Чуть позже увидела свет книга Кареева «Литературная эволюция на Западе» (1886), в которой значительное место уделено судьбе классического элемента европейской цивилизации в средние века и в начале нового времени с точки зрения истории литературы.

¹⁷ Кареев. 1891. С. 13-14.

ставшей средоточием результатов теоретических изысканий ученого в области всемирно-исторического синтеза¹⁸.

Приступая к анализу рецепции римского права – первой составляющей из приведенного перечня, Кареев намеренно устраняется от мелочного разбора чисто правовой стороны этого явления. В одном из типологических курсов, рассуждая о юридической традиции, проводившей в сознание средневекового общества принципы римского абсолютизма, он писал: «Известно, что в Италии в XII в. началось изучение римского права, и что оттуда оно стало распространяться в другие страны, вслед за чем произошла так называемая рецепция римского права, т.е. введение его в жизнь. Уже в XII в., отстаивая права светской власти против папских притязаний, Гогенштауфены пользовались услугами юристов. В XIII в. французские «легисты» тоже явились помощниками королевской власти в ее борьбе с феодализмом. Все они были проникнуты монархическими тенденциями императорского Рима и стремились проводить в жизнь основной принцип абсолютизма: “quod principi placuit legis habet vigorem”»¹⁹. В другом месте, говоря о рецепции римского права, «когда вслед за включением его в круг предметов высшего преподавания, оно стало применяться и в самой жизни»²⁰, Кареев делает важное замечание о том, что и католицизм, отрицавший самостоятельность государства своим требованием подчинения светской власти главе церкви, и феодализм, разлагавший государство на почти суверенные поместья, нашли в воспитанных на римском праве юристах («законниках», или легистах, как их называли во Франции) принципиальных противников, поскольку те оспаривали право феодалов на юрисдикцию и упорно «проводили идею монархической власти, как единственного в светских делах источника всякого права и всякого закона», т.е. юридических начал «чуждых католико-феодальному строю»²¹. Несколько ранее, разбирая вопрос о римской традиции в истории королевской власти во Франции, Кареев поясняет, что основавшие государство в Галлии франкские короли, были преемниками римских цезарей, и поэтому римский (имперский) взгляд на власть, никогда здесь окончательно не исчезал и под-

¹⁸ См.: НИОР РГБ. Ф. 119 (Н.И. Кареев). П. 34. Д. 1-25.

¹⁹ Кареев. 1908а. С. 20. В одной из ранних работ Кареев указывал, что «власть феодальных баронов в глазах легистов была узурпацией королевской, и, – что для нас особенно важно, – в римском праве они искали идеи свободы, а не порабощения, как позднее делали это немецкие юристы в эпоху рецепции римского права. У легистов XIII века не было теоретической санкции рабства: в нем видели они результат насилия, в лучшем случае частной сделки». См.: Кареев. 1881а. С. 71.

²⁰ Кареев. 1908а. С. 122.

²¹ Там же. С. 123.

держивался сначала духовенством (аббат Сугерий), а затем возродился в XIII в., «когда короли, начиная с Филиппа II Августа <...> окружают себя юристами, изучавшими римское право: эти "легисты" (законники) были проникнуты политическими принципами императорского Рима, которые и переносили на своих королей, уча, что силу закона имеет то, что благоугодно государю»²².

Укажем здесь на один важный момент. В «Историке» Кареев указывает, что работа ученого-историка «подобна раздергиванию отдельных разноцветных нитей ткани, в результате которого получилось бы объяснение того, в каких комбинациях они дали интересующую нас картину»²³. Разбор деятельности «легистов» может служить иллюстрацией такого «раздергивания», примером пересечения «комбинаций» (в терминологии Кареева – эволюционных рядов). С одной стороны, это одна из вех рецепции античного наследия в средневековой Франции, с другой – один из этапов борьбы французских королей против сеньоров, когда начиная с XII века королевская власть «стала уже прямо наследственной и выступила в роли собирательницы государства, причем начала позднее опираться на города против сеньоров, потом пользоваться услугами легистов, наконец действовать вместе с генеральными штатами, представлявшими собою всю Францию, для окончательного ее объединения»²⁴.

Приступая к анализу характера рецепции античности в эпоху Возрождения, Кареев делает важную оговорку по поводу базовой дефиниции. По его мнению, обозначение умственного движения конца средних веков и начала нового времени как «Возрождение» (Renaissance), является «растяжимым и не вполне точным»²⁵. Он предпочитает использовать термин «гуманизм», ибо нередко «возрождение» узко трактуется как возрождение классической древности, как простая рецепция античной культуры (родоначальником такого взгляда на гуманизм был немецкий историк Фогт), и по существу гуманизм отождествляется с классицизмом. «Вся суть этого явления, – писал Кареев, – большею частью усматривалась в том, что после полного почти в течение средних веков забвения науки и искусства классического мира как бы возродились к новой жизни, и явились люди, которые начали изучать античную литературу, подражать ей, усваивать идеи древней философии и т.п. Сами эти люди,

²² Кареев. 1892. С. 113.

²³ Кареев. 1916. С. 59.

²⁴ Кареев. 1892. С. 118. См. также: Кареев. 1893в. С. 57.

²⁵ Кареев. 1892. С. 398. Напомним, что в историческую науку понятие «Ренессанс», употребляемое в широком смысле, ввел Ж. Мишле. Л. Февр называет и «дату рождения» – 1840 год. См.: Февр. 1991. С. 377-387.

однако, называли себя гуманистами, откуда и происходит обозначение всего движения именем гуманизма»²⁶. Эту оговорку Кареев считает необходимой еще и потому, что «развившись первоначально на итальянской почве, гуманизм проник и в другие европейские страны, и что, получивши характер классического “возрождения”, он был, однако, гораздо *шире* простого восстановления классических занятий, и значило бы донельзя сузить смысл всего гуманистического движения, если бы мы стали рассматривать его, лишь по тому значению, какое оно имело для национальной итальянской истории, а перенесенное на общеевропейскую почву – для одного возрождения ученого интереса к классическому миру»²⁷. Именно поэтому рецепция античного культурного наследия для Кареева выглядит как возрождение «изначальных традиций западноевропейской цивилизации с крайне отрицательным отношением к тому, что выработано было самою Западною Европою в средние века»²⁸. Кареев обращает внимание на то, что гуманизм является, прежде всего, продуктом городской (а значит, и более свободной) среды, уже не помещавшейся в прокрустово ложе католико-феодалного быта, а также результатом *индивидуалистических* устремлений нового времени, имеющих корни в индивидуализме, зародившемся на античной почве в греческих полисах. В подтверждение он приводит слова М.С. Корелина: «Гуманистический индивидуализм характеризуется, во-первых, интересом человека к самому себе, к своему внутреннему миру; во-вторых, интересом во внешнем мире преимущественно к другому человеку; в-третьих, убеждением в высоком достоинстве человеческой природы вообще и в неотъемлемом праве человека развивать свои способности и удовлетворять своим потребностям; в-четвертых, интересом к окружающей действительности, поскольку она имеет влияние на человека»²⁹.

Напоминая о том, что, гуманисты были родоначальниками секуляризации теоретического и морального мирозерцания, которая составляет одну из важнейших сторон исторического процесса, начиная с XIV и XV веков, Кареев, находил верной мысль Корелина, что «самый интерес гуманистов к классикам был результатом их стремления найти прочную опору для своих новых мыслей и настроений и готовое орудие для борьбы с представителями старины»³⁰. Поэтому для Кареева очевидная

²⁶ Кареев. 1903в. С. 185.

²⁷ Кареев. 1892. С. 327-328.

²⁸ Там же. С. 330.

²⁹ См.: Корелин. 1892. С. 1061.

³⁰ Кареев. 1900а. № 5 С. 105. На это обращает внимание Т.С. Скворцова: URL: http://www3.vspu.ac.ru/historic/internation_hist/publish/skvortzova/skvortz.htm.

рецепция классической древности не цель, а средство, не источник движения, а его опора. При этом он отмечал недооценку влияния возродившейся древности у Корелина, не увидевшего, «что у античных писателей гуманисты познакомились со многими идеями, заимствовали от них и пустили в обращение мысли, которые еще не были порождены жизнью самой эпохи»³¹. Почему именно античность стала «опорой» гуманистического движения? И классическую, и новую европейскую культуру отличает светский характер, тогда как восточное и средневековое мирозерцание имеют в своей основе теологическое начало. Гуманисты, будучи первой светской интеллигенцией в Европе, не могли не сделаться поклонниками античного мира, но это не было слепым увлечением или стремлением возродить древние культурные и социальные формы. Они брали из античного наследия «лишь одно то, что соответствовало их собственным стремлениям»³². К тому же гуманисты не были первыми из тех, кто обратил свой взор к классической древности. Такой опыт сложился еще в догуманистическую эпоху. Кареев еще раз напоминает о рецепции римского права, произведенной королями, боровшимися против феодализма и папства, а кроме этого о схоластической философии, считавшей главным человеческим авторитетом Аристотеля; о демократическом движении Кола ди Риенцо в Риме под лозунгом восстановления древней римской республики. Для историка главная заслуга гуманистов — в умственной эмансипации Европы, поэтому ему вполне понятно их первоначальное стремление к изучению стоиков и эпикурейцев — философских школ, далее всего отстоящих от античной метафизики, отождествлявшейся в сознании интеллектуалов ренессансной эпохи со средневековой схоластикой. Только позднее, становясь, таким образом, предтечами самостоятельной европейской философии, гуманисты приходят к необходимости изучения Платона и Аристотеля.

Не противоречит ли рецепция классической древности сформулированной Кареевым теории исторического прогресса? Ведь как-никак речь идет о движении назад. «С объективной точки зрения, — писал Кареев, — все движения вперед прогрессивны, все реакции — регрессивны»³³. Характеризуя с этих позиций средневековье (именно в этой эпохе впервые обнаруживается рецепция как принятие античных форм материальной, общественной и духовной культуры), Кареев отмечает, что «в

³¹ Кареев. 1915. С. 262. Подробнее см.: Кареев. 1893а. № 8. С. 441-466, № 9. С. 5-31, № 10. С. 541-565.

³² Кареев. 1893в. С. 85.

³³ Там же. С. 132.

некоторых отношениях, особенно в первую половину средних веков происходил не прогресс, а регресс техники, которую древние довели уже до большого совершенства», и «только к концу средних веков было сделано несколько важных изобретений и открытий», а также, что «никогда историческое человечество не переживало такого общего кризиса во всех областях культуры, как тот, который происходил в конце древнего мира и в начале средних веков»³⁴.

Однако, по мысли ученого, средневековье не следует считать и временем абсолютного упадка, ибо «постепенная замена древнего рабства средневековым крепостничеством... представляют из себя весьма видную сторону прогресса»³⁵. Если следовать логике Кареева, то никакого противоречия здесь нет, так как прогресс не совершается непрерывно, «в этой сфере постоянно замечаются приливы и отливы творчества и перемены в направлениях...»³⁶. Идеалом реакций является возвращение к менее совершенным формам. В случае же с рецепцией античности в ренессансную эпоху Кареев видит редкий в истории пример, когда «реакция лучшего старого получает благодетельное значение»³⁷. Именно поэтому гуманистическое обращение к древности – факт прогрессивного характера, как прогрессивен и постепенный отход от идущих от нее влияний. Личность сначала должна была развиваться до понимания высокой духовной культуры классического мира, а затем уже смогла выработать собственную культуру, сделавшую излишним постоянное обращение к античности.

Утверждая читателя в мысли о нелинейном характере исторического прогресса, в том, что акции и реакции в истории могут чередоваться, Кареев приводит пример еще одной рецепции классической древности. «В самом конце средних веков, – писал он, – произошло возрождение в обществе интереса к литературе древних, и гуманисты явились проводниками классических влияний в литературу всех западноевропейских народов»³⁸. В XIV в., начиная с Данте, античность начинают изучать ради нее самой, а не для богословских или чисто формальных целей, «не ставя более вопроса об ее язычестве, но увлекаясь ее духом и “приятностью” ее форм, ее языком, стихом, стилем, всеми ее приемами в поэзии и прозе. Это – целое литературное течение нового времени среди других течений, более непосредственно порождавшихся жизнью,

³⁴ Кареев. 1903а. С. 66, 97.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 96-97.

³⁷ Кареев. 1893в. С. 133.

³⁸ Кареев. 1903а. С. 128.

и такова была его сила, что в конце концов классицизм, который мы называем не без основания ложным (Pseudoclassicismus), заполонил к началу XVIII в. почти всю литературу почти всех европейских наций»³⁹. Негативная коннотация слов «ложный» и «заполонил» показывает отношение ученого к этой рецепции.

Начало опеки государства над духовной культурой (в терминологии Кареева – «меценатство»), он находит в Италии эпохи Возрождения. Итальянская тиранья XV века, по его мнению, в этом отношении имеет немало черт сходства с тиранией греческой, которая также оказывала покровительство поэзии и искусству. Настоящими центрами гуманизма сделались в ренессансную эпоху дворы итальянских властителей, стремившихся в античном духе «прибрать к рукам нарождающуюся умственную силу»⁴⁰. Здесь, как и в греко-римские времена постепенно начинает господствовать дух покровительства литературе и искусству, а интеллектуалы должны были «служить своим меценатам, украшать придворную жизнь, прославлять правление того или другого князя»⁴¹. Опираясь на мнение французского историка Филиппа Монье⁴², Кареев отмечает, что «итальянские писатели прямо отворачивались от народа, как от презренной черни, недостойной внимания и участия к себе со стороны порядочных людей»⁴³. Это вело к тому, что духовная культура нации начала утрачивать характер общественной силы, становясь чересчур аристократичной, и в итоге «приобретала значение одного из аксессуаров придворного быта и орудия, которым в своих целях пользовалась княжеская тиранья»⁴⁴. Распространение культуры итальянского Возрождения в других странах Европы постепенно привело к возникновению королевского меценатства, получившего наивысшее развитие во Франции эпохи Людовика XIV. Именно в правление этого монарха литература получила окончательно придворный и псевдоклассический характер, нашедший законченное выражение и теоретическое обоснование в стихотворном трактате «L'Art poétique» Никола Буало.

Исходя из тезиса, что Реформация расколола историю секуляризации европейской культуры на эпохи Возрождения и рационалистическо-

³⁹ Кареев. 1886. С. 213.

⁴⁰ Кареев. 1908а. С. 307.

⁴¹ Там же. С. 308.

⁴² См.: Monnier. 1901.

⁴³ Кареев. 1908а. С. 308. Ср.: «Интеллектуальная элита, какой были и какой в еще большей степени становятся гуманисты, отдаст себя на службу могущественным меценатам и презирает толпу» (Касаткин. http://krotov.info/lib_sec/11_k/kas/atkin.htm)

⁴⁴ Кареев. 1908а. С. 308.

го Просвещения XVIII в., которое Кареев считает «как бы продолжением гуманизма, ослабленного и даже почти исчезнувшего в эпоху религиозных реформации и реакции, но продолжением уже видоизмененным и осложненным»⁴⁵. От Ренессанса Просвещение унаследовало светский дух, уважение к человеческому достоинству, интерес к действительности, рационализм, синтетически соединив в себе наиболее прогрессивные результаты гуманистического и реформационного движения. И если протестанты искали образцы и примеры в истории Израиля, то XVIII веку их давала классическая древность. По Карееву, именно обращение к античности с отрицательным отношением к средневековью, сближает Возрождение и Просвещение: «Новая европейская культура как будто чувствовала свое внутреннее сродство с светской цивилизацией античного мира, нежели с более близким по времени средневековьем, возвращение к которому было всегда зовом реакции, после ли бурь религиозной реформации, или после потрясений политической революции»⁴⁶.

Рассуждения об увлечении в эпоху Просвещения античными политическими идеями нашли место на страницах типологических курсов: «С тех пор как в XIV в. произошло в Западной Европе так называемое возрождение наук и искусств, политическая жизнь греков и римлян стала все более и более привлекать к себе общественное внимание: в ней видели высокие образцы для подражания, образцы гражданской доблести и политической свободы. В особенности было сильно это увлечение идеализированными политическими формами древности во Франции XVIII в., в эпоху просветительной философии и великой революции»⁴⁷. В другом месте Кареев указывает на то, что «вся так называемая просветительная философия XVIII в., в которой видную роль играют новые политические идеи, стоит на плечах гуманистического возрождения, между прочим, пустившего в обращение массу взглядов, обязанных своим происхождением более высокой культуре и государственности античного мира»⁴⁸. Какие конкретно идеи имеются в виду?

Прежде всего, это идея естественного права, воспринятая мыслителями Просвещения и деятелями Французской революции от римских философов-стоиков и юристов. Однако произведенная в XVIII в. в Европе рецепция *jus naturale* не может считаться второй волной рецепции римского права, ибо, указывает Кареев, «учение римских юристов о естественном праве есть дальнейшее развитие греческой философии, а ни

⁴⁵ Кареев. 1886. С. 164.

⁴⁶ Кареев. По большой дороге... (Глава «Секуляризация духовной культуры»).

⁴⁷ Кареев. 1903б. С. 148.

⁴⁸ Кареев. 1908б. С. 30.

как не национально-римской юридической традиции с ее исключительностью и формализмом»⁴⁹. Родоначальником учения о естественном праве Кареев справедливо называет Протагора из Абдеры, в рассуждениях которого о человеке как о «мере всех вещей» и об общей человеческой природе осуждалось рабство, оправдывались требования демократии. Его идеи Кареев считает «результатом тех успехов, какие сделаны были индивидуализмом, начавшим развиваться в культурных кругах греческого общества»⁵⁰. Оценивая роль софистов в эволюции греческой культуры, Кареев не может удержаться от сравнения их с итальянскими гуманистами и французскими просветителями, ибо, по его мнению, все они «выступали, как отрицатели старых традиций и рационалисты-вольнодумцы, как представители индивидуализма и критической мысли», являя собой своего рода «внеклассовую интеллигенцию»⁵¹.

От софистов идею естественного права унаследовали позднейшие греческие философы (Зенон, Дикеарх), а затем римские стоики. Указывая на то, что политическая мысль в Риме «отличалась меньшей оригинальностью, чем в Греции, так как вообще в философии римляне были учениками греков»⁵². Под их влиянием римские юристы систематизировали учение о естественном праве (*jus naturale*) и о нравственной справедливости (*aequitas*), поставив во главу угла принцип: «все люди рождаются свободными». Продолжением развития традиции естественного права в новое время Кареев считает философию XVIII в. (Вольтер, Мон-

⁴⁹ Кареев. 1904б. С. 298. Иной точки зрения придерживается современный исследователь Л.Л. Кофанов. «Нередко, – пишет он, – естественное право полностью идентифицируется с *ius gentium*, его появление связывается с необходимостью подведения философской основы под право народов и объясняется влиянием в I в. до н.э. древнегреческой философии, главным образом философии стоиков» и далее приводит ряд аргументов в защиту тезиса об исконно-римском характере *jus naturale*. (Кофанов: www.dirittoromano.narod.ru/Kofanov2009.pdf). Подобная точка зрения была высказана еще в 1876 г. Н.П. Боголеповым и вызвала возражение Кареева: «В книге Боголепова <...> говорится, что юристы реализовали требования *juris naturalis*, но это неверно, ибо они реализовывали лишь те требования естественного права, которые осуществлялись уже правом общенародным, а то, что естественное право требовало одно (уничтожение рабства, отмена частной собственности), так и оставалось лишь теорией» (Кареев. 1904б. С. 299, прим. 1). См. также: Кареев. 1895. С. 115.

⁵⁰ Кареев. 1903б. С. 211.

⁵¹ Там же. С. 213.

⁵² Там же. С. 231. Кареев ссылается на Цицерона, который «определял естественное право, как таковое, которое дается нам не мнением людей, а какою-то врожденною нам силою: “*naturae jus est, quod nobis non opinio, sed quaedam ignota vis inseruit*”». (Кареев. 1904б. С. 298). Здесь Кареев, очевидно, цитирует Цицерона по памяти, передавая, прежде всего, смысл его высказывания. В оригинале: «*as naturae quidem ius esse, quod nobis non opinio, sed quaedam innata vis adferat*» (Cic. De inv. II. 65).

теские, Руссо, Мабли), а высшим воплощением – «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г., в которой традиция трансформировалась в принципы политической свободы и гражданского равенства⁵³. Подчеркивая «боевой характер», который естественное право получило в эпоху Просвещения и Французской революции, ученый указывает на его космополитизм, вытекающий из общечеловеческой природы или разума⁵⁴.

Вторая идея, на которую обращает внимание Кареев, это «просвещенный абсолютизм» (его анализу ученый посвятил целую главу в III т. «Истории Западной Европы»), который с одной стороны может быть истолкован в узком смысле и вписывается в строгие хронологические рамки, а именно «последние пять десятилетий, протекших до начала французского переворота», когда «в большей части западноевропейских государств совершались преобразовательные попытки по инициативе абсолютных монархов или их всемогущих министров в направлении, на коем сказывалось влияние “просвещения” XVIII в.»⁵⁵. Широкое же толкование предполагает, по Карееву, что термин «может употребляться и на самом деле употребляется также в более общем смысле пользования неограниченной властью, руководимого разумом и отличающегося стремлением к высоким целям улучшения государственного и общественного быта, достижения народного блага и т. п.»⁵⁶. В таком значении термин применяют и к деятельности Петра Великого, и к первой половине царствования Александра I, и к эпохе “великих реформ” Александра II – к историческим явлениям, взятым вне второй половины XVIII в. Это обстоятельство, по мнению Кареева, позволяет распространять употребление термина и на греко-римскую историю: «теоретическое его (просвещенного абсолютизма – В. Ф.) обоснование было заимствовано у античного мира, сначала в форме учения римских юристов о том, что богоугодное государю имеет силу закона, так как на государя народ переносит свое право и всю державную власть, позднее в форме античной тирании, главным теоретиком которой сделался Макиавелли»⁵⁷.

В «Государстве-городе» Кареев, анализируя политические идеи древности и, прежде всего, проект идеального государства Платона, где правителями должны стать философы, соединяющие в себе неограниченную власть и любовь к мудрости, прямым текстом говорит, что «это

⁵³ См.: Кареев. 1893б. Т. III. Гл. XXXVI; 1908б. Гл. IX; 1904а. С. 142-143; 1895. С. 115-116; 1904б. С. 298 и др.

⁵⁴ См.: Кареев. 1902б. С. 4.

⁵⁵ Кареев. 1893б. Т. III. С. 277.

⁵⁶ Кареев. 1908а. С. 355.

⁵⁷ Кареев. 1893б. Т. III. С. 277.

была своеобразная теория “просвещенного абсолютизма”⁵⁸. То же выражение он употребляет в «Монархиях...», разбирая греческие взгляды на царскую власть в эпоху эллинизма, когда начинают складываться представления о том, что «власть такого царственного человека могла быть абсолютною, под условием ограничения произвола внутренним законом добродетели и разума. Это была своего рода *идея просвещенного абсолютизма* (курсив мо – В. Ф.), и с точки зрения, в силу которой власть должна была принадлежать властительным натурам, особым, от природы предназначенным к господству лицам, собственно говоря, не могло существовать наследственного династического права»⁵⁹. Впоследствии именно эти взгляды на власть греческое общество перенесло на римских принцепсов, «смотря по тому, как пользовался властью государь, он рассматривался, или как царь, или как тиран»⁶⁰. Попыткой философского оправдания абсолютной монархии Кареев, отсылая за подробностями к книге Э.Д. Гримма⁶¹, называет политическую теорию, автором которой был грек из Вифинии Дион Хризостом – убежденный монархист, «считавший единовластие формою правления, наиболее подходящею к такому громадному государству, каким была Римская империя», но бывший при этом «противником тирании, что и доказал своим поведением при Домициане»⁶². Маркируя как эпоху просвещенного абсолютизма время в Римской империи, называемое «обыкновенно счастливым периодом в ее истории», Кареев и императоров 96–180 гг. н.э. называет «настоящими представителями просвещенного абсолютизма», особо выделяя среди них Марка Аврелия, который «был даже не только императором, но и философом, вполне разделявшим мысль Платона, что государства будут процветать, или когда философы будут править, или когда правители будут следовать указаниям философии»⁶³.

⁵⁸ Кареев. 1903б. С. 222.

⁵⁹ Кареев. 1904б. С. 143.

⁶⁰ Там же. С. 261.

⁶¹ См.: Гримм. 1901. С. 224–247.

⁶² Кареев. 1904б. С. 261.

⁶³ Там же. С. 252. Ср.: «Последний и чистейший представитель просвещенного абсолютизма, Марк Аврелий передает власть человеку с наклонностями и умственными способностями гладиатора (Коммоду. – В. Ф.). Эпоха просвещенного абсолютизма закончилась» (Гримм. 1901. С. 466). Краткое résumé о развитии монархической идеи в античную эпоху см.: Кареев. 1908а. С. 11–17. С.И. Ковалев (не называя авторов), критиковал эту точку зрения как модернизаторскую: «Буржуазные историки-модернизаторы любят называть правление Траяна “просвещенным абсолютизмом”. Подобная характеристика, будучи неверной по существу, правильно, однако, подчеркивает два момента в политике Траяна: твердость и “благожелательность”. Траян,

Третьей идеей, заимствованной новой Европой, Кареев называет принцип политической свободы, впервые осуществленный античными полисами в своем устройстве. При этом он напоминает о предостережении Монтескье от смешения понятий «свободы в смысле участия в государственных делах и свободы в смысле личной независимости»⁶⁴. Дистанцируясь от крайних оценок Фюстель де Куланжа о том, что «древние не знали индивидуальной свободы», Кареев все же вынужден признать, что в классическую эпоху свобода чаще понималась в первом смысле, нежели во втором. В эпоху Французской революции именно в этих пунктах разошлись две главные партии — жирондистов и якобинцев. Обе они выступали за демократию и республику и были, по словам Кареева, поклонниками «идеализированных республик классической древности». Но если жирондисты «были горячими защитниками свободы личности и боялись всемогущества государства, хотя бы и в республиканской форме»⁶⁵, то «в “единой и нераздельной республике” якобинцев воплощалась для них высшая их идея – идея государства, родственная античному пониманию гражданской общины, пониманию его у Рихелье и у всех практических государственников эпохи абсолютизма, пониманию его, наконец, у Гоббза и у Руссо, из коих последний был, как известно, главным якобинским авторитетом (курсив автора)»⁶⁶. Конкретизируя влияние античных идей на политические взгляды якобинцев, Кареев отмечает, что Сен-Жюст «оставил после себя отрывки сочинения, в котором общественным идеалом выставляется нечто вроде спартанского устройства с полным отсутствием личной жизни или же вроде государства Платона, как известно возведшего на степень идеи древнюю гражданскую общину с полным исчезновением в ней личности гражданина»⁶⁷.

Античное культурное наследие представлено у Кареева как своего рода норма для Западной Европы, где с XII в. происходит рецепция рим-

при котором императорская власть достигла максимума устойчивости, действительно мог позволить себе роскошь быть “благожелательным”. Самодержавный по существу характер своего правления он умел сочетать с терпимостью и внешней мягкостью. Поэтому титул “Наилучшего принцепса” (Optimus Princeps), которым наградил его сенат, не был только выражением сервиллизма» (Ковалев. 1986. С. 542).

⁶⁴ Кареев. 1903б. С. 148.

⁶⁵ Кареев. 1900б. С. 201. См. также: Кареев. 1902а. С. 639. В статье Н.А. Васильевой (2007) приведенная нами цитата дана без ссылки на Кареева.

⁶⁶ Кареев. 1892. Т. III. С. 583.

⁶⁷ Кареев. 1918. С. 258. В современной российской историографии к затронутой Кареевым проблеме обращались А.В. Гордон (1995) и Т.А. Черновская (http://vive-liberta.narod.ru/journal/ele_antiq.pdf). На Западе в XX в. появились фундаментальные исследования: Parker. 1937; Bouineau. 1986; Mosse. 1989.

ского права, с XIV в. совершается возрождение наук и искусств, а гуманизм выступает как начало процесса умственной эмансипации, ненадолго прерванного Реформацией и католической реакцией, но нашедшего продолжение в литературном псевдоклассицизме XVII в., в европейском Просвещении XVIII в. и в идеологическом оснащении Французской революции, когда античные идеи налагают свою печать на политическую мысль и общественное настроение. Рассматривая рецепцию как частный случай преемственности, историк исходит из двух теоретических посылок: во-первых, «не всегда более позднее есть *продолжение* более раннего, но очень часто является только его *повторением*»⁶⁸, и, во-вторых, «в общей истории духовной культуры древних и новых народов можно установить два основных ее типа – религиозный и светский»⁶⁹. Для Кареева важно не просто зафиксировать факт рецепции (с этим, в общем-то, никто и не спорил!), а понять мотивы обращения средневековых юристов, гуманистов, литераторов и «просветителей» к классической древности, увидеть всемирно-историческое значение этого феномена и найти ему место в собственной философии истории, которую он, как известно, отождествлял с идеей прогресса. Рефлексия Кареева направлена не просто на разрешение вопроса о месте, которое занимала античность в последующие эпохи. Возводя рецепцию античного культурного наследия в категорию историко-социологическую Кареев, таким образом, достигает номологического знания, что в свою очередь позволяет ему ставить и решать более широкие философско-исторические вопросы: о соотношении преемственности и разрывов в истории, продолжающегося и повторяющегося, и наконец, о соотношении и синтезе линейности и циклизма как архетипичных моделей исторического времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Васильева Н. А. Французский национальный конвент: опыт активности парламентских объединений // Сайт Севастопольского нац. тех. ун-та. [Севастополь, 2007]. URL: <http://sevntu.com.ua/jspui/bitstream/123456789/223/1/politologiya.84.2007.21-28.pdf>.
- Вульфийс А. Г. Проблемы духовного развития. Гуманизм, реформация, католическая реформа. Пг.: Наука и школа, 1922. 168 с.
- Гордон А. В. Иллюзии-реалии якобинизма // Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты. СПб.: Наука, 1995. С. 364-391.
- Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 2. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 466 с.
- Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. М.: Польза, 1908. 218 с.

⁶⁸ Кареев. 1903а. С. X.

⁶⁹ Там же. С. 97. Примечательно, что с подобными рассуждениями Кареева в какой-то мере перекликаются построения В.Д. Жигунина (2000. С. 38-65).

- Жигунин В. Д. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу. Казань: Новое знание, 2000. 233 с.
- Кареев Н.И. По большой дороге истории // НИОР РГБ. Ф. 119. П. 34. Д. 1–25.
- Кареев Н.И. Очерки Возрождения (Renaissance) // Филологические записки (Воронеж). 1875. Вып. VI. С. 1–38.
- Кареев Н.И. Зародыши «Возрождения» в Италии (E. Gebhart. Les Origines de la Renaissance en Italie. Paris, 1879) // Критическое обозрение. 1879. № 21. С. 9–17.
- Кареев Н.И. Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1881а. 150 с.
- Кареев Н.И. Введение в курс истории новейшего времени. Варшава: Тип. Ивана Носковского, 1881б. 90 с.
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. I–II. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 856 с.
- Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1886. 338 с.
- Кареев Н.И. Всеобщая история в университете // Историческое обозрение. 1891. Т. 3. С. 1–22.
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. I. Переход от средних веков к новому времени. СПб.: Тип. И.А. Ефрона. 1892. 558 с.
- Кареев Н.И. Итальянский гуманизм и новый его исследователь // Вестник Европы. 1893а. № 8. С. 441–466, № 9. С. 5–31, № 10. С. 541–565.
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. III. «Восемнадцатый век» и французская революция. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1893б. 618 с.
- Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893в. 176 с.
- Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. 177 с.
- Кареев Н.И. М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900а. № 5. С. 100–112.
- Кареев Н.И. Учебная книга новой истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900б. 338 с.
- Кареев Н.И. Французская революция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902а. Т. 72. С. 627–657.
- Кареев Н.И. Нужно ли возрождение естественного права? // Русское богатство. 1902б. № IV. С. 1–15.
- Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903а. 148 с.
- Кареев Н.И. Государство-город античного мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903б. 348 с.
- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903в. 303 с.
- Кареев Н.И. Беседы о выработке миросозерцания. 5-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904а. 168 с.
- Кареев Н.И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904б. 395 с.
- Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908а. 452 с.

- Кареев Н.И.* Происхождение современного народно-правового государства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908б. 496 с.
- Кареев Н.И.* Историология (Теория исторического процесса). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
- Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 281 с.
- Кареев Н.И.* Великая Французская революция. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1918. 418 с.
- Касаткин А. А.* Культ латыни в эпоху Возрождения (генезис и исход) // Сайт «Библиотека Якова Кротова». [Л., 1986]. URL: http://krotov.info/lib_sec/11_k/kas/atkin.htm
- Ковалев С. И.* История Рима. Курс лекций. // Сайт Центра антиковедения СПбГУ. [Л., 1986]. URL: <http://www.centant.pu.ru/sno/lib/kovalev/II/7.htm>»
- Корелин М. С.* Очерки итальянского Возрождения. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1896. 360 с.
- Корелин М. С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. I–II. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. 1088 с.
- Кофанов Л. Л.* Право природы в концепции римских юристов и Цицерона // Сайт Новосибирского филиала Центра изучения римского права. [М., 2009]. URL: www.dirittoromano.narod.ru/Kofanov2009.pdf (время доступа 20.09.2011).
- Рецепция // Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 1015.
- Рецепция римского права // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1899. Т. 52. С. 652.
- Скворцова Т.С.* Культура Возрождения в научном наследии и преподавательской деятельности Н.И. Кареева // Сайт Воронежского гос. педагогического ун-та [2005] URL: http://www3.vspu.ac.ru/historic/internation_hist/publish/skvortzova/skvortz.htm.
- Февр Л.* Как Жюль Мишле открыл Возрождение [1950] // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 377–387.
- Черновверская Т. А.* Античность в политическом дискурсе якобинцев и проблема понимания // Сайт Vive Liberta. Великая Французская революция. URL: http://vive-liberta.narod.ru/journal/ele_antiq.pdf (время доступа 20.09.2011).
- Чиглинцев Е.А.* О рецепции античного культурного наследия в XX веке // Античность в современном измерении. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2001. С. 166–168.
- Чиглинцев Е.А.* Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. 289 с.
- Voineau J.* Les toges du pouvoir (1789-1799) ou la Révolution de droit antique. Toulouse: Association des Publications de l'Université de Toulouse-le-Mirail et éd. Eché, 1986.
- Burckhardt J.* Die Kultur der Renaissance in Italien. Lpz., 1860.
- Monnier Ph.* Le quattrocento: essai sur l'histoire littéraire du XVe siècle italien. Paris: Perrin et Cie, 1901.
- Mosse C.* L'Antiquité dans la Révolution française. Paris: Albin Michel, 1989.
- Parker G.* The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries. Chicago: University of Chicago Press, 1937.
- Voigt G.* Die Wiederbelebung des klassischen Altertums. Berlin: Reimer, 1859.

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; klub-nica@yandex.ru

А. В. САВИНА

Р. Ю. ВИППЕР О Ж. КАЛЬВИНЕ РЕВИЗИЯ ОБРАЗА “ЖЕНЕВСКОГО ДИКТАТОРА”

В центре внимания находится сложившаяся, начиная с эпохи Реформации, легенда о том, что Ж. Кальвин был абсолютным правителем Женевы и установил там теократический строй. Автор анализирует докторскую диссертацию Р. Ю. Виппера (1859–1954) «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма», в были пересмотрены веками устоявшиеся представления о кальвиновской Женеве.

Ключевые слова: *Ж. Кальвин, Р.Ю. Виппер, Женевы, миф, теократия.*

Одним из перспективных направлений исследований исторической памяти является изучение проблем сознательного ее конструирования и деконструкции. В данном контексте особый интерес вызывают исторические мифы, воспринимаемые обществом в качестве достоверных представлений о прошлом. Демифологизацию прошлого можно считать одной из важнейших задач исторической науки, и профессиональные историки воспринимают развенчание мифов как одну из своих миссий¹. Мифы обычно «выстраиваются» вокруг значимых событий или исторических деятелей и рисуют их весьма односторонне – либо в черных, либо в белых тонах. Историк, стремясь воссоздать полную и, насколько возможно, объективную картину прошлого на основе источников, критически относится к стереотипным представлениям и устоявшимся образам. Такое понимание своих профессиональных задач особенно было присуще историкам XIX в. как носителям истинно позитивистского духа.

В центре внимания статьи находится концепция Роберта Юрьевича Виппера, автора фундаментального исследования «Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма» (1894), подвергнувшего пересмотру легендарный образ франко-швейцарского реформатора Жана Кальвина. В данном ключе творчество одного из самых ярких отечественных «всеобщих» историков до сих пор не рассматривалось². Тема мифичности укорененных в историческом сознании представлений о Кальвине и кальвиновской Женеве также не нашла отражения в отече-

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-3100602и «Политическое учение Ж. Кальвина в отечественной исторической мысли второй половины XIX – начала XX века».

¹ *Ретина*. 2003. С. 42.

² Внимание исследователей больше привлекали изыскания Р.Ю. Виппера в области теории и методологии истории. См., напр.: *Сафронов*. 1976; *Володихин*. 1997.

ственной науке, тогда как на Западе она активно исследуется, начиная со второй половины XX в.³ Тем не менее, имя реформатора и сейчас ассоциируется в западном обществе с расхожими представлениями, зачастую далекими от действительности, что стало очевидно в связи с подъемом интереса общественности к фигуре Ж. Кальвина (1509–1564) на фоне празднования 500-летия со дня его рождения в 2009 г.⁴

Миф о Кальвине формировался веками и представляет собой комплекс представлений, в которых фигура реформатора неразрывно связана с Женевой, городом, в котором развернулась его деятельность в 1536–1564 гг. Миф берет истоки в сочинениях современников Кальвина: как его идейных противников (католиков, прежде всего), которые создавали обличительные жизнеописания реформатора (например, И. Бользек⁵), так и соратников, преувеличивавших некоторые его деяния «во славу» реформатора (Т. де Без⁶). Вольно (в целях пропаганды/контрпропаганды кальвинизма) или невольно, обе стороны содействовали тому, что, начиная уже с середины XVI в., закрепились стереотипные представления о Кальвине как деспотичном правителе, «протестантском Папе», реализовавшем мечты католической церкви о теократии в рамках избранного города-государства – «нового Иерусалима», «республики Бога».

Образ диктатора теократической Женевы неизменно связывался с образом протестантского инквизитора: подтверждением неограниченной власти Кальвина и его тотального контроля над Женевой служили факты казни инакомыслящих, прежде всего, Мигеля Сервета в 1553 г. Так называемое «дело Сервета» стало главным «пятном» на репутации Кальвина, поводом для множества обвинений в его адрес и одним из самых обсуждаемых сюжетов, чему в немалой степени способствовала художественно-публицистическая литература последующих поколений⁷.

³ См.: *Dufour*. 1966. P. 63-95; *Fornerod*. 2004. P. 18-21; *Horton*. 1992.

⁴ См., например: *Wyatt* [2011]. Отечественное Интернет-пространство также дает примеры своеобразных представлений о Кальвине, вроде параллелей между его правлением в Женеве и Афганистаном времен режима Талибан: *Пожидаев*. [2011].

⁵ *Bolsec J.H.* Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine et mort de Jean Calvin. Lyon, 1577. Жером Эрме Бользек (? – 1585) – бывший монах-кармелит из Парижа, выступивший в 1551 г. против кальвиновской трактовки предопределения. После изгнания в связи с этим из Женевы, Бользек написал весьма оскорбительную и порочащую Кальвина биографию.

⁶ *Bèze T. de.* L'histoire de la vie et mort de feu M. Jean Calvin. Genève, 1565. Теодор де Без (1519–1605) – проповедник в Лозанне и Женеве, соратник, а затем преемник Кальвина в Женеве.

⁷ См., например: *Цвейг*. 1986; *Мережковский*. 1999. Характерно почти одновременное появление обоих произведений во второй половине 1930-х гг., когда воз-

Подобные представления о Кальвине были характерны и для современной Випперу российской научно-популярной литературы⁸. Докторская диссертация Виппера стала первым и единственным отечественным научным исследованием, посвященным деятельности Кальвина в Женеве, и, по сути, остается таковым до сих пор⁹.

Кратко характеризую западную историографию, Виппер отмечал односторонность в оценке Кальвина и его роли в истории Женевы: реформатор оценивается либо как «злой гений», погубивший свободную республику, либо как «святой» и «творец» Женевы¹⁰. При этом Виппер подчеркивал влияние политической ситуации в Женеве XIX века на транслирование исследователями искаженного образа реформатора, в том числе и путем весьма вольного обращения с источниками¹¹.

Виппер отмечал, что «беспристрастная оценка» фигуры Кальвина характерна для немногих европейских историков, вроде Ф.В. Кампшulte или А. Роже¹². По словам Виппера, именно эти исследователи впервые поставили «вопрос о политической и церковной роли Кальвина в Женеве на научную почву»¹³. Кампшulte характеризуется российским исследователем как историк «умеренно-католического направления», в отличие от «рьяных католических историков нового времени», беспристрастный в оценке протестантских деятелей¹⁴, а Роже – как «трезвый и осторожный» исследователь, критически подходящий к традиционным представлениям о кальвиновской Женеве¹⁵.

никновение тоталитарных режимов в Европе вызывало определенные аналогии с эпохой «деспотичного диктатора» Кальвина.

⁸ См., например: *Лихачева*. 1872; *Порозовская*. 1891.

⁹ Советская наука не уделяла Кальвину большого внимания – исследования религиозной и, в частности, протестантской темы не были в фаворе, к тому же в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса были даны однозначные оценки кальвинизма как маскировки буржуазных интересов. До 1980-х гг. по этой теме см.: *Капелюш*. 1931; *Поршнев*. 1958. В дальнейшем наибольший вклад в ее развитие внесла Н.В. Ревуненкова: *Ревуненкова*. 1981, 1988, 1989, 1997.

¹⁰ *Bunper*. 1894a. С. IV-V.

¹¹ Во второй половине 1840-х гг. в Женеве произошли выступления против многолетнего олигархического правления, участники которых апеллировали к восстановлению докальвиновской женевской свободы. Виппер упоминает о таких представителях этого течения, публиковавших работы по истории Женевы, как А. Фази и Ж.Б. Галифф. См.: *Bunper*. 1894a. С. III-V.

¹² Речь идет о работах: *Kampschulte*. 1869; *Roget*. 1870-1883.

¹³ *Bunper*. 1894a. С. VI.

¹⁴ См.: *Bunper*. Кампшulte... С. 221-222.

¹⁵ *Bunper*. 1894a. С. 355.

В своей диссертации Виппер поставил перед собой задачу объективно представить историю Женевы времен Кальвина, основывая исследование на анализе широкого пласта разнообразных (в том числе, неопубликованных) источников, среди них – труды и письма Кальвина и его современников, протоколы государственных и церковных учреждений Женевы (городского совета, коллегии пасторов¹⁶, консистории¹⁷).

Отмечая наличие «легендарных» представлений о Кальвине и Женеве, Виппер не ставил цель непосредственно развенчивать мифы. Однако, поскольку взаимоотношения церкви и государства в Женеве XVI в. были основной проблемой исследования, Виппер не мог не высказать своего мнения по вопросу о характере установившегося при Кальвине режима – можно ли назвать его, во-первых, теократическим с точки зрения исключительной роли церкви в управлении Женевой, во-вторых, диктаторским, если говорить о личной власти Кальвина?

Распространенный тезис о диктатуре Кальвина в Женеве, по мнению Виппера, не соответствовал действительности, хотя влияние реформатора на дела республики было значительным. Виппер отмечал, что наибольшее политическое влияние Кальвин приобрел в последние годы жизни (1555–1564), когда во многом благодаря его обширным связям и авторитету Женева превратилась в признанный центр протестантской Европы. Однако преувеличивать роль Кальвина на этом «внешнеполитическом» поприще не стоит: его мнением пренебрегали, если оно не попадало «в тон правительственной политике» или не «увлекало за собой большинство» в магистрате¹⁸. Еще меньшее воздействие, по мнению Виппера, Кальвин оказывал на внутренние дела Женевской республики.

В Женеве задолго до Кальвина сложилась система городского самоуправления, состоявшая из Большого и Малого городских советов и общего собрания граждан. В научной литературе XIX в. бытовало мнение о решающем влиянии Кальвина на изменение этого порядка управления в сторону урезания прав народного собрания и усиления роли олигархического Малого совета: якобы Кальвин был автором и/или вдохновителем так называемой женевской конституции 1543 г., закрепившей эти реформы¹⁹. Как показал Виппер, Кальвин, во-первых, только

¹⁶ Коллегия пасторов – высший церковный орган Женевы, состоявший из проповедников Евангелия.

¹⁷ Консистория – церковно-светское учреждение Женевы, состоявшее из старейшин-мирян и пасторов, целью которого было поддержание дисциплины и нравственный надзор за гражданами города.

¹⁸ Виппер. 1894а. С. 306-308.

¹⁹ Виппер упоминал имена зарубежных историков (в частности, Кампшульте), однако этот тезис был воспринят и российской наукой. См.: Лучицкий. 1871. С. 85.

в 1541 г. вернулся из «изгнания», которому его подвергли женеvцы тремя годами ранее, и положение его все еще было недостаточно устойчивым²⁰, во-вторых, он никогда не выступал против женеvского народного собрания; в-третьих, усиление магистрата скорее противоречило планам Кальвина в отношении церкви; наконец, какая бы то ни было «религиозная окраска» в документе отсутствует, так что влияние Кальвина даже как его редактора распознать весьма трудно, не говоря уже о том, чтобы приписывать ему роль законодателя²¹. Записки и наброски, сделанные рукой Кальвина, свидетельствуют о том, что он нередко выступал как консультант или редактор эдиктов или кодексов, однако в этом не было ничего исключительного – к подобной деятельности привлекались и другие пасторы, имевшие, как и Кальвин, юридическое образование²².

В церковной сфере руководящая роль Кальвина была более очевидной. Виппер замечал, что уже в 1540-х гг. в его компетенции находились назначение и смещение священнослужителей, забота о дисциплине горожан, составление эдиктов, касающихся религиозной и нравственной жизни Женевы. Однако и здесь Кальвин – не повелевающий или «распоряжающийся», и даже в этой сфере огромную роль играло мнение светской власти Женевы²³. Например, разработанный Кальвином в 1541 г. проект женеvской церковной организации («Ордонансы») был реализован только в исправленном и отредактированном представителями магистрата варианте²⁴. Сравнив теорию устройства церкви, представленную в главном труде Кальвина «Наставление в христианской вере» (первая редакция – 1536), и окончательный вариант «Ордонансов», Виппер констатировал «отсутствие точек соприкосновения» по самым важным вопросам: церковная организация, роль духовенства, отношения его с общиной, взаимоотношения церкви и государства²⁵.

²⁰ Виппер с недоверием относился к описанию биографом Кальвина Т. де Безом триумфального возвращения Кальвина в Женеву после изгнания из города в обстановке «полной капитуляции» и всеобщего «раскаяния народа». На основе переписки магистрата и Кальвина Виппер утверждал, что уже известного к тому времени в Европе реформатора пригласили на вполне определенных условиях как наиболее приемлемого кандидата на должность главы церкви. См.: *Bunper*. 1894a. С. 227-237.

²¹ *Bunper*. 1894a. С. 276-279. Примечательно, что в своей работе, посвященной западной общественной мысли XVIII-XIX вв. (первое издание в 1900 г.), Виппер, говоря о труде Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре», критически оценивает восхищение просветителя Кальвином как гражданским законодателем и видит в этом влияние «образа папства средних веков». См.: *Bunper*. 2007. С. 96-97.

²² *Bunper*. 1894a. С. 276-277.

²³ Там же. С. 310-312.

²⁴ Там же. С. 241.

²⁵ Там же. С. 287.

Попытка Кальвина реформировать женеvскую церковную систему в 1560-1561 гг. была неудачной, поскольку предложения «диктатора» не были одобрены городскими властями²⁶. Женеvская консистория, которая, по мысли Кальвина, должна была стать центром церковного контроля, превратилась в «наблюдательно-полицейский орган» магистрата²⁷. При этом «нравственная дисциплина направлялась не духовенством при поддержке светской власти..., а светскою властью при посредстве представителей церкви»²⁸. Исходя из этого, нельзя «отыскивать государство Кальвина в Женеве» не только в смысле личной диктатуры реформатора, но в смысле теократии как главенства кальвинистской церкви²⁹.

Виппер признавал, что благодаря кальвиновской реформации религиозная идея в Женевской республике была выражена ярче, чем где-либо. Он констатировал глубокое взаимопроникновение религиозной и политической жизни, особенно в последние годы деятельности Кальвина в Женеве, когда дело доходило до того, что в протоколы городского совета заносились проповеди, а пасторы восхваляли «благотворное для церкви значение республиканских учреждений»³⁰. Церковь и магистрат взаимовыгодно сотрудничали в достижении своих целей – например, в создании женеvской Академии в 1559 г. или руководстве французскими кальвинистскими общинами³¹. Тем не менее, возглавляемая Кальвином церковь до известной степени играла роль «служебного органа», и если понимать под теократией подчинение государства церкви, то к Женеве это не имело отношения. Согласно Випперу, исключительность Женевы была преувеличена, а установившийся там во времена Кальвина режим соответствовал общей для швейцарских городов модели отношений церкви и магистрата, в которой доминировала светская власть³².

По мысли Виппера, легенда о теократии в Женеве родилась от недостаточного разделения теории и «фактов действительности». Выраженный в трудах реформатора идеал явно имел теократическую окраску (церковь должна располагать поддержкой государства, которое она направляет, вдохновляет и имеет право «свободно критиковать, громить и карать»³³), поскольку власти должны быть послушными выразителями

²⁶ Там же. С. 498-499.

²⁷ Там же. С. 330.

²⁸ Там же. С. 344.

²⁹ Виппер. 1894б. № 6. С. 101.

³⁰ Виппер. 1894а. С. 480-481.

³¹ Там же. С. 483.

³² Там же. С. 612.

³³ Там же. С. 342.

воли Божьей), но на практике он так и не был реализован, встретив сопротивление магистрата и большинства населения, а женевская церковь не стала самостоятельной и независимой, поскольку магистрат мог вмешиваться в ее дела и даже распоряжаться церковной жизнью³⁴.

Историк отмечал, что Кальвин вынужден был подстраиваться под условия Женевы, идти на компромисс, «сдерживать себя», «подвигаться осторожно, выжидая»³⁵, отстаивая свой идеал только в теоретических работах. В целом, с точки зрения Виппера, реформатор был очень осторожен в изменениях и «забеганию вперед»³⁶. Всё это достаточно нетипичные характеристики Кальвина, легендарный образ которого отмечен чертами нетерпимого, жестокого, непоколебимого фанатика.

Виппер со всей тщательностью нарисовал картину политической жизни Женевы при Кальвине в ее хронологическом развитии, показывая далеко не идеальные взаимоотношения церкви и государства, уделяя большое внимание теме оппозиции Кальвину, различные течения которой противостояли реформатору с конца 1530-х до середины 1550-х гг. Тем самым историк развенчивал легенду о Женеве как «святом городе», где духовный вождь и паства живут «душа в душу», а магистрат и народ в едином порыве преклоняются перед гением реформатора.

«Черная» легенда о кальвиновской Женеве также была скорректирована Виппером. Он показал, что пресловутая строгость нравов и наказаний в Женеве была вполне сравнима с тем, что происходило в других странах того времени³⁷. Знаменитая казнь Сервета была на совести не только Кальвина, поскольку судьбу «еретика» решал женевский магистрат, который был крайне отрицательно настроен по отношению к испанскому вольнодумцу-антитринитарию, а поддержку решению властей Женевы оказали реформаторы других швейцарских городов³⁸.

Критически подходя к источникам и мнениям авторитетных историков, Виппер продемонстрировал сугубо научный, взвешенный, свободным от конфессиональных шор подход к фигуре и деятельности реформатора и событиям в Женеве времен Кальвина. Фундаментальный

³⁴ Там же. С. 299.

³⁵ Там же. С. 312.

³⁶ Там же. С. 497.

³⁷ Там же. С. 336-340.

³⁸ *Vunper*. 1894a. С. 453-454. «Инквизиторская» деятельность Кальвина (в частности, дело Сервета), судя по всему, не слишком интересовала Виппера. Это можно объяснить целями исследования, от которых историк не хотел отклоняться, а также изученностью, если не сказать «избитостью» сюжета, в том числе, в современной Випперу российской литературе. См., например: *Михайловский*. 1883; *Будрин*. 1878.

труд Виппера был отмечен современниками и потомками, неслучайно его исследование включается наряду с монографиями виднейших западных исследователей в библиографические списки авторитетных зарубежных изданий³⁹.

Будучи автором статей о Кальвине и кальвинизме в знаменитом 86-томном «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона⁴⁰, а также учебников по новой истории, которые неоднократно переиздавались с начала XX в. по 1920-е гг., Виппер участвовал в формировании представлений массового читателя (в том числе, подрастающего поколения) о женевском реформаторе, внося тем самым своеобразную лепту в дело демифологизации истории кальвинизма – процесс, который продолжается до сих пор.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Будрин Е.А.* Антитринитарии шестнадцатого века. Вып. 1: Михаил Сервет и его время. Казань: Типография имп. университета, 1878. 396 с.
- Виппер Р.Ю.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1894а. 762 с.
- Виппер Р.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. Вступительная речь перед диспутом // Русская мысль. 1894б. № 6. С. 96-103.
- Виппер Р.Ю.* Кальвинизм. Кальвин // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIV. СПб., 1895. С. 100-107.
- Виппер Р.Ю.* Кампшульте // Там же. С. 221-222.
- Виппер Р.Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков в связи с общественным движением на Западе. М.: ГПИБР, 2007. 277 с.
- Володихин Д.М.* «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М.: Университет РАО, 1997. 98 с.
- Капелюш Ф.Д.* Религия раннего капитализма. М.: Изд-во «Безбожник», 1931.
- Лихачева Е.О.* Европейские реформаторы. Гус. Лютер. Цвингли. Кальвин. СПб., 1872. 242 с.
- Лучицкий И.В.* Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Т. 1. Киев, 1871. 562 с.
- Мережковский Д.С.* Реформаторы. Лютер. Кальвин. Паскаль. Томск: Изд-во «Водолей», 1999. 448 с.
- Михайловский В.М.* Сервет и Кальвин. Исторический этюд (речь, произнесенная в торжественном собрании Московской частной женской гимназии). М.: Унив. типография (М. Катков), 1883. 42 с.
- Пожидаев Е.* Ваххабит Кальвин и кальвинист бен Ладен [Электронный ресурс]: [сайт]. [2011]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/01/28/813285.html>
- Порозовская Б.Д.* Иоганн Кальвин, его жизнь и деятельность. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1891. 104 с.

³⁹ См., например: *Léonard*. 1988. P. 363.

⁴⁰ *Виппер*. Кальвинизм... С. 100-107.

- Поршнев Б.Ф.* Кальвин и кальвинизм // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 6. 1958. С. 261-290.
- Ревуненкова Н.В.* Идея гуманизма в трактовке Жана Кальвина // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 101-154.
- Ревуненкова Н.В.* Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988.
- Ревуненкова Н.В.* Эразм и Кальвин // Эразм Роттердамский и его время. М.: Наука, 1989. С. 154-168.
- Ревуненкова Н.В.* Путь христианского совершенства в моральном учении Кальвина // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М.: Наука, 1997. С. 145-154.
- Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
- Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М.: Изд-во МГУ, 1976. 223 с.
- Цвейг С.* Совесть против насилия. Каstellio против Кальвина / Пер. с нем. Л. Миримова. М.: Мысль, 1986. 238 с.
- Dufour A.* Le mythe de Genève au temps de Calvin // *Dufour A.* Histoire politique et psychologie historique. Geneve: Droz, 1966. P. 63-95.
- Horton M.S.* Was Geneva a Theocracy? // *Christ and Culture*. Vol. 1. 1992. № 2. URL: <http://www.modernreformation.org/default.php?page=articledisplay&var1=ArtRead&var2=802&var3=main>.
- Fornerod N.* Calvin fait régner l'ordre moral á Genève // *L'histoire*. Juillet-août 2004. № 289. P. 18-21.
- Kampschulte F.W.* Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Leipzig, 1869.
- Léonard E.G.* Histoire générale du protestantisme. Vol. 1. P.: Quadrige / PUF, 1988. 401 p.
- Roget A.* Histoire du peuple de Genève depuis la Réforme jusqu'à l'Escalade. 7 vol. Genève, 1870-1883.
- Wyatt P.* Seven myths about John Calvin. The 500th anniversary of the theologian's birth is a good time to set the record straight [Электронный ресурс]: [сайт]. [2009]. URL: http://www.ucobserver.org/faith/2009/06/john_calvin
- Савина Анна Викторовна**, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Вологодского государственного педагогического университета; AVSavina@yandex.ru

К ЮБИЛЕЮ С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

А. А. КУЗНЕЦОВ

НОВЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ С.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

В статье рассматриваются новые, неизвестные ранее факты биографии историка С.И. Архангельского (1882–1952). Источниками стали документы из нижегородских архивов и библиотек. Новые сведения по биографии С.И. Архангельского объединены по блокам: семья, коллеги, профессиональное формирование, направления научной и педагогической деятельности, неизвестные исследования.

Ключевые слова: С.И. Архангельский, Московский университет, история Англии, аграрный вопрос, локальная история, революция, история международных отношений, Горький (Нижний Новгород).

С 1958 г. складывалась горьковская (нижегородская) традиция жизнеописания урожденного нижегородца, члена-корреспондента АН СССР, «отца-основателя» исторических факультетов (Горьковского государственного педагогического института (ГГПИ) и Горьковского государственного университета (ГГУ)), ученого, к наследию которого можно возвести истоки нижегородских историко-краеведческой школы и школы всеобщей истории – Сергея Ивановича Архангельского (1882–1958)¹. Данная традиция избавляет от необходимости давать общую справку об Архангельском и позволяет заострить внимание на неизвестных фактах жизненного пути ученого.

Есть и обратная сторона создания «мегатека» об Архангельском. Своеобразным итогом этого процесса стал устойчивый биографический нарратив. Учитывая исследования подобных нарративов о Т.Н. Грановском, В.О. Ключевском², такой текст можно назвать «миф об Архангельском». Миф в данном случае понимается как «социально и исторически обусловленное знание, существующее неотрефлексированно и некритически принимаемое “на веру”»³. Такое знание об Архангельском отличается от мифов о Грановском и Ключевском и по механизму формирования, и по масштабу охватываемой аудитории, и по когнитивным последствиям. Сформировавшиеся в общественном мнении и историографии стереотипы о Грановском и Ключевском активно

¹ См. неполный список работ, посвященных биографии С.И. Архангельского: Кузнецов. 2009. С. 146.

² Свешников. 2006. С. 69–81; Гришина. 2010. С. 115–124.

³ Свешников. 2006. С. 70.

отторгают сведения, противоречащие сложившимся реноме историков, и подталкивают к поиску новых подтверждений устоявшейся модели. «Миф об Архангельском» представляет собой законченный системный набор сведений, не отторгающий, но и не вбирающий новых сведений, оставаясь к ним равнодушным.

Такая ситуация обусловлена использованием конкретных источников, среди которых на первом месте стоят автобиография Архангельского, хранящаяся в его личном фонде Центрального архива Нижегородской области, и свидетельства его коллег, учеников. Под автобиографию подыскиваются (иногда подбираются) сведения других документов фонда ученого. Иные сведения просто не востребованы. Источники освоены поколением учеников Архангельского, и ими создан его биографический миф-нарратив. Однако в уже прочитанных и в обнаруживающихся новых источниках (личные дела Архангельского с массивом его анкет, автобиографий разных лет, впечатления его коллег, официальные партийные и государственные документы и др.) выявляются «свежие» сведения. Они требуют включения в биографию и ее переосмысления в контексте историографии XIX–XX вв., эпохи, семьи и Дома, друзей и коллег. Эти исследовательские процедуры оптимальны в аспекте рассмотрения проблемных «узлов» жизнеописания С.И. Архангельского.

Первый проблемный «узел» – это семья. В фонде историка крайне мало сведений о его родителях. Самыми информативными оказываются записи на оборотах фотографий родителей. Из них можно узнать, что мать умерла в 1889 г. в Семенове, что на фото подросток Архангельский запечатлен вместе с отцом 12 апреля 1896 г., о чем свидетельствует трогательная строчка «Мой папа»⁴. И нет отчеств родителей, указаний на их родню. Эта лакуна восстанавливается Автобиографией 1946 г. Отец – Иван Дмитриевич, а мать – Вера Константиновна. Там же указывается, что после смерти родителей сироту воспитывала тетка (сестра отца)⁵. Видимо, речь идет о Митропольской (в замужестве). Ее семья проживала в доме по улице Ошарской (не сохранился). Он был родовым гнездом Архангельских. Двоюродный брат историка Алексей Андреевич Архангельский в письме вспоминал, что у Сергея в этом доме была своя комната. После свадьбы С.И. Архангельский и молодая жена поселились в этом доме. В конце 1917 г. туда вернулся еще один двоюродный брат Николай Васильевич Митропольский.

⁴ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об. Д. 3.

⁵ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 6. Л.1.

Дом оказался в недолгом владении С.И. Архангельского. В годы Гражданской войны была угроза реквизиции дома. Вот что писал сын Сергея Ивановича – Константин – матери в Тамбов в 1918–19 г.: «Комнаты у нас все еще не заняты, п.ч. папа не соглашается отапливать их своими дровами, поэтому возможен для нас очень дурной исход: реквизиция всей квартиры и выселение на новое место жительства, что здесь практикуется. Лидию Эрастовну [личность не установлена] уже «вытряхнули»⁶. Уже после этого в 1920-е гг. у С.И. Архангельского отобрали часть комнат – уплотнили. Он даже судился из-за квартирного вопроса. Разбирательство было вызвано тем, что владелец дома сдавал комнату приезжавшему из другого города для преподавания в пединституте коллеге (имя не установлено). В судебном постановлении от 4 апреля 1930 г. прописано, что из 58 кв.м Архангельского изъято 12 кв.м⁷. Но фактически дом остался во владении Сергея Ивановича. И посетители этого дома вспоминали роскошный цветник, бывший страстью Сергея Ивановича. Разведение цветов было его душевной потребностью: если он уезжал в командировки или отпуск, то всегда поручал кому-то из близких следить за палисадником.

В опытах биографии С.И. Архангельского не учитывался важный источник – автобиографический роман Н.И. Кочина «Нижегородский откос». Будущий писатель учился в Нижегородском педагогическом институте в первой половине 1920-х гг. и свои впечатления о преподавателях перенес в книгу. Архангельский выведен в романе под именем профессора Астраханского (на тот момент Архангельский не был профессором)⁸. Вот как описывает дом Архангельского 1920-х гг. писатель: «Профессор заметил рвение Пахарева и пригласил его к себе. Деревянный домик на окраине города [дом Архангельского в 1920-е гг., находился на вогнутой границе города] был весь завален книгами и заставлен цветами. – Есть только одна наука наук – история, – сказал профессор, поливая амариллис, – история мироздания, а значит, и природы, и человечества, и его дел: общества, науки, искусства...»⁹. А вот цитата из письма С.Н. Чернова¹⁰ от 4.07.1939: «Буду всегда вспоминать Вас в ГПИ среди прекрасных молодых лиц, а на Ошаре – среди книг и

⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.

⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 21.

⁸ На это ценное обстоятельство указал д.и.н., зав. кафедрой истории России Нижегородского педагогического университета Владимир Петрович Сапон.

⁹ Кочин. 1982. С. 38.

¹⁰ О работе С.Н. Чернова в Горьковском педагогическом институте в 1937–1939 гг. и обстоятельствах его ухода см.: Григорьева, Кузнецов. 2011. С. 205–223.

прелестных цветов»¹¹. Своеобразно «отчитывался» (сообщал как понимающему коллеге Архангельскому) о состоянии флористических дел Е.А. Косминский: «У меня мало многолетних цветов. Они прикрыты на зиму листьями. Этой осенью посадил около 100 декорат. кустов, неск. плодовых деревьев, 500 корней клубники» (из письма от 15.10.1949); «С цветами у меня в этом году не очень ладно, как и у Сергея Даниловича [Сказкина] и у большинства наших новоявленных садоводов. Холода задерживают развитие растений. Плохо цвела сирень, на жасмине только теперь появились бутоны в очень небольшом количестве. Высадил в этом году довольно много георгин и гладиолусов» (из письма от 12.06.1950); «Цветоводство мое замерло из-за холодной погоды» (из письма от 12.05.1951)¹². Ученики Архангельского писали: «Ученый любил природу, выращивал в крохотном садике возле дома цветы. «Если бы я не был историком, – говорил он, – я бы стал биологом»¹³.

С.И. Архангельский заботился о состоянии дома, по сути «вел» его. В годы войны заготовка дров была задачей, равной продовольственной (21.11.1943 он писал сыну о перебоях с дровами¹⁴). Да и в первые послевоенные годы ситуация была не лучше. Двоюродный брат Алексей Андреевич Архангельский возмущался: «Неужели украли ворота и забор? Ведь они были такие солидные» (письмо 14.04.1947); «Вспомнил тебя, не могли академику и профессору сделать ремонта. Мерзавцы и хамье, везде магарыч, взятки» (письмо 24.11.1948)¹⁵.

Клан Архангельских, судя по семинарским фамилиям, был связан с духовенством. Три двоюродных брата пополнили ряды студенчества на рубеже XIX–XX вв. Митропольский пошел по делопроизводственной линии. В Первую мировую войну работал делопроизводителем в Финляндии в Комитете по оказанию помощи русским военнопленным¹⁶, но в конце 1917 г. вернулся в Нижний Новгород. В 1918 г. он умер от туберкулеза. Алексей Андреевич Архангельский, учившийся в нижегородской гимназии на несколько лет младше Я.М. Свердлова, получил специальность правоведа в Московском университете. Его судьба не сложилась. Став юристом, Алексей Андреевич уехал на Северный Кавказ, где работал в Госбанке, входил в состав ревизионной комиссии созданного при его участии потребительского общества. В период 1916–1922 гг. эписто-

¹¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 8 об.

¹² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. Л. 21, 30, 32.

¹³ Седов, Телегина. 1988. С. 36.

¹⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 86. Л. 569.

¹⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 84. Л. 401 об.; 521 об.

¹⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 223. Л. 2–3.

лярное общение двоюродных братьев было прервано из-за Гражданской войны. А.А. Архангельский оказался на территории, контролируемой белыми, и, видимо, не возражал против их режима. Сергей Иванович писал ему в январе 1918 г.: «Господствуют большевики..., забравшие в свои руки банки, закрывшие все буржуазные газеты. Нет у нас ни «Волгаря», ни «Нижегородского листка», живем в темноте и питаемся слухами»¹⁷. Очевидно, что в первой и искренней реакции на Советскую власть братья были единомышленниками.

После 1922 г. А.А. Архангельский работал финансистом¹⁸. В 1920–30-х гг. он, так или иначе, преследовался Советской властью. В 1933 г. последовала драматичная высылка в Барнаул¹⁹. В 1934 г. А.А. Архангельский вернулся в Пятигорск, чуть позже туда приехали жена с сыном. В 1940 г. случилась беда, о которой написала его жена Лидия Леонидовна: «Сообщаю Вам печальную новость... 10 октября Алексея Андреевича арестовали. По своему обыкновению, вошедшему у него в привычку за последнее время, после службы он зашел в винницу, где изрядно выпил, развязал язык, стал «критиковать», в результате чего и был арестован... Алексей Андреевич просил меня пригласить защитника. Не знаю хватит-ли у меня денег»²⁰.

С.И. Архангельский и Лидия Леонидовна искали денег, нанимали московских адвокатов, но ничего не помогло: «Приговор вынесли очень жестокий: лишение свободы на 10 л.»²¹. А.А. Архангельскому довелось пройти этапы лагерного кошмара: Георгиевская пересыльная тюрьма – Боровичи Ленинградской области – лагеря Коми. До конца 1943 г. А.А. Архангельский болел, страдал от притеснений уголовников, голода. За это время его сын Святослав женился, летом 1942 г. был призван в РККА, воевал под Ростовом, и пропал без вести²². 26 декабря 1943 г. А.А. Архангельский написал двоюродному брату в Горький, что досрочно освобожден по состоянию здоровья и остановился в Рыбинске. К нему приехала жена. Потом они перебрались на Кавказ.

Часть родственников С.И. Архангельского проживала в Семенове (районный центр Нижегородской области). В письме невесте С.И. Архангельский писал в 1903 г.: «Я люблю природу Семенова, его окрестности...; люблю его сосновые и еловые леса, люблю то поле – знаете,

¹⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 84. Л. 9об.–10.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 84. Л. 12–15, 19, 22–27, 30, 35, 43 об.

¹⁹ См. подробнее: Кузнецов. 2011. С. 285–292.

²⁰ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 83. Л. 7.

²¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 83. Л. 15–15 об., 19.

²² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 83. Л. 22 – 24 об., 26–27, 29 об.; Д. 84. Л. 256–258.

которое тянется от Семенова по направлению к деревушке Васильеву»²³. В голодные годы революции и Гражданской войны Архангельский ездил в Семенов за провизией. Одно из его краеведческих исследований посвящено истории Семенова²⁴.

Имеющиеся на сегодняшний день варианты биографии С.И. Архангельского оставляют открытым *вопрос о его браках и числе детей*. Изучение личных дел С.И. Архангельского и писем в его фонде позволяют решить эту проблему. Первый раз Архангельский женился после 1903 г.: это было в 1904 г. Жена – Александра Владимировна Давыдова – имела тамбовские корни. В 1909 г. у Архангельских родился Константин, около 1910 г. – дочь Наталья. В 1917 г. Александра Владимировна уехала с дочерью в Тамбов к больным родителям. Сергей Иванович, оставшись с сыном в Нижнем Новгороде, вел хозяйство и ездил в Тамбов. В личном деле среди документов 1921 г. хранится его заявление на имя ректора Нижегородского университета: «В виду того, что проживавшая в Тамбове моя жена Александра Владимировна скончалась, и мне нужно перевезти оттуда мою дочь Наталью 11 лет, я обращаюсь к Вам с просьбой дать мне командировку в г. Тамбов сроком на 3 недели»²⁵. Впоследствии Константин в письмах из Петрограда передавал приветы сестре – до февраля 1924 г. После этого любые упоминания Натальи Сергеевны Архангельской в документах исчезают. Ее судьба неизвестна.

Константин окончил в Ленинграде электротехнический институт, женился, защитил кандидатскую диссертацию, а в июле 1941 г. – докторскую. С началом войны его семья – жена и сын Лев жили у Сергея Ивановича в Горьком. Позже они перебрались ближе к Константину, эвакуированному в Киргизию. 25 ноября 1943 г. в командировке Константин скончался от аппендицита. В фонде С.И. Архангельского отложились его письма к сыну конца 1943 г., полные тревоги по поводу его молчания²⁶. Сергей Иванович еще не знал о смерти сына. Вдова Константина с сыном после войны вернулись в Ленинград. Лев Константинович Архангельский стал доктором химических наук.

После смерти первой жены – Александры Владимировны – в судьбе Сергея Ивановича появилась Анна Богумиловна. Немка, родившаяся в Плоцке Царства Польского, преподавательница немецкого языка в гимназии, оказалась в Нижнем Новгороде в ходе эвакуации во время Первой мировой войны. Под стать мужу она была полиглотом – знала

²³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 61. Л. 1 об.

²⁴ *Архангельский*. 1929.

²⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 2 а.

²⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 86. Л. 565–570.

еще французский, английский, украинский и польский языки²⁷. Она осталась в России и в Нижнем Новгороде, а ее сестры и брат в 1919 г. уехали в Германию, причем сестра оставила ей сына Георга (Юрия) на воспитание. Так у Сергея Ивановича появился пасынок. Анна Богумиловна была заботливой супругой, помощницей в переводе английских текстов. В середине 1930-х гг. резко и непонятно для врачей ухудшилось ее здоровье, и в конце 1936 г. она скорострительно скончалась. В феврале 1937 г. врач, проводивший вскрытие, написал вдовцу, что у покойной был рак. На руках у Архангельского остался Юрий. После школы он поступил на исторический факультет МГУ, на один курс с С.О. Шмидтом. Летом 2010 г. на конференции, посвященной 150-летию академика С.Ф. Платонова, С.О. Шмидт спросил автора этих строк о судьбе Юрия Архангельского, в 1939 г. призванного в армию. Информация, извлеченная из писем Юрия²⁸, такова. В 1940 г. он вернулся в университет. В мае 1941 г. возник какой-то спор в комсомольской организации, и Юрий положил комсомольский билет на стол. Следующее по дате (28.06.1941) письмо Юрия написано на клочке серой бумаги из пересыльного пункта Новосибирска. Пасынок Архангельского был осужден на 10 лет и отсидел весь срок. Попытки добиться помилования разбивались о пресловутую «немецкую национальность», как писал Юрий-Георг.

В 1939 г. женой С.И. Архангельского стала Анна Михайловна. Ей было суждено готовить и сдавать в архивы его бумаги. С Анной Михайловной в дом Архангельского пришла ее дочь Маргарита. С.Н. Чернов называл ее «богоданной дочкой» С.И. Архангельского.

Судьбы родственников показывают, что жизнь Архангельского была наполнена потерями, совпавшими с революцией и Гражданской войной, с репрессиями 1930-х гг., с Великой Отечественной войной. Поэтому нельзя представлять научную и преподавательскую деятельность Архангельского как работу в башне из слоновой кости. Перипетии Советской истории вторгались в нее. Возможно, научная и учебная работа Архангельского, результативностью которой восхищались его коллеги в Москве и Ленинграде²⁹, позволяла ему компенсировать утраты. Надо упомянуть и репрессии в отношении коллег Архангельского по ГГПИ в 1930-е гг.³⁰, политико-идеологические нападки на ученого в те же годы.

²⁷ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 8. Л. 22 об.–25.

²⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 85.

²⁹ Из письма И.И. Любименко 22.10.1950: «Конечно, Вы слишком утомляетесь с двумя кафедрами, тем более, что ухитряетесь еще не мало работать». ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 90 об.

³⁰ Кауркин, Кузнецов, Сапон и др. 2011. С. 64–69, 76–78, 86.

Чего стоит и разнuzданная травля Архангельского в 1949 г. в связи с изысканием в его трудах «безродного космополитизма»³¹!

Резкие общественно-политические переломы обусловили и крайне расплывчатые знания о том, с кем учился С.И. Архангельский в гимназии и в университете. Это тоже надо считать *отдельным блоком проблем* его биографии. Двумя годами позже Архангельского нижегородскую гимназию закончил Вячеслав Федорович Ржига³², в будущем известный советский филолог, за ним – один из «отцов отечественной археологии» Борис Сергеевич Жуков³³. Все три имени золотом нанесены на медальоны нижегородской гимназии, в здании которой сейчас находится областная библиотека. С Б.С. Жуковым до его ареста Архангельский переписывался, как с коллегой по организации вузовского образования и краеведческого движения в Нижнем Новгороде³⁴. Из писем Жукова³⁵, соотнесенных с другими сведениями, следует, что Архангельский олицетворял в Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК) новую генерацию исследователей (А.К. Кабанов³⁶, А.Н. Свободов, Н.А. Саввин³⁷, М.Н. Кутузов³⁸), ориентирующуюся на Московский университет, в противовес старшему поколению (А.Я. Садовский, С.М. Парийский, А.П. Мельников), чьим ориентиром был академик С.Ф. Платонов³⁹. После 1917 г. старшее поколение создаст Нижегородскую археолого-этнологическую комиссию, а младшее, получившее профильное историко-филологическое образование, сконцентрируется в Нижегородском научном обществе по изучению местного края⁴⁰.

В Московском университете Архангельский оказался однокурсником С.В. Бахрушина. Удалось выяснить, что после тюремного заключения в 1902 г. и восстановления в университете Архангельский учился вместе с Ильей Николаевичем Бороздиным, впоследствии профессором,

³¹ Кузнецов. 2011а.

³² О В.Ф. Ржиге см.: Гудзий. 1961; Творогов. 1995. Его отец Ф.Н. Ржига, выпускник историко-филологического факультета Пражского университета, сотрудник Нижегородской губернской ученой комиссии; специализировавшийся на переводах источников, преподавал древние языки Архангельскому в гимназии: Кузнецов. 2009. С. 147–148.

³³ Формозов. 2008.

³⁴ Кузнецов, Уткина. 2011.

³⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 168.

³⁶ См.: Кузнецов, Мельников. 2006; Кузнецов. 2010.

³⁷ О Н.А. Саввине и А.Н. Свободове см.: Кузнецов. 2011б.

³⁸ О М.Н. Кутузове см.: Нижегородский государственный педагогический университет. 2011. С. 120–121.

³⁹ Митрофанов. 2011. С. 103–167.

⁴⁰ Кузнецов. 2011в. С. 474–475.

отбывшим большой срок в лагерях. В письмах И.Н. Бороздина читаем, что перевод книги Пиренна Архангельский пытался издать еще в 1925 г., что оба они осознавали себя принадлежащими к корпорации учеников П.Г. Виноградова, а свою научную генеалогию возводили к П.Н. Кудрявцеву, С.В. Ешевскому и П.Г. Виноградову⁴¹.

Можно значительно расширить круг коллег и друзей, с которыми Архангельский общался после 1907 г. Из нижегородцев – А.К. Кабанов, А.Н. Свободов, В.Т. Илларионов, Н.П. Соколов⁴² и др. (изучение биографии Архангельского дало новые сведения и по их биографиям). Работая в пединституте, Архангельский привлекал к учебному процессу таких крупных ученых как А.К. Бергер, В.М. Лавровский, В.Н. Бочкарев, С.Н. Чернов, А.С. Самойло и др. Его стараниями 10 лет проработал в Горьковском государственном университете С.В. Фрязинов⁴³. Тесно и плодотворно общался Архангельский с Н.И. Кареевым, И.М. Гревсом, Р.Ю. Виппером, Д.М. Петрушевским, Н.П. Грацианским, И.И. Любименко, С.Д. Сказкиным, Е.А. Косминским, А.Е. Кудрявцевым, Г.Р. Левиным, А.Д. Люблинской, М.А. Баргом и др. Письма этих историков, хранящиеся в фонде Архангельского в ЦАНО, содержат ценную информацию о нем, его корреспондентах и времени, в котором они жили, развитии исторической науки в России и в Нижнем Новгороде. Изучение данной информации в контексте других источников позволило решить ряд смежных с биографией Архангельского проблем.

Открытым является *вопрос об учителях и наставниках Архангельского* в университете. За время обучения Архангельский, судя по его Автобиографии, прослушал лекции великого В.О. Ключевского, испытал влияние «всеобщников» П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, А.Н. Савина⁴⁴. Их перечень, приведенный в Автобиографии второй половины 1940-х гг., являет собой дань времени, когда нельзя было употреблять те или иные фамилии. А вот в «куррикулум вите» 1921 г. Архангельский писал: «поступил на историко-филологический факультет Московского университета; при переходе на 3^{ий} курс избрал историческое отделение, где работал по всеобщей истории под руководством Виппера и Герье, по русской истории под руководством Любавского, Богословского⁴⁵ и

⁴¹ В письме Бороздина: «Задумал писать научную биографию (вернее опыт биографии) нашего общего учителя П.Г. Виноградова». ЦАНО. Ф. 6299. Оп.1. Д. 113. Л. 5.

⁴² См.: Григорьева, Кузнецов. 2011. С. 205–223.

⁴³ Воробьева, Кузнецов. 2011.

⁴⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴⁵ О М.М. Богословском – наставнике С.И. Архангельского см.: Кузнецов А.А., Мельников А.В. 2006б. С. 169–194.

Кизеветтера»; в 1923 г.: «На мои научные интересы и занятия оказал большое влияние Р.Ю. Виппер, которому я писал кандидатское сочинение и у которого брал вопросы для магистрантского экзамена» (сразу вспоминается письмо Виппера Архангельскому в 1942 г.: «Наше знакомство с Вами (неправда ли в Москве 1903–1904 гг.?) представляется мне теперь в виде чего-то молниеносно мелькнувшего и исчезнувшего. Не писали ли Вы реферата о *capitulare de villis*? Подвижной, остро-наблюдательный студент. Как жалел я потом, что Вы не остались в Москве. С каким удовольствием узнал я 25 лет спустя о Ваших блестящих работах по аграрной истории Англии, где Вы открыли новые пути исследования. Честь и слава Вам, что Вы сумели развить такую богатую содержанием научную деятельность вдали от университетских и библиотечных центров»⁴⁶). Видимо, Виппер забыл, что Архангельский «Писал дипломную работу Р.Ю. Випперу на тему «Социальная история Флоренции и политическое учение Макиавелли» – для этой работы учил ит. язык у лектора Брауна»⁴⁷. В 1928 г. Архангельский писал в автобиографии: «Готовился к магистерским экзаменам, консультируясь с Виппером Р.Юр. и Петрушевским Д.М., но их не держал»⁴⁸. В автобиографиях второй половины 1940-х гг. в числе наставников появятся фамилии Савина и Виноградова. Указал Архангельский и то, как он учил языки: «Поступив в университет с приличным знанием французского языка, я стал изучать под руководством Брауна итальянский язык... Немецкий язык я изучал самостоятельно»⁴⁹.

Возвращение Архангельского в 1907 г. в Нижний Новгород после окончания Московского университета ознаменовалось преподаванием в гимназии, исследованиями в НГУАК. Журналы «манкирования занятий»⁵⁰ в Мариинской женской гимназии показали, что Сергей Иванович Архангельский, преподававший там историю, русский язык и литературу был самым дисциплинированным преподавателем.

Восстанавливаются также послужной список и научное творчество Архангельского в годы Первой мировой и Гражданской войн, «военного коммунизма». «В 1916 году был избран преподавателем истории в Нижегородский Народный Университет, где был председателем гуманитарного отделения; на академическом отделении этого университета вел семинарий по русской истории «Законодательные акты о крестьянах 18 и

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.

⁴⁷ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 6. Л. 1.

⁴⁸ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5, 13, 36 об.

⁴⁹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 174.

⁵⁰ ЦАНО. Ф. 534. Оп. 471. Д. 715, 754.

п. половины 19 века»⁵¹. Возможно оказалось заполнить биографическую лауну 1917 г. в связи с деятельностью Архангельского в партии кадетов, с просветительской деятельностью. Им были написаны статьи для газет о переписях, ревизиях в Петровскую эпоху, о революционной Франции, по русской истории: «Учредительные собрания во Франции 18 и 19 веков»; «Выборы в учредительное собрание во Франции в 1848 году»; «Нижегородский депутат 18 века в екатерининской комиссии», Конспект лекций по истории земского и городского самоуправления в России»⁵². К сожалению, комплекты газет «Нижегородский листок», «Нижегородская земская газета», «Кооперативный календарь» за 1917 г. полностью не сохранились, и статьи Архангельского, печатавшиеся в них, пока читаются фрагментарно. Он в «1918 году был избран преподавателем истории в Нижегородский Педагогический Институт, а в 1919 г. в Нижегородский Институт народного образования, где читал лекции и вел практические занятия по русской и всеобщей истории. Неоднократно вел занятия по отдельным вопросам русской истории и по методике истории на учительских курсах»⁵³; «в 1920 году – преподавателем всеобщей истории на историко-филологический факультет (ныне закрытый) Нижегородского Государственного Университета и тогда же – в нижегородское отделение Московского Арх. Института. С закрытием городского народного университета я был приглашен преподавать историю на рабочий факультет Нижегородского Университета. Наконец в январе 1922 года был избран преподавателем истории в Нижегородскую литературную студию. Неоднократно выступал с публичными лекциями от Нижегородского общества распространения народного образования; на педагогических курсах организуемых прежде земствами, теперь отноробами [отделами народного образования – А. К.] вел занятия по истории и ее методике»⁵⁴. В 1920-е гг. Архангельский в Нижегородском педагогическом институте читал курсы «История Западной Европы эпохи феодализма и торгового капитала», «История античной культуры»; на рабфаке Нижегородского университета – «История классово́й борьбы».

В начале 1920-х гг. Архангельский резко повысил количество издаваемых научных работ по отечественной и всеобщей истории. Это время взрывоподобного скачка в жизни начинающего ученого, которому уже за 40, знаменовало вступление его в академическую науку. Он

⁵¹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5.

⁵² ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5 об., 5а. Большинство из них обнаружить пока не удалось.

⁵³ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 5.

⁵⁴ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 13.

руководит движением по изучению Нижегородчины, преподаает, организует учебный процесс, удачно сочетает качественные труды по истории России, историографии и истории Запада (античность, средневековье и Английская революция). Большое подспорье – советы Н.И. Кареев-Кареева, Е.А. Косминского, Д.М. Петрушевского, И.М. Гревса.

Неразрывность отечественной и всеобщей истории красной нитью пройдет через творчество Архангельского. Даже 1930-е гг., когда, казалось, ничем, кроме Английской революции, Архангельский не занимался, он переписывался с издательствами и журналами о публикации работ по истории России. В конце 1920-х гг. он подготовил «Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области в XVII–XIX вв.». В 1930-е гг. предпринял ряд неудачных попыток их издать. Рукопись без воли автора даже вывезли в Москву:

«Сергей Иванович,

Прошу извинения за нанесенное Вам беспокойство!

Совершенно случайно мы увезли рукопись, оберегаемую Горьковским Партиздатом от взоров читателей с 1929 г.

Рукопись Ваша чрезвычайно ценная и интересная, для нас особенно в той части, которой мы занимаемся. Насыщенность ее конкретными, до сих пор неизвестными в литературе, фактами вызывает чувство недовольства и возмущения за консервирование этой столь ценной рукописи.

Сергей Иванович, Вы, может быть, разрешите воспользоваться ее материалом, имеющим отношение к Сормову, на соответствующих условиях?

С получением Вашего ответа, рукопись возвращаем немедленно по указанному Вами адресу. С чувством глубочайшего огорчения по случаю Вашего беспокойства. 19 З/IV–34 г. Анна Лаврова»⁵⁵.

Книга была издана в 1951 г., вызвав оживленный интерес, прежде всего, историков-всеобщников. В 1930-е гг. Архангельский стал готовить материалы по истории Нижегородского края XVII–XIX вв. Эта работа получила дополнительный импульс во второй половине 1940-х гг., после празднования в 1946 г. 725-летия основания Нижнего Новгорода. В силу разных обстоятельств эта деятельность вылилась лишь в подготовленный С.И. Архангельским и Н.И. Приваловой сборник документов «Нижний Новгород в XVII в.» (Горький, 1961), остающийся и по сей день непревзойденным в Нижнем Новгороде образцом археографии⁵⁶.

Архангельскому было тесно как ученому в Нижнем Новгороде. Перевод книги Пиренна с середины 1920-х гг. Архангельский хотел опубликовать в Москве или Ленинграде, и ему в этом помогали Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, Е.А. Косминский, В.М. Лавровский,

⁵⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 200. Л. 1.

⁵⁶ Кузнецов, Мельников. 2006 б.

И.Н. Бороздин, В.Н. Бочкарев. И.М. Гревс пытался издать «Закон Диоклетиана о таксах» в трудах Академии Наук, но не сумел преодолеть сопротивление Ф.И. Успенского, предлагавшего опубликовать лишь исследование. Только после ряда неудачных попыток и «Закон Диоклетиана», и перевод книги Пиренна вышли в Горьком⁵⁷. Наверное, Архангельский хотел широкой огласки для этих трудов и считал, что ее они получат, будучи изданы в академических центрах. И Кареев, и Косминский, одоббив выбор темы – аграрное законодательство Английской революции – без обиняков сказали, что для ее изучения надо ехать в Оксфорд, к П.Г. Виноградову. Выяснилось, что многие книги из московских библиотек нижегородцу привозил В.М. Лавровский под свою ответственность. В конце 1930-х гг. Архангельский всерьез задумывался о переезде в Ленинград, чтобы работать в институте им. М.Н. Покровского. Справки об этом вузе для Архангельского наводил С.Н. Чернов, а И.И. Любименко в 1941 г. радовалась, что эта затея не удалась⁵⁸. Юрий Архангельский писал: «Кстати, сегодня, когда сдавал последний экзамен по археологии у Арциховского, был удивлен, когда он спросил, не буду ли я Твоим сыном. Он... был удивлен, что “такой крупный ученый живет в провинции”»⁵⁹. После войны Архангельский подумывал о переезде и в Ленинград, и в Москву. Тогда же близкие ученому люди, коллеги писали, что теперь его будут выпускать за границу – в Англию – для работы с архивами. Эти надежды не оправдались. Однако из документов в ЦАНО, выяснилось, что Архангельскому удалось побывать за границей – в начале XX в. Два месяца в 1904 г. он был в Греции, в Афинах, Коринфе, Дельфах, Олимпии и в Турции, в Константинополе и Смирне с научной целью (изучение археологии и искусства Древней Греции). Эта информация имеется в биографической справке, приложенной к Описи дел личного фонда Архангельского в Архиве РАН.

С.И. Архангельского отличала высокая работоспособность: масса научных работ, преподавание и руководство факультетами, кафедрами. К этому можно добавить щепетильность и аккуратность Архангельского в ведении переписки. Отметить надо и высокую гражданственность ученого. В начале второй декады июня 1941 г. Архангельский чуть ли не первым из нижегородцев пожертвовал большую сумму денег и облигации для Красной Армии⁶⁰, в выступлении на городском собрании в Доме Партийного просвещения в начале ноября 1942 г. он отметил ру-

⁵⁷ Архангельский. 1928.

⁵⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 34 об.; Д. 325. Л. 24.

⁵⁹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 85. Л. 50.

⁶⁰ Зеленцов, Селезнев, Русов, Саблин. 1961. С. 71.

ководящую роль ВКП(б) в борьбе с Германией. 9 мая 1945 г. «Старейший работник института, профессор, доктор исторических наук С.И. Архангельский, радостно пожимая руки своим коллегам, говорил: “Вот это победа так победа. Это великая историческая победа! Поздравляю!”»⁶¹. Архангельский не раз заявлял и подтверждал (это отмечалось и в партийных документах), что руководствуется в преподавании и в науке марксистской методологией, но в то же время отказывался вести атеистическую пропаганду⁶². В письме невестке в начале 1944 г. он спрашивал, отпели ли сына Константина.

Архангельский был удостоен медали за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. Архангельский выдвигался кандидатом для избрания в члены-корреспонденты АН СССР, но выбран был только в 1946 г. Во время работы Архангельского в ГГУ в 1950-е гг. были поданы документы для награждения ученого Орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. И была еще одна награда, о которой ученый не упоминал – это орден Станислава III степени, полученный в 1916 г. (о нем сообщили нижегородские газеты той поры).

Смерть С.И. Архангельского за рабочим столом в сентябре 1958 г. не дала осуществиться многим замыслам, значительная часть которых уже была в рукописях. Из ненапечатанного акцент надо сделать на истории внешней политики Британии эпохи протектората Кромвеля. Незамеченный биографами Архангельского переход к этой теме произошел после защиты докторской диссертации. Историк отметил: «С 1940 г. начал изучать Английскую революцию по двум линиям – крестьянские движения в Англии и внешняя политика Англии в годы революции»⁶³. Харьковский историк В.М. Пакуль 22.09.1940 писал: «От души желаю достигнуть подобных же результатов и по той новой теме, которую Вы себе наметили (внешняя политика Англии в 40–50 гг. XVII в.), хотя над этой темой и в частности над донесениями венец. послов уже работали другие исследователи (Ранке, может быть не помню – Гардинер). Конечно, в изучении внешней политики много интересного открывается, до такой степени интересного, что не хочется жить или с горечью думать, что же такое человек, есть ли предел его подлости... Мне известно, что англичане производили выборку в иностранных архивах материалов по англ. истории, вероятно, то издание донесений венец. послов, которым Вы

⁶¹ Там же. С. 109.

⁶² Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 932. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

⁶³ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 6. Л. 2.

пользуетесь, относится к собранию подобных материалов»⁶⁴. В 2011 г. в бумагах Исторического факультета ГГПИ были обнаружены машинопись неизвестной ныне статьи С.И. Архангельского (1952 г.) и отзыв о ней Н.П. Соколова. Статья посвящена донесениям венецианских послов из революционной Англии. Британский коллега Кристофер Хилл писал Архангельскому в 1944 г.: «Я нетерпеливо жду Вашу книгу о внешней политике Англии во время революции»⁶⁵. Полностью результаты этой работы ученого не были обнародованы, кроме фрагментов, рассыпанных в статьях и главах сборников и коллективных монографий. Насущной задачей биографов С.И. Архангельского является обработка массивов его текстов о внешней политике Англии и публикации законченных из них. То же относится и к исследованиям историком других проблем.

Комплекс приведенных здесь новых данных об С.И. Архангельском извлечен из документов нижегородских архивов. Более массивная подборка документов хранится в архиве РАН, она нуждается в исследовании и включении в общий историографический контекст.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский С.И.* Крестьянское движение в Семеновском уезде в 1825 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 6. С. 75–85.
- Архангельский С.И.* Указ Диоклетиана о таксах // Известия Нижегородского государственного университета. 1928. № 2. Нижний Новгород. С. 365–401.
- Воробьева И.Г., Кузнецов А.А.* Историк Запада в российском провинциальном вузе // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 377–402.
- Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.* Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930–1950-х гг.) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск, 2011. С. 205–223.
- Гришина Н.В.* Миф о В.О. Ключевском в исторической науке конца XIX–XX в. // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. Чебоксары, 2010. С. 115–124.
- Гудзий Н.К., В.Ф. Ржига (некролог)* // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVII. Л., 1961. С. 685–692.
- Зеленцов В.Д., Селезнев Г.К., Русов Ю.В., Саблин А.Д.* Горьковский педагогический институт за 50 лет. Краткий исторический очерк. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1961. С. 71.
- Кауркин Р.В., Кузнецов А.А., Сапон В.П. и др.* Век на педагогической ниве. К 100-летию юбилею НГПУ. Нижний Новгород: НГПУ, 2011. 168 с.
- Кочин Н.И.* Нижегородский откос. М.: Советская Россия, 1982. 304 с.
- Кузнецов А.А.* Еще раз о биографии нижегородского архивиста А.К. Кабанова // Материалы V нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции

⁶⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп.1. Д. 249. Л. 30–30 об.

⁶⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 315. Л. 23.

- «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород: ЦАНО, 2010. С. 172–179.
- Кузнецов А.А. Сергей Иванович Архангельский (1882–1958): веки научного пути // *Пирени А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Нижний Новгород: НГПУ, 2009. С. 146–168.*
- Кузнецов А.А. За малейшее проявление протеста следовала ругань..., ответ, что нужно смотреть на нас как на арестованных, лишенцев" (документ о высылке из Пятигорска в 1933 г.) // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь, 2011. С. 285–292.*
- Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // *Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Н.Новгород, 2011а. С. 82–102.*
- Кузнецов А.А. Неизвестные страницы изучения истории ополчения 1611–1612 гг. в Нижнем Новгороде (Горьком) // *Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н.Новгород: Кварц, 2011б. С. 231–247.*
- Кузнецов А.А. Письма С.И. Архангельского С.Ф. Платонову (1923–1925) как историографический источник // *Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011в. С. 470–476.*
- Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // *Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2006. С. 160–164.*
- Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // *Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород: Изд-во Комитета по делам архивов Нижегородской области, 2006б. С. 169–194.*
- Кузнецов А.А., Уткина Н.А. Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому и С.И. Архангельскому как источник по истории краеведческого движения в Нижнем Новгороде в 1920 – первой половине 1930-х гг. // *Материалы VI Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Человек и документ». Нижний Новгород: ЦАНО, 2011. С. 154–163.*
- Нижегородский государственный педагогический университет: этапы большого пути. 1911–2011. Нижний Новгород: НГПУ, 2011. 168 с.
- Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. Челябинск: ЮУрГУ, 2011. 322 с.
- Свешников А.В. Миф о Грановском. Попытка дискурсного анализа // *Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории (1813–1855). М., 2006. С. 69–81.*
- Седов А.В., Телегина Э.П. Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) // *Выдающиеся ученые. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С. 23–38.*
- Творогов О.В. Ржига Вячеслав Федорович // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 212–214.*
- Формозов А.А. О Борисе Сергеевиче Жукове (материалы к биографии) // *Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 75–88.*

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru

Н. В. ГРИШИНА

**СОТВОРЕНИЕ ИСТОРИКА: ПЕРИПЕТИИ ПУТИ
В НАУКУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассматривается начальный этап профессиональной карьеры историков С.В. Бахрушина, С.И. Архангельского, Н.М. Дружинина. Рассматриваются характерные черты жизни российских университетов на рубеже XIX–XX вв. На основе статистических данных характеризуется система преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета.

Ключевые слова: *Московский университет, «университетский вопрос», модернизация, система преподавания, С.И. Архангельский, С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин.*

В 2012 г. отмечается 130-летний юбилей со дня рождения известного историка – специалиста по всеобщей истории и краеведческой проблематике – Сергея Ивановича Архангельского (1882–1958). Его путь в науке, пришедшийся на первую половину XX столетия – один из самых сложных периодов в жизни российского общества, оказался богат на крутые повороты, смелые проекты, драматические события¹.

О начальной стадии его формирования как ученого-историка известно немного. Поступив в 1900 г. на историко-филологический факультет Московского университета, уже через два года он был исключен из *alma mater* за участие в студенческих волнениях. Свое обучение Архангельский завершил в 1906 г., после чего вернулся в Нижний Новгород, где преподавал и занимался наукой всю оставшуюся жизнь.

Данная статья нацелена на создание контекста профессионального становления историка-юбиляра, происходившего в стенах Московского университета в начале XX века.

***Российские университеты начала XX века:
кризис университетской идеи***

К концу XIX в. университеты продолжали соответствовать тому образцу научно-образовательных учреждений, который навязывало им государство, и выполняли функцию воспроизводства социальной элиты. Университетское образование гарантировало выпускникам возможность построения успешной карьеры на государственной службе или в городском хозяйстве. При этом модернизационные процессы, переживаемые

¹ Кузнецов. 2009. С. 146–168.

российским обществом, способствовали значительным изменениям университетской культуры. Уже в начале XX в. «общий тезис об этатизации российского общества» был скорректирован ввиду «глубоких изменений, которые претерпел мир университетов в силу его диверсификации и вызова со стороны специальной школы». Особо ощутимым этот процесс стал в ходе революции 1905–1907 гг., когда «на смену сословным представлениям или идеологемам о единстве корпорации (революционного студенчества или независимых профессоров) <...> приходит осознание кризиса прежних идей и понимание реальной социальной и культурной дифференциации модернизирующегося общества»².

Таким образом, в жизни университетов в России как значимой части социального пространства в период 1890-х – 1917 гг. сочетались две взаимосвязанные тенденции. Внутреннее развитие университетов было сопряжено с борьбой профессорской корпорации за автономию и свободу научного творчества. Кроме того, университеты были включены в общественно-политические макропроцессы, начиная от участия преподавателей и студентов в партийной работе и деятельности в представительных органах власти и заканчивая выработкой позиции по отношению к военным действиям, в которых принимала участие империя. Взаимодействие ученых, студенчества, различных обществ, землячеств и государства на рубеже веков весьма интенсифицировалось. Острым вопросом, в ходе обсуждения и решения которого смыкались научные и общественные интересы всех заинтересованных сторон, стал так называемый «университетский вопрос»³.

Условно в жизни университетов в начале XX столетия можно выделить несколько этапов. До первой российской революции вышеназванные тенденции нарастали постепенно: научное сообщество было в большей степени ориентировано на внутренние проблемы своего существования, суть которых сводилась к обретению научной автономии. В первую очередь, речь шла о принятии нового устава, изменении системы преподавания и диссертационных требований, а также расширении возможностей для организации различных собраний и обществ⁴.

В 1905–1907 гг. приоритеты всех участников университетского пространства были сосредоточены на революционных событиях, происходящих в стране. В 1905 и частично в 1906 гг. университеты были за-

² Дмитриев. 2009. С. 175–176.

³ Подробнее о социальной истории университетов и современном понимании «университетского вопроса» в указанный период см.: Дмитриев. 2009. С. 111.

⁴ См. подробнее: Завьялов. 2006. С. 105–111; Маркин. 2009. С. 14–17; Алеврас, Гришина. 2011. С. 221–247; и др.

крыты, преподавание в них прекращено, университетские аудитории использовались в основном как политические трибуны⁵. «Университетский вопрос» понимался весьма широко, требования внутренней автономии увязывались с общим положением дел в стране. Вместе с тем именно в этот период профессорскому лобби удалось настоять на введении Временных правил управления университетами, повысившими роль вузовских советов в принятии решений.

В дальнейшем до 1914 г. произошла относительная нормализация университетской жизни. Хотя в этот период некоторого затишья в стенах университетов происходили всплески общественно-политического движения, что подтверждают студенческие волнения 1908 и 1911 гг. в Петербурге⁶ и массовый «исход» либерально-настроенных преподавателей, недовольных политикой Л.А. Кассо, из Московского университета в 1911 г.⁷ В целом университетское сообщество возвратилось к обсуждению внутренних проблем научной жизни. Получил широкий общественный резонанс вопрос о новом университетском уставе, поднятый министерско-профессорской комиссией в 1906 г.⁸, вновь возросло участие государственных структур в управлении университетами. По меткому замечанию современника, «одной рукой в университеты переносилась западная наука, без которой, – по собственному признанию правительства, – они являются “ничтожными и бесполезными” учреждениями; с другой – на университеты налагается новая крепкая узда, и при таких условиях самый подъем научного и морального достоинства профессорской коллегии является источником новых мучительных страданий в жизни русской высшей школы»⁹.

Завершающий период жизненного цикла дореволюционной университетской системы пришелся на годы Первой мировой войны и революционных событий 1917 г. В это время усилился так называемый «интернационализм патриотов» и процессы «мобилизации интеллекта», отражающие распространение на классические вузы задач по разрешению насущных общественных проблем¹⁰. Университеты, наряду со специализированными научными институтами, активно включились в процесс обеспечения государственных потребностей, как в плане сбора средств на нужды войны и предоставления своих помещений под гос-

⁵ См. подробнее: *Иванов*. 1971. С. 114–149.

⁶ См.: *Савельева, Яковлев*. 1979. С. 168–174; *Яковлев*. 1983. С. 14–19.

⁷ См. подробнее: *Вернадский*. 1912. С. 323–341; *Сперанский*. 1914. С. 109–114.

⁸ *Сакулин*. 1906. С. 87–110; *Виноградов*. 2008. С. 167–172; *Выдрин*. 1910. С. 70–79.

⁹ *Сперанский*. 1914. С. 25.

¹⁰ См., например: *Дмитриев*. 2001. С. 296–335; *Дмитриев*. 2007. С. 236–255.

питали, так и в сфере практико-ориентированных научных исследований и осуществления пропагандистских мероприятий. Внутри университетов появляются новые научные институты, целью которых было обслуживание государственных интересов через проведение коллективных исследований. Даже после реструктуризации университетов на рубеже 1910–20-х гг. отношение некоторых представителей профессорско-преподавательской корпорации к появлению внутри университетов институтской системы встречалось весьма настороженно. Так, уже в 1920 г. в Петрограде на июньском заседании совета во время оглашения проекта положения об институтах Петроградского университета профессор С.А. Жебелев высказал особое мнение: «Учреждение особых Институтов в составе Университета наносит несомненный ущерб идее Университета как таковой и стоит в явном противоречии с тем представлением, какое до сих пор связано было с понятием “Universitas”»¹¹. Мнения профессоров по этому вопросу разделились. Одни считали, что институты «будут способствовать развитию научной работы, облегчат как дело постановки практических занятий в Университете, так и дело ознакомления широких кругов населения с известными отраслями знаний...». Другие отмечали, что «проектируемая мера приведет к развалу Университета – гибели Университета». Третьи говорили, что сама идея Институтов возражения не вызывает, но требует доработки выработанный проект Положения об Институтах. В итоге проведенного голосования перевес голосов (за – 55, против – 10, воздержались – 11) оказался на стороне тех, кто видел в институтах необходимое подспорье для разрешения научных проблем¹². В целом, эта ситуация отражает и межпоколенную борьбу между профессорами – в большинстве своем сторонниками сохранения эксклюзивного положения университетов наряду с другими образовательными учреждениями, и младшими преподавателями, которые в основном поддерживали создание новых исследовательских структур, дававших дополнительные возможности для профессионального продвижения.

Несмотря на частое отсутствие взаимопонимания, государство подключало представителей университетов к обсуждению различных реформаторских проектов, а ученые в своих воззваниях и статьях обращались не только к передовым общественным силам, но и к государству. В частности, в канун 1905 г. учеными была подготовлена так назы-

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Протоколы заседаний Совета Петроградского Университета 1918–1922 гг. Л. 159.

¹² Там же. Л. 159–160об.

ваемая «Записка 342-х», ставшая квинтэссенцией переживаний и чаяний научного сообщества. Помимо традиционных указаний на важность университетского образования и недостаточное внимание государства к нуждам начальной, средней и высшей школы, авторы записки любые действия власти по отношению к университетам оценивали как посягательство на академическую свободу: «Оказавшееся столь плодотворным у всех просвещенных народов начало академической свободы у нас совершенно подавлено. В наших высших учебных заведениях установлены порядки, стремящиеся сделать из науки орудие политики. Правильное течение занятий постоянно прерывается студенческими волнениями, которые вызываются всею совокупностью условий нашей государственной жизни. <...> Целым рядом распоряжений и мероприятий преподаватели высшей школы низводятся на степень чиновников, долженствующих исполнять приказания начальства»¹³.

Попытки сохранить «чистоту» университетской идеи можно наблюдать на протяжении всего изучаемого периода. Вопрос об университетском статусе поднимался во время работы комиссии по преобразованию высших учебных заведений в 1902 г., обсуждении Временных правил управления университетами в 1905 г., на совещании профессоров по университетской реформе 1906 г., при обсуждении нового устава и диссертационных требований в 1917 г. Зачастую в ходе этих обсуждений вскрывалась свойственная российской научной среде идейная оппозиция по отношению к государственным инициативам, что выглядело еще более драматично, учитывая традиционную зависимость университетов от государственной поддержки. Так, в октябре 1917 г. при обсуждении проекта министерства о том, что для получения звания приват-доцента достаточно представить сочинение *pro venia legendi*, не подвергаясь магистерским испытаниям¹⁴ один из ординарных профессоров Московского университета М.М. Покровский высказал достаточно типичную мысль: «России нужна настоящая наука. Правда, по мнению некоторых ученых, задача университета в том, чтобы давать лишь экстракт науки, но этот экстракт могут дать только хорошие ученые. Университеты с неполноправными преподавателями надо назвать другим именем. Такие попытки понизить научный уровень преподавателей абсолютно вредны: это не демократизация, а вульгаризация знания. Очень жаль, что такие проекты исходят от людей заведомо ученых»^{15, 16}.

¹³ Записка 342-х ученых...

¹⁴ См. подробнее об этом обсуждении: Гришина. 2011. С. 172–180.

¹⁵ Подчеркнутая фраза написана поверх слова *государственных*.

В новое столетие университеты вошли в измененном статусе – не только в качестве традиционных мест знания, но и как площадки для озвучивания будораживших российское общество политических идей. Такое положение университетов, наряду с возрастающей конкуренцией со стороны узкоспециальных учебных заведений прикладного характера и остававшимся неэластичным спросом на научных работников, порождавшим либо их переизбыток в «старых» университетских центрах, либо острый дефицит на периферии, оцениваются современной историографией как кризис. Перманентный кризис Московского университета, по мнению Д. Цыганкова, стал характерной чертой развития университетского пространства Москвы начала XX века: «В эпоху углубляющейся специализации и создания научных коллективов для решения приоритетных научных задач Московский университет <...> оставался научным подразделением прошлого...»¹⁷.

Историко-филологический факультет Московского университета в конце XIX – начале XX в.

Что представлял собой в то время историко-филологический факультет? Студенту начала XX в. Н.М. Дружинин, будущий советский историк, спустя более полувека, вспоминал: «Московский университет продолжал жить на основе реакционного устава 1884 г. – с окаменелыми программами, узкоформальными правилами, придирчивой инспекцией и изрядным процентом реакционной, сугубо “академической” профессуры. В аудиториях историко-филологического факультета, особенно на лекциях филологов или маститого историка В.И. Герье, царила достаточно затхлая атмосфера. Но и здесь современная жизнь вторгалась в замкнутые двери отгороженного “храма науки” и наполняла новым содержанием его устаревшие формы. На лекции В.О. Ключевского собирались студенты различных факультетов – не меньше, чем на лекции К.А. Тимирязева, которые слушали естествоиспытатели. Н.А. Рожков и А.А. Кизеветтер читали параллельные курсы на тему “Отмена крепостного права”, первый – в экономическом плане, второй – в либерально-конституционном духе. Даже доцент И.И. Иванов, вовсе не отличавшийся радикальными взглядами, объявил курс на заманчивую тему: “История германской социал-демократии”»¹⁸.

С 1884 г. в составе историко-филологического факультета Московского университета действовало два отделения – историческое и фило-

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 423. Протоколы заседаний ИФФ и материалы к ним. 19.09.1917 – 24.10.1917. Л. 64.

¹⁷ Цыганков. 2009. С. 449.

¹⁸ Дружинин. 1967. С. 10.

логическое. С 1885 по 1917 гг. на факультете числилось 10 кафедр: всеобщей истории, русской истории, философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и литературы, славянской филологии, истории западноевропейских литератур, истории церкви, теории и истории искусств. По уставу 1884 г. штат преподавателей составил 12 ординарных и 5 экстраординарных профессоров, число приват-доцентов не регламентировалось. К 1913 г. на факультете преподавали 19 профессоров и 27 приват-доцентов¹⁹.

Анализируемый период характеризуется быстрым ростом студенчества, значительно опережавшим процесс приращения преподавательских кадров. Общее число студентов, обучавшихся в российских университетах, выросло с 12450 в 1884 г. до 36339 к 1910-м годам²⁰. По данным А.Е. Иванова, в Московском университете в 1907/08 учебном году числился 8301 студент, что составляло 22,8% от всего российского студенчества. По этому показателю Московский университет уступил первенство Петербургскому (26,5%), хотя в предыдущие и последующие годы Москва находилась на лидирующих позициях²¹. На историко-филологическом факультете число студентов также возрастало (что отражало общий процесс роста учащейся молодежи): 217 – в 1895, 590 – в 1905, 823 – в 1913, 1066 – в 1915 гг.²². При этом по общей численности студентов он уступал остальным трем факультетам университета.

Студенты начала века были представлены несколькими типажам. Мемуарная и вслед за ней историографическая литература оказались богаты на представления об основных типах российских студентов, среди которых выделялись «будущие ученые»; «студенты-зубрилы» – будущие исполнительные чиновники; «карьеристы», «белоподкладочники», для которых университет был лишь необходимым злом, досадной задержкой перед началом успешной карьеры на чиновничьем поприще; «студенческий шлак»²³. Выделяется также социальный тип «вечного студента»²⁴, особо распространившийся после 1906 г., существование которого оказалось возможным в виду несовершенства предметной системы обучения, при которой срок обучения в университете не был жестко ограничен. Черты этих идеальных типов российских студентов в реальности часто пересекались, а в начале XX в. к ним приме-

¹⁹ Андреев. 2010. С. 278–279.

²⁰ Федотова. 2008. С. 20.

²¹ Иванов. 1991. С. 23.

²² Гутнов. 1991. С. 65.

²³ См.: Кизветтер. 1997. С. 35–44; Иванов. 2010. С. 11–15.

²⁴ Дмитриев. 2009. С. 131–132.

шивалась необходимость определиться в отношении к общественно-политической ситуации. В итоге стали появляться новые классификации студенческой среды. Она была представлена группами «индифферентных» студентов, близким прежним «карьеристам», позиционировавших себя вне политики; студентов-«академистов», включенных в борьбу за обретение университетами академической свободы; а также «политиками» разного толка и идейной окраски²⁵.

До 1906 г. действовала курсовая система обучения. В ее основе лежал строгий график учебного процесса, при котором все учебные дисциплины были распределены по годам обучения. В ходе реформаторских инициатив И.И. Толстого курсовая система была заменена предметной, которая предполагала, что студент должен прослушать определенное число учебных дисциплин и отчитаться по ним, но их распределение по годам обучения зависело от самого студента²⁶. Кроме того, в рамках одного учебного плана студент имел свободу выбора специальных курсов и семинарских занятий, носивших факультативный характер.

Определенному реформированию подверглись требования к курсовым испытаниям. Причем их изменение опередило начало обсуждения проекта нового устава и внедрения предметной системы обучения. Новые экзаменационные требования были введены в 1890 г. и гласили, что «к предметам общеобязательным, находящимся в составе окончательного испытания относятся древние языки, древняя история, русская история, церковно-славянская грамматика в связи с грамматикой русской и история древней философии»²⁷. Как видно, некоторые исторические разделы, в первую очередь, новая история в перечень обязательных квалификационных экзаменов не входили.

Вместе с тем, в учебных планах новым дисциплинам удалось зарезервировать за собой определенное количество учебного времени. Хотя большая часть учебной нагрузки продолжала распределяться, согласно действующему уставу, на классическую филологию, постепенно увеличилось количество часов на всеобщую и русскую историю. По подсчетам Д.А. Гутнова, их общая доля составляла около 60% в общем числе ежегодно проводимых занятий. Кроме того, выросло среднее число занятий, посвященных истории Нового времени – с 2–7 в 1890-е гг. до 9–13 в 1900–1904 гг.²⁸ В программах появились лекции и семинары, посвященные рассмотрению тех аспектов исторического развития, кото-

²⁵ Иванов. 2004. С. 293–294.

²⁶ Дружинин. 1967. С. 16.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 304. Л. 2.

²⁸ Гутнов. 1991. С. 56–59.

рые не были представлены в более ранний период. Так, «с 1896 г. в Учебный план занятий включаются спецкурсы по истории экономики, а в 1896 г. – по истории социальных отношений. <...> Возросло число занятий, в названиях которых прослеживается интерес к политической истории. Так, в 1890 г. по этим сюжетам в программе был заявлен только 1 курс, а в 1904 г. их читалось целых 5»²⁹.

Также важно отметить увеличение общей доли практических занятий, семинариев и просеминариев в системе университетского преподавания. В частности, по кафедре русской истории, по данным университетских отчетов, в 1900 г. упор делался на разбор источников русской истории (В.О. Ключевский) и памятников литовско-русского законодательства (М.К. Любавский). В 1901 г. прошли занятия по обзору главных источников русской истории (В.О. Ключевский), изучению литовского статута (М.К. Любавский), разбору источников по истории крестьян в России (Н.А. Рожков) и реформам Петра Великого (М.М. Богословский). В 1903 г. был осуществлен разбор рефератов по русской истории, памятников литовско-русского права, «Русской Правды» и «Начальной летописи» (М.К. Любавский), разбор рефератов по истории России XVIII – начала XIX в. (А.А. Кизеветтер), проведены практические занятия по истории крестьянства (Н.А. Рожков) и истории петровских реформ (М.М. Богословский)³⁰. В дальнейшем количество практических занятий в структуре преподавания лишь нарастало.

Подводя итог анализу статистических сведений о профессорско-преподавательском составе, количестве студентов и организации процесса обучения на историко-филологическом факультете рубежа XIX–XX вв., подчеркнем: во всех этих аспектах заметно влияние нарастающих процессов демократизации и модернизации российского общества.

Несколько эпизодов подготовки ученых-историков (С.В. Бахрушин, Н.М. Дружинин, С.И. Архангельский)

Политизация социального пространства на рубеже XIX–XX вв. сказалась не только на формальных условиях функционирования университетов (учебные планы, расписание занятий), но повлияла и на самоощущение профессорско-преподавательского состава, заставила во многом переосмыслить свое профессиональное предназначение. Студенческая молодежь также предъявляла новые требования к университетскому образованию. В этой связи возникает целый ряд вопросов, сводящихся к причинам выбора молодыми людьми, по определению переживающими

²⁹ Гутнов. 1991. С. 56–57.

³⁰ Отчет... 1901. С. 25; Отчет... 1902. С. 25–26; Отчет... 1903. С. 27.

в этом возрасте «мотивационную борьбу», в качестве будущей профессии науку³¹. Какие возможности давал историко-филологический факультет для начала научной карьеры? С каким багажом знаний и навыков покидали его стены выпускники?

В центре нашего внимания оказались три выпускника историко-филологического факультета, обучавшиеся в начале XX в. Сергей Владимирович Бахрушин был студентом в 1900–1904 гг. Сергей Иванович Архангельский изначально был однокурсником Бахрушина, однако будучи на несколько месяцев исключенным из университета в 1902 г., закончил свое обучение только в 1906 г. Николай Михайлович Дружинин поступил на истфил в 1904 г. и окончил его только в 1918 г. Его студенчество несколько раз прерывалось отвлечением на участие в политике или мобилизационных военных кампаниях государства.

Несмотря на некоторое расхождение в сроках обучения, все трое называли своими учителями одну и ту же группу преподавателей. Можно утверждать, что в плане профессорско-преподавательского состава первое десятилетие XX века стало благодатным периодом в развитии факультета. В это время на факультете уже были видны очертания научной школы историков-русистов, воспитанных на идеях В.О. Ключевского. Сам Ключевский находился на пике своей лекторской славы; читали лекции и вели семинары его ученики М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер, Н.А. Рожков. На кафедре всеобщей истории сложились две конкурирующие группы историков. С одной стороны, продолжал преподавательскую деятельность один из родоначальников семинарской системы в Московском университете В.И. Герье, чьи ученики (Р.Ю. Виппер, С.А. Котляревский) во многом определяли не только облик читаемых курсов по всеобщей истории, но и кадровую политику кафедры. С другой стороны, произошло кратковременное возвращение в *alma mater* ученика В.И. Герье, обретшего научную самостоятельность и европейскую известность, П.Г. Виноградова, под чьим влиянием сложились такие ученые как Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин.

Дружинин выделял среди всех преподавателей факультета Виппера и Богословского³². Первый оказал на него идейное влияние, второй – научил работать с историческими источниками. Архангельский в автобиографии отмечал влияние на собственное научное становление Виноградова, Виппера, Ключевского и Савина³³. Исследователи его творче-

³¹ См. подробнее: *Гришина*. 2009. С. 152–177.

³² *Дружинин*. 1967. С. 22–25.

³³ *Кеткова, Телегина*. 2000. С. 187–188; *Кузнецов*. 2009. С. 149.

ства несколько расширили круг преподавателей, оказавших воздействие на становление Архангельского как ученого. В частности, методику работы с историческими документами он осваивал в семинариях Богословского, что открыло Архангельскому в дальнейшем возможность занятий не только всеобщей историей, по которой он специализировался со студенческой скамьи, но и на ниве краеведческих исследований проблемами отечественной истории³⁴.

Схожий перечень дал в официальной биографии, составленной в 1940-е гг., С.В. Бахрушин: «Я слушал ветеранов буржуазной историографии – Ключевского, Герье и Виноградова, лекции которых дали мне первое представление о научной работе над источниками. Рядом с ними выступало уже более молодое поколение историков – Рожков, Кизеветтер, Богословский, ученики Ключевского, но уже искавшие новых путей. С благодарностью вспоминаю и лекции по римской литературе М.М. Покровского, которые вместе с лекциями Герье и Виноградова давали очень много для преодоления привитого средней школой акритического доверия источникам»³⁵. В дневниковых записях Бахрушин более откровенен. Он не только уточнил круг своих учителей (например, назвал М.К. Любавского, не упомянутого в официальной биографии), но и отказался от апологетической оценки их способностей. В частности, Бахрушин писал, что ученики Ключевского «все одинаково шли по стопам своего учителя, лишь изредка позволяя себе дополнять или исправлять его в несущественных деталях»³⁶. Единственным приват-доцентом, кто пытался противопоставить схеме Ключевского свой взгляд на русский исторический процесс был Н.А. Рожков. Но, по мнению Бахрушина, «не ему было подорвать авторитет Ключевского в студенческих массах»³⁷. Схема исторического процесса, предложенная Рожковым, казалась элементарной, и после пары прослушанных лекций Бахрушин перестал посещать его курс.

В целом система преподавания на историко-филологическом факультете оценивается Бахрушиным с критических позиций. «Московский университет в те годы, когда я его посещал, мало способствовал созданию определенного исторического мирозерцания. Преподавание, в сущности, было поставлено элементарно и догматически, и нас

³⁴ Кузнецов, Мельников. 2006. С. 168–194.

³⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 3. Автобиография и сведения о научно-педагогической деятельности С.В. Бахрушина. Л. 8.

³⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. «Table-talk». Отрывки их дневников, заметки по различным вопросам, воспоминания, стихотворения, перевод. Л. 41.

³⁷ Там же. Л. 43.

мало вводили в суть научных разногласий. Достаточно сказать, что о Шахматове мне случайно сказал М.К.Л. [Матвей Кузьмич Любавский – Н.Г.] после обсуждения моего доклада о «Начальной летописи» в его семинарии...»³⁸

Склонности к исследовательской работе заставляли студентов преодолевать шероховатости в системе преподавания, составлять самостоятельную программу подготовки. Так, Бахрушин по своей инициативе ознакомился с работами Шахматова и даже провел по его методике сличение летописных сводов³⁹. Дружинин выработал собственную программу занятий, включавшую посещение обязательных лекций и семинаров в университете и самостоятельное освоение интересовавших его вопросов под руководством «Программ домашнего чтения»⁴⁰. Архангельский много усилий тратил на языковую подготовку. В университете он отточил гимназические знания по латыни, французскому языку, выучил итальянский, а немецкий и английский освоил самостоятельно⁴¹.

После окончания университета каждого из трех выпускников института ждал свой путь в науку. Бахрушин в полной мере воспользовался формальной процедурой «оставления для подготовки к профессорскому званию»⁴². В дневнике он писал: «По окончании Любавский, отозвав меня в уголок, сказал, что хочет представить меня к оставлению при Университете, и указал, какие нужны для этого формальности. Так эта сторона моей будущей деятельности сложилась вполне по моему желанию, без особенных усилий с моей стороны. Давно ли представлялось оставление при университете недостижимой целью, давно ли я был убежден, что ученая деятельность не встретит сочувствия у меня в семье...»⁴³. В 1906 г. Любавский признал научную подготовку Бахрушина вполне удовлетворительной⁴⁴. В апреле 1909 г. Бахрушин был допущен к чтению пробных лекций по темам «Княжеское хозяйство в Северо-Восточной Руси в XV и 1-й половины XVI вв.» и «Комиссия об учреждении училищ при Екатерине II». Чтение обеих лекций было оценено факультетом как весьма удовлетворительное. В сентябре 1909 г. Бахру-

³⁸ Там же. Л. 40.

³⁹ Там же. Л. 40–41.

⁴⁰ Дружинин. 1967. С. 11.

⁴¹ Кеткова, Телегина. 2000. С. 188.

⁴² Свешиников. 2011. С. 165–171.

⁴³ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 70. «Table-talk». Отрывки их дневников, заметки по различным вопросам, воспоминания, стихотворения, перевод. Л. 15.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 33. Протоколы заседания совета историко-филологического факультета за 1906 год. Л. 59.

шин был утвержден в звании приват-доцента⁴⁵. Однако написание диссертации Бахрушиным замедлилось из-за увлечения им политикой. Его возвращение в науку состоялось в 1918 г., когда он был утвержден в качестве профессора Московского университета.

«Оставление» Дружинина при кафедре состоялось по рекомендации Богословского в 1918 г. Внешние обстоятельства оказывали колоссальное влияние на его научную подготовку. В отчете о своих научных занятиях за 1918–20 гг. он замечает: «К сожалению, крайняя ограниченность времени мешала мне целиком отдаться предпринятой работе: в течение первого года подготовки я мог посвящать научным занятиям только вечерние часы, в течение второго года, вследствие вынужденного поступления на службу в Военный Комиссариат <...> и суровых условий современной жизни я мог уделять своей научной работе еще меньше времени...»⁴⁶ Лишь в 1921 г. уже как сотрудник РАНИОН Дружинин смог продолжить свои научные занятия на постоянной основе.

Архангельский не попал под воздействие формальных процедур «оставления для подготовки к профессорскому званию». Вполне вероятно, что этому помешала его замешанность в студенческих волнениях 1902 г. и непродолжительный арест, после чего он не смог получить справку о политической неблагонадежности. Однако помимо формальной существовала неформальная устойчивая традиция профессионального выбора выпускников университета, когда благодаря личной склонности к научной работе и связям с бывшими учителями и коллегами, удавалось интегрироваться в научное пространство и стать ученым.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников (К вопросу о национальных особенностях) // Диалог со временем. Вып. 36. Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 221–247.
- Андреев А.Ю.* Историко-филологический факультет // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 277 – 279.
- Вернадский В.И.* 1911 год в истории Московской умственной культуры // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., б.г. С. 323 – 341.
- Виноградов П.Г.* Проект нового университетского устава // Виноградов П.Г. Россия на распутье: Историко-публицистические статьи / Сост., предисловие и коммен-

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 36. Протоколы заседания совета историко-филологического факультета за 1909 год. Л. 31, 33об, 40, 45, 61.

⁴⁶ ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 17. Отчеты о научных занятиях в 1920 г. (1918–1920). Л. 3.

- тарии А.В. Антощенко. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 167–172.
- Выдрин Р.* Накануне нового университетского устава // Современный мир. 1910. № 2. Отд 2. С. 70–79.
- Гришина Н.В.* «Научное исследование... составляет мое истинное жизненное призвание»: мотивы вхождения в науку историков конца XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. С. 152–177.
- Гришина Н.В.* «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910–1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 172–180.
- Гутнов Д.А.* Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX – начале XX вв. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991.
- Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 296–335.
- Дмитриев А.Н.* Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау. СПб: «Нестор-История», 2007. С. 236–255.
- Дмитриев А.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204.
- Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1967.
- Завьялов Д.А.* Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // Клио. Журнал для ученых. 2006. № 1. С. 105–111.
- Записка 342-х ученых // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). [Электронный ресурс]: URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/6/zaa12.html> (30.01.2012).
- Иванов А.Е.* Университеты России в 1905 г. // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 114–149.
- Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1991. 392 с.
- Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
- Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 360 с., ил.
- Кеткова И.В., Телегина Э.П.* Сергей Иванович Архангельский // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Том 2. Всеобщая история. М.-Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 187 – 196.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 1997. 398 с.
- Кузнецов А.* Сергей Иванович Архангельский (1882–1958): веки научного пути // Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. С.И. Архангельского. Н.-Новгород, 2009. С. 146 – 168.
- Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чте-

ния памяти А.Я. Садовского. Н.-Новгород: Изд-во Комитета по делам архивов Нижегородской области, 2006. С. 168–194.

Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2009. 29 с.

Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1900 год. М., 1901.

Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1901 год. М., 1902.

Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1902 год. М., 1903.

Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 168–174.

Сакулин П.Н. Новый проект университетского устава // Вестник воспитания. 1906. № 4. С. 87–110.

Свеишников А.В. Социальный статус и поведенческие стратегии «дореволюционных аспирантов-историков» // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 165–171.

Сперанский Н. Конфликт г. Кассо с Московским университетом, 1911 // Сперанский Н. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 109–114.

Федотова С.Ю. Становление политического сознания учащейся молодежи в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2008.

Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–459.

Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 14–19.

Гришина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета; natalyagrishina@mail.ru

И. Г. ВОРОБЬЕВА

ПРОФЕССОР Н. И. РАДЦИГ В ПИСЬМАХ К С. И. АРХАНГЕЛЬСКОМУ

В статье представлен первый опыт интеллектуальной биографии профессора, доктора исторических наук Николая Ивановича Радцига (1881–1957) выпускника Московского университета, преподававшего в ряде вузов Москвы Ярославля, Нижнего Новгорода, Твери (Калинина). Жизненный и научный путь ученого рассмотрен через письма к Сергею Ивановичу Архангельскому, хранящихся в архиве Нижнего Новгорода, и на основе архивных документов из фонда Калининского пединститута.

Ключевые слова: *Московский университет, Калинин (Тверь), Горький (Нижний Новгород), преподавание всеобщей истории, Н.И. Радциг, А.Н. Вершинский, С.И. Архангельский, А.С. Башкиров.*

В начале XX в. в России на кафедре всеобщей истории Московский университет преподавали профессоры В.И. Герье, П.Г. Виноградов, Д.И. Петрушевский, А.Н. Савин, Р.Ю. Виппер. Отлаженная система так называемых «оставленных» для подготовки к профессорскому званию студентов давала положительные результаты – была создана новая когорта молодых исследователей. Они вошли в профессию накануне мировой войны и революционных потрясений и остались в ней. После 1917 г. во вновь открытых педагогических институтах и университетах преподавали в основном выпускники императорских университетов, именно они и сформировали советскую школу всеобщей истории.

В их числе были почти одногодки Николай Иванович Радциг (1881–1957) и Сергей Иванович Архангельский (1882–1958). Если труды С.И. Архангельского высоко оценены в исторической науке, то научная биография Н.И. Радцига еще не написана. К 130-летию историка мной была опубликована небольшая заметка, организована выставка работ ученого в Научной библиотеке Тверского госуниверситета, на встречу со студентами приглашены его потомки¹. На них обратили внимание коллеги из Нижнего Новгорода² и предложили копии писем

¹ history.tversu.ru/index.php?option=com_content&view=...; tverlife.ru/news/40176.html.

² Большинство писем Н.И. Радцига к С.И. Архангельскому находятся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 266. 38 лл. Копии сняты доктором исторических наук, заведующим кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Андреем Александровичем Кузнецовым, за что приношу ему искреннюю благодарность. В тексте статьи цитируются письма из этого фонда.

Радцига к Архангельскому, позволяющие глубже понять жизнь провинциального профессора и его окружение. Отмечу, что в жизни Радцига не было серьезных потрясений, выпавших на долю его современников: он не воевал, не подвергался арестам и высылению, не преследовался по политическим мотивам. Но от этого биография историка, прослужившего в сфере образования почти полвека, не теряет для нас интереса.

Для настоящей статьи проанализированы документы из Государственного архива Тверской области (ГАТО), воспоминания бывших студентов Калининского (Тверского) пединститута, письма Н.И. Радцига, устные семейные предания. К сожалению, личного архива Радцига нет, неизвестны мне и письма к нему, написанные коллегами, хотя таковых было немало. В фонде С.И. Архангельского имеется 30 писем Радцига за 1926–1951 гг. Почти все они в конвертах, поэтому можно по штемпелю или содержанию определить точную дату письма (в описи много ошибок). Все письма написаны чернилами, четким мелким почерком, лишь некоторые французские слова трудно разобрать.

Николай Иванович Радциг родился 25 февраля 1881 г. в Москве в семье эмигранта из Австрии, принявшего русское подданство. Этническое происхождение его отца Ивана Антоновича неизвестно, скорее всего он был из западных славян. Сам историк в официальных документах называл себя русским. По сведениям потомков, семья приехала в Москву из Восточной Пруссии. Дед Николая Ивановича Антон-Карл Радциг длительное время жил в Эстонии (позже стал управляющим у знаменитого фабриканта и мецената Нечаева-Мальцева). Отец, Иван Антонович, был лютеранского вероисповедания, но, женившись на православной, детей крестил в русской церкви. Умер он в 1886 г., когда мальчику было всего 5 лет. Его мать, Мария Федоровна (в девичестве Филимонова), происходила из купеческой семьи, долгие годы жила вместе с детьми, скончалась в 1934 г.

Н.И. Радциг окончил с золотой медалью 1-ю московскую гимназию и в 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1900 г. студентом того же факультета стал С.И. Архангельский. Младший брат Николая Ивановича Сергей учился тогда же. Он стал впоследствии профессором МГУ, выдающимся специалистом по древнегреческому языку и автором вузовского учебника по античной литературе³. Большая семья Радцигов «дала ряд научных

³ На сайте кафедры классической филологии Московского университета размещены фотографии и сведения по генеалогии братьев Радцигов, называемых в шутку «Братциги». См.: www.philol.msu.ru/~classic/history_russia/radzig/photo/.

работников», как писал в автобиографии сам историк⁴. Родной дядя, Антон Антонович (1843–1906), был статистиком и экономистом, автором работы «Железодельная промышленность всего света» (1897); известны и двоюродные братья: Александр Александрович (1869–1941) – основоположник отечественного турбостроения, ректор Политехнического института в Петербурге; Владимир Александрович (1880–1960) – инженер, специалист в области энергетики и электрификации.

Наставниками Архангельского и братьев Радцигов в Московском университете были академик Александр Васильевич Никитский (древнегреческий язык), профессора Сергей Иванович Соболевский, Василий Осипович Ключевский, Иван Владимирович Цветаев, Павел Гаврилович Виноградов, Владимир Иванович Герье, правоведение читал князь Сергей Николаевич Трубецкой. Обучаясь в Московском университете, Н.И. Радциг написал сочинение на тему «Начало летописи в Риме». По предложению профессора В.И. Герье эта работа была удостоена золотой медали. Гимназическую и университетскую медали Радциг бережно хранил и показывал своим ученикам. В 1903 г. «Начало летописи в Риме» опубликовали в «Ученых записках Московского университета» вместе с сочинением на эту же тему Г. Мартынова⁵.

Оценка двух работ дана в книге М.М. Постникова «Критическое исследование хронологии древнего мира. Том 1. Античность»: «В этом параграфе прореферированы две вышедшие почти одновременно (1903 г.) книги Радцига и Мартынова под почти одинаковыми названиями “Начало римской летописи” и “О начале римской летописи”, отличающиеся тщательностью разбора этого вопроса. В обеих книгах все ссылки на труды Ливия и других римских авторов подкреплены детальными указаниями на конкретные места в этих трудах; весь этот громоздкий технический аппарат здесь опущен, но читатель, который заинтересуется конкретными ссылками, может все их найти. Следует подчеркнуть, что ни Радциг, ни Мартынов не подвергают глобальному пересмотру основы наших знаний о древнем мире; и именно поэтому сообщаемая ими информация особенно ценна. Перечисляя огромное количество странностей в истории начального летописного периода Рима, они, тем не менее, не делают никакого вывода из этого набора противоречий»⁶.

⁴ В автобиографии, записанной 10 июня 1948 г., Н.И. Радциг счел необходимым назвать имена своих родственников. Возможно, это связано с развернувшейся в то время борьбой против «безродных космополитов».

⁵ Радциг 1904. Обе работы ныне часто цитируются, вероятно, благодаря тому, что статья «Анналы» в Большой Советской Энциклопедии содержит ссылки на них.

⁶ imperia.lirix.ru/index.php/content/section/7/5/

Как видим, работы начинающих историков, выполненные более ста лет тому назад, оказались востребованы современным читателем. Их используют и авторы «Новой хронологии», чтобы подвергнуть сомнению все имеющиеся в науке датировки римской истории. Замечу, что обе работы начинающих историков были всего лишь хорошими рефератами европейских книг конца XIX в. Сам же Радциг позднее в письмах к Архангельскому оценивал свой текст так: «Думаю, интереса эта моя работа сейчас не представляет. Она написана в 1901 г., то есть очень устарела» (из письма Архангельскому 19.05.1951).

С 1904 г. по 1908 г. Радциг был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Одновременно началась его педагогическая деятельность. По рекомендации В.И. Герье он преподавал историю на Московских Высших женских курсах. С 1910 г. Радциг – профессор историко-филологических курсов, учрежденных В. Полторацкой, и Педагогических курсов имени Д.И. Тихомирова⁷.

В 1907–1908 гг. Радциг сдавал магистерские экзамены, работая под руководством Герье над диссертацией по истории Франции середины XIV в. В 1909–13 гг. им были опубликованы статьи «Политическое собрание во Франции 1302–1303 гг.» и «Общественное движение во Франции 1355–1358 гг.». В эти годы его имя встречается в дневниковых записях профессора Московского университета А.Н. Савина. Так, в 1914 г. он записал: «Ко мне заходил Н. Радциг, закинуть удочку. Он написал несколько статей о французской смуте середины XIV века и спрашивал моего мнения о них. Признался, что Герье осыпал его похвалами. Намекал, что Герье считает их очень хорошими, что их можно было бы представить в качестве магистерской диссертации. Я вежливо, но твердо указал ему, что эти статьи, с моей точки зрения, совсем не похожи на диссертацию, что в них самостоятельные наблюдения теряются в пересказе хорошо уже известных вещей. Радциг притворился, что согласен с моей оценкой»⁸. Отмечу, что Радциг, в отличие от Савина, не получал от университета заграничную командировку и не имел возможности работать в архивах и библиотеках Франции. Лишь в 1909 г. он совершал летнюю экскурсию по Балтийскому морю. Впрочем, самостоятельное исследование можно проводить и по опубликованным документам, ведь языковая подготовка у Радцига была отличной. Он хорошо владел французским, немецким, итальянским, английским и древними языками⁹.

⁷ См.: Личное дело Н.И. Радцига // ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283. Л. 1.

⁸ Савин. 2004. С. 180.

⁹ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283. Л. 2.

Вероятно, мнение А.Н. Савина подействовало, и Радциг обратился к иной теме исследования. Он начал изучать Францию периода Реформации. В «Журнале министерства народного просвещения» он опубликовал большую статью «Общество святых даров во Франции XVII века», а позднее, в сборнике в честь профессора Н.И. Кареева, – статью «Страницы из истории католического возрождения во Франции XVI в.». Эта работа требовала не вновь открытых архивных документов, а внимательного анализа уже изданных трактатов. Личная библиотека Радцига содержала большую коллекцию французских изданий. Он ею очень дорожил и сохранял в своей квартире в годы войн и разрухи. В письмах к Архангельскому он не раз выказывал беспокойство по поводу библиотеки, составлял ее каталог, предлагал коллеге лично посмотреть необходимые для работы книги и забрать их в Горький. К сожалению, после его смерти большая часть библиотеки была продана.

В годы Первой мировой войны Н.И. Радциг, занимаясь преподаванием, продолжал научные занятия. Он активно включился в заседания возобновившего свою деятельность Исторического общества при Императорском Московском университете, бессменным председателем которого оставался Герье. В издании Общества «Исторические известия» Радциг опубликовал несколько рецензий. Так, в № 1 за 1916 год он сообщал об издании во Франции писем Монтескье. Там же был опубликован его критический анализ монографии Д. Петрова «Ликвидация сеньориального режима во Франции», изданной в Киеве в 1915 г.

К сожалению, магистерская диссертация не была завершена к 1917 г., а после революции, когда ученые степени были отменены, актуальность в защите отпала. Однако должность профессора по кафедре всеобщей истории Радциг все же получил в 1922 г., о чем свидетельствует копия выписки из протокола № 40 заседания научно-политической секции государственного ученого совета от 8 декабря 1922 г.¹⁰

Голод и отсутствие денежного содержания вынудили Радцига искать место преподавателя вне Москвы. В 1919 г. он несколько месяцев был в Нижнем Новгороде. Вероятно, общался там и с Архангельским, которому позднее писал: «Хотя с Нижним у меня прямые связи порвались уже с 1919 г., но я всегда о нем вспоминаю с удовольствием и никогда не забуду, что в аудитории Народного университета, а потом Государственного некогда находил внимательных и чутких слушателей» (из письма к С.И. Архангельскому от 29.02.1929). И все же Архангельский полагал, что деятельность Радцига имела значение для истории универ-

¹⁰ См.: ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283.

ситетского образования в Нижнем и просил написать об этом подробнее. В ответ Радциг сообщал: «Что касается Вашего предложения представить о себе сведения по Нижегородскому университету, то не знаю, стоит ли это делать. Ведь я в Нижегородском университете пробыл 4 месяца – срок очень маленький, да и следов моей деятельности там не осталось. Моя работа там пала на последние месяцы 1919 г. Это было время очень тревожное, слушателей было мало, лекций мы, москвичи, прочитали очень мало. Помню лишь, что из Москвы в Нижний выезжали П.А. Расторгуев, А.Ф. Лосев, С.В. Шувалов, Н.Г. Бережков, С.Ф. Елагин. Все они живы и сейчас, кроме Шувалова. Но я не думаю, чтобы от них сохранилось что-либо прочное в Нижнем–Горьком»¹¹.

С осени 1919 г. Радциг начал ездить в более близкое место от Москвы – в Тверь, куда поезд шел всего около четырех часов. До 1924 г. он еженедельно ездил туда читать лекции по всеобщей истории для студентов сначала учительского, затем педагогического института. По воспоминаниям студентки Лидии Бариновой, первый приезд Радцига был сопровожден трагикомическими обстоятельствами:

«Одним из первых согласился поехать в Тверь читать лекции Николай Иванович Радциг – историк. Мы взяли ему билет, провели его служебным ходом, посадили в вагон, около которого стоял часовой с ружьем. Только мы уселись, как поднялся шум, зазвенели разбитые стекла, раздались выстрелы. А надо сказать, что Н. Ив. жил с братом и старушкой-матерью в одном из тихих переулков Арбата, и 10 лет он никуда из Москвы не выезжал. Услышав выстрелы, он взмолился: выпустите меня, не проеду я с вами, меня убьют. Мы ему говорим, что сейчас мы ничего не можем сделать, служебным ходом Вас не выпустят, а выйти из вагона нельзя: Вас сразу же раздавят. Ему пришлось с нами согласиться. В Твери Николая Ивановича встретили хорошо, его накормили, напоили, как говорится, и спать уложили. На его лекции пришли не только историки и литераторы, но и студенты других факультетов. Радциг самым аккуратнейшим образом ездил в Тверской пединститут несколько лет»¹².

Работа в Твери в те годы была трудной. У института не было постоянного помещения, студенты и преподаватели жили впроголодь, книг не хватало, а иностранные издания и вовсе были редкостью. Тверскую ученую архивную комиссию распустили, издательской деятельностью никто не занимался. В городе слой интеллигентных людей был очень узок, а профессиональное историческое сообщество – совсем малочис-

¹¹ Письмо к С.И. Архангельскому 24.09.1949. В деле письмо без указания года помещено в письмах 1943 г., что не соответствует описываемым в письме событиям.

¹² *Баринова Л.П.* Мои воспоминания о строительстве Тверского (Калининского) пединститута и первых годах его существования (1817–1920 гг.). Рукопись. Запись 1967 г. 28 сентября. С. 506. См.: ОРК. Научная библиотека ТвГУ.

ленно. Почти все преподаватели пединститута были приглашенными: так, читать лекции по всеобщей истории приезжали известные советские медиевисты Н.П. Грацианский и С.Д. Сказкин, знакомые Радцигу по Московскому университету. Тем не менее, о работе в Твери у Радцига сохранились хорошие воспоминания, а в 1939 г. он вновь сюда вернулся.

Но для Радцига с середины 1920-х гг. более привлекательным становится Ярославль. Там в педагогическом институте на кафедре классической филологии преподавали его младший брат Сергей Иванович¹³ и его товарищ историк Валентин Николаевич Бочкарев, учивший тогда же студентов и Нижегородском педагогическом институте (бок о бок с Архангельским)¹⁴. Радциг, получив профессорскую должность, с ноября 1924 г. читал курсы «Феодализм и торговый капитал в Европе» и «История Французской революции до Парижской коммуны»¹⁵. Есть сведения, что в 1925 г. ректорат института ходатайствовал о предоставлении Н.И. Радцигу двухмесячной командировки в Париж для работы в архивах и книгохранилищах. В начале 1929 г. в Ярославском пединституте (ЯПИ) торжественно отмечался 25-летний юбилей его преподавательской деятельности, которая началась с 1904 г., планировался выпуск трудов. В письме к Архангельскому от 5.02.1929 Радциг писал: «Приношу Вам горячую благодарность за Ваше сердечное поздравление по случаю 25-летнего юбилея. От души желаю дожить и Вам до такого юбилея в Вашей работе, а мне иметь возможность поздравить тогда Вас».

Включился Николай Иванович и в художественную жизнь города. Так, в Ярославском литературном кружке он читал доклады о «Гартюфе» Мольера, о французской писательнице мадам де Савиньи и др. Делал он выступления по истории европейской литературы и в Москве в Доме ученых. Но вскоре после этого ЯПИ вступил в длительную полосу «чисток» и травли «буржуазных» специалистов. В.Н. Бочкарев в 1930 г. был арестован, а Радциг уволен за «антимарксистское чтение курса». Сам профессор писал позднее в автобиографии, что причина его решения оставить Ярославль «заключалась в травле, которую вели против приезжавших из Москвы преподавателей местные безответственные элементы, доведшие общественно-экономическое отделение пединститута до полного развала и ликвидации его»¹⁶. Тем не менее, Радциг успел написать и опубликовать в Ярославле в 1929 г. две важные работы:

¹³ Профессора ЯГПУ. 2008. С. 144. Материал предоставлен А.М. Ермаковым, за что высказываю ему искреннюю благодарность.

¹⁴ Кауркин, Кузнецов, Сапон и др. 2011. С. 64.

¹⁵ Ермаков. 2001.

¹⁶ См.: ГАТО. Р-1213. Оп. 57. № 238. Л.6.

«Дюпле в Индии» и «Этюды из истории международных отношений в XIX и XX вв.». Как видно из названий, эти работы совсем не связаны с его магистерской диссертацией.

Вернувшись в Москву, где он имел по совместительству ставку в государственной консерватории, Радциг продолжил преподавание, но не истории, а иностранных языков. Служба в консерватории не очень нравилась ему. В 1931 г. он писал Архангельскому: «С 1 сентября впрягаюсь в десятидневную лямку скучных занятий не по специальности». В письме от 25.10.1934 историк жаловался: «Про себя скажу Вам, что живу без перемены, без перемены в том смысле, что продолжаю преподавать немецкий язык и только. Думаю, что возвращение под сень истории для меня невозможно – я чересчур люблю эту науку, чтобы ее подчинять каким бы то ни было требованиям со стороны. Да и меня, как историка, я думаю, уже успели позабыть и с предложениями не обращаются».

В консерватории ему предлагали делать переводы: «Взялся я сейчас за работу, мало говорящую и уму и сердцу – за перевод музыкальных текстов – латинских [неразборчивое прилагательное] и пр. Теперь каюсь, что с этим связался – очень скучно и трудно из-за специфичности материала. Да и то заниматься этим переводом приходится урывками. Время занято преподавательской работой и всякого рода хлопотами». Тем не менее, Радциг продолжал научные исследования, хотя изучать всемирную историю было непросто: «Из-за границы выписывать ничего не приходится – нашему брату кредитов не дают. А литература нужных книг все растет. И по Суэцкому вопросу уже имеются новинки, которые знаешь, увы, только по заглавию. И чем дальше, тем хуже. Политический горизонт заволакивают тучи. И мне почему-то кажется, что приближается большая европейская война, угрожающая погрести под развалинами последние остатки европейской культуры» (из письма С.И. Архангельскому от 11.12.1933).

Но напряжение возрастало не только в Европе. В письме к Архангельскому от 16.05.1935 Радциг сообщал: «В.Н. Бочкарев снят с работы по вузам, но так ли это, не знаю; самого его давно не видел. Недавно появился на горизонте Сказкин, просидевший три года в сумасшедшем доме, теперь опять принялся за “историю”, пишет». Товарищ, коллега Архангельского и Радцига В.Н. Бочкарев, как уже сказано, был арестован в 1930 г., вскоре освобожден, но неприятности у него продолжались. Яснее об этом Радциг, видимо, писать не решался. Многие вопросы обсуждались во время личных встреч в Москве.

В автобиографии 1939 г. Радциг так оценил тот период: «Преподавание языков, незначительное количество занятых часов давало мне

возможность выполнить за эти годы много больших и ответственных работ». Какие же работы историк называл ответственными? Вместе с профессором С.И. Ковалевым он перевел V том «Римской истории» немецкого историка Теодора Моммзена, выходявшей в Москве в 1936–1948 гг. Занимался Радциг и переводами с французского: перевел с примечаниями два трактата XVI века – «Рассуждение о добровольном рабстве» Этьена де Ла Бозси¹⁷ и «Трактат о реликвиях» Жана Кальвина. В октябре 1940 г. Радциг писал Архангельскому: «Вообще из Кальвина мною переведено очень много – крупных и мелких фрагментов, но все это лежит в моем портфеле *ad Calendas graecas*». Увы, забегая вперед, скажу, что переводы Радцига так и не были опубликованы.

Много времени Радциг проводил в библиотеках, он хорошо был осведомлен о литературе по всеобщей истории. В письмах Архангельскому он часто сообщал книжные новости, предлагал необходимые тому библиографические сведения. Так, в письме от 19.01.1936 читаем:

«Что касается Вашей просьбы насчет общего пособия по истории Индии, то, к сожалению, такового не имею. Очень советую использовать Э. Реклю, у которого много материала, потом те пособия, которые у меня указаны и которые я в свое время получал в Институте Маркса–Энгельса–Ленина, наконец старую книгу Л. Русселе Индия Раджей. После окончания моей работы о Дюпле вышло немало книг по истории Индии. Мои библиографические сведения восходят не позже 1933 г. Сейчас не имею доступа ни в И.М.Э.Л., ни в библиотеку Ком. академии, а в других местах теперь не выписывают ни *Revue hist.*, ни *Hist. Zeitschrift*, ни *Bibl. De la France*. Для Вас всего бы нужнее была книга *Hanotaux Hist. des colonies francaises*. Paris. Plon. 1932. Там в V томе помещена история Индии и Индокитай, написанная Мартино и др. Эта книга имеется в библиотеке Ком. академии, и я думаю, Вы могли бы ее выписать через Библиотеку Нижегородского университета. Кроме того, советую посмотреть ст. Бувы в *Rev. des D. Mondes* 15 avg. Рекомендую также книги: Martinean et May *Fablean de l'expansion europeennnt à travers le Monde de la latin du XVIIIs an début du XIX.* Leroux. Paris 1935. Mognac de Bomier *L'Empire britannique...* Большинство этих книг известно мне только по названию или кратким заметкам в журналах».

Сам Радциг в те годы занимался изучением истории Суэцкого канала. Так, в 1938 г. он прочел в заседании сектора истории средних веков доклад на тему «Суэцкая проблема в Средние века», готовил большую работу «История прорытия Суэцкого канала», собирал материалы для монографии «Экспедиция Бонапарта Наполеона в 1798 г.». Одновременно он продолжал сотрудничать в издательстве Большой советской энциклопедии.

По предложению журнала «Историк-марксист» Радциг написал статью для сборника в честь 150-летия Великой Французской революции

¹⁷ Имя мыслителя в письмах к Архангельскому написано как «Лабоэси».

– «Французская Индия в эпоху Революции 1789 г.». Она была связана с его прежней публикацией «Дюпле в Индии 1722–1754 гг.»¹⁸. Оценка этой работе дана известным российским востоковедом А.Б. Капланом:

«Единственной специальной монографией, посвященной интересующей нас теме, является книга профессора Н.И. Радцига “Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722–1754”. Эта книга представляет собой биографию генерал-губернатора Французской Индии Дюплекса¹⁹. Используя большую литературу на разных языках, Н.И. Радциг в основу своей работы взял многотомное исследование французского историка Мартино «Дюплекс и Французская Индия»... Пяти томный труд Мартино является, по существу, подробной сводкой фактов, собранных на основе изучения тысяч документов, которые хранятся в архивах Франции и Индии. Автор почти не вмешивается в изложение фактов, стремясь избежать какой-либо тенденциозности, но это ему не всегда удается; вольно или невольно Мартино остается пристрастным к своему герою. Н.И. Радциг, талантливо изложивший в небольшой книге биографию Дюплекса, во многом следует настроению Мартино. Он концентрирует внимание на личности Дюплекса, не уделяя достаточного места другому крупному деятелю Французской Индии – Бюсси... как ведущей фигуре колониальной Индии XVIII в.»²⁰.

Мысль ясна: Н.И. Радциг талантливо пересказал книгу французского автора, но сама книга была сводом многочисленных фактов.

В 1930-х гг. Радциг продолжал и изучение Реформационного движения в Швейцарии. Будучи избран в 1936 г. внештатным сотрудником сектора истории средних веков недавно организованного Исторического института АН СССР, он деятельно участвовал в его заседаниях. О делах в секторе он сообщал Архангельскому:

«О моем положении в Академии пока не могу сообщить ничего определенного. Штаты и самая конструкция секторов совершенно не оформлены. Предполагается иметь два типа сотрудников – штатных и по договору. Мне, конечно, не приходится рассчитывать попасть в число первых; работать же по договору очень трудно – нет пособий, а следовательно, не может быть и речи о выполнении намеченного плана. Значит, нечего и думать о том, чтобы бросить свою теперешнюю службу, а это в свою очередь лишит возможности заниматься по своей исторической специальности. Пока единственный прок от своего положения вижу в том, что получил пропуск в библиотеку Ком. Академии; впрочем, она очень бедна и дает мне очень немного» (письмо 29.05.1936).

По заданию сектора Радциг написал главу для 5 тома «Всемирной истории», издававшейся АН СССР. Его доклад «Реформационное движение в Швейцарии» получил одобрение на заседании сектора, и, вдохновленный признанием коллег, Радциг дописал монографию «Школа в

¹⁸ Радциг Н.И. 1929.

¹⁹ Такое написание принято в Советской исторической энциклопедии.

²⁰ См.: Каплан. 1979.

Женева в эпоху Кальвина». Он решил защищать ее как докторскую диссертацию. Архангельский защитил докторскую диссертацию раньше, в 1938 г. 27.10.1940 Радциг писал ему: «Вчера представил в канцелярию истфака (МГУ. – И. В.) свою диссертацию «Школа в Женеве при Кальвине. Страница из истории Реформации XVI в.». Рецензентами надеюсь иметь С.Д. Сказкина, В.М. Лавровского и А.А. Фортунатова». Это письмо в Горький было отправлено из Калинина, куда Радциг вновь приехал на работу в пединститут в 1939 г.

Почему он решил покинуть Москву еженедельно, неизвестно. Там оставалась семья, в 1931 г. родился сын Александр²¹. Возможно, вновь в Калинин (хотя город в 1931 г. был переименован в Калинин, Радциг в довоенных письмах часто писал «Тверь») Радцига привели какие-то личные обстоятельства. Маем 1939 г. датировано его заявление: «Прошу зачислить меня в сотрудники Калининского пединститута в качестве профессора всеобщей истории и предоставить руководство кафедрой всеобщей истории в институте. Curriculum vitae и список печатных моих работ прилагаю». Приказ о назначении Радцига профессором датирован 1 сентября, но заведовал кафедрой он очень недолго²².

О начале работы Радциг сообщал Архангельскому:

«С 1-го сентября я работаю в Калинин. Вернее я начал свою деятельность там еще летом, когда я занимался на учительских курсах. В Калинин в этом полугодии я занят 4 дня, вследствие чего не могу пока посещать занятия в АН, о чем очень сожалею. В будущем полугодии занятий у меня будет меньше, тогда буду бывать и на этих заседаниях. Работа в Калинин довольно трудная. Много затруднений с помещениями, из-за которых Институт ведет борьбу с Горсоветом. Среди студентов встречаются довольно недисциплинированные типы, которые пользуются общим затруднением и вносят в учебную жизнь много осложнений. Трудно и жить в Калинин, без книг, без семьи, бегая по ресторанам и кафе... Не знаю, как долго все это удастся выдержать».

Тем не менее, в должности профессора Николай Иванович прослужил в Калинин с перерывом на войну до осени 1948 г.

Радциг приехал в Калинин на вакантное место после отъезда С.В. Фрязинова, тоже выпускника Московского университета, ученика А.Н. Савина. Фрязинов читал лекции по истории средних веков, был внимателен к заботам студентов, помогал библиотеке покупать нужные книги по всеобщей истории, в том числе по истории Французской революции²³. С книгами ситуация в вузе стала иной, нежели в 1919 г., но,

²¹ Впоследствии профессор Московского авиационного института.

²² С 4 ноября 1939 г. на эту должность была назначена О.И. Бершадская, член ВКП(б), выпускница Комакадемии.

²³ Подробно см.: *Воробьева, Кузнецов*. 2011.

конечно, не такой, как в Москве. Изменился и педагогический коллектив. Отечественную историю с 1922 г. преподавал выпускник Петербургского университета профессор Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944)²⁴. В 1938 г. на работу был принят профессор А.С. Башкиров (1885–1963) – археолог и востоковед, тоже петербургский выпускник. В начале 1940 г. Радциг писал: «Я в настоящее время в Москве; отдыхаю от своих поездок в Тверь. Необходимость ездить туда еженедельно очень меня утомляет, да и обстановка там не особенно привлекательная. За исключением одного Вершинского, остальные сослуживцы поражают прямо своим невежеством и одновременно самомнением».

О Башкирове в письмах к Архангельскому нет упоминаний, думаю, по определенным причинам. Алексей Степанович Башкиров был принят в Калининский пединститут 20 августа 1938 г., в ГАТО имеется его Личное дело²⁵, но в нем нет сведений об арестах Башкирова в 1935 и 1937 гг. В Калинин он явно находился под наблюдением соответствующих органов. Личное дело профессора А.С. Башкирова содержит важные документы о его научной и педагогической деятельности. Они могли бы помочь в написании биографии ученого, а это необходимо, так как в сочинениях А.А. Формозова и его «преемника» В.А. Бердинских Башкиров представлен доносчиком и виновником гибели своих коллег. Жажда выполнять прокурорские функции в последние годы охватила многих публицистов от истории, не помнящих библейскую заповедь «Не судите, да не судимы будете». В Калинин Башкиров находился на должности профессора кафедры всеобщей истории, читал лекции по древней истории, проводил археологическую практику со студентами в Крыму, готовил аспирантов – вплоть до 1948 г. Затем его профессорская карьера связана с Ярославским пединститутом²⁶.

Как прошла для Николая Ивановича Радцига первая половина 1941 г., не знаем, но в письме от 3 июля, полагаю, 1941 г.²⁷, сказано:

«Дорогой Сергей Иванович! Только что получил любезно Вами присланную брошюру Пиренна. Очень благодарю за книжку и за память. Живу по-прежнему. Учебный сезон почти закончился. Эти два месяца занят буду меньше – остаются экзамены и заочки. Что будет осенью, никто не знает. Очень остро стоит вопрос с новым приемом. Найдутся ли желающие поступать в Пед. институты? Очень отраднo, что Ваш Институт выпускает свою научную продукцию. У нас что-то об этом никто не думает. Я сейчас закончил небольшую работу страниц 75 печатных – «Исторические корни гитлеризма» ч. I до 1815 г.,

²⁴ См.: Профессор Анатолий Иванович Вершинский... 2005.

²⁵ См.: Личное дело А.С. Башкирова // ГАТО. Ф.Р-1213.опись 57. № 30.

²⁶ См.: Профессора ЯГПУ. 2008. С. 19.

²⁷ А.А. Кузнецов предположительно датирует это письмо 1942 г.

но как ее вывести в люди, не знаю. И многое у меня лежит под спудом, все по той же причине. Как Вы вообщеживаете? Какие планы на осень, от кого из общих знакомых имеете письма?».

В сентябре 1941 г. занятия в Калининском пединституте начались как обычно. По воспоминаниям дочери А.Н. Вершинского Аллы Анатольевны, Радциг читал лекции по истории средних веков, как всегда, блестяще. Однако фронт быстро подходил к Калининскому. Радциг поехал к семье в Москву, а в середине октября немцы уже были в городе. Вершинский с детьми еле успел добраться до Кашина, где пробыл до освобождения Калинина 16 декабря 1941 г. Почти все преподаватели пединститута эвакуировались далеко, Радциг же остался в Москве. О своей первой военной зиме он написал Архангельскому и Вершинскому²⁸. В письме к Вершинскому в феврале 1942 г. Радциг жаловался:

«Сейчас в Москве жить очень трудно. Тяжелее всего — холод. Сегодня у меня в комнате +2½°C. На улице ветер и стужа. Топлива нет, дожигаем последние дрова. Центральное отопление прекратилось с 28 января. Никаких надежд на получение дров или угля. К счастью, последние пять дней исправно работает электричество. С удовольствием очень туго. Боюсь расхвораться. Поддерживаешь себя только надеждой на будущее. На грех, такая стужа, чувствую, что отморозил себе руки и ноги. Когда же, наконец, весна?»

Пожилой профессор устроился на работу в Московский университет, заняв место эвакуированных преподавателей. Об этом он сообщал Архангельскому 28.05.1942. Приведу это письмо почти полностью, так как его содержание важно для понимания ситуации в Москве:

«Многоуважаемый Сергей Иванович! Вчера получил Ваше письмо от 15 мая. Я прочно сижу в Москве. Со времени катастрофы с Калининским я никуда не езжу. Пользуясь выездом из Москвы большинства историков, я получил занятия по новой истории в нескольких вузах — М.Гор.П.Инст., М.Гос.П.Инст., МГУ и Лит.Инст-а. Везде имею часовую оплату, впрочем, надеюсь получить полставки в М.Гос.П.И. Работа в вузах дала мне рабочую карточку и пропуск в столовую МГУ. Без этого приходилось погибать, т.к. на рынке, кроме молока и редьки, ничего не достанешь, да и то по дорогой цене. Особенно тяжело было в марте, т.к. раб. карточку и пропуск в столовую получил лишь с 1 апр. Зиму вообще пришлось помучиться. Температура спускалась до +1½°. Руки коченели, мозги плохо соображали. Вторую такую зиму не переживешь. Как дело было у Вас? За зиму кое-кто из историков убрались к праотцам — Гревс, Жебелев, Мороховец, Моравский. Другие в отъезде. Лавровский — во Фрунзе, Сказкин — в Ашхабаде, Петрушевский — в Казани. Впрочем, многие из «эвакурейцев» уже вернулись — Ефимов, Зубок, Панкратова; другие сидят на подъездах к Москве, их вполне резонно не пускает к нам милиция. Думаю, что, в конце концов, многие

²⁸ Письма к Вершинскому опубликованы (Чубарова А. Преподаватели Калининского пединститута в годы Великой Отечественной войны (письма профессора Н. И. Радцига профессору А. Н. Вершинскому)), но тираж этого издания мизерный.

прорвутся и тогда повыгоняют с мест всех тех, кто получил работу в вузах, где они были перед бегством. Особенной изобретательностью по части проникновения в Москву отличаются «испанцы».

Научная работа в Москве начинает понемногу оживать. При МГУ формируется англо-американская группа историков, подбирают сотрудников. Я указал Вас и В.Ф. Семенова. Из книжных новинок могу указать только одну – том Новой истории изд. АН СССР, посвященный Великой французской революции. Намечено перевести в Москву издательство АН. Вы интересуетесь Д.М. Петрушевским. Я изредка переписываюсь с ним. Он что-то чувствует себя неважно – сердце. На всякий случай сообщаю его адрес – Казань 43. Ново-Сибирская ул. Д. 6. Если Вы ему напишете, он, конечно, будет рад, он очень скучает²⁹. Из др. общих знакомых часто встречаю Бочкарева.

В общем, работы много, все устали, настрадались, ждем не дождемся разгрома гитлеризма. Сейчас еще хорошо – нет ночных налетов, а то конец прошлого года был очень тревожен. Но я никуда не ездил, опять потому, что был уверен, что Москву не сдадут, отчасти потому, что мыслил словами Пушкина: «И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать, но ближе к милому пределу мне все б хотелось почивать». И выиграл. Что будет дальше, предсказать, конечно, трудно, но думается, худшее уже позади».

Худшее для Радцига действительно было позади. Уже в январе 1942 г. Вершинский писал из освобожденного Калинина и настойчиво звал на работу. Вскоре и дирекция пединститута направила официальный запрос с предложением вернуться. В ответ Радциг писал, что пока не может оставить преподавание в Москве. Вершинскому он объяснял:

«Про свою работу в Москве скажу только, что она даёт мало удовлетворения. Ни в одном из четырёх мест не чувствую себя прочно. Связан только временным соглашением. В МГУ кончаю в мае, в Московском городском педагогическом институте всё уже закончил, в Литературном институте кончаю через две недели. Остаётся Московский государственный пединститут им. Ленина – там у меня один курс закончен, другой ещё потянет при небольшом количестве часов; останутся также заочники по 4 часа по воскресеньям. Выполнил своё положенное, и конец. Где-то далеко сидят «хозяева», которые издалека следят за Вами, боятся Ваших успехов, чтобы при случае сесть обратно на своё место. У них остались в Москве единомышленники и приятели, которые при случае подставят Вам ножку. Вас терпят до поры до времени только потому, что на Ваше место пока некого посадить. Найдётся такой человек, и Вы во едином часе окажетесь за бортом. Это отравляет работу. А потом и тяжёлые внешние условия. Холод в помещении. Слушатели сидят, скорчившись, и не могут за нами записывать, ожидают минуты, чтобы куда-то побежать и согреться. Учебных пособий пока достать трудно, т.к. здешние вузы (неразборчиво) были к эвакуации».

Осенью 1943 г. Николай Иванович все же вернулся преподавать в Калининский педагогический институт. В приказе от 01.10.1943 гово-

²⁹ Получив адрес, Архангельский тут же написал академику в Казань и отправил ему изданную в русском переводе книгу Анри Пиренна. Петрушевский ответил с благодарностью 6 июля 1942 г. См.: Кузнецов. 2009. С. 165.

рилось о его назначении на должность профессора по кафедре всеобщей истории³⁰. В июне 1944 г. в Совете МГУ он защитил диссертацию на тему «Школа в Женеве при Кальвине», а 10 февраля 1945 г. был утверждён в ученой степени доктора исторических наук³¹. В письме к Архангельскому от 9.06.1945 об этом событии написано следующее:

«Сегодня вечером еду в Калинин, где пробуду до 15 июня. Там меня очень ценят, в связи с получением мною степени меня премировали месячным окладом и ботинками». И далее - о научных занятиях:

«В Москве работаю в БСЭ над словариком по истории Франции, Нидерландов и Швейцарии. Работа трудная и нудная. Очень скорблю, что ничего не удастся напечатать. Последний год потерял связи и с АН, т.к. все хворюю и сижу дома. Выезжаю на 5 дней два раза в месяц. Насчет рекомендации Вам научного работника по Новой истории подумаю. Дело это не легкое. Мы в Калининне не имеем тоже специалиста по истории СССР и по истории Нового Востока».

Подробнее о работе исторического факультета Калининского пединститута в 1943–1945 гг. Радциг написал в «Историческом журнале», упомянув и о своей докторской защите в МГУ³². О докторской диссертации Радцига сообщают многие общие труды по истории советской медиевистики. Но текст диссертации никто не подвергал анализу, и возникают разные нелепицы. Так, в одном автореферате (2011 г.) сказано, что диссертация защищена в Калининне как кандидатская. Явно с диссертацией Радцига произошла ситуация: не читал, но скажу...

Общение в Москве с коллегами из Института истории позволило Радцигу принять участие в публикациях нового издания – «Средние века»³³. В сборнике, посвященном памяти акад. Д.М. Петрушевского, он опубликовал статью об Этьене де Ла Боэси. В этом же сборнике напечатана статья Архангельского. Оба историка представляли учеников Петрушевского. Над переводом трактата Ла Боэси Радциг, как уже упоминалось, работал еще до войны³⁴. Текст перевода этого трактата Радциг не мог опубликовать, о чем очень сожалел в письмах к Архангельскому: «...многое так и не удалось напечатать. В этом виноваты инертность Калининского института и отсутствие связей в издательствах». Известно, что Ф.А. Коган-Бернштейн издала в серии «Литературные памятни-

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283. Л 28.

³¹ См. выписку из протокола ВАК от 10 февраля 1945 г. ГАТО. Ф. Р-1213. Оп. 57. № 283Л. 31.

³² См.: Исторический журнал. 1945. № 4. С. 110–111.

³³ Радциг. 1942; 1946.

³⁴ С этими материалами он знакомил и своих студентов. В.В. Малиновский, учившийся на истфаке Калининского пединститута в 1945–48 гг., вспоминал, что написал реферат по трактату «Рассуждение о добровольном рабстве» и выступал с докладом в студенческом научном кружке. Малиновский. 1998. С. 26.

ки» в 1952 г. трактат Э. Ла Бозси. Но какое отношение имел к этой публикации Радциг, неизвестно. Также неизвестна и судьба всех других неопубликованных работ Николая Ивановича. Осенью 1948 г. он писал Архангельскому: «Очень жалею, что не могу посещать библиотеку АН; а это мешает мне закончить ряд моих долголетних трудов. После меня все это погибнет, т.к. мой единственный сын и наследник не питает интереса ни к истории, ни к литературе».

В феврале 1946 г. Радцигу исполнилось 65 лет, но он продолжал преподавать в Калининне. 4 марта 1946 г. к Архангельскому он сообщал:

«Недавно исполнилось 65 лет. Пережитое за годы войны даёт себя чувствовать. В Калинин езжу на 4–5 дней раз в две недели. Там 8 февраля произошло большое несчастье: от неисправности дымохода сгорел аудиторный корпус. В огне погибло несколько кабинетов, в том числе и исторический. У меня погиб весь курс истории средних веков, несколько книг, записок и т.д. Приходится свой курс восстанавливать по запискам слушателей. В Москве я почти никуда не хожу, кроме Литературного института, где два раза в неделю, когда бываю в Москве, читаю лекции по Средним векам. Врачи велят больше лежать, вечером плохо вижу и ложусь рано спать. Подвожу итоги своим научным работам. Много готовых статей для печатания, но их так трудно пристроить. В Калининне теперь занят совсем другим. Сейчас работаю над большим трудом «Чамберра»³⁵; летом думаю его закончить, конечно, если позволит здоровье».

Архангельский в свою очередь сообщал коллеге новости, но, будучи человеком скромным, о росте своей карьеры не писал. Радциг, узнав из газет об избрании Сергея Ивановича в члены-корреспонденты АН СССР, 5.12.1946 писал: «Спешу Вас поздравить и пожелать всего хорошего, главное здоровья, на новом поприще деятельности». В ответ он получил из Горького душевное письмо, на которое отвечал 15.12.1946:

«Получил Ваше письмо, и, естественно, ожили воспоминания далеких лет! Вашу просьбу насчет подбора оттисков моих работ постараюсь выполнить в ближайшие дни. Т.к. из Горького или Вы или кто другой бывают в Москве, то самое лучшее, если Вы зайдете ко мне. Но можно сделать и так – я передам собранное В.М. Лавровскому, с которым Вы часто видите. Известите, что Вам больше улыбается». Далее Радциг обращался к коллеге с просьбой: «26 декабря в Калининне собираются чествовать “стариков”, в том числе и меня (мне уже 65 лет). Для меня, конечно, было бы очень приятно, если бы Вы прислали мне к этому дню какое-нибудь поздравление. Таковое следует направить декану истфака Василию Петровичу Тугаринову (ул. Урицкого, здание Гос. пединститута)».

Скорей всего, Архангельский такое поздравление отправил.

Профессора Радцига душевно поздравили с юбилеем студенты Калининского пединститута. Он сохранил листки, написанные от руки цветными карандашами, и любительские стихи. Хорошие отношения

³⁵ О чем идет речь, мне не ясно. Так читается в письме Н.И. Радцига.

сложилось у Радцига и с аспирантами. Радциг занимался с аспирантами латинским и древнегреческим языком, принимал кандидатские экзамены. Позднее бывший аспирант А.С. Башкирова Василий Сергеевич Тарасенко (1919–1976) рассказывал студентам истфака, чему я была свидетель, о Радциге как выдающемся историке-медиевисте, представителе старой школы Московского университета, сравнивал его с А.Я. Гуревичем, начавшим преподавать в Калининне с 1950 г.

В ноябре 1947 г. в связи с 30-летием Калининского пединститута Радциг был награждён за высокое качество подготовки кадров знаком «Отличник народного просвещения». В тот же год в Горьковском университете вновь открыли исторический факультет и его деканом назначили Архангельского. Кадров не хватало, поэтому Архангельский обращался в Москву к Радцигу. Тот в ответ в сентябре 1947 г. писал:

«Ваше письмо получил вчера и вчера уже говорил с братом. С.Ив. не может сам взять на себя занятия у Вас в университете (его перегрузили в МГУ, и по состоянию здоровья не может отважиться на поездку к Вам), но он обещал порекомендовать Вам надежного человека. Таковой не замедлит Вам написать».

В июне 1949 г. по тому же вопросу Радциг писал: «Несколько лет тому назад Вы обращались ко мне с просьбой рекомендовать специалиста по классической филологии. Теперь у меня таковой есть, высококвалифицированный Виктор Ноевич Ярхо. Он сдал успешно аспирантский экзамен, осенью будет защищать диссертацию. Его очень рекомендует мой брат. Он готов по Вашему вызову приехать к Вам в назначенный срок. Его адрес: Москва улица Чехова ¼ кв. 2»³⁶.

Начало 1948 г. для Радцига было непростым. Он тяжело болел, ездить в Калинин становилось все трудней. В письмах к Архангельскому за 1948 г. он часто жаловался на здоровье: болезнь сердца, «болят глаза», «быстро утомляюсь при чтении, часто дрожат руки, так что не бываешь в силах писать». Осложнялась ситуация в вузах. В письмах к Архангельскому Радциг упоминал, что с марта 1949 г. началась «борьба с призраком космополитизма» в Литературном институте, где он преподавал Средние века, а в МГУ на кафедре, где работал его брат, проходили собрания с резкими обвинениями, и С.И. Радциг ушел с заведования кафедрой. В Калининском пединституте было организовано партсобрание, на котором в грехах космополитизма обвиняли Башкирова.

Летом 1948 г. Радциг и Башкиров приняли решение покинуть Калинин и написали заявления об увольнении. Для дирекции института это было неожиданно, и Радцига просили пересмотреть решение³⁷. Но с 1 января 1949 г. он вышел на пенсию.

³⁶ В.Н. Ярхо не суждено было преподавать в ГГУ. Что-то не получилось.

³⁷ Текст письма директора имеется в Личном деле профессора Н.И. Радцига.

В письмах к Архангельскому осенью 1949 г. Радциг сообщал обстоятельно о своей жизни. Так, 24 сентября он писал:

«Последние три недели что-то чувствую себя плохо. Захватил грипп, а к нему присоединились и прежние недуги. И все это в окружении старости. Около 1 сентября узнал о неприятности в Литературном Институте. Министерство по всем вузам провело сокращение штатов, и у меня в Институте, вместо полной ставки, оказалось пол-ставки. Это внесло большое потрясение в мой бюджет, тем более что случилось совершенно неожиданно. Мы все ждали из Министерства новых программ, а оно порадовало нас убавкой зарплаты... Все надежды теперь на повышение ставок пенсий. Что ставки эти в ближайшее время будут увеличены, об этом говорят все, но как и когда? Многие уже не дождались этой милости. На днях умер известный, вероятно, Вам Александр Алексеевич Фортунатов. Насчет новых размеров пенсий говорят разное. Большинство утверждает, что за 25-летнюю работу в Вузах будет дано половина последней Вашей зарплаты. Вот это меня и огорчило. Если бы у меня сохранилась полная ставка, то я бы стал получать в месяц 3000 р., а теперь входит вдвое меньше.

Вот это одно тяжелое мое переживание последних недель. Другое основание к тревоге порождает во мне воздвигаемая рядом с домом Вавилонская башня. наших московских хозяев новый вид постройки очень занимает... Это, естественно, может быть роковым и для моей библиотеки. Куда мне с ней деваться? К тому же сын мой выбрал себе такую специальность (авиация), для которой книги по истории и всеобщей литературе не нужны. Единственное, что меня еще удерживает расстаться с моим научным аппаратом, это еще не окончательно порвавшаяся связь с наукой. Тем более что ходить по читальням и библиотекам теперь я уже не могу по состоянию здоровья. Вот почему я очень прошу Вас, когда Вы будете в Москве, как-нибудь зайти ко мне и посмотреть мои книжные накопления...

Книжных новостей мало. По новейшей истории вышла книга Штейна «Парижская мирная конференция. 1919–20 г. «Русский вопрос»³⁸. Интересен сборник «Немецкая поэзия революции 1848 г.» Сегодня на выставке в магазине видел книгу: «Книга для чтения по истории Средних веков». Самому напечатать ничего не удастся. Очень жаль, что без движения остался мой перевод Лабозси «Рассуждение о добровольном рабстве», а также Кальвин Трактат о религии». Далее Радциг писал о ситуации в Москве. «Из общих знакомых недавно видел В.Н. Бочкарева. Он все еще держится в М.Гор.Пед.Институте, несмотря на подкопы против него со стороны директора Щеголева. В защиту Бочкарева выступал на Институтском совете покойный Фортунатов, произнесший гневную речь против директора и назвавший его новым Филиппом II. Эффект получился поразительный, но все это стоило защитнику сердечного припадка и через некоторое время смерти».

В письмах начала 1950-х гг.³⁹ Радциг беспокоился, что его дом находится под угрозой сноса, его пугал переезд, перевозка большой библиотеки и обстановки. Ведь в этой квартире жили его родители еще до

³⁸ Штейн. 1949.

³⁹ Три письма за 1954–1955 гг. Радцига к Архангельскому находятся в Архиве РАН. См.: Ф. 1530. Оп. 4. № 86. Их содержание мне неизвестно.

революции. В итоге дом стоит и сейчас рядом со зданием Министерства иностранных дел, а семья Николая Ивановича была переселена в Фили.

Профессор Николай Иванович Радциг скончался в Москве 29 января 1957 г. Профессор Сергей Иванович Архангельский, пережив коллегу на 1,5 года, умер скоропостижно за рабочим столом осенью 1958 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Воробьева И.Г., Кузнецов А.А.* Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 36 Специальный выпуск: Интеллектуальная культура и ученые сообщества Европы в Новое время. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 377–402.
- Ермаков А.М.* Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 3–4. С. 135–143.
- Кауркин Р.В., Кузнецов А.А., Сапон В.П. и др.* Век на педагогической ниве. К столетнему юбилею НГПУ. Нижний Новгород: НГПУ, 2011. 168 с.
- Профессор Анатолий Иванович Вершинский. Дневник. Воспоминания / Предисл. И.Г. Воробьевой; подгот. текста И.Г. Воробьевой, Т.П. Сергеевой. Тверь, 2005. Профессора ЯГПУ. 1908–2008: биографические очерки /сост. А.В. Ерёмин; под ред. проф. М.В. Новикова. Ярославль, 2008.
- Каплан А.Б.* Путешествие в историю. Французы в Индии. Изд. 2-е, доп. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979 // <http://readr.ru/akarlan-puteshestvie-v-istoriyu-francuzi-v-indii.html#ixzz1iPff8Uhzr>
- Кузнецов А.А.* С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // *Пиренн А.* Средневековые города и возрождение торговли. Нижний Новгород: НГПУ, 2009. С. 146–168.
- Малиновский В.В.* Дорогами памяти. Т. 2. М., 1998.
- Радциг Н.* Начало римской летописи // Ученые записки императорского Московского ун-та. Отдел историко-филологический. М., 1904. Вып. 32. С. 1–53.
- Радциг Н.И.* Traite des reliques Кальвина, его происхождение и значение // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 150–163.
- Радциг Н.И.* Этьен де Лабозси – предшественник монархомахов-тираноборцев XVI в. // Средние века. 1946. Вып. 2. С. 323–332.
- Радциг Н.И.* Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722–1754 // Труды Ярославского педагогического института. Т. IV, вып. I. Ярославль, 1929.
- Савин А.Н.* Дневниковые записи 1914–1917 гг. // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 52. М., 2004.
- Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 464 с.

Воробьева Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Тверского государственного университета; Dubrovnik@mail.ru

И. В. Будцын

КОНЦЕПЦИЯ РЕШЕНИЯ АГРАРНОГО ВОПРОСА С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАВЕРШЕННОСТИ РАННЕБУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

В статье рассматривается проблема завершенности английской и французской буржуазных революций в связи с концепцией решения аграрного вопроса С. И. Архангельского. Автор по-новому подходит к оценке «консервативного» характера английской и «радикального» характера французского вариантов аграрных преобразований в ходе революций исходя из понятия «исторического оптимума». Показано, что «консерватизм» Английской революции XVII века является идеологическим мифом, ничего общего не имеющим с марксистской оценкой данного события.

Ключевые слова: *буржуазная революция, аграрные законы, консервативный, радикальный, оптимальный, марксизм.*

Проблема завершенности ранних буржуазных революций является дискуссионной в отечественной и зарубежной историографии¹. Согласно устоявшемуся мнению, *незавершенность* английской революции прямо связана с ее *консервативным* характером, тогда как *радикализм* французской революции создал предпосылки для развития Франции по пути буржуазного прогресса. Основным критерием здесь выступает решение аграрного вопроса в ходе обеих революций. Считается, что в отмене рыцарского держания в Англии актом 24 февраля 1646 г. с последующим его подтверждением и развитием в 1656 и 1660 гг. «наиболее наглядно проявился *консервативный, незавершенный* характер английской буржуазной революции середины XVII в. (курсив мой – И. В.)»².

Напротив, французская революция *радикально* вычистила «авгиевы конюшни» феодального землевладения, «уничтожила феодальную форму собственности в пользу собственности буржуазной»³ и, тем самым, создала идеальные стартовые условия для развития капитализма во Франции. Это мнение, сложившееся, якобы под влиянием марксизма, продолжает существовать в качестве устойчивого стереотипа в исследовательской практике и системе высшего исторического образования⁴.

¹ Барг. 1975. С. 69-88; 1987. С. 186-199; Адо. 1989. С. 17-25; Афанасьев, Блумен-нау. 1989. С. 18-34; Нарочницкий. 1989. С. 3-16; Die Französische Revolution... 1983.

² Новая история. 1983. С. 15; 1998. С. 15; Новая история... 2003. С. 63.

³ Новая история. 1951. С. 47-48.

⁴ Лабутина. 1982. С. 154; История Европы. 1994. С. 30; Новая история... 1998. С. 15; Новая история... 2003. С. 63.

По общему признанию проблема впервые была сформулирована в законченном виде С. И. Архангельским⁵. Действительно, в его работах присутствует мысль о незавершенности решения аграрного вопроса в ходе английской революции. В книге «Аграрное законодательство английской революции 1649–1660 гг.» он пишет: «индепенденты в ликвидации элементов феодального землевладения <...> *остановились на полдороге*, не затронув манориальной системы со всей совокупностью присущих ей институтов <...> Более *радикальная чистка* Англии от всех лордов, а не только от короля, *не осуществилась*... (здесь и далее курсив мой – И. Б.)»⁶. Окончательный вердикт английской революции как «ограниченной» и «консервативной» был вынесен Архангельским в главе «Аграрная политика и аграрное законодательство английской революции» двухтомного академического труда «Английская буржуазная революция XVII в.»: «В *односторонней отмене рыцарского держания* ярко сказался *консервативный характер* английской революции»⁷.

Проблема (не)завершенности революционных процессов – это проблема *логико-онтологическая*; проблема консервативности или радикальности – *аксиологическая*. Логико-онтологическая проблематика предполагает, *во-первых*, выяснение реальных исторических условий, в которых происходят события; *во-вторых*, выяснение объективной логики исторического процесса. К реальным условиям в данном случае необходимо отнести, прежде всего, отсутствие классического крепостного права в странах Запада в период революций. Кроме того, к их началу в Англии и Франции уже появился слой новых земельных собственников-предпринимателей, и в экономике развился достаточно мощный раннекапиталистический уклад. Исходя из логики марксистского понимания исторического процесса, капиталистический способ производства более прогрессивен, чем феодальный, и неизбежно должен придти ему на смену. Поэтому интересы капиталистического способа производства должны быть учтены в первую очередь. Являясь товарным, капиталистическое производство, а, следовательно, и капиталистическое общество будет тем более прогрессивным, чем более благоприятные условия для производства и сбыта товаров в этом обществе созданы. Такова логика.

Что касается исторической аксиологии, к которой относится использование таких понятий, как «радикальный», «консервативный», то здесь мы тоже выскажем несколько предварительных замечаний. *Во-первых*, оценка тех или иных событий всегда субъективна; следовательно

⁵ См.: Телегина. 2001. С. 23.

⁶ Архангельский. 1940. С. 5-6.

⁷ Английская буржуазная революция XVII века. С. 404.

но, необходимо определить, кто в данном случае выступает в качестве *субъекта*. Если перед нами буржуазная революция, то и оценка «консерватизма» или «радикализма» процессов должна отражать объективные потребности буржуазного развития. *Во-вторых*, эта оценка предполагает выяснение субъективных *целей*, которые ставила перед собой сама буржуазия, являвшаяся в то время носителем прогресса. В идеале субъективное целеполагание буржуазии того времени должно совпасть с объективными потребностями исторического прогресса.

Сформулируем гипотезу: *чем более радикальным* (в традиционном смысле термина) *будет решение аграрного вопроса* в ходе политического переворота, называемого буржуазной революцией, *тем менее благоприятными будут условия для развития промышленного капитализма*.

В истории все глубинные тенденции проявляются и работают только и исключительно через деятельность «преследующего свои цели человека». Человек, или группа, или класс, ставя перед собой какие-либо цели, стремятся выбрать наиболее *подходящие* пути для их достижения. Если предположить, что решение аграрного вопроса на основе закона 24 февраля 1646 г., подтвержденное и развитое законом 1656 г. и закрепленное Бредской декларацией 1660 г. не было результатом случайного стечения обстоятельств, а явилось реализацией интересов определенных слоев общества, то кто мог планировать подобный результат?

Одной из важнейших тенденций, отмеченных С. И. Архангельским в развитии поземельных отношений в Англии в преддверии революции, является *изменение состава землевладельцев*. С конца XV в. шел постоянный процесс перехода земли из рук феодальной знати в руки нового дворянства и буржуазных элементов города, так называемых «денежных людей». Таким образом, уже к середине XVI в. в Англии сформировался достаточно мощный слой буржуазных земельных собственников, стремившихся превратить приобретенные земли в капитал, сделав их объектом свободной купли-продажи. К ним относятся новые *дворяне* – *джентри*, которые в результате первого этапа огораживаний приобрели огромные земельные владения. В этих владениях уже полным ходом шла капиталистическая перестройка хозяйственной жизни, тормозившаяся наличием феодальных поборов со стороны короны. Вторым слоем были разного рода *владельцы мануфактур*, нуждавшиеся в рынке свободной рабочей силы, который стал образовываться в результате тех же огораживаний. Третьим слоем были *кутцы, ювелиры и дельцы лондонского Сити*, нажившие земельные состояния на секуляризации церковных земель. Все они нуждались как в превращении приобретенных земель в свободную капиталистическую собственность, не обременен-

ную никакими феодальными обязательствами, так и в свободной рабочей силе. Однако этому мешали старые феодальные правовые институты. Как пишет С. И. Архангельский «средневековые правовые нормы, продолжавшие тяготеть над земельной собственностью этого нового по своей социальной природе землевладельческого класса, должны были ощущаться ими с особой остротой»⁸. Новые землевладельцы придумывали способы уклонения от старых феодальных обременений. Это вызвало обратную реакцию короны, которая еще статутами 1536 и 1541 гг. стремилась «пресечь дальнейшее ускользание земли от феодального контроля», что воспринималось новыми собственниками как «феодальная реакция»⁹. Учрежденная статутом 1541 г. «Палата по делам опеки» сосредоточила сбор всех феодальных обязательств, взыскиваемых с землевладельцев в пользу короля. С. И. Архангельский отмечает, что в сущности уже буржуазная земельная собственность, «стала подвергаться все более строгому феодальному контролю в системе феодальных взысканий, чем это имело место ранее»¹⁰. Следствием этого стало одно из наиболее существенных противоречий, сложившихся в предреволюционной Англии, замеченное и сформулированное Архангельским: противоречие между системой «феодального земельного права» и «условиями существования значительнейшей части землевладельческого класса»¹¹. В разрешении этого противоречия были также заинтересованы также крестьянские держатели земли и лендлорды¹².

Кстати, аналогичная трансформация происходила и в предреволюционной Франции. Так известный английский историк А. Коббэн в своих работах подчеркивал далеко «не феодальный» состав получателей «сеньориальных пошлин» во Франции накануне революции¹³. Сходное мнение высказывал и его французский коллега К. Мазорик¹⁴. О противоречиях между различными категориями нарождающейся французской буржуазии и их взаимоотношениях с производителями сельхозпродукции пишет и немецкая исследовательница С. Петерсен¹⁵.

Таким образом, субъектом целеполагания являлся слой новых собственников, приобретших землю в результате секуляризации, а также

⁸ Английская буржуазная революция XVII века. С. 398.

⁹ Там же. С. 399.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 398.

¹² Там же. С. 400.

¹³ См.: *Cobban*. 1956. P. 2; 1964. P. 17; 1968. P. 266.

¹⁴ См.: *Mazauric*. 1983. P. 129.

¹⁵ См.: *Petersen*. 1983.

старые земельные собственники, успешно развивавшие новые формы производственной деятельности в рамках процесса огораживаний. При первых Стюартах эти силы сформировали парламентскую оппозицию, лидеры которой «с самого начала стремились сохранить для себя все права над крестьянскими держаниями, над копигольдом»¹⁶. Архангельский отмечает, что уже первый проект 1610 г. продемонстрировал далеко идущие планы оппозиции. В нем предлагалось уничтожить институт рыцарского держания вместе со всеми повинностями и платежами, связанными с системой опеки. Вместе с тем такие повинности, как фэйны, герiotы, посещение судебной курии лорда, барщина, как и другие платежи и повинности крестьян в пользу лордов, не подлежали отмене. Историк приходит к выводу о том, что сохранение копигольда в проекте реформы при одновременной отмене рыцарского держания «обнаруживает, что **сговор классов-союзников** против крестьянского землевладения, полностью вскрывшийся лишь в ходе революции, **намечался еще задолго до нее. В дни революции оставалось лишь осуществить эту классовую эгоистическую программу** (выделено автором – И. Б.)»¹⁷.

В рассуждениях С. И. Архангельского мы явно видим четкое понимание изначальных целей устроителей буржуазного переворота в Англии. Так можно ли говорить о незавершенном, консервативном характере самой революции, если выработанный план был полностью выполнен. С точки зрения *субъективного* целеполагания Английская буржуазная революция была абсолютно завершенной!

Вопрос о завершенности раннебуржуазных революций в отечественной литературе связан с определением характера каждой из них, и критерием здесь выступает решение аграрного вопроса. Согласно устоявшемуся мнению, которое, как считается, восходит к работам классиков марксизма, Французская революция наиболее радикальным способом разрешила аграрный вопрос, а потому рассматривается как наиболее завершенная из всех ранних буржуазных революций. Однако такой подход не является историческим. Он скорее логический. Если предположить, что с буржуазных революций *начинается* развитие капиталистического способа производства, то, наверное, данная точка зрения будет иметь право на существование. В этом случае буржуазные отношения зарождались бы постепенно, формируясь в условиях изначально равных стартовых возможностей всех граждан, основанных на равном праве на основное средство производства в предшествующем способе – землю.

¹⁶ Английская буржуазная революция XVII века. 1954. С. 401.

¹⁷ Там же.

Однако история капитализма такова, что условия для его возникновения создаются задолго до совершения буржуазных политико-правовых переворотов. Как писал К. Маркс в «Предисловии к критике политической экономии»: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может решить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹⁸.

Реальная история возникновения таких условий в Англии была связана с развитием новых (буржуазных) производительных сил в рамках старых (феодальных) производственных отношений. Процесс огораживаний, развернувшийся в Англии уже в XV в., привел к формированию джентри, которые вместе с другими *новыми собственниками* земли и составили главную активную силу английской буржуазной революции. Крестьянство в этом движении выступало лишь как масса, в значительной степени несознательная, а часто просто как пушечное мясо в противостоянии с армией короля. Конечно, всякие политические перевороты совершаются конкретными людьми, которые и формулируют цели движения. Но цели эти также зависят от конкретного места и времени. Прежде всего, времени исторического. В этом и заключается связь субъективного целеполагания и объективного развития в истории.

Каковы были цели новых землевладельцев? Освободиться от «королевской опеки». Объективно это бы способствовало разрешению конфликта между уровнем развития производительных сил (мануфактуры, торговые компании, капиталистическая аренда) и характером производственных отношений (верховное право короля на землю и, как следствие распространение феодальной «опеки» по нисходящей феодальной иерархии). Данный конфликт приводил к тому, что прибыли, получаемые от новых форм ведения хозяйства, через институт «рыцарского держания» уходили на поддержание старых феодальных отношений (не только производственных). Ликвидация феодальных обязательств могла высвободить значительные средства для развития бизнеса и концентрации больших земельных владений в руках новых земельных собственников через механизмы продолжавшихся огораживаний и пе-

¹⁸ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 13. С. 7.

пераспределения в их пользу земель делинквентов. Этот процесс широко развернулся в Англии после принятия акта 24 февраля 1646 г.

«В истории Англии, – пишет С. И. Архангельский, – еще не было эпохи, когда такое большое количество земель, принадлежавших феодальным землевладельцам или феодальным корпорациям, поступило бы в продажу в течение столь короткого периода, как 13 лет (1646–1659 гг.)»¹⁹. Основными покупателями земли были представители буржуазии – банкиры, купцы, разбогатевшие мастера и мануфактуристы, а также офицеры, дворяне, чиновники, фермеры и т.д. Активное участие в распродажах земель короны приняли земельные спекулянты.

Все новеллы в области аграрного законодательства могли привести и приводили к концентрации крупной земельной собственности в руках новой, уже буржуазной земельной аристократии: «Лондонский ювелир, т.е. банкир, богатый купец, владелец мануфактуры, купив дворянскую землю, становился юридическим преемником всех феодальных привилегий прежнего лорда»²⁰. Но как предприниматель, он был заинтересован в скорейшем освобождении своей собственности от еще феодальных держаний мелких пользователей – копигольдеров. Инструментом этого освобождения послужила последующая государственная политика. С новой силой развернулись огораживания общинных земель.

Итак, объективной задачей английской буржуазной революции было создание крупной капиталистической земельной собственности. Именно ее и решила революционная эпоха. Применительно к выяснению характера той или иной революции нельзя говорить вообще о «радикализме» или вообще о «консерватизме» политических процессов. На наш взгляд, сами процессы следует рассматривать с точки зрения исторического **оптимума**, который был необходим и возможен в конкретных исторических условиях²¹.

Уже отмечалось, что концепция консервативного, характера Английской революции в историографии ассоциируется с марксизмом. Причем считается, что классики марксизма были едины по вопросу о консервативном характере английской революции и противопоставляли ей революцию французскую. Радикализм последней связывался, прежде всего, с последовательным решением аграрного вопроса в пользу основной массы малоземельных крестьян. В результате во Франции воз-

¹⁹ Английская буржуазная революция XVII века. С. 392.

²⁰ Там же. С. 393.

²¹ Необходимость разработки понятия «исторического оптимума» подчеркивалась в отечественной методологии обществознания. См., напр.: Кризисные явления в советской исторической науке... С. 187.

ника система parcelного землевладения, как наиболее демократическая стартовая основа для развития капитализма в сельском хозяйстве.

О незавершенности ранних буржуазных революций Ленин действительно говорил. Так, в работе «К четырехлетней годовщине октябрьской революции» он отмечал, что «авгиевы конюшни» феодально-крепостнического строя, – в том числе феодальное землевладение и землепользование, – остались в странах Западной Европы в «недочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций, 125, 250 и больше (1649 в Англии) лет тому назад»²². Именно эта цитата послужила основанием для вывода, сделанного авторами учебника «Новая история Т. I. 1640–1789» о том, что «английская буржуазная революция закончила свою восходящую линию, далеко не разрешив всех стоящих перед нею задач»²³, а в односторонней отмене феодальных повинностей, «ярко сказались *ограниченный характер английской буржуазной революции и ее отличие от французской революции конца XVIII в., полностью уничтожившей сеньориальный режим и феодальные повинности в деревне (курсив мой – И. Б.)*»²⁴.

Считается, что половинчатое решение аграрного вопроса в Англии связано с тем, что феодальное право не было уничтожено в отношении крестьян. Между тем Маркс, оценивая ордонанс от 24 февраля 1646 г. пишет, что классы, союзники в революции, «присвоили себе право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право»²⁵, и лишили, тем самым, английское крестьянство легальных прав на землю, на которую «крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»²⁶. То есть Маркс прямо утверждал, что масса английского крестьянства *была лишена* своего феодального права на землю! Вслед за ним Архангельский констатирует: «Внешне положение копигольдеров не менялось, они по прежнему остались держателями по обычаю манора. Но именно это <...> было равносильно их законодательной экспроприации»²⁷. Раз феодальные права крестьян были уничтожены, значит, никакого половинчатого решения не было. Оно было полным и *оптимальным* в тех исторических условиях.

Парадокс заключается в том, что из рассуждений Архангельского должен следовать вывод о том, что английский вариант решения аграр-

²² Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 145.

²³ Новая история. 1951. С. 62.

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Маркс К. Капитал. Т. I. С. 727.

²⁶ Там же. С. 723.

²⁷ Английская буржуазная революция XVII века. С. 404.

ного вопроса способствовал *наиболее радикальной* экспроприации крестьян, то есть «отделению непосредственных производителей от основных средств производства» как основному способу первоначального накопления капитала согласно теории Маркса. Ведь еще в работе «Аграрное законодательство Английской революции 1649–1660 гг.» он писал, что увеличение количества бедноты в Англии «находит свое объяснение в том процессе первоначального накопления, который усилился в эпоху буржуазной революции в связи с ломкой феодальных институтов и мобилизацией земли»²⁸.

Потерявшее средства к существованию в результате ускорившегося после законодательной отмены «рыцарского держания» процесса огораживаний английское крестьянство превращалось в источник дешевой рабочей силы для мануфактуры, что способствовало углублению разделения труда и превращению частичного рабочего в простейший «механизм», который можно было легко заменить машиной. В результате в Англии были созданы *оптимальные* условия для быстрого развития капитализма, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В XVIII–XIX вв. в условиях развернувшейся промышленной революции крупное капиталистическое землевладение стало широким рынком сбыта продукции сельскохозяйственного машиностроения, а экспропрированное сельское население – дешевой рабочей силой для крупных промышленных центров новой индустриальной Англии.

Однако вместо очевидного вывода, читаем следующее: «Осуществление требований диггеров привело бы к самой *радикальной чистке* Англии *от феодализма*, от средневековья и крепостничества, то есть означало бы доведение буржуазной революции до конца, до наиболее полного осуществления задач буржуазно-демократического переворота». Диггеры, по Архангельскому, выдвинули в ходе революции «программу *наиболее последовательно-демократического* в рамках буржуазного строя *решения аграрного вопроса* (курсив мой – И. Б.)»²⁹. При этом он ссылается на рассуждения Ленина о «равенстве мелких производителей» как условия «самого широкого, полного, свободного и быстрого развития капиталистического сельского хозяйства»³⁰. Тем не менее, как показывает опыт, предоставление равных прав на землю всему сельскому населению не обязательно ведет к ускоренному развитию товарного производства. Скорее всего, реализация требований диггеров привела

²⁸ Архангельский. 1940. С.20.

²⁹ Английская буржуазная революция XVII века. С. 404-405.

³⁰ Цит. по: Английская буржуазная революция XVII века. С. 405.

бы к обратному результату, к торможению процессов развития капиталистического производства, как в деревне, так и городе. Вывод, сделанный Архангельским, не учитывает, что английское общество уже перескочило ту логическую ступень развития раннего капитализма, которая характеризуется не только формальным, юридическим равноправием мелких производителей, но и их реальным равенством в наличии «стартового капитала» для развития предпринимательской деятельности.

Итак, вопрос о *консервативности и незавершенности* Английской буржуазной революции, в отличие от Французской, является *идеологемой*. Автором ее считается К. Маркс, который в рецензии на работу французского историка Ф. Гизо «Почему удалась английская революция?» высказал мысль о консервативном характере Английской революции, превратившуюся позже в утверждение о ее незавершенности. Однако, вопреки общему правилу, мы не будем приписывать эту идеологему Марксу. Обратимся к тексту. В заключительной части рецензии Маркс пишет: «Великая загадка для г-на Гизо, – которую он в состоянии объяснить только особой рассудительностью англичан, – *загадка консервативного характера английской революции*, объясняется длительным союзом между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение (курсив мой – И. Б.)»³¹.

На первый взгляд, Маркс действительно говорит о консервативном характере английской революции. Но не будем спешить с выводами. Poleмическая часть рецензии открывается предположением Маркса о вопросе, на который хочет ответить Гизо. В формулировке Маркса этот вопрос звучит так: «почему в Англии буржуазное общество развивалось в форме конституционной монархии дольше, чем во Франции?»³². По его мнению, сам Гизо выделяет две причины, в которых видит ответ на поставленный вопрос. «Во-первых, в том, что английская революция носила насквозь религиозный характер и, следовательно, никоим образом *не порывала со всеми традициями прошлого*, и, во-вторых, в том, что она с самого начала *выступала не как разрушительная, а как консервативная сила*, что парламент защищал *старые существующие законы* от посягательств короны (курсив мой – И. Б.)»³³. Становится ясно, что понятие «консервативного» характера английской революции формулиру-

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 222.

³² Там же. С. 218.

³³ Там же. С. 220.

ет не Маркс, а Гизо, чтобы ответить на поставленный им же самим вопрос. Маркс лишь использует это понятие, но, как увидим, в чисто полемических целях. Выступая против аргументов Гизо, он показывает ограниченность его взглядов: «В отношении первого пункта г-н Гизо забывает, что *свободомыслие*, так пугающее его во французской революции, было завезено во Францию именно *из Англии*. <...> В отношении второго пункта г-н Гизо совершенно забывает, что <...> абсолютизм, особенно в той форме, в какой он выступал под конец во Франции, был и там новшеством, и против этого новшества восстали парламенты, *защищая старые законы, us et coutumes* старой сословной монархии (курсив мой – И. Б.)»³⁴. Маркс критикует Гизо за то, что в борьбе между Карлом I и парламентом французский историк видит только чисто политические процессы, совершенно упуская из виду ее социально-экономическое содержание и классовый смысл. Вывод Маркса таков: «так как г-н Гизо повсюду опускает важнейшие моменты, то он ничего не может дать, кроме *крайне неудовлетворительного* и банального повествования о *чисто политической* стороне событий (курсив мой – И. Б.)»³⁵.

Итак, *во-первых*, «консервативный» характер английской революции есть изобретение французского историка Ф. Гизо. *Во-вторых*, английский «консерватизм» рассматривается Гизо и Марксом не сам по себе, а в отношении французского «радикализма». *В-третьих*, Гизо подчеркивает *политический* консерватизм английской революции, в то время как Маркс рассматривал Английскую буржуазную революцию не с точки зрения формальных политических изменений, а в плане социально-экономического содержания, т.е. как событие, положившее начало подлинной социальной революции. Именно поэтому Маркс иронично замечает по поводу политического консерватизма английской революции, подчеркиваемого Гизо: «Таким образом, получается, что г-н Гизо восхваляет Англию за то, что в ней, под прикрытием конституционной монархии, получили развитие гораздо более многочисленные и гораздо более *радикальные* элементы *социальной революции*, чем во всех других странах мира вместе взятых (курсив мой – И. Б.)»³⁶.

Одним из таких «радикальных элементов», по мнению Маркса, как раз и является решение аграрного вопроса! В знаменитом письме к Вере Засулич 8 марта 1881 г., анализируя происхождение капиталистического производства, он писал: «В основе капиталистической системы лежит,

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 222.

³⁶ Там же. С. 223.

таким образом, полное отделение производителя от средств производства <...> основой всего этого процесса является *экспроприация земледельцев* <...> Радикально она осуществлена пока только в Англии...»³⁷. Отметим, **радикально**, а не консервативно!

Что же касается ленинского «авторства» идеи «консервативного» характера английской революции, то оно тоже может быть поставлено под сомнение. Основанием является одна из наиболее серьезных работ Ленина по аграрному вопросу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции». Оценивая результаты аграрных преобразований в ходе ранних буржуазных революций, он отмечал, что капиталистический способ производства «сам создает» в ходе революции адекватные отношения поземельной собственности в таком виде, «чтобы они отвечали в каждом данном случае требованиям самого выгодного применения капитала»³⁸. Ленин полагал, что нигде кроме Англии капиталистическое производство «не создавало для себя таких *совершенных* (адекватных = *идеально соответствующих*) условий, нигде не подчиняло себе этих условий до такой степени. Англия в этом отношении – самая *революционная* страна в мире (курсив мой – И. Б.)»³⁹.

Итак, именно в Англии, с точки зрения марксизма, аграрный вопрос был разрешен наиболее революционным, радикальным способом. А что же тогда происходило во Франции? Ответ на этот вопрос частично дают современные исследования.

Историки Франции уже давно заметили, что политический радикализм Французской революции сослужил плохую службу французам. Подготовка к празднованию двухсотлетнего юбилея этого события породила новые дискуссии относительно ее характера и значения для последующего развития страны, была подвергнута критике устоявшаяся точка зрения на революцию 1789 г. как более радикальную и, поэтому, прогрессивную. Например, Ф. Фюре считает, что «нельзя снимать с революции ответственности за то насилие, которое она породила»⁴⁰; а Р. Пиллорже полагает, что революция конца XVIII в. «оказалась для Франции настоящей демографической катастрофой»⁴¹. Можно согласиться с мнением Т. Мольнье, что так называемый «радикализм» французской революции не только не создал условий для ускоренного развития страны по буржуазному пути, но, наоборот, стремился «повернуть

³⁷ Маркс, Энгельс. Соч. Т. 19. С. 250.

³⁸ Ленин. ПСС. Т. 16. С. 251.

³⁹ Там же. С. 250.

⁴⁰ Furet. 1983. P. 76.

⁴¹ См., напр.: Pillorget. 1982. P. 4.

его вспять». Никто не станет отрицать, утверждает французский автор, что «через 30–40 лет после изобретения Уатта Англия по числу паровых машин опережала Францию в 50 раз»⁴². Еще более определенно высказывается историк Г. Лемаршан. Рассматривая революционное решение аграрного вопроса во Франции, он приходит к выводу о том, что «чрезмерная парцелляция» земельной собственности затрудняла процесс механизации аграрного сектора, и «способствовала торможению прогресса сельскохозяйственной экономики в XIX в.»⁴³. Как считает Н. Хэмпсон, все это происходило под влиянием субъективного фактора. Сложилась парадоксальная ситуация, в которой «те, кто в канун революции сознавал реальные социальные проблемы, состоявшие в необходимости увеличить сельскохозяйственную продукцию и вводить машины, оказались отодвинутыми с авансены истории». Им на смену пришли те, кто, выступая против старого режима, «противопоставляли ему возврат к примитивному обществу мелких производителей в духе Руссо»⁴⁴.

Таким образом, английский *политический консерватизм* середины XVII в. привел к ликвидации феодального рыцарского держания и создал новую буржуазную правовую основу поземельных отношений. Это и было *наиболее радикальным (оптимальным)* для последующего развития капиталистических отношений решением аграрного вопроса в ходе ранних буржуазных революций. Как результат английский промышленный капитализм в XVIII – начале XIX в. развивался семимильными шагами, превратив свою страну в мастерскую мира, владычицу морей, крупнейшую колониальную империю и главного мирового банкира. Это ли не образец буржуазного прогресса! Наоборот, *политический радикализм* французской революции, привел к формированию парцельного землевладения и, как следствие, к стагнации социально-экономических процессов; затормозил развитие индустриализации и отбросил Францию по всем основным показателям капиталистического прогресса со второго места, которое она занимала накануне революции, на четвертое уже через сто лет после штурма Бастилии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адо А. В. Место Французской революции в процессе перехода страны от феодализма к капитализму // Новая и новейшая история. 1989. №3. С. 17–25.
Английская буржуазная революция XVII века. Т. I / Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М.: Изд. АН СССР, 1954. 492 с.

⁴² Maulnier. 1983. P. 1.

⁴³ Lemarchand. 1983. P. 27.

⁴⁴ Hampson. 1983. P. 37.

- Архангельский С. И. Аграрное законодательство Английской революции 1649–1660 гг. М.: Изд. АН СССР, 1940. 275 с.
- Афанасьев Ю. Н., Блуменану С. Ф. Современные споры во Франции вокруг Великой революции // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 18–34.
- Барг М. А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций // Вопросы истории. 1975. № 9. С. 69–88.
- Барг М. А. Некоторые итоги и задачи марксистских исследований истории Английской революции // Проблемы британской истории. М.: Наука, 1987. С. 186–199.
- История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века) / Под ред. М. А. Барга. М.: Наука, 1994. 509 с.
- Кризисные явления в советской исторической науке (Дискуссия историков, философов, правоведов) // Общественные науки. – 1989. № 3. С. 184–192.
- Лабутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов: 1660–1681. М.: Наука, 1982. 207 с.
- Ленин В. И. К четырехлетней годовщине октябрьской революции // Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 144–152.
- Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 193–413.
- Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Госполитиздат, 1950. 794 с.
- Маркс К. Рецензии – Гизо «Почему удалась Английская революция?» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 218–223.
- Маркс К. К критике политической экономии Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 5–9.
- Нарочницкий А. Л. Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 3–16.
- Новая история. Т. 1. 1640–1689 / Под ред. В. В. Бирюковича, Б. Ф. Поршнева, С. Д. Сказкина. М.: Госполитиздат. 1951. 471 с.
- Новая история: первый период. Изд. 2-е. / Под ред. Е. Е. Юровской, И. М. Кривогуза, М. А. Полтавского. М.: Высшая школа. 1983. 399 с.
- Новая история стран Европы и Америки. Первый период. М.: Высшая школа. 1998.
- Новая история стран Европы и Америки. / Под ред. И. М. Кривогуза. М.: ДРОФА, 2003.
- Телегина Э. П. С. И. Архангельский – историк Английской буржуазной революции // Сергей Иванович Архангельский: жизнь в науке (к 120-летию со дня рождения): Межвузовский сборник. / Под ред. Е. А. Молева. Новгород: Изд-во ННГУ. 2001. С. 22–34.
- Французская буржуазная революция 1789–1794 гг. / Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М. –Л.: Изд. АН СССР. 1941. 851 с.
- Cobban A. The Vocabulary of Social History // Political Science quarterly. 1956. March. V. 71. N 1. P. 1–17.
- Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge: CUP. 1964. XXII, 178p.
- Cobban A. Aspects of the French Revolution. L.: Buttler & Tanner Ltd. 1968. 328p.
- Die Französische Revolution – zufälliges oder notwendiges Ereignis?: Akten des Intern. Sump. an der Univ. Bamberg vom 4-7 Juni 1979 / Hrsg. von Schmitt E, Reichardt R. München – Wien – Oldenburg. 1983. Bd. 1–3.

- Furet F.* Faut – il célébrer le bicentenaire de la Révolution Française? // L'Histoire. P. 1983. № 52. P. 71–77.
- Hampson N.* Les professionnels de la Révolution Française // Die Französische Revolution – zufälliges oder notwendiges Ereignis?: Akten des Intern. Sump. an der Univ. Bamberg vom 4–7 Juni 1979 / Hrsg. von Schmitt E, Reichardt R. München – Wien – Oldenburg. 1983. Bd. 2. S. 23–38.
- Lemarchand G.* La féodalité dans les campanes et la Révolution française: Seigneurie et communauté paysannede 1788a 1799 // Die Französische Revolution... Bd. 1. S. 7–27. *Maulnier Th.* Le mythe de la Bastille // Le Figaro. P. 1983. 8 Juil. P. 1.
- Mazauric Cl.* Eléments pour un débat : La bourgeoisie, groupe social profiteur de la Révolution ou classe dirigeante et classe dominante dans la Révolution ? // Die Französische Revolution... Bd. 2. S. 119–130.
- Petersen S.* Überlegungen zum ökonomischen Kampf der städtischen Volksmassen // Die Französische Revolution... Bd. 2. S. 131–144.
- Pillorget R.* La Révolution an Musée de l'histoire de France // Aspects de la France. P. 1982. № 1754. P. 4.

Будцын Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского коммерческого института; *budig@mail.ru*

И. В. КЕТКОВА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

В статье представлен обзор методологических и методических приемов С.И. Архангельского в изучении аграрного законодательства Английской революции. Показана доказываемая необходимость учета трудов Архангельского в современных штудиях по истории Английской революции.

Ключевые слова: *С.И. Архангельский, А.Н. Савин, Английская революция, аграрный вопрос, законодательство, методология истории, локальный метод.*

Исследовательская мысль С.И. Архангельского охватывала многие области исторического знания – проблемы западноевропейской медиевистики, новистики, методологии истории, краеведения. Но главный его труд – две монографии по истории аграрного законодательства периода Английской революции¹. Если рассматривать данные работы в ретроспекции, с позиций современного исторического знания, то можно наблюдать интересный феномен перехода познавательной парадигмы. При этом источниковая база, ставшая впоследствии неким стандартом для англоведов-«новистов», расширилась незначительно.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы сопоставить содержание названных работ с контекстом проблем, на которых фокусируется взгляд современных историков. Сегодня эпицентром внимания стал вопрос о самом предмете исторической науки. Поставленный под сомнение П. Рикером² метод редуцирования к одному основанию, может быть оправдан с точки зрения опыта и логики исторического процесса. В качестве такой матрицы выступает человек и его деятельность во всем многообразии и объеме его социальных, духовных и предметных связей, что не противоречит формированию плюралистических моделей и их эволюции, отражающей развитие социальной практики.

Исторический материализм сравнительно долго детерминировал деятельность человека ее предметностью, а культурное измерение находилось на дальней периферии. История ментальности, ставшая новым движением научной мысли, переориентировала изучение общества с преимущественно экономических и социальных катаклизмов на осмыс-

¹ *Архангельский. 1935; 1940.*

² *Рикёр. 1998.*

ление духовного начала в интерпретации исторического памятника³. Отдельные исследователи стали искать образы истории в завуалированном смысле переживаний автора⁴. Появилась категория «понимающей истории», требующей интердисциплинарного подхода, ориентированного на анализ сознания, духа, психологии человека как познаваемого объекта исторического исследования, так же как и самого познающего⁵.

Как известно, категория «понимание» в качестве инструмента познания применительно к гуманитарным дисциплинам родилась еще в начале XX в. в связи с появлением концепции «понимающей психологии», «понимающей социологии» Дильтея и противостояла она объясняющей модели естественных наук. Историография «критического поворота» абсорбировала это понятие, чтобы подчеркнуть индивидуально-духовное начало. Ферро ищет образы истории даже не в сознательной сфере, а в том, что остается на заднем плане действий и чувств людей⁶. Естественно напрашивается вопрос: если познавательную модель свести к двучлену субъект–объект, то не получим ли мы в результате мифологизированное знание. К.В. Хвостова и В.К. Финн указывают на необходимость включения еще одного звена: субъект–знание–объект. Это предполагает подключение логических оснований исторического знания, логическую систематизацию, уточнение идей, превращаемых в понятия. Иначе – объяснение. Кстати, данная посылка не имеет принципиальных расхождений с подходом Рикёра, убежденного в том, что образы истории требуют прочтения, расшифровки, интерпретации, не упуская при этом смысла, который не постигается эмпирически, а требует спекулятивных, умоглядных средств. Отсюда необходимость включения логического основания в рамках «объяснительной» модели.

В ходе обсуждения путей образования теоретического знания обозначилась проблема его формализации и практической задачи логики. Как представляется, значение диалектической логики далеко не исчерпано. Понятие общего, целого и эмпирически конкретного играет ключевую роль при процедуре анализа. Теоретическое обобщение и конкретное не соотносятся как абстрактная схема и эмпирия. Если трактовать абстракцию как неполное, а потому ущербное проявление конкретного, то целостность необходимо признать атрибутом именно конкретно-всеобщего. Постигание общего возможно только посредст-

³ Гуревич. 1989. С. 76

⁴ Фуко. 1994. С. 470.

⁵ Про. 2000. С. 8.

⁶ Калимонов, Марьин. 2010. С. 275.

вом познания конкретного. Данный принцип положен в основу локального метода С.И. Архангельского.

В англоязычной историографии теоретическая проблема общего и особенного была развернута на примере локального и национального взаимодействия в ходе Английской революции, при этом непризнание за революцией буржуазного характера стало почти общим местом. Это соотношение тенденций стало центральным положением в дискуссиях 1980-х гг.⁷ Оппоненты локалистов опровергали универсальность тезиса об обусловленности действий политических группировок только местными интересами. Полемика по этому вопросу имела результативное завершение в том смысле, что обогатило модель революции новыми подходами к определению характера революции⁸. Наметилось сближение позиций неоконсервативной и неолиберальной мысли. Оформился т.н. «новый консенсус» и общая платформа аналитических приемов и подходов к оценке революции. Эти положения можно суммировать:

1. Этапы революции рассматриваются как отдельные революции.
2. Отрицаются социально-экономические предпосылки и классовый характер, хотя сдвиги в этой области определили форму конфликта.
3. Отмечен как парадокс революции консерватизм парламентской идеологии и «революционность» инициатив в области финансового управления и церковных дел.
4. Отвергаются территориально географические факторы при размежевании политических лагерей.
5. Результаты оцениваются как несущественные.

Таким образом, имеется компендиум проблем современной историографии, которые можно рассматривать как некий «вызов» классической работе С.И. Архангельского, опубликованной почти 75 лет назад.

Сопоставляя факты биографии Сергея Ивановича, можно видеть, как складывались его научные интересы, реализованные в трудах по аграрной истории Англии. Архивные данные свидетельствуют, что Архангельский, оказавшись в 1907 г. с красным дипломом Московского университета на родине в Нижнем Новгороде, пережил все перипетии становления гуманитарного образования после 1917 г. Он возглавил кафедру истории в Педагогическом институте в самые трагические годы разрухи, гражданской войны, голода. Но главное – преподавание истории Запада тогда было сведено к минимуму. В этих условиях исследовательская натура молодого ученого искала выход в изучении материалов

⁷ What was the English Revolution?. 1984. P. 20–24.

⁸ Ретина. 1991. С. 70.

по аграрной истории из фондов местного архива. Появилось много его научных публикаций, сделанных в лучших традициях отечественной исторической школы. И вдруг неожиданно в 1926 г. начинается его переписка с библиотеками и ведомствами, в частности, с Комиссией содействия ученым по поводу поиска, пересылки и покупки за рубежом серийных изданий документов и специальной литературы, касающихся аграрной истории Английской революции. Нельзя игнорировать и факт первого издания «Лекций по истории Английской революции» А.Н. Савина в 1924 г. Стало очевидным, что исследование аграрного законодательства Английской революции представляет собой сплошную лауну не только в отечественной, но и в западной историографии.

Работа Архангельского заслуживает внимания не только с точки зрения новизны ее источниковой базы, но и как концептуально осмысленный подход. Его труды создавались на платформе марксистской методологии. В историографии сложилось представление о данной модели как о сугубо экономической; несомненно, сказалось и влияние конъюнктурно воспринятого марксизма через призму идеологии. Между тем, приращение теоретического знания всегда идет не через простое отрицание, но через такое преодоление предыдущей модели, которое включает ее рациональное «зерно». Смещение фокуса к культурно-цивилизационным проблемам не означает отказа от осмысления социально-экономической сферы. Современные историки выделяют эту сторону как одну из важнейших в изучении исторических событий, среди симптомов, свидетельствующих о переломном моменте⁹.

Изучение узловых проблем революции через оптику аграрного законодательства, как следует из трудов Архангельского, возможно только в контексте сложных связей общества и государства, а также внутри самой общественной структуры. Законодательство материализует сферу правосознания и менталитета, если иметь в виду человеческие реакции, представления о том, что является правомерным, согласно закону или традиции, обычаю. Все это входит в пространство политической и общей культуры. На макроуровне содержание аграрного законодательства, может быть представлено однозначно как секвестр земли, имеющей разные владельческие титулы и переход ее к новым собственникам. Тогда можно было бы ограничиться фиксацией статистической картины перемещения земли из рук в руки. Это, само по себе, требовало высокого профессионализма, о чем свидетельствуют приведенные таблицы. Но у Архангельского разбор каждого законопроекта сопровождается богатей-

⁹ Калимонов, Марьин. 2010. С. 277.

шим материалом исторической конкретики, далеко выходящим за рамки экономики. Борьба за проекты законов в обеих палатах парламента, политические размежевания и компромиссы, мотивация и персонификация политических интересов, механизмы реализации и правоприменение непосредственным образом затрагивали положение всех слоев общества. Абстрактная модель данного переворота выглядела бы как сосредоточение земли в руках государства, затем перераспределение ее через продажу или пожалования. Если среди новых собственников оказываются «денежные люди», инвестирующие капитал, то феодальной системе наносится удар, отсюда вывод о буржуазном характере революции.

Данная схема далека от исторической реальности – свидетельствует автор. Начать с того, что государственные деятели не ставили целью аграрный переворот. Политиками руководила необходимость сбора средств для армии, сложившаяся в независимую от их воли объективную логику социальных отношений. «Продукт» данной политики был сохранен не только на всех этапах революции, но не пострадал и в перипетиях борьбы в годы реставрации монархии и Славной революции.

Интересно наблюдать, как само явление секвестра наполняется новым содержанием. Используемый задолго до событий революции как средство пополнения казны, секвестр имущества, начиная с 1643 г., разветвляется в весьма неоднозначный политический, экономический, культурно-исторический процесс. Анализ перемещения земли позволяет автору буквально сканировать социальную жизнь в самых разных срезах. Принимая первые указы о секвестре в парламенте, его сторонники и противники не задавались целью обсуждать и тем более проводить в жизнь акты, готовые аграрный переворот. Политическое сознание и политическая воля были сосредоточены на близлежащей задаче разгрома королевских войск. Однако по мере реализации аграрных законов, внедрения в обиход новых распорядков и все большего охвата действующих лиц аграрные законы обретают другую логику.

Ситуация требовала уточнения норм правоприменения. Старое право в условиях гражданской войны нуждалось в корректировке. Известно, что протестантизм воспитывал почтительное отношение к закону, но не исключал насилия, если государство или церковь предъявляют требования, противные совести протестанта. Эти настроения чутко улавливали политики. Приподнятый тон инструкций, сопровождающих указы о секвестре, призван был убедить сомневающихся в намерении властей водворить мир, правосудие, возобновить силу старых законов¹⁰.

¹⁰ Архангельский. 1935. С. 63.

Пуританизм как воплощение всех этих добрых начал был противопоставлен остаткам католицизма в лице епископата. Отсюда моральное оправдание секвестра епископских имуществ. На первых порах секвестр не носит тотального характера. Столкновения между Общинами и Лордами по поводу деталей законопроектов нередко заканчиваются компромиссом за счет уступок со стороны нижней палаты¹¹. Чтобы придать гуманный оттенок репрессивным мерам, был принят указ о льготах для членов семей, оставшихся без материальной поддержки, правда, через два года его отменили. Не последняя роль принадлежала стремлению вызвать сочувствие у налогоплательщиков: «Бремя и бедствия, вызванные неестественной войной парламента и короля, – говорится в одной из инструкций, – теперь перекадываются с плеч благонамеренных подданных на плечи делинквентов»¹². Исключение из секвестра составили земли держателей, чьи доходы не превышали 200 фунтов в год.

Под пером исследователя видно, как меняется значение и смысл введенных в оборот понятий, как преломляется в сознании восприятие одних и тех же событий. Характерна трансформация термина «делинквент». В указах 1643 и 1644 гг. его содержание подразумевало роялистские настроения и участие в войне на стороне короля. Но по мере обострения борьбы и углубления процесса секвестирования делинквент осмысливается не только как политический противник, «изменник», но как представитель другого социального слоя с другим пониманием его места в обществе, традиционного отношения к власти. Парламент разрабатывает новые документы, позволяющие умножить признаки преступления и тем самым расширить права секвестаторов. Разрешался взлом замков и запоров, преследование укрывателей делинквентов. Первый и самый сокрушительный удар был нанесен епископату. Он был уничтожен как институт церковного и политического значения¹³.

Ожесточение в ходе конфликта неизбежно оборачивается актами насилия и разрушения. Автор ссылается на многие петиции в парламент, где потерпевшая сторона приводит примеры разоренных усадеб, разграблений домашней обстановки, угон скота, вырубку лесов. Широко распространена практика доносов, когда сводились личные счеты и «денежные люди» оказывались в одних списках с делинквентами. Парламент вынужден был создать специальный комитет по жалобам, документы которого были в распоряжении Архангельского. И, тем не менее,

¹¹ *Архангельский*. 1935. С. 79.

¹² *Архангельский*. 1935. С. 65.

¹³ *Архангельский*. 1940. С. 54–57.

когда автор составил таблицу секвестированных земель по графствам, оказалось, что эти земли расположены, по преимуществу, на севере, в зоне наиболее прочно сложившихся феодальных порядков¹⁴.

Секвестирование провело глубокую борозду не только в хозяйственной жизни сельской Англии. Процедура секвестра стимулировала деятельность парламента, усложняя его функции. Это еще один концептуальный узел в изучении революции. Регулятивная роль государства возрастает благодаря институализации в виде специальных комитетов, комиссий и других органов, ведущих документацию по секвестру в каждом графстве. Потребовались отряды переписчиков и их взаимодействие с местными властями в лице шерифов и мировых судей. Все делопроизводство стекалось в Лондон, а в графствах указы доводились до народа через широкую публикацию. Частная переписка показывает, какими темпами разворачивалась мобилизация земли на местах. Все это заставляет поставить под сомнение аргументацию тех историков, кто указывает на исключительно рутинный, традиционный характер процедуры секвестра и отсутствие кардинальных последствий аграрных законов.

Представление об усложнении функций и институтов власти будет неполным, если не обратить внимание на то, в чьих руках находился механизм принятия решений по аграрному вопросу. Секвестр может служить тонким инструментом анализа жизненно важных процессов в сельской Англии. Архангельский оговаривается, что в его «лаборатории» подчас отсутствуют сведения о конкретных участниках парламентских решений, но он решает эту проблему через осмысление отраженных интересов, позволяющих спроецировать социальный портрет автора того или иного маневра в ходе секвестра¹⁵.

Изменения особенно заметны при поступательном движении от одного этапа революции к другому. Если в начале 1640-х гг. аграрное законодательство выстраивалось под влиянием денежного человека столицы и союзника из рядов джентри, а также суконщиков и купцов, то в 1647 и 1648 гг. движущей силой стала армия, которая в лице своего командного состава предъявляла запрос на уплату задолженности и искала земельных гарантий. Она направляла процесс в интересах других слоев населения, пришедших на смену обладателям провинциального капитала в форме старинных монополий и привилегированных компаний. Эта враждебность коммерческому консорциуму, готовому на компромисс с феодальной знатью, отразилась в новых проектах и предло-

¹⁴ Архангельский. 1935. С. 302–303.

¹⁵ Архангельский. 1940. С. 132.

жениях, требующих точно установить сумму долгов государства, определить списки делинквентов и оценку их владений, чтобы реально покрыть первые последними. Подвижность и усложнение социальной структуры создавались не только за счет вытеснения совокупности старых связей и отношений, но и в результате проникновения в поры старого порядка новых элементов и их взаимодействия.

Республика 1649 года с победившей партией индипендентов у власти унаследовала от предшествующего режима значительный фонд секвестированных земель. Но если Долгий парламент не шел решительно на распродажу имуществ делинквентов, предпочитая сдачу ее в аренду государству или получение штрафов, то к моменту смены режима наметился поворот к интенсификации процедуры продажи земли. Это потребовало внести изменения в структуру аппарата управления секвестром. Руководящим органом в центре становится Комитет по композициям, а комиссары по секвестру обратились в местный орган. Перенос центра тяжести на уровень представителей местной власти всколыхнул провинциальную жизнь, дав ощущение причастности к общенациональным проблемам. Новый аппарат правоприменения стал более гибким в условиях экономического кризиса 1650-х гг., задолженности перед армией, тяжелого положения держательской массы.

Главный смысл аграрных преобразований открывается, когда автор препарировывает эмпирический материал, связанный с дальнейшей судьбой секвестированных имуществ. Лишь системное рассмотрение (как в синхронных, так и диахронных связях) феномена переходного состояния английского общества позволило Архангельскому поставить комплексно вопрос о новых владельцах земли, об изменении условий держания, о поведенческой реакции с обеих сторон, о новых явлениях правосознания и отношения к ломающимся традициям и обычаям. Нужно хорошо представлять структуру английского землепользования, чтобы оценить результат проделанной Архангельским работы. Особенность состояла в том, что лорд манора жил за счет ренты держателей, представляющих сложно градуированную систему отношений.

Все попытки реформировать гражданское право, отягощенное противоречиями двух систем – общего права и обычного манориального – и сделать его более рациональным закончились провалом. Однако ордонанс об отмене рыцарского держания, превративший феодальную собственность в свободный сокаж общего права, т.е. в современную буржуазную собственность, неизменно получал подтверждение на всех этапах революции. Архангельский отследил все перипетии формирования, обсуждения и утверждения ордонанса и показал социальный смысл его

неравноценности для низших разрядов крестьян. Правовой статус держания почти не изменился за время революции в отличие от состава держательского корпуса и размеров ренты. Так, на копигольде оставались феодальные платежи, однако копигольд мог взять в аренду и лорд соседнего манора. Даже распроданные секвестированные земли оформлялись посредством сделки в рамках старого манориального права. Архангельский подчеркивает, что ничего похожего на гражданское право складывающегося буржуазного общества, на право частной собственности в духе французского гражданского кодекса, однородного по своему юридическому смыслу, в Англии создано не было¹⁶. Работа Архангельского позволяет уловить в исторической канве событий амбивалентность явлений и смыслов, такие превращенные формы социальной жизни, которые не могут быть объяснены с помощью абстрактной схемы. Он противопоставил чисто юридическому мышлению в истолковании актов внутреннюю логику законодательства и конкретно-исторические формы его воздействия на структуру общественных отношений.

Убедительные иллюстрации показывают идентичность правового статуса прежних и новых владельцев земли в отношении собственности. Последние так же получали доходы с держателей, распоряжались ими по своему усмотрению, могли распродавать или сдавать землю в аренду. В 1640-е гг. парламент пытался направлять практику мобилизации земли, однако Лорды и Общины по разному видели содержание начавшегося процесса. Общины в результате внутренней борьбы склонялись в сторону решения о продаже. Лорды приводили контрдоводы настолько убедительные, что Нижняя палата готова была к компромиссу.

Буквально накануне провозглашения республики, когда сама судьба Верхней палаты была уже предрешена, к ней обращались с последней надеждой, как видно из многочисленных жалоб, носители высоких титулов, теряющих не только землю, но и сам образ жизни, обычаи, свое положение в обществе. Архангельский обращает внимание на значимость событий в графствах и малых городах. Чем больше изучается местная история гражданской войны, – пишет он, – тем более очевидными делаются пережитки феодальных традиций и феодальные чувства. Палате жалуются на попрание прерогатив лордов, на изгнание их из насиженных гнезд, на разорение отрядами воюющих сторон. При этом члены Высшей палаты ссылаются на законы страны, по которым владения и личность пэров должны быть защищены от всяких покушений. Альтернатива, предложенная Общинами, состояла в том, чтобы пере-

¹⁶ Архангельский. 1940. С. 133.

дать землю в руки сторонников парламента, обеспечив доходы государству, «обрезание» повинностей в пользу короля.

Но процесс превращения земли в товар уже выходил из-под контроля. На примере распоряжения епископскими землями хорошо видно, кто становится опекунами их имуществ. Среди них, например, лорд-мэр Лондона и четыре олдермена. Владельческие титулы отличались большим многообразием, землю держали и от короля, и от частных лиц. Опекуны по новому законодательству могли отчуждать землю, а права передавать покупателю. Таким образом, контракт сделки предусматривал отчуждение, продажу, сдачу в аренду, т.е. как право владения, так и право использования и распоряжения. Порой практика обгоняла законодателей. Парламентские документы, широко используемые Архангельским, демонстрируют всю палитру оттенков в сталкивающихся интересах. Разногласия возникали и по вопросу оценки земли. Общины завышали стоимость и чаще одерживали верх. А с мест шли сигналы о вакханалии нарушений всяких законов. Земли делинквентов укрывались от секвестра, расхищались, распределялись между родственниками.

В 1650-е гг. симбиоз новой формы собственности и старых владельческих титулов в рамках манориальной юстиции также сохранялся, создавая причудливые формы хозяйственной жизни. Комиссары по секвестру были одновременно судьями в манорах, что облегчало их работу по применению актов центральной власти. Как известно, правительство республики оставило в неприкосновенности те феодальные порядки, которые касались, прежде всего, держателей-крестьян.

Но где в законодательстве было заложено такое «устройство», которое придавало ускорение переменам в английской деревне? Архангельский видит его в актах, касающихся положения среднего и мелкого держателя. Условия его держания становятся хуже, в итоге он нередко теряет землю, которая становится частью укрупненной единицы землеуладения. Это достигается, полагает Архангельский, тремя путями: проверкой прав держателей, изменением сроков аренды, увеличением арендной платы. Комиссары и переписчики пользовались правом вызывать к себе держателей с тем, чтобы они доказали свои права на владение (да еще и с ссылкой на архивные документы), допрашивать под присягой о ренте, цене и юрисдикции того или иного держания. В обязанность шерифа входила помощь при проведении данной процедуры, и на чьей стороне он мог оказаться в конфликтной ситуации, совершенно очевидно. Архангельский воспользовался образцово составленной описью из фонда Комитета по композициям, которая позволила заглянуть в

подлинное лицо английской деревенской жизни «вне того вуалирования действительности, какое создает чисто юридический документ». Он проследил отметки о продаже и покупке земли с 1649 г. по 1655 г. и свел эти данные в выразительную таблицу. Среди покупателей самая большая группа представлена лондонскими купцами, а держатели имеют всего 3,62 %. Между ними располагаются аристократия и дворянство, офицеры, чиновники, кредиторы и богатые люди, арендаторы. Было подмечено, что в английской деревне почти не прибегали к коллективным скупкам земли, в отличие от опыта французской революции.

Аренда получила добавочный импульс благодаря тому, что на купленных землях новые владельцы именно ее предпочитали как способ получения дохода. Комитеты графств, от которых зависела сдача земли в аренду, обычно выступали проводниками новых условий аренды с более высокой платой. Аренда даже больше, чем частная собственность на землю, оказалась приспособлена к рынку. Все это позволило Архангельскому с помощью аграрного законодательства выстроить иерархию сельского населения. Старинные арендаторы, бывшие фермерами на данной земле в течение нескольких поколений, искали защиту в судах, ссылаясь на обычай, но, как правило, проигрывали судебные тяжбы и тогда начинали открытую войну.

Автор придал новый ракурс теме, рассмотрев проблему оппозиции законодательству, как в верхах, преимущественно в Палате лордов, так и среди широких слоев держателей¹⁷. Но и высшие органы республиканской власти в вопросе о защите прав держателей уступили оппозиции. Ни один законопроект, предусматривающий защиту прав копигольдеров и лизгольдеров, «утесняемых злодеями лордами», и запрет на произвольные поборы со стороны лорда манора, так и не стал биллем. Традиция и обычай сплотили старых и новых землевладельцев в их противостоянии держательской массе. Однако последние также воспользовались этим оружием. Судебные тяжбы, которые пришлось разбирать Комитету по композициям, свидетельствуют о том, что в споре против новой рыночной ренты крестьяне постоянно ссылались на давность своих прав обрабатывать и орошать данный надел, а также пользоваться общинными выгонами и лесами.

Исследованию крестьянских движений Англии 1640-50-х гг. Архангельский посвятил последнюю свою монографию, опубликованную в 1960 г. уже после его кончины¹⁸.

¹⁷ Архангельский. 1935. С. 259.

¹⁸ Архангельский. 1960.

В историографической преемственности исследования демократических движений в период Английской революции Архангельскому принадлежит своя ниша. Он обратился к проблеме крестьянских выступлений спустя много лет после того, как в своих предыдущих монографиях выделил крестьянско-плебейскую альтернативу аграрному законодательству. Предопределенность протеста низов всем ходом аграрных преобразований очевидна, хотя правительство реагировало на аграрные беспорядки немногочисленными актами. Более удобным инструментом контроля за общественным движением выступали местные власти в лице мировых судей, шерифов, констэблей, различных комитетов, созданных в годы революции. Располагая свидетельствами на уровне местной истории, Архангельский имел возможность сопоставить оба уровня политического восприятия проблемы. Дело в том, что жалобы, имеющие отношение к землеустройству, нередко попадали на рассмотрение высшего суда, какой была палата лордов до ее ликвидации. Архангельский опирался на «Журналы» верхней и нижней палаты, публикации их архивов Исторической комиссией рукописей, документы «комитетов по соглашению». Особенно много для наблюдения настроений, раздумий, переживаний дали петиции, жалобы, памфлеты.

Ученый видел возможность объективного познания в профессиональном подходе к источнику, когда показания одних памятников дополняются и контролируются через свидетельства других. Его исходная концептуальная позиция остается неизменной во всех работах – рассматривать аграрное законодательство и аграрное движение в контексте общего хода революции и местных условий, в рамках которых они действовали. В результате Архангельский раскрыл суть перемен, когда естественным процессам в английской деревне, которые проходили задолго до революции, была придана динамика с помощью механизмов, прописанных в аграрном законодательстве. Историк нарисовал стереоскопическую картину английской провинции. Английское общество представлено как переходное состояние социальной системы в условиях критических подвижек. Новые формы социальных сочленений существуют рядом с осколками старых отношений, которые, мимикрируя, создают превращенные формы. Эта разноуровневая общественная структура не могла быть «втиснута» в формулу гомогенных классов. Однако нельзя не заметить отдельных уступок социологической схеме. Фразы типа «буржуазия, победившая феодализм» не согласуются с общим контекстом работ Архангельского, хотя постулат о буржуазном характере революции как магистральной тенденции сложного процесса вполне органичен для логики его исследования.

На примере трудов Архангельского мы имеем возможность убедиться в том, что смена исторической эпистемы диктуется не столько конъюнктурными соображениями, «модой», сколько характером исторического движения. Переход реализуется эволюционно и на почве, созданной предыдущим развитием исторического знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Английской революции. 1643–1648. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1935. 301 с.
- Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Английской революции. 1649–1660. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940. 275 с.
- Архангельский С.И.* Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М.: Издательство АН СССР, 1960. 284 с.
- Гуревич А.Я.* Проблема ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1, М.: Наука, 1989. С. 75–89.
- Калимонов И.К., Марьин П.Ю.* Марк Ферро и школа "Анналов": поиск теоретико-методологической базы исторических исследований // Британская ойкумена российской новистики. Казань: Казанский университет, 2010.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 355 с.
- Ретина Л.П.* От спора о джентри к "новому консенсусу". Неолиберальные и неоконсервативные концепции Английской революции (обзор) // Р.С. Английская революция середины XVII века: К 350-летию. М., 1991. С. 39–83.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ. М.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 404 с.
- Хвостова К.М., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований М.: РГГУ, 1997. 255 с.
- What was the English Revolution? Debat: Morrill J., Manning B., Underdaun D. // History today. L. 1984/ Vol. 34. No 3.

Кеткова Ида Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Нижний Новгород; ket@unn.ru

Н. П. ЕГОРОВА

НАСЛЕДИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЕВЕДА А. С. ГАЦИСКОГО В ОЦЕНКЕ С. И. АРХАНГЕЛЬСКОГО

В статье рассматривается комплекс работ С.И. Архангельского, посвященных осмыслению деятельности представителя нижегородской интеллигенции А.С. Гациского и его места в истории краеведения. Определяются причины обращения исследователя Английской буржуазной революции к наследию А.С. Гациского и в целом к вопросам развития краеведческой мысли в Нижегородском крае.

Ключевые слова: *С.И. Архангельский, А.С. Гациский, краеведение, локальный метод, история Нижегородского края.*

Александр Серафимович Гациский (1838–1893) – видный представитель нижегородской интеллигенции, краевед и историк, автор «Нижегородки», путеводителя по Нижнему Новгороду, содержащему его исторический очерк и сведения о современном социально-экономическом состоянии города; издатель важнейшего источника по нижегородской истории «Нижегородского летописца», а также десяти томов «Нижегородского сборника», представляющих собой собрание и обобщение статистических материалов о различных уездах Нижегородской губернии.

Вкладу Гациского в изучение Нижегородского края посвящено много работ: краеведы, историки на протяжении более ста лет, начиная с момента кончины просветителя, обращали внимание на его научную и общественную деятельность. Среди этого массива выделяются работы видного советского историка С.И. Архангельского (1882–1958).

Как известно, научные интересы С.И. Архангельского были сосредоточены на истории Английской буржуазной революции. Однако более половины его работ посвящены российской истории, истории нижегородского краеведения. Их цель – обрисовать процесс зарождения краеведческой мысли в Нижегородской губернии в XIX в. Естественно, что в поле его внимания оказался Гациский, по праву считающийся «основоположником нижегородского краеведения» (по словам В.Г. Короленко). Так или иначе, вклад Гациского в изучение Нижегородского края был рассмотрен в текстах Архангельского: «В.Г. Короленко как историк местного края» (1923); «Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гациский – Короленко)» (1925); «Локальный метод в исторической науке» (1927); «А.С. Гациский» (1928); «Основы и метод краеведной работы А.С. Гациского» (1929).

Архангельский рассматривал краеведческую деятельность Гациского не изолированно, а как один из этапов развития краеведческой мысли в Нижегородской губернии в XIX в. Так он выделил 3 этапа («три хронологических момента»): 1) 40–50-е гг. XIX в., связанные с деятельностью П.И. Мельникова; 2) 60–80-е гг. XIX в. – деятельность Гациского; 3) 90-е гг. XIX века – начало XX в. – деятельность В.Г. Короленко, ставшего последователем и продолжателем Гациского¹.

В связи с этим, Архангельский попытался выявить причины, побудившие Гациского заниматься краеведением и так преданно отдаваться этому делу. По мнению Архангельского, большую роль в становлении краеведческой деятельности Гациского сыграла теория областничества А.П. Щапова, который считал, что русская история есть история народных масс; чем и обусловлен, в первую очередь, интерес к общине, а не к государственности, бюрократии, политической истории. Архангельский называл Гациского «щাপовцем с головы до ног»², характеризовал его как «яркого областника... который на всю жизнь сохранил преданность областной и земской идее...», которую «так горячо проповедовал Щапов в Казани, где учился Гациский»³.

Намеченная Архангельским «связка» Щапов – Гациский принципиальна в свете представления локального метода. В 1927 г. в журнале «Краеведение» была напечатана статья Архангельского «Локальный метод в исторической науке». По мнению ученого, наметившийся в XIX в. интерес к народу как творцу истории и предмету исследования проявился в трудах А.П. Щапова и повлиял на дальнейшую профессиональную историографию (например, работы М.М. Богословского). Другой путь проникновения локального метода в историческую науку прокладывался деятелями архивного дела и статистики на местах: «По локальному методу шла работа мелких исследователей, группировавшихся вокруг губернских архивных комиссий, и работа земских статистических бюро, которая по своим заданиям, конечно, была лишена необходимой дозы академичности; в этих работах обычно отражалась текущая жизнь деревни: однако теперь, после пережитой социальной революции, земские статистические исследования конца прошлого и начала текущего столетия получили уже значение исторических документов сами по себе и исторических изысканий по тем явлениям, к которым они относились. Надобно заметить, что некоторые земские ста-

¹ Архангельский. 1925.

² Там же.

³ Архангельский. 1923. С. 156.

тистические исследования, являясь сами по себе очень ценными, снабжались интересными вводными историческими статьями, как, например, статистический сборник по Семеновскому уезду Нижегородской губернии»⁴. Последнее замечание прямо подразумевает работу Гациского, а все мнение целиком базируется на обобщении опыта его деятельности. Нужно отметить справедливое замечание о недостаточной «академичности» работы губернских архивистов и деятелей статистики.

Реформа 1861 года и ее реализация в Нижегородской губернии подтолкнули Гациского, уже подготовленного трудами Щапова, к необходимости изучить положение крестьян, социально-экономическое состояние различных уголков Нижегородской губернии. Архангельский отметил еще один важный момент в биографии Гациского, который повлиял на будущие занятия последнего. Гациский с 1861 г. стал секретарем Нижегородского губернского статистического комитета. Этот «род служебной деятельности обязывал к изучению губернии, вводил Гациского в сношения с многочисленными представителями местного общества, – словом, делал его краеведом»⁵.

По свидетельству Архангельского, в личных бумагах Гациского были обнаружены документы, произведения, которые повлияли на формирование его мировоззрения: полный текст «Марсельезы», список декабристов, зарубежные произведения А. Герцена, статьи «Колокола». Архангельский сделал вывод, что именно в этом кроется источник искреннего интереса Гациского к народу, проявившийся в издаваемых им «Нижегородских сборниках». Думается, что в данном случае Архангельский вынужден был отдавать дань тогдашней идеологии, для которой революционная оппозиционность была тождественна народности.

По мнению Архангельского, краеведческая работа Гациского состояла из двух направлений: 1) изучение современного состояния Нижегородского края, главным итогом которого было издание 10-ти томов «Нижегородских сборников»; 2) изучение истории Нижегородского края. Высоко оценивая «Нижегородские сборники» Гациского, Архангельский писал, что по «массе собранного в них материала они не утратили своего значения»⁶. Он отметил, что большим достижением Гациского стало привлечение к работе над статьями «многих жителей глухой провинции, найдя в их душе краеведческие струны»⁷. Также Архангель-

⁴ Архангельский. 1927. С. 185–186.

⁵ Архангельский. 1928. С. 40.

⁶ Архангельский. 1925.

⁷ Там же.

ский подметил, что Нижегородские сборники были написаны в русле шаповских идей, т. е. освещали жизнь народной толщи. По положению 19 февраля 1861 г. при вычислении норм оброков и наделов Нижегородская губерния считалась богатой. Гациский поставил цель – разбить эту иллюзию. Поскольку он не мог все сказать прямо, он был вынужден использовать «эзоповский язык материалов и цифр»⁸.

В качестве одного из важных результатов краеведческой деятельности Гациского Архангельский выделил издание им провинциальной газеты, назвав его «заветным стремлением Гациского»⁹. Этот вывод он сделал, основываясь, в первую очередь, на вступительных статьях к «Нижегородским сборникам», изучение же дневниковых записей Гациского подтверждает слова Архангельского, показывает, что он сумел правильно понять устремления Гациского, с учетом значения для него провинциальной печати. В дневнике Гациский писал, что издание еженедельной провинциальной газеты относит к числу главных своих стремлений, наряду с созданием музея и архива¹⁰.

На протяжении многих лет Гациский предпринимал попытки к созданию провинциального печатного периодического органа. Он сотрудничал с представителями либеральной провинциальной интеллигенции (Н.Я. Агафоновым, К.В. Лаврским, Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, С.С. Шашковым), составившими ядро «камско-волжского кружка», провозгласившего главной целью развитие провинциальной печати. Их усилиями были созданы «Камско-Волжская газета», газета «Сибирь», литературный сборник «Первый Шаг». Материалы дневника Гациского, хранящегося в Центральном архиве Нижегородской области, подтверждают выводы Архангельского относительно важной роли Гациского в организации провинциальной печати и показывают, что именно он был идейным вдохновителем и одним из самых активных участников издания «Первого Шага». Архангельский подчеркивал, что Гациский придавал громадное значение провинциальной печати, так как она формировала общественное мнение и пробуждала самостоятельность.

Архангельский остановил свое внимание и на мыслях и деятельности Гациского по развитию школьного образования. По его словам, Гациский, как «культурник», придавал большое значение народному образованию и считал необходимым развитие частной инициативы в школьном деле. В доказательство Архангельский привел активную дея-

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦАНО. Д. 289. Л. 7а об.

тельность Гациского в обществе распространения грамотности в Нижегородской губернии. Для Архангельского, одного из организаторов и идеологов строительства народного образования, нижегородской средней и высшей школы в период 1917–1925 гг., эта сторона деятельности Гациского была крайне важна и интересна.

Что касается изучения истории Нижегородского края, то, с точки зрения Архангельского, большую ценность представляет глава «Прежде» сводного труда «Нижегородка», издаваемого Гациским в 1875–77 гг. Архангельский признал литературный талант автора, которому удалось связать в цельное повествование разнообразные факты ранней истории Нижегородского Поволжья, но для понимания XVII, XVIII, XIX вв. этого уже было недостаточно: не хватало фактов и их анализа, привязки к событиям общерусской истории: «тут обнаруживается вся беспомощность его исторической концепции»¹¹. Архангельский объяснил это особенностями краеведческого метода Гациского, суть которого состояла в том, чтобы собирать факты и лишь после этого производить их обобщение и анализ. Видимо, тут и проявился недостаток академичности, присущий провинциальным деятелям, на который было указано в статье о локальном методе. Гациский, по мнению Архангельского, в силу своей «одинокости» на историческом и краеведческом поприще, не успел провести анализ накопленных и собранных им материалов и источников.

Архангельский высоко оценил издание в 1886–1887 гг. «Нижегородского летописца», отметив, что это «самое крупное, что сделал Гациский как историк Нижегородского края»¹². «Нижегородский летописец» включает в себя не только текст источника и его перевод, но и обширные примечания, в которых помимо разъяснения терминов, географических и других названий, содержится анализ сведений источника и работ историков, а также выводы самого Гациского. Например, в примечании к статье под 1612 г. Гациский отразил точки зрения историков на значимость подвига Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, выделив рациональное зерно и неверные, по его мнению, положения, а также выразил свою позицию, подкрепив ее доказательствами. Таким образом, Гациский в «Нижегородском летописце» представил накопленные им материалы, которые могли бы стать базой для серьезного труда по нижегородской истории. Еще за десять лет до издания «Нижегородского летописца» Гациский в дневнике писал, что его работы по нижегородской истории – это лишь «эскиз большого и серьезного

¹¹ Архангельский. 1929. С. 591.

¹² Там же.

труда о Нижегородском Поволжье в его прошлом и настоящем»¹³. Этот замысел так и не был им осуществлен, может быть, потому что внести что-то новое по сравнению с предшествующими исследователями Нижегородского края (П.И. Мельниковым, Н.И. Храмцовским) по большинству моментов было невозможно. Хотя в примечаниях к «Нижегородскому летописцу», как и в «Нижегородке», Гациский довольно часто приводит сведения из статей и писем Мельникова, мнения Храмцовского для разъяснения сведений источника. В некоторых случаях он принимал их позицию, а в других пытался дополнить существующие знания своими наработками. Таким образом, Гациский, учитывая опыт, накопленный первыми историками Нижегородского края, видел себя продолжателем их дела¹⁴. На это указывал и Архангельский, выделив периоды развития краеведческой идеи в Нижегородском крае.

Публикацией «Нижегородского летописца» Гациский положил начало собиранию и подготовке к печати ряда исторических памятников, что и осуществлял впоследствии кружок лиц, группировавшихся вокруг Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), созданной в 1887 г. Признавая большие заслуги Гациского в организации НГУАК, Архангельский считал, что создав архивную комиссию, Гациский смог передать ей начатое им дело, но не свои взгляды: «архивная комиссия, обращенная к прошлому, не знала трепета текущей жизни, ее запросов и интересов»¹⁵. Хотя, по мнению Архангельского, была группа лиц, а среди них В.Г. Короленко, которые все же переняли эстафету у Гациского и шаповские идеи. В силу этого становится понятным интерес Архангельского к Короленко, воплощенный в специальной статье.

Рассмотрев два аспекта деятельности Гациского – исторический и краеведческий, Архангельский пришел к выводу, что Гациский-краевед, изучавший современное для него состояние Нижегородского края, сделал больше, чем Гациский-историк, несмотря на то, что к концу жизни второе направление его деятельности стало занимать его все больше.

Архангельский обосновал положение, согласно которому Гациский в 60-е гг. XIX в. начинал действительно полезное дело, «его почин, его энергия, его умение объединить людей для совместной работы могут служить для краеведов нашего времени добрым примером»¹⁶ и показывают, что Гациского по праву можно считать основоположником нижегородского краеведения.

¹³ ЦАНО. Д. 289. Л. 15 об.

¹⁴ Подробнее см.: *Ершова*. 2010. С. 206-208.

¹⁵ *Архангельский*. 1925.

¹⁶ *Архангельский*. 1928. С. 42.

Чем был вызван интерес Архангельского к наследию Гациского? Ответ на этот вопрос может подсказать время выхода статей Архангельского, где упоминался или подразумевался Гациский: 1923–29 гг. С конца 1924 г. по 1929 г. Архангельский возглавлял работу Нижегородского научного общества по изучению местного края (ННОИМК). Естественно, что в 1920-е гг. развивая наследие НГУАК, он осмысливал истоки краеведческой деятельности нижегородцев. Кроме того, одновременно с ННОИМК существовала Нижегородская археолого-этнологическая комиссия (НАЭК), ставшая правопреемницей НГУАК. В состав НАЭК входил и Архангельский, но, как и в НГУАК, он подчинялся старому поколению нижегородских архивистов, ярким представителем которых был последний председатель НГУАК А.Я. Садовский. Сосуществование ННОИМК и НГУАК выражает собой конфликт поколений нижегородских краеведов. 16 февраля 1923 г. урожденный нижегородец, член Центрального бюро краеведения, Б.С. Жуков направил письма Архангельскому и Садовскому. Послания содержали предложение реорганизовать НАЭК в ННОИМК с изменением качества краеведческой работы. Такая реформа обещала субсидии центральных органов краеведения. Реакция Архангельского была положительной – ведь он и стал руководителем ННОИМК. Садовский же ответил резко отрицательно:

«Мы неоднократно обсуждали вопрос о реорганизации Комиссии и о превращении ее в Общество изучения Нижегородского края, и... решили его отрицательно. Дело в том, что все мы, т.е. более деятельные члены Комиссии занимаемся главным образом историей, археологией и этнографией края. Эти занятия мы любим, работаем в этой области не за страх (впрочем, надо говорить “не за деньги”), а за совесть. Будущая же широкая программа с привлечением молодых сил, поставит наши работы во вторую или в третью очередь, а в первую пойдут разные исследования в областях фабрично-заводской промышленности, кустарных промыслов, лесного дела и тому подобных практических вопросов, конечно, весьма важных и полезных, но, по правде сказать, нас мало интересующих, и по которым побудительным стимулом к работе будет только получение субсидии. Этого как будто бы мало. Это не даст удовлетворения нашим задачам, нашим воззрениям на работу...»¹⁷.

В этой ситуации Архангельский, представляя когорту исследователей, получивших высшее профильное образование до революции, с одной стороны пытался показать недостатки традиционных подходов архивистов на примере Гациского, а с другой – показать, что неразработанный до конца им метод был развит в академической науке.

В начале 1930-х гг. были свернуты, не без указания из Москвы, краеведческие изыскания как традиционалистов, так и новаторов, како-

¹⁷ Кузнецов, Уткина. 2011. С. 155–156, 157.

вым являлся Архангельский. Последний определился с основным направлением своих изысканий – историей Английской буржуазной революции, которая на время «закрыла» краеведческие штудии. Однако постижение феномена Гациского Архангельским не прошло незамеченным. Свидетельство тому – письмо внука Гациского К.Д. Александрова Архангельскому от 15 февраля 1937 г. В нем автор, проявляя осведомленность в исследованиях Архангельским творчества Гациского, предложил издать его биографию¹⁸. Это предложение реализовано не было. В 1939 г. Александровым был выпущен сборник, посвященный памяти А.С. Гациского¹⁹, но сведений об участии в его составлении Архангельского нет. Более к теме А.С. Гациского С.И. Архангельский напрямую и целенаправленно не возвращался.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский С.И.* А.С. Гациский // Школа и жизнь. 1928. № 1. С. 40–42.
- Архангельский С.И.* В.Г. Короленко как историк местного края // Сборник памяти В.Г. Короленко. Н.Новгород, 1923. С. 149–156.
- Архангельский С.И.* Из истории краеведческой идеи в Нижегородском крае (Мельников-Печерский – Гациский – Короленко) // Краеведение. 1925. Т.2. № 1–2. С. 71–80.: URL: <http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=3126>
- Архангельский С.И.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
- Архангельский С.И.* Основы и метод краеведной работы А.С. Гациского // Краеведение. 1929. № 10. С. 585–593.
- Ершова Н.П.* К замыслу издания А.С. Гациским «Нижегородского Летописца» // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 206–208.
- Кузнецов А.А., Уткина Н.А.* Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому и А.С. Архангельскому как источник по истории краеведческого движения в Нижнем Новгороде в 1920 – первой половине 1930-х гг. // Материалы VI Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Человек и документ». Нижний Новгород, 2011. С. 154–163.
- Сборник, посвященный памяти А.С. Гациского. Сост. К.Д. Александров. Горький, 1939. 140 с.
- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 765. Оп. 597. Д. 289 (Гациский А.С. Дневник (1876–1878 гг.)). 91 л.
- ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 73 (Письмо К.Д. Александрова С.И. Архангельскому 15.02.1937).

Егорова Наталья Павловна, аспирант исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; nataliyershova@mail.ru

¹⁸ ЦАНО. Д. 73.

¹⁹ Сборник, посвященный памяти А.С. Гациского. 1939.

С. И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ДОНЕСЕНИЯ ВЕНЕЦИАНСКИХ ПОСЛОВ ИЗ ЛОНДОНА ЗА 1640–1660 ГОДЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Неизвестная до сих пор статья С.И. Архангельского и отзыв о ней Н.П. Соколова¹ были обнаружены в июне 2011 г. в папке старых бумаг, хранящейся на историческом факультете Нижегородского государственного педагогического университета. Статья датируется по времени написания отзыва – первая половина 1952 г.

Английская революция имеет в настоящее время весьма обширный круг источников; можно подметить, как в XVIII, XIX и XX веке все более и более расширялся круг этих источников. К числу новых источников надо отнести и то издание, которое носит заголовок «Календарь государственных бумаг и рукописей относящихся к английским делам, находящимся в архивах и коллекциях Венеции и в других библиотеках северной Италии», именно томы с 25 до 32, в которых собраны документы за 40 и 50 гг. XVII века. Составители этих календарей включили в сборники донесения венецианских дипломатов об английских делах не только из Лондона, но и из других центров, как Париж, Мадрид, Вена, Гаага и т.д. Интересующие нас сборники выходили в свет с 1924 до

¹ *О статье С. И. Архангельского «Донесения венецианских послов из Лондона за 1640–1660 годы, как источник по истории Английской революции»*

Статья написана большим знатоком истории Английской революции и с полным знанием дела. Поскольку она раскрывает содержание одного из источников по истории этой революции, до настоящего времени слабо использованного историками Английской революции, постольку она представляет собою несомненный интерес.

Статья С.И. Архангельского, по моему мнению, состоит из 3-х частей: 1) общие сведения об источнике, 2) краткое изложение его содержания с особым упором на донесения Джустиниани и 3) изложение доклада Сагрето; между тем автор дает 7 разделов, разбивая доклад Сагрето на 5 частей, хотя все изложение этого доклада укладывается на 8 страницах.

Полагал бы, что в статью следовало бы внести следующие изменения: 1) унิจтожить внутренние деления в изложении доклада Сагрето, – автор очень четко трактует вопрос и в особых подразделениях нет надобности; 2) считаю, что следовало бы дать выводы, если их вообще давать для такой небольшой статьи, не по докладу Сагрето только, а по всей статье, – было бы больше стройности так сказать в архитектурном оформлении работы.

С полным убеждением могу сказать, что статья заслуживает публикации.
1952 г. июнь 16.

Н. Соколов

1931 года, и материал, в них помещенный, еще не вошел в должной мере в научный оборот. Мы хотим остановить внимание на донесениях венецианских дипломатов из Лондона, как на источнике, который проливает яркий свет на английскую революцию, отчасти подтверждая то, что уже было известно, отчасти дополняя известное, а отчасти открывая новые стороны революции.

Для того чтобы охарактеризовать этот источник, следует, прежде всего, установить, как он велик, как расположены во времени эти документы. За 20 лет революционного времени в Лондоне сменилось несколько венецианских дипломатов. Было время, когда Венеция не имела никаких официальных представителей в Лондоне. Первым по времени за годы революции венецианским дипломатом в Лондоне был Джiovanni Джустиниан.

На своем пути в Англию он прибыл в Париж 29/VI 1638 года. Ему пришлось пересекать французское королевство, охваченное волнениями народных масс; путь был полон опасностей. По Франции двигались войска, направляющиеся в Испанию, с которой Франция вступила в войну. Свое первое донесение из Лондона он отправил 6/VIII 1638².

Прием посла королем состоялся лишь в ноябре того же года. Джiovanni Джустиниан пробыл послом в Лондоне до 19/XII – 1642 г., т.е. 4 ½ года и уехал из Лондона, уже когда начиналась гражданская война. Им было послано много донесений. Вот их таблица по годам.

1638 г. – 20
1639 – 58
1640 – 48
1641 – 66
1642 – 71

263

Его донесения обычно отправлялись по одному каждую неделю, но в 1641 и 1642 году участились случаи, когда посылались по два донесения, обычно в один и тот же день. Таких случаев было в 1641 году 12; в 1642 – 10. Последнее донесение из Лондона дожу и сенату Венеции Дж. Джустиниан отправил 19/XII–1642 г.³ В тот же день отправил

² Calendar of State papers and manuscripts relating to English affairs preserved in the archives of Venice. Ed. by R. Brown, G. Cavendish-Bentinck, H.F. Brown and A.B. Hinds. Vol. 10–37. [1603–1672]. L. [1904]–1939. V. XXX. P. 4; Calendar of State papers and manuscripts relating to English affairs preserved in the archives of Venice. Ed. by R. Brown, G. Cavendish-Bentinck, H.F. Brown and A.B. Hinds. Vol. 10–37. [1603–1672]. L. [1904]–1939. V. XXIV. P. 439.

³ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXVI. P 214.

донесение и его преемник секретарь Джероламо Агостини. Им были посланы донесения в таком количестве:

1642 г. – 2
1643 – 65
1644 – 55
1645 – 4

Всего – 126

Дж. Агостини жил в трудных условиях. Он пишет так об этом. «Из моего семилетнего непрерывного пребывания в Англии, два года прошли среди опасностей гражданской войны, которую вел негуманный и варварский народ, при невыносимых издержках через потерю размена, среди скудости и непомерных налогов, от которых никто из иностранных представителей не был изъят»⁴. Он умер в Лондоне 3/III 1645 года. Через некоторое время приехавший из Парижа Падавино, сотрудник венецианского посла в Париже, сжег все оставшиеся бумаги Джероламо Агостини, вместе с шифром, а также весь регистр писем его, отправленных дожу и сенату Венеции.

После этого из Лондона стали поступать в Венецию не донесения посла или его секретаря, а безыменные информации (advices). Они стали поступать сначала регулярно, именно с 21/VI 1645 года, т.е. после перерыва в 5 месяцев⁵. Информации шли до 1652 года. Вот таблица этих информаций по годам:

1645 – 27
1646 – 50
1647 – 50
1648 – 46
1649 – 29
1650 – 3
1651 – 6
1652 – 16

Всего – 227

Как видно, они стали сокращаться с 1649 года; совсем упало их число в 1650 и 1651 году. В 1652 году они шли лишь до середины мая. В Лондоне в этом году снова появился официальный представитель Венеции секретарь Лоренцо Пауллуччи и от него стали поступать регулярные донесения со 2/V 1652 года⁶, но они были адресованы в Париж венеци-

⁴ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXVII. P. 162.

⁵ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXVII. P. 195.

⁶ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXVIII. P. 224.

анскому послу во Франции Микиель Морозини. «В силу намеков, полученных из различных пунктов и по различным поводам о желании английского парламента завязать отношения с нашей республикой, мы должны выразить волю сената. Никто не сомневается, что доброе взаимопонимание с английским правительством, которое теперь установилось и пользуется авторитетом и значительной властью, принесет выгоду государству в виду большой морской мощи Англии». Так было сказано в сообщении из Венеции направленном 24/II–1652 года венецианскому послу во Франции Микиель Морозини⁷.

Самым подходящим лицом для отправления в Лондон был признан упомянутый выше Лоренцо Пауллуччи. Надо помнить, что в это время Венеция была в войне с Турцией из-за Крита, что на Средиземном море вела торговлю английская Левантская компания, что наконец сама Англия стояла накануне войны с Голландией. Все это были мотивы к тому, чтобы послать в Англию от Венеции своего представителя.

Лоренцо Пауллуччи посылал свои донесения в Париж, на имя своего патрона. Лишь в редких случаях (3) он сносился непосредственно с сенатом и дожем Венеции. Его донесения распределяются по годам:

1652 – 37
1653 – 63
1654 – 57
1655 – 39

Всего 196

Последнее донесение от отправил 17/IX–1655 года, в момент когда начиналась война с Испанией⁸. Лоренцо Пауллуччи не был полномным посланником. В течение 7 месяцев ему не давали аудиенции в Лондоне. Его заменил Джиовани Сагрето, назначенный послом в Англию. До этого момента он был послом в Париже. Его донесения дожу и сенату Венеции начинаются с 3/IX 1655 года; в одном из первых донесений он писал: «Испанский король здесь готовится к отъезду, ожидая приказа от своего короля или намека от английского правительства»⁹. Его донесения были посылаемы часто и иногда по три в один день. Всего было отправлено

1655 – 35
1656 – 9

44

⁷ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXVIII. P. 213.

⁸ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 109.

⁹ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 119.

Он пробыл послом короткое время. В донесении 18/II 1656 года он благодарит дожа и сенат Венеции за разрешение вернуться домой. «Хочу выехать сразу же, не взирая на дурную погоду. Никто не запомнит, чтобы было так много снега и такой сильный холод, какой был в этом году на этом острове»¹⁰. Его преемником стал Франческо Джаварина с титулом секретаря. Первое его донесение дожу и сенату Венеции было отправлено 18/II 1656 г., т.е. в тот же день, как и благодарственное письмо Джованни Сагрето. Сагрето послал в Венецию связанное изложение хода событий английской революции до 1656 года.

Донесения Франческо Джаварина продолжались в течение всего остального [времени], пока длилась революция; с 18 февраля 1656 года до конца 1660 года им отправлено 279 донесений.

1656 – 48

1657 – 62

1658 – 57

1659 – 57

1660 – 55

279

Они отправлялись довольно пунктуально, по одному донесению в неделю в неделю, изредка по два донесения.

Таким образом, с количественной стороны донесения венецианских дипломатов из Лондона, за 21 год, т.е. с 1640 до 1660 года представляют громадное количество документов, симметрично расположенных во времени, за исключением периода от 1649 до 1651 года, когда донесения были редки. Всего донесений дипломатов и информации без подписи их автора было отправлено из Лондона 1135. К этому надо присоединить исторический труд, составленный Сагрето в 1656 году. Он представлял собой связанное изложение событий современником, событий, получивших впоследствии название английской революции; автор пытался выяснить причины этих событий и их связь между собой без какой либо уже установившейся точки зрения.

II.

Гораздо труднее охарактеризовать содержание донесений и информации, посланных из Лондона в Венецию за годы революции. Конечно, эти донесения прежде всего касались вопросов внешней политики, интересовавших венецианское правительство. Надо иметь в виду, что в это время международное положение в Европе было напряженным. Шли последние годы Тридцатилетней или, как тогда ее называли «Бо-

¹⁰ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 176.

гемской войны»; уже утомленные войной державы Франция, Швеция, Испания, Германская империя начали вести прелиминарные переговоры о мире. В них принимала участие и Англия. Затем был заключен Вестфальский мир, но уже без Англии; он не означал, что Западная Европа перешла на мирное положение. Война Испании с Францией продолжалась, а с 1655 года в нее втянулась Англия, став на сторону Франции. В том же 1655 году начиналась война Швеции с Польшей; она осложнилась участием в ней России, Дании, Бранденбурга, Германской империи и целого ряда мелких, полусамостоятельных государств, как Крымское ханство; Трансильванское воеводство, казачество, господарства Валахия и Молдавия. В это же время шла война между Испанией и Португалией за независимость последней. Сама Венеция вела упорную борьбу с Турецкой империей из-за острова Крита. Надо, наконец, упомянуть, что между 1642 и 1645 годами шла война между Швецией и Данией из-за соперничества на Балтийском море, закончившаяся поражением Дании и миром в Бросембро. Воевала почти вся Европа.

Венецианская дипломатия в войне, разделившей Западную Европу на два лагеря, на габсбургскую и антигабсбургскую коалицию, не примыкали ни к той, ни к другой из них. Она выдвинула план объединения государств Западной Европы против Турецкой империи, которая была ее злейшим противником. Это объединение мыслилось в форме организации Крестового похода.

Но европейские государства к этим предложениям относились достаточно равнодушно. Втянутая в войну с Турцией Венеция стремилась усилить свой флот. Особое внимание она обращала на деятельность английской Левантской компании, которая вела большую торговлю на Ближнем Востоке, в частности на турецком рынке; Венеция стремилась привлечь английские морские силы на свою сторону. Она отвернулась от поддержки Стюартов, с которыми довольно долго имела связи уже после падения монархии в Англии, после того как поняла, что в Англии утвердился новый строй, и завязала с английской республикой дипломатические отношения в 1652 году. Ее дипломаты, работавшие среди новой политической обстановки в Англии, Лоренцо Паулуччи, Джiovани Сагрето, Франческо Джаварина быстро ориентировались в ней, зорко следили за поворотами внутренней и внешней политики Англии и давали об этом точные сведения дожу и сенату Венеции, опираясь на свою собственную агентуру в Лондоне и жалуясь на таинственность английской дипломатии.

Кроме событий внешнеполитического характера, деятельности в Лондоне различных иностранных послов, их отдельных демаршей, кото-

рые они предпринимали, венецианские донесения содержат подробную, обстоятельную информацию о внутренней жизни Англии за годы революции, о борьбе короля и парламента, о шотландских событиях, о деятельности Ол. Кромвеля, о пуританах, о положений католиков и т.д. Поэтому можно сказать, что эти донесения проливают свет и на всю английскую революцию, поскольку ее можно было наблюдать в Лондоне и ближайших окрестностях. Но местная жизнь, события, совершившиеся в далеких от Лондона графствах, различные конфликты в деревнях между лордами и крестьянами, борьба рудокопов в Дербишире, выступления диггеров не попали в поле зрения венецианских дипломатов. Так как донесения посылались регулярно в большинстве случаев, то они дают для всех лет революции, за исключением 1649–1651 года, богатый материал сведений и излагают события последовательно и отчетливо. Надо думать, что у венецианцев была хорошо налажена информационная служба, о которой иногда попадаются сообщения в их донесениях. Для иллюстрации остановимся на донесениях Джiovани Джустиниан за первые годы революции. В этих донесениях освещен грозивший перерасти в открытую войну конфликт между Англией и Шотландией и показана тесная связь этого конфликта с внутренней борьбой в самой Англии между королем и сторонниками парламента. Рядом с этим стрелчевым вопросом освещается второй: королевская политика внутри Англии, безденежье короля и вынужденный созыв двух парламента, сначала Короткого, потом Долгого. Говоря об ожидающих своего приема шотландских комиссарах, Джiovанни Джустиниан пишет: «Планы короля идут дальше, получить оружием то, в чем они откажут после длинных переговоров. Этот курс политики сильно поддерживает наместник Ирландии (лорд Страффорд), новый влиятельный министр для своих собственных целей, но другие, хотя и менее влиятельные показывают больше осторожности и настаивают постоянно положить конец во что бы то ни стало настоящим гражданским раздорам»¹¹. Несколько позднее он пишет «Во дворце совещания по поводу предложенного созыва парламента. Главное что заботит, сбор денег с народа для предстоящих расходов». Когда собрался Короткий парламента, и король намекнул на роспуск парламента, если члены парламента будут упорны в своем нежелании дать корою деньги, Джiovанни Джустиниан написал в своем донесении 11/V 1640 года: «Если это случится, можно предвидеть, опасные восстания в этом королевстве»¹². По поводу роспуска Короткого парламента он отметил сильное раздражение народа, готовность его

¹¹ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXV. P. 17.

¹² Calendar of State papers and manuscripts... V. XXV. P. 43.

идти на открытое восстание, укрепление Тауэра королем, усилившееся дезертирство из армии. Вскоре после созыва Долгого парламента Джювани Джустиниан сообщил, что в стране растет возбуждение, и монархия находится под угрозой. В самом начале кризиса в Лондоне находились два чрезвычайных испанских посла, которые ставили своей задачей повернуть королевскую политику в сторону благоприятную для Испании. Когда под влиянием событий положение королевской власти в Англии поколебалось, то в Лондон прибыл голландский посол, обещавший Палате общин поддержку всякими возможными средствами, но настаивавший на изменении курса внешней политики Англии, что должно выразиться в усиленной поддержке Пфальца, и разоблачавший тайные цели испанской дипломатии привести Англию к разрыву с Францией и Голландией. Таким образом, уже в самом начале английская революция влияла на дипломатические демарши враждебных друг другу государств, какими были Испания и Голландия, стремившаяся каждая по своему использовать начавшееся разделение Англии на королевскую и парламентскую. Предсказание неизбежности гражданской войны в Англии неоднократно попадают в донесениях Дж. Джустиниан.

Дж. Джустиниан в ряде донесений показал всю силу народного движения в Лондоне, когда был поставлен вопрос о казни лорда Страффорда, когда в католиках видели главных врагов, и под угрозой оказались посольства католических государств, Испании, Франции, Венеции, когда подозревали, что Франция готовит интервенцию в английские дела. «Я вздыхаю о том времени, когда я могу опасности этого королевства, где мое пребывание становится таким мучительным», пишет Дж. Джустиниан 24/V 1641 года¹³. Прогноз развития революции он делал верный, говоря об обреченности монархии в Англии, но истинных сил, движущих революцией, он не понимал, стараясь свести все к махинациям парламента, который поднимает массы народа. Ему ясна была другая сторона революции, как иностранные государства уже в самом начале стремились использовать борьбу между королевской властью и парламентом.

III.

Теперь остановимся на докладе Сагрето, предоставляющем как бы заключение к его донесениям, посланным из Лондона в Венецию в период от 24/IX 1655 до 9/V 1656 года. Это было время, когда началась война Англии с Испанией. «Немного дней после моего прибытия в Англию, писал Сагрето, «испанский посол оставил Лондон, объявляя открытую войну вследствие английского нападения на Индию»¹⁴.

¹³ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXV. P. 152.

¹⁴ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 309.

Сагредо в самом же начале доклада ставит вопрос о причинах того, почему уже 15 лет Англия беспрерывно возбуждена бурной гражданской войной, в которой королевский авторитет окончательно потерпел крушение. Причины этого, по мнению Сагредо, различны и может быть; не те как обычно принято думать.

Их он видит в некоторых переменах в религии, усиливших непопулярность Карла I, в попытке привести протестантские обряды в согласие, насколько возможно, с католичеством. Эта мера обнаружила, что он католик в душе, и усилила раздражение народа против короля¹⁵.

Следующую причину он видит в недостатке способности Карла I взять правительство в свои руки, в назначении министрами людей, медленно и тяжело думающих, как граф Голленд, или как кентерберийский архиепископ, которые хотели управлять Лондоном, как если бы это был колледж или молитвенный дом¹⁶.

Шотландцы, бывшие в свите короля, выведывали его самые секретные решения и сообщали их его врагам. С самого начала не были приняты меры против собраний, в которых, под предлогом государственной необходимости, начали предъявлять требования к королевской собственности и которые положили первое основание для мятежа.

Таким образом, глубоких причин революции он не вскрывает; саму революцию он понимает как мятеж против короля, вызванный его неумелым правлением. Даже и самое слово, такое обычное в нашем лексиконе, как революция, у Сагредо отсутствует. Его еще в то время не существовало. Самым главным моментом в развернувшихся событиях он считал публичную казнь короля на эшафоте, которую он подробно описал.

IV.

Рассказывая о событиях 15 лет, он должен был изобразить ход революции. У него встречается интересное сравнение революционного движения с рекой: если первый напор воды не остановить, то она разнесет плотины и запоздалые исправления будут бессильны. Таким образом им выражена мысль о стихийности и силе революционного движения¹⁷.

Гражданская война, закончившаяся разгромом королевских войск, была первым этапом событий.

Второй этап был ознаменован расколом среди победителей на умеренных, искавших выхода в реставрации королевской власти, и на крайних, включая Кромвеля, говоривших, что дело зашло слишком да-

¹⁵ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 299.

¹⁶ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 299.

¹⁷ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 300.

леко и возвращаться назад нельзя. Если король вернет себе достоинство, он будет мстить.

Таким образом, вся сложная борьба 1647–1648 года не попала в поле зрения Сагрето.

Третий этап событий в докладе Сагрето связан с возвышением власти Оливера Кромвеля. «Хотя он был вторым лицом в армии, как показывает его титул (помощник главнокомандующего Ферфакса)Э, однако он был первым по влиянию. Кромвель обладал не только мечом, но и словом. Он распустил парламент, хотя он создал его величие»¹⁸.

В конце своего доклада Сагрето пытается приподнять завесу будущего; он не верит в прочность того государственного строя, который создан Кромвелем. Но в то же время говорит, что бог один знает будущее.

Самым способным человеком в Англии после Кромвеля он считает Ламберта. Никто кроме него неспособен произвести перемены и создать партию.

V.

Если вдуматься в изложение хода событий, занимавших внимание Сагрето, то нельзя не заметить, что он указал на три силы, действующие в революции: король, сторонники парламента и народ. Сагрето не выяснил, на кого король опирается; у него нет того понятия, которым мы часто пользуемся теперь, феодализм. Самый термин этот появился лишь в XVIII веке, накануне французской революции. В одном месте своего доклада он говорит о многих богатых кавалерах, в большинстве преданных глубоко королевскому делу, которые добровольно покинули Англию¹⁹. Однако силы королевской Англии не остановили на себе достаточного внимания Сагрето.

Сторонники парламента названы им несколько раз, но и эта группировка не проанализирована. Понятие буржуазии у него тоже отсутствует. Этот термин входит в употребление тоже сравнительно поздно, со времени Огюстена Тьерри, возвеличившего (30 г. XIX века) третье сословие. Но под сторонниками парламента, видимо, он разумеет тех, кого мы называем буржуазией (в Англии сюда же относится и новое дворянство) и противопоставляет эту группу народа. «Между тем», пишет Сагрето, «английские сторонники парламента, опьяненные военным успехом, разделили награбленное у голландцев между собой, и наложили тяжелые налоги на народ для содержания флота»²⁰. Отсюда их непопулярность, которой воспользовался Кромвель, чтобы разогнать Долгий парламента. В другом месте он отмечает, что ювелиры дали займы парламенту 800.000

¹⁸ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 302.

¹⁹ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 306.

²⁰ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 304.

крон и тем показывает близость к парламенту владельцев денежных средств, какими тогда были ювелиры, игравшие роль банкиров²¹. Кромвель упрекает членов Долгого парламента, говорит Сагрето, в том, что они сосали кровь из английских вен и набивали свои кошельки достаточно долго. Категория народа в докладе Сагрето достаточно неопределенна. Видимо, это низшие слои городского населения, но определением их Сагрето не интересуется. Они противостоят слоям населения, озабоченным своей собственной наживой в эпоху разрушения страны. Эта социальная категория вышла из-под пера Сагрето наиболее бледной обрисованной, как впрочем и у представителей позднейшей историографии. Лишь в начале XX в. в России А.Н. Савин заговорил о том, что пора историкам английской революции обратить внимание на батрака, подмастерье, бродягу, цехового мастера, которые все еще редко показываются на страницах общих и даже специальных работ²².

Зато Сагрето правильно подчеркнул громадную роль Лондона в событиях революции. «Многочисленные силы вышли из Лондона против короля, народ смело вносил налоги, чтобы поддержать их». В другом месте он пишет «Лондон был главным и самым решительным поборником войны против короля». Лондон это город, не уступающий Парижу, по населению, по богатству купцов. Он обратил внимание на преимущество Лондона, на его близость к морю, на цветущую торговлю этого города, на громадное кораблестроение в доках Темзы. «Корабли там в таком количестве, что при моем прибытии их насчитывалось более 2000; они поднимались вверх и спускались вниз по Темзе»²³. В эпоху революции изменился внешний вид Лондона (столица стала военным центром: изысканный двор, самый пышный и самый веселый в мире, посещаемый знатными дамами, теперь сменился постоянно марширующими солдатами, непрерывными звуками труб и трескотней барабанов, группами солдат и офицеров, которые стоят там и здесь на своих постах). Та знать, которая прежде жила в Лондоне, подверглась большим лишениям. Громадные конфискации земель не укрылись от взгляда Сагрето. «Были конфискованы громадные доходы Букингама и многих других богатых кавалеров; католики, среди которых были люди богатых фамилий, согласились уплатить 2/3 собственности, чтобы купить свободу богослужения»²⁴. Но это только упоминание. Раскрыть размеры и значение этого социально-экономического процесса Сагрето был бессилен.

²¹ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 302.

²² Савин А.Н. Лекции по истории английской революции, 43.

²³ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 300.

²⁴ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 306.

VI.

Кромвель занимает в докладе Сагрето главное место. Он останавливается на его биографии. «Его отец джентельмен, имевший скромное достояние. Он был выбран в парламент от города Кембриджа. «Здесь он сумел повернуть смуты и обстоятельства в свою пользу»²⁵. Он прошел быстро военную карьеру, до чина генерала, командующего всеми силами Англии. Он не раз обнаруживал чрезвычайное мужество, пользовался большим влиянием на толпу. Чрезвычайно религиозный, он говорил красноречивые проповеди перед солдатами. Он часто проливал слезы больше за грехи других, чем за свои собственные, чтобы сделать красноречие свое более убедительным. Он был суров с людьми другой партии, чем его собственная. Его смертельно ненавидели роялисты. Ему приходилось принимать меры предосторожности против покушений на его жизнь. Кроме характеристики личности Кромвеля Сагрето прослеживает его возвышение, характеризует его политику, весьма дальновидную. После казни короля Кромвель одерживает большие победы в Ирландии и Шотландии. В короткое время Ирландия была завоевана, Шотландия подчинилась, исключая самых недоступных частей Highlands, куда бежали разбитые остатки врагов и откуда они скорее тревожили, чем воевали в пользу короля²⁶. Долгий парламент, проводивший дискуссии, чтобы найти средство остановить возвышение Кромвеля, был им распущен при помощи военных сил. Сагрето останавливается на деталях этого события. Кромвель при заключении мира с Соединенными провинциями внес семя раздора среди них, так что они были накануне распада. Он был за военное господство, «которое теперь существует в Англии», пишет Сагрето²⁷. Он был объявлен Протектором трех королевств. Республика была сохранена, но она не имела большого значения. Он открыл дорогу на высшие посты в армии людям из низших сословий. Это Сагрето объясняет личными интересами Кромвеля. Его религиозная политика сводится к тому, что 246 религиозных исповеданий получили свободу, но это были исповедания, враждебные паству и друг другу²⁸. Благодаря взаимной враждебности секты стали слабыми, и ни одна не могла получить первенства. Кромвель владеет бóльшей властью, чем король; поэтому-то он и не принимает титула короля, который ему предлагают.

²⁵ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 311.

²⁶ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 303.

²⁷ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 305.

²⁸ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 307.

VII.

Внешняя политика Англии занимает значительное место в докладе Сагрето. В характеристике конфликта с Испанией и англо-испанской войны обращено внимание на морскую войну с Испанией, на ловушки, устроенные с целью захвата богатств, поступающих в Испанию из Вест-Индии. «Это будет ужасная потеря для католицизма, если этот человек, и без того страшный, добавит власть закона к власти железа, что сделает его столь грозным»²⁹. Барбадос англичане используют для сахарных плантаций и заселяют его колонистами из Англии. Сагрето видел, как в Лондоне солдаты ловили женщин веселого образа жизни, чтобы отправить на Барбадос. С Данией, Голландией и некоторыми другими державами, которые владеют флотом, идут ссоры как между животными, пасущимися на одном пастбище. Сагрето также отмечает дружбу Англии со Швецией, с Швейцарскими протестантами и вообще со всеми еретиками. Кромвель считал себя главой и покровителем реформатской церкви³⁰. Это объединение было направлено против Австрийского дома.

Таким образом Сагрето верно очертил направление внешней политики Англии, упуская лишь некоторые ее детали.

ВЫВОДЫ.

1. Доклад Сагрето – ранняя связная история английской революции; в нем четко обрисованы многие важные стороны исторической жизни 40 – 50 годов. Ярко очерчена деятельность главного лица той эпохи Оливера Кромвеля.

2. Доклад не страдает той предвзятой точкой зрения на события 40 – 50 г., какой страдали исторические работы, написанные позднее с позиций двух английских партий, боровшихся за власть в XVIII и XIX в. (тори и виги).

Автор видит события такими, какими они были хотя и вскрывает глубины причин, их вызвавших.

3. Отсутствует в изображении Сагрето за исключением некоторых намеков, социальная история революции, участие в ней народных масс, не раскрыты особенности революционной борьбы, протекавшей в отдельных графствах Англии. Всей Англии Сагрето не знал. Он смотрел на нее из Лондона, но жизни других городов; западных, северных, восточных графств он не знал.

4. Выступает католическая точка зрения автора в суждениях об английских делах и в оценке их.

²⁹ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 309.

³⁰ Calendar of State papers and manuscripts... V. XXX. P. 310.

В одном, несомненно, автор доклада был прав. Он сказал: «История, конечно, расскажет подробно, что я буду излагать кратко». То, о чем сообщал Сагрето на 14 страницах, теперь уже освещено многочисленными источниками и исследованиями и занимает десятки тысяч страниц. Но Сагрето первый попытался дать связное изложение событий английской революции, показать главного деятеля Оливера Кромвеля, про которого И.В. Сталин в беседе с английским писателем Уэлсом сказал: «Вспомните Англию XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой»³¹.

³¹ *Сталин И.В.* Основы ленинизма, 608; изд. X.

Е. Е. САВИЦКИЙ

«НОВЫЙ ИСТОРИЗМ» ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ

В публикации представлена программа учебного курса «Новый историзм», в котором делается попытка представить историю и основные аспекты этого важного интеллектуального направления 1980–1990-х гг. Курс предназначен студентам магистратуры, обучающимся по специальности «культурология» и прослушавшим курсы «Интеллектуальная история XX века», «История и методология изучения культуры», «Исследование культуры в современном мире», «Современные техники анализа текстов культуры» и «Визуальные исследования».

Ключевые слова: *новый историзм, филология, искусствоведение, культура, текст, тело, Монтроз, Гринблатт, Альперс, Галлахер, Нир.*

«Новый историзм», одно из наиболее важных интеллектуальных направлений конца XX в., плохо представлен в русскоязычных публикациях. Дискуссии о «новом историзме» на страницах журнала «Новое литературное обозрение» в 2000–2001 гг. во многом открыли читателям это междисциплинарное исследовательское сообщество, но преимущественно с филологической стороны, в тех дискуссиях участников гораздо больше волновала судьба российской филологии, а не обстоятельное представление «нового историзма».

По этой причине представляется важным хоть в какой-то мере закрыть эту лауну в восприятии западной интеллектуальной истории, опубликовав программу курса, который мне довелось читать на магистерской программе по культурологии XX века в Российском государственном гуманитарном университете. Курс состоит из лекций и семинаров, в программу которых включены прежде всего источники, доступные в русском переводе. Иногда это не самые репрезентативные для «нового историзма» тексты, но в то же время они дают возможность показать, что некоторые уже известные нам и прочитанные авторы могут быть по-новому восприняты в контексте их связей с «новыми истористами». Курс входит в вариативный раздел цикла профессиональных дисциплин и является курсом по выбору. Объем курса – 72 часа, из них 6 лекционных, 12 семинарских, а остальные 54 часа отводятся на самостоятельную работу студентов.

ПРОГРАММА КУРСА

Пояснительная записка

Задачи курса состоят в том, чтобы представить студентам основные новоисторицистские подходы и способы их применения для анализа культурных феноменов, процессов и практик в современных обществах и в истории культуры, познакомить студентов с наиболее значимыми результатами переосмысления истории культуры в рамках «нового историзма». Предмет изучения – историко-культурные и теоретические модели, концепции, дискуссии возникшие в рамках «нового историзма» и представляющие собой междисциплинарный опыт переосмысления сложившихся к началу 1980-х годов исследовательских практик. Основная цель освоения дисциплины – содействовать развитию способностей обучающихся к самостоятельному исследованию сложных культурных объектов, выработке у студентов понимания специфики новоисторицистских подходов.

ПЛАН ЛЕКЦИОННОЙ ЧАСТИ КУРСА

Тема I.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «НОВОГО ИСТОРИЗМА» И ЕГО НОВАЦИИ В РАННИЙ ПЕРИОД (конец 1970-х – начало 1980-х гг.)

Предмет, цели и задачи курса. Подчеркнутая антитеоретичность «нового историзма». Необходимость уделять больше внимания конкретным исследованиям для его осмысления. Значение журнала «Репрезентации» для представления «нового историзма» как единого направления. Периодизация истории «нового историзма». Первый период: формирование общих подходов (конец 1970-х и 1980-е гг.) Второй период: дискуссии о подлинном новоисторицистском подходе, критика «интерпретационистов» (конец 1980-х), становление новоисторицистского методологического канона на рубеже 1980-1990-х гг.; экспансия «нового историзма» в смежные методологические области. Третий период: утрата журналом «Репрезентации» ведущих интеллектуальных позиций по отношению к «Критическим исследованиям», изменение проблематики в конкуренции с этим журналом.

Ретроспективное представление собственной истории в рамках самого «нового историзма». Анализ написанного С. Гринблаттом и К. Галлахер введения к книге «Практикуя новый историзм» 1997 г. Важность представления «нового историзма» именно как практики, а не теории. Отказ от представления «нового историзма» как чего-то единого. Открытость «нового историзма» совмещению с иными исследовательскими подходами. Возникновение «нового историзма» в полемике с «новой критикой», первоначальная важность этого негативного опыта, а не позитивной программы. Влияние французского постструктурализма, концстанцкой и московско-

тартусской школ, работ Альтюссера и Лакана. Ограниченность терминологических заимствований, упреки в адрес «нового историзма» в недостаточной концептуальности.

«Новый историзм» и историзм старый. Историко-критический метод в филологии и его преодоление в XX в. Иной возврат к истории в «новом историзме», с учетом работ Деррида, Кавелла, Серто и др.

Обсуждение «импликаций текстов» на неформальных встречах новых историцистов в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Отличия знания, ориентированного на импликации текстов, от староиорицистского позитивного получения сведений о них. Новый историзм как политика культуры в определении Л. Монтроза.

Решение издавать журнал «Репрезентации». Дискуссии о названии. Состав редакции. Сфера интересов, характерные черты исследований ее членов в 1970-е гг. и позднее. Французские профессора в Калифорнийском университете в Беркли и их влияние. Состав авторов первых номеров.

«Интерпретаторская» рецепция «нового историзма» в России начала 2000-х гг. Публикации переводов в «Новом литературном обозрении», полемика А. Эткинды и И.П. Смирнова. «Новый историзм» как спасение от постмодернизма в их интерпретации. Биография Чернышевского И. Паперно как образец интерпретаторского новоисторицистского исследования.

Критика «нового историзма» Х. Уайтом и Д. ЛаКапрой в 1990-е гг. в контексте борьбы Гринблатта и Монтроза с интерпретаторами и позднейших российских дискуссий. М. де Серто на стороне «новых историцистов» и против них. Влияние Лакана и Серто в анализе «Послов» Гольбейна у Гринблатта.

Тема II

РАННИЙ НОВЫЙ ИСТОРИЗМ и ИСТОРИЯ ИСКУССТВА

Стивен Гринблатт и Светлана Альперс как первые редакторы журнала «Репрезентации».

Работы Гринблатта по истории культуры английского ренессанса в 1970-80-е гг., общий обзор. Анализ памятника побежденному крестьянину Дюрера у Гринблатта и позднейших английских реминисценций. Построение текста Гринблатта. Различные возможности контекстуальных прочтений и их последовательное опровержение. Отграничение новоисторицистского подхода от иных способов контекстуализации. Сочетание литературоведческих и искусствоведческих подходов в исследовании Гринблатта.

Светлана Альперс, общий обзор ее работ. Статья о «Менинах» Веласкеса в первом номере «Репрезентаций», критика интерпретаций этой картины у Э. Гомбриха и М. Фуко, определение особого места новоисторицистского подхода по отношению к иконологии и археологии знания. Использование у Альперс лакановской модели двух режимов видения.

Применимость «нового историзма» в истории искусства. Исследования Э. Сноу, Р. Стайна, М. Баксандаля, Дж. Бреслина.

Тема III

ВЫРАБОТКА КАНОНА НОВОИСТОРИЦИСТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(рубеж 1980-1990-х гг.)

Публикация ридера «Новый историзм» А. Везера. Появление книжной серии «Новый историзм».

«Тексты и тела» в раннем новом историзме. Исследования П. Брауна о святости в поздней античности. Значение телесности в ретрасляции знания в римских школах и воспроизведение в рамках культа святых школьного отношения к классикам. Исследование Т. Лакера о похоронах бедняков и их репрезентациях. Работа Л. Монтроза о сложностях репрезентации гендера в литературе елизаветинской эпохи. К. У. Байнум о женской святости в средние века: телесное и текстовое конструирование святости.

Строгое воспроизведение набора новоисторических исследовательских приемов в аспирантских работах рубежа десятилетий: статья Р. Нира о греческой краснофигурной вазописи периода архаики. Poleмика Нира с Г. Рихтер и Э. Гомбрихом о происхождении искусства из визуального или интеллектуального опыта. Значимость ситуативности и случайности в способах репрезентации. Необходимость создания культурной поэтики греческой вазописи. Аналогии между вазописью и архаической поэзией: важность в обоих случаях художественного навыка и виртуозности, способности к игре со зрителем, к созданию визуальной игры правдоподобного и обманчивого. Вазопись как аллегория мира, а не его воспроизведение. Понимание истины в греческой поэзии, полемика Нира с М. Детьеном: связанность истины с удовольствием, а не с правдоподобием, в понимании греков. Необходимость для истины быть разукрашенной. Авторство как воплощение навыков, как социально выгодный облик, который позволяет обращаться к публике с некой идеальной позиции, а не субъективность. Другой пример – исследование К. Бартона о гладиаторах и мучениках в Римской империи, канонизация основных исследовательских приемов П. Брауна.

Вхождение «нового историзма» в ряд канонических способов исследования в 1990-е гг.; смена политической ориентации «нового историзма».

Включение «новым историзмом» проблематики «новой культурной истории», сотрудничество с журналом «Репрезентации» Р. Дарнтон, Л. Хант в первые годы, Н.З. Дэвис и К. Гинзбурга позднее. Проблематика культурной памяти в рамках нового историзма: работы Яна и Алейды Ассман, материальность памяти, производство памятью «социальной энергии». «Новый историзм» и культурная антропология: работы Дж. Маркуса, Дж. Клиффорда, М. Салинса, Ш. Ортнера, Р. Розальдо.

Две тенденции позднего нового историзма: сохранение базовых методик исследования и дополнение их новыми «импликациями»: исследование П. Альперса об исторической поэтике пасторали, Р. Дарнтон о придворных кругах общения в эпоху Людовика XV, М. Кэррутерз о средневековых техниках памяти.

ПЛАН СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Семинар 1. Дискуссии об определении «нового историзма» и его состоятельности как подхода.

Вопросы:

1. Как определяет Л. Монтроз основные черты новоисторицистского подхода к изучению культуры? Чему противостоит «новый историзм»?
2. Почему, по мнению Х. Уайта и Д. Лакапры, «новый историзм» как подход несостоятелен?

Источники:

Монтроз Л.А. Изучение Ренессанса: поэтика и политика культуры // Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 13-37.

Уайт Х. По поводу «нового историзма» // Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 37-48.

LaCapra D. History and Memory: In the Shadow of the Holocaust // History and Memory After Auschwitz // Ithaca, L.: Cornell Univ.Press, 1998. P. 8-42.

Литература:

Ryan K. Introduction // New Historicism and Cultural Materialism: A Reader / Ed. K. Ryan. N.Y.: Arnold Publishers, 1996. P. I-XXXII.

Семинар 2. Особенности рецепции «нового историзма» в России в 2000-е гг.

Вопросы:

1. В чем видит характерные черты «нового историзма» А.М. Эткинд? В чем его видение «нового историзма» отличается от того, что предлагал Л. Монтроз? Почему обращение к «новому историзму» было важно для российских исследований культуры 2000-х гг.?
2. Как описывает логику возникновения «нового историзма» И.П. Смирнов? В какие теоретические оппозиции вписывается им «новый историзм»? В чем отличие позиции Смирнова от точек зрения А.М. Эткинда и С.Н. Зенкина?

Источники:

Эткинд А.М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. № 47. 2001. С. 7-41.

Смирнов И.П. Новый историзм как момент истории (По поводу статьи А.М.Эткинда «Новый историзм, русская версия») // Он же. Мегаистория: К исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. С. 478-540.

Дополнительные источники и литература:

Козлов С. На rendez-vous с «новым историзмом» // Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 5-13.

Greenblatt S. Murdering Peasants: Status, Genre, and Representation of Rebellion // Representations. № 1. Winter 1983. P. 1-30.

Hunt L. Hercules and the Radical Image in the French Revolution // Representations. № 2. Spring 1983. P. 95-117.

Семинар 3. Ранний новый историзм и история искусства: тексты и контексты.*Вопросы:*

1. Как соотносятся производство художественного текста и формирование субъективности, в понимании Гринблата?
2. В полемике с какими подходами складывается новоисторицистское видение культуры у Гринблатта?
3. В какой мере новоисторицистский подход Гринблата совпадает с его описаниями у Монтроза, Эткинда, Смирнова, и в какой мере он от них отличается?

Источники:

Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира // Новое литературное обозрение. № 35. 1999. С. 34-77.

Greenblatt S. Renaissance Self-Fashioning From More to Shakespeare. Chicago, L., 1980. P. 1-11.

Литература:

Pieters J. Moments of Negotiation: The New Historicism of Stephen Greenblatt. Amsterdam: Amsterdam Univ.Press, 2001. P. 67-110.

Семинар 4. «Новый историзм» и история памяти.*Вопросы:*

1. В какой мере «Культурная память» Яна Ассмана может быть прочитана как новоисторицистский текст?
2. Каким образом меняется прочтение текста Ассмана при допущении, что он новоисторицистский?
3. Каковы особенности рецепции нового историзма в работах по английской литературе Алейды Ассман?

Источники:

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянск. культуры, 2004. С. 18-112.

Assman A. Text, Traces, Trash: The Changing Media of Cultural Memory // Representations. № 56. P. 123-134.

Литература:

Репина Л.П. Память и историописание // История и память: Историческая культура до начала Нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2006. С. 19-46.

Васильев А.Г. Современные «memory studies» и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 19-49.

Семинар 5. Новоисторицистская история научных практик.*Вопросы:*

В чем можно увидеть влияние «нового историзма» на историю научных практик в 1990-2000е гг.? Какие аспекты нового историзма остаются невостребованными?

Источники:

Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / Под ред. Д. Александрова, М. Хагнера. СПб.: Алетейя, 2007. С. 37-72.

Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representations. № 40. 1992. P. 81-128.

Литература:

Хагнер М. История науки. Введение // Наука и научность в исторической перспективе / Под ред. Д. Александрова, М. Хагнера. СПб.: Алетейя, 2007. С. 8-36.

Семинар 6. Новоисторицистские трактовки истории российской культуры

Вопросы:

1. Какие характерные новоисторицистские приемы исследования можно найти в анализе А.Л. Зориным исторических контекстов русской литературы?
2. Чем отличается поход Зорина от подходов Гринблатта или Монтроза?

Источники:

Зорин А.Л. Поход в бордель в Москве в январе 1800 года (Шиллер, гонорея и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) // Новое литературное обозрение. № 92. 2008. С. 158-187.

Зорин А.Л. Последний проект Потемкина: праздник 28 апреля 1791 года и его политическая эмблематика // Новое литературное обозрение. № 43. 2000. С. 168-191.

Основные источники

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 358 с.

Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира // Новое литературное обозрение. № 35. 1999. С. 34-77.

Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / Под ред. Д. Александрова, М. Хагнера. СПб.: Алетейя, 2007. С. 37-72.

Монтроз Л.А. Изучение Ренессанса: поэтика и политика культуры // Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 13-37.

Зорин А.Л. Поход в бордель в Москве в январе 1800 года (Шиллер, гонорея и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) // Новое литературное обозрение. № 92. 2008. С. 158-187.

Зорин А.Л. Последний проект Потемкина: праздник 28 апреля 1791 года и его политическая эмблематика // Новое литературное обозрение. № 43. 2000. С. 168-191.

Уайт Х. По поводу «нового историзма» // Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 37-48.

Alpers P. Pastoral and the Domain of Lyric in Spenser's Shepheardes Calender // Representations. № 12. Fall 1985. P. 83-100.

Alpers S. Art or Society: Must wu choose? Foreword // Representations. № 12. Fall 1958. P. 1-2.

- Baxandall M.* Art, Society, and the Bouguer Principle // *Representations*. № 12. Fall 1985. P. 32-43.
- Bloch R.H.* Medieval Misogyny // *Representations*. № 20. Fall 1987. P. 1-24.
- Bloch R.H.* The Fabliaux, Fetishism, and Freud's Jewish Jokes // *Representations*. № 4. Fall 1983. P. 1-26.
- Boyarin D.* The Christian Invention of Judaism: The Theodosian Empire and the Rabbinic Refusal of Religion // *Representations*. № 85. Winter 2004. P. 21-57.
- Brown P.* The Saint as Exemplar in Late Antiquity // *Representations*. № 2. Spring 1983. P. 1-26.
- Bynum C.W.* Fast, Feast, and Flesh: The Religious Significance of Food to Medieval Women // *Representations*. № 11. Summer 1985. P. 1-25.
- Cavell S.* "Who does the wolf love?": Reading Coriolanus // *Representations*. № 3. Summer 1983. P. 1-20.
- Clifford J.* On Ethnographic Authority // *Representations*. № 2. Spring 1983. P. 118-46.
- De Certeau M.* Lacan: An Ethics of Speech // *Representations*. № 3. Summer 1983. P. 21-39.
- Ferguson F.* Reading Morals: Locke and Rousseau on Education and Inequality // *Representations*. № 6. Spring 1984. P. 66-84.
- Fineman J.* Shakespeare's "Will": The Temporality of Rape // *Representations*. № 20. Fall 1987. P. 25-76.
- Gallagher C.* The Politics of Culture and the Debate over Representation // *Representations*. № 5. Winter 1984. P. 115-147.
- Goux J.-J.* Vesta, or the Place of Being // *Representations*. № 1. Winter 1983. P. 91-108.
- Greenblatt S.* Hamlet in Purgatory. Princeton: Princeton Univ.Press, 2002. 352 p.
- Greenblatt S.* Learning to Curse: Essays in Early Modern Culture. N.Y.: Routledge, 2001. 259 p.
- Greenblatt S.* Marvelous Possessions. Chicago: Univ.of Chicago Press, 1991. 287 p.
- Greenblatt S.* Murdering Peasants: Status, Genre, and Representation of Rebellion // *Representations*. № 1. Winter 1983. P. 1-30.
- Greenblatt S.* Shakespearean Negotiations. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. 205 p.
- Greenblatt S., Gallagher C.* Practicing the New Historicism. L., Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000. 276 p.
- Hunt L.* Hercules and the Radical Image in the French Revolution // *Representations*. № 2. Spring 1983. P. 95-117.
- Laqueur T.* Bodies, Death and Pauper Funerals // *Representations*. № 1. Winter 1983. P. 109-131.
- Laqueur T.* Orgasm, Generation, and the Politics of Reproductive Biology // *Representations*. № 14. Spring 1986. P. 1-41.
- Montrose L.A.* "Shaping Fantasies": Figurations of Gender and Power in Elizabethan Culture // *Representations*. № 2. Spring 1983. P. 61-94.

Основная литература

- Козлов С.* На rendez-vous с «новым историзмом» // Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 5-13.
- Смирнов И.П.* Новый историзм как момент истории (По поводу статьи А.М.Эткинда «Новый историзм, русская версия») // Он же. Мегаистория: К исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. С. 478-540.

Эткинд А.М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. № 47. 2001. С. 7-41.

Pieters J. Moments of Negotiation: The New Historicism of Stephen Greenblatt. Amsterdam: Amsterdam Univ.Press, 2001. 348 p.

Дополнительная литература

Смирнов И.П. Мегаистория: к исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. 542 с.

Assman A. Text, Traces, Trash: The Changing Media of Cultural Memory // Representations. № 56. P. 123-134.

Brannigan J. New Historicism and Cultural Materialism. N.Y., L.: Palgrave, 1998. 272 p. New Historicism and Cultural Materialism: A Reader / Ed. K. Ryan. N.Y.: Arnold Publishers, 1996. 232 p.

Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representations. № 40. 1992. P. 81-128.

Fried M. Realism, Writing, and Disfiguration in Thomas Eakins's "Gross Clinic" // Representations. № 9. Winter 1985. P. 33-104.

Harcourt G. Andreas Vesalius and the Anatomy of Antique Sculpture // Representations. № 17. Winter 1987. P. 28-61.

Kupke L. Plato, Aesop, and the Beginning of Mimetic Prose // Representations. № 94. Spring 2006. P. 6-52.

Metcalf P. Wine of the Corpse: Endocannibalism and the Great Feast of the Dead in Borneo // Representations. № 17. Winter 1987. P. 96-109.

Miller D.A. Discipline in Different Voices: Bureaucracy, Police, Family, and "Bleak House" // Representations. № 1. 1983. P. 59-90.

Rajchman J. Lacan and the Ethics of Modernity // Representations. № 15. Summer 1986. P. 42-56.

Scarry E. Work and the Body in Hardy and Other Nineteenth-Century Novelists // Representations. № 3. Summer 1983. P. 90-123.

Schiebinger L. Skeletons in the Closet: The First Illustrations of the Female Skeleton in Eighteenth-Century Anatomy // Representations. № 14. Spring 1986. P. 42-82.

Taylor B. Feminists Versus Gallants: Manners and Morals in Enlightenment Britain // Representations. № 87. Summer 2004. P. 125-148.

Wilson L. William Harvey's "Prelectiones": The Performance of the Body in the Renaissance Theater of Anatomy // Representations. № 17. Winter 1987. P. 62-95.

Winkler J.J. The Ephebes's Song: "Tragōidia" and "Polis" // Representations. № 11. Summer 1985. P. 26-62.

Zeitlin F.I. Playing the Other: Theater, Theatricality, and the Feminine in Greek Drama // Representations. № 11. Summer 1985. P. 63-94.

Савицкий Евгений Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры РГГУ; e.savitski@gmail.com

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

М. П. ЛАПТЕВА

МОЖЕТ ЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН БЫТЬ ЕДИНЫМ?

В издательстве Пермского государственного национального исследовательского университета вышла монография доцента кафедры древней и новой истории России К.И. Шнейдера «Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма»¹. Анализировать эту книгу можно в разных контекстах: в историографическом пространстве отечественной истории; в контексте истории либерализма и в более общем интеллектуальном контексте.

Не будучи специалистом в сфере собственно российской истории, я могла бы отметить только то, что по-прежнему актуальными остаются проблемы типологии и периодизации отечественного либерализма, хотя на необходимость их разработки сам же К.И. Шнейдер указывал еще полтора десятилетия назад на конференции, посвященной П.Б.Струве².

Наверное, есть смысл как-то разобраться в том, почему одни авторы (и Шнейдер среди них) предпочитают говорить о *русском* либерализме, другие же упорно называют его *российским*, третьи пользуются термином *либерализм в России*.

Поскольку я немного занималась изучением немецкого либерализма³, то мне особенно интересны некоторые элементы сравнительного анализа в монографии К.И. Шнейдера. Изучая политическое пространство раннего русского либерализма, автор выискивает ряд моментов усвоения британского опыта. В эстетическом измерении теоретического наследия российских мыслителей возникают германские образы. Германия была для многих из них «территорией интеллектуального роста»⁴. Автор отмечает и то, что французские либералы были своеобразными интеллектуальными союзниками своих российских коллег.

В традиционной историографии предыдущих веков труд историка чаще всего оценивался с той точки зрения, насколько он «закрывал» ту или иную тему. Современные подходы, во многом сформировавшиеся как ответ на вызов постмодернизма, предполагают прямо противоположную оценку – насколько труд историка перспективен для продол-

¹ Шнейдер. 2012.

² Шнейдер. 1996.

³ Лаптева. 1973, 1996.

⁴ Шнейдер. 2012. С. 83.

жения исследований, иначе говоря, какие новые линии анализа он открывает. На мой взгляд, интересно было бы продолжить и расширить сравнительные параллели.

В частности, неослабевающий исторический и политический смысл имеют продолжающиеся споры историков, политологов, специалистов по изучению политической мысли о либерально-консервативном консенсусе. Восприимчивость либерализма к консерватизму возникла практически одновременно с появлением консервативной мысли, поскольку опыт Французской революции показал, что либеральные принципы могут обернуться деспотизмом. Уже тогда обнаружилась вечная либерально-консервативная истина, согласно которой свобода и культура нуждаются в постоянной защите.

Некоторые авторы полагают, что либеральный консерватизм и есть истинный либерализм. К.И. Шнейдер очень осторожно (и даже, как кажется, неохотно) пользуется термином *либерально-консервативный*. В предисловии к книге он утверждает, что либерально-консервативный альянс стал «не только точкой отсчета в истории существования национальной версии либерализма, но и гарантом ее... креативности»⁵. В историографическом разделе монографии есть ссылки на труды британского историка Д. Оффорда, подчеркнувшего «консервативное начало в русском либерализме»⁶. Рассматривая программные положения ранних либеральных мыслителей России, К.И. Шнейдер показал, что они «последовательно защищали этатистскую модель» и «связывали ближайшую историческую перспективу страны с проведением разумного либерально-консервативного курса»⁷. Наконец, в заключительном разделе монографии он назвал «консервативную составляющую» особенностью раннего русского либерализма и констатировал активное вторжение либералов в пространство консервативной мысли⁸.

Почему я уделяю такое внимание именно этому аспекту исследования К.И. Шнейдера? Возможно, потому, что общественное согласие на ценностном уровне стало, по мнению Т. Парсонса, ключевой предпосылкой выживания политических и социокультурных систем. Только благодаря консенсусу общество может избежать потрясений⁹. П.Ю. Рахмиров, справедливо подчеркивая, что консенсус не равнозна-

⁵ Шнейдер. 2012. С. 6.

⁶ Шнейдер. 2012. С. 39.

⁷ Шнейдер. 2012. С. 107, 113.

⁸ Шнейдер. 2012. С. 205, 208.

⁹ Парсонс. 1998.

чен компромиссу, отмечал, что его отсутствие способствовало краху Российской империи¹⁰.

Монография К.И. Шнейдера вышла не только под грифом университета и Министерства образования и науки РФ, но и под грифом Российского общества интеллектуальной истории. Оснований для этого предостаточно. Прежде всего, хочется обратить внимание на особенности авторского стиля: язык монографии красив, современен, насыщен понятиями, присущими исследованиям проблем интеллектуальной истории. Структура монографии отличается своеобразием: автора интересуют ценностные идеалы и социокультурные особенности раннего русского либерализма. Добавим к этому, что значительная часть текста книги уже знакома членам общества интеллектуальной истории по статьям автора, опубликованным в «Диалоге со временем». При чтении книги действительно возникает ощущение, что между автором и его героями (его источниками) идет диалог, так свойственный подходам интеллектуальной истории.

Еще один аргумент, подтверждающий уместность оценки этой книги в контексте интеллектуальной истории, состоит, на мой взгляд, в том, что феномен раннего русского либерализма автор осмыслил не только с собственно исторической точки зрения, но в какой-то степени и на стыке историографического подхода с другими подходами: филологическим, политологическим, социологическим¹¹.

К.И. Шнейдер характеризует ранний русский либерализм как интеллектуальный феномен. Убедительно прозвучали тезисы об уникальности и самостоятельности этого феномена¹². Однако у меня возник вопрос, вынесенный в название данных заметок, поскольку автор во введении к книге продекларировал свое желание показать, что ранний русский либерализм представлял собой не просто уникальный и самостоятельный феномен, а «единный интеллектуальный феномен»¹³ (курсив мой. – М. Л.). Между тем, в книге встречается немало утверждений, не подтверждающих это (мнимое?) единство. Автором упомянуты «разные векторы развития либеральной мысли», вариативность, внутренняя неоднородность и структурное разнообразие раннего русского либерализ-

¹⁰ Рахимир. 2005. С. 61, 65.

¹¹ Л.П. Репина неоднократно обращала внимание на то, что интердисциплинарность крайне существенна для интеллектуальной истории и составляет одну из ее особенностей. И в своей недавней монографии она не случайно рассматривает проблемы интердисциплинарности уже в первой главе. См.: Репина. 2011.

¹² Шнейдер. 2012. С. 50, 209.

¹³ Шнейдер. 2012. С. 11, 16.

ма, «противоречивость раннелиберального дискурса», отмечено «разнообразие методов и средств», включающее даже разные коннотации понятия свободы¹⁴.

Впрочем, эта проблема заинтересовала меня скорее в общетеоретическом, чем в конкретно-историческом плане. Я задаю себе вопрос – а могут ли вообще интеллектуальные феномены быть «едиными»? Нет ли здесь какого-то внутреннего противоречия, связанного с удивительным разнообразием интеллектуальных идей и интенций при рассмотрении любого реального явления? Не знаю, возможна ли дискуссия на эти темы, хотя спровоцировать ее было бы интересно и полезно.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лантвева М.П.* Либерализм в политике буржуазных партий Веймарской коалиции: автореф. дис... канд. ист. наук. Пермь, 1973.
- Лантвева М.П.* Либеральный консерватизм М.Вебера и П.Струве // Исследования по консерватизму. Вып.3. Пермь, 1996. С.26-32.
- Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
- Рахимир П.Ю.* Консерватизм и либерализм: метаморфозы консенсуса // Политические исследования. 2005. №5. С.60-78.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Шнейдер К.И.* К проблеме типологии русского либерализма XIX века // Исследования по консерватизму. Вып.3. Пермь, 1996. С.77-79.
- Шнейдер К.И.* Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012.
- Лантвева Мария Петровна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Пермского государственного национального исследовательского университета; *modhist@yandex.ru*

¹⁴ Шнейдер. 2012. С.21, 38,48, 51, 66-67.

Ф. В. НИКОЛАИ

‘ФАНТАЗИИ’ ДЖОАН СКОТТ И ПАМЯТЬ О ФЕМИНИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Хотя большая часть работ Дж. Скотт посвящена политической истории феминизма², известность она получила скорее как методолог гендера. Новая книга Скотт – «Фантазии феминистской истории»³ – вдвойне интересна, поскольку ставит своей задачей соединение этих векторов исследования. Каким образом каждое следующее поколение феминисток осмысляет и пере-изобретает собственную традицию? Можно ли вообще дать умозрительный ответ на этот вопрос? В работе «Предлагая только парадоксы: французские феминистки и права человека» (1996) Скотт уже отчасти обращалась к данной проблеме – в историко-политическом ключе. Теперь же ее интересует скорее методологический уровень, и ключом к нему становится использование психоанализа. Скотт, по ее собственному признанию, «слишком долго» им не интересовалась, но в последние годы стала вести особый курс «Психоанализ и история». Отметим, что психоанализ интересует ее не как терапия или нормативная аналитическая практика, но скорее в духе М. де Серто – как проблематизация исторической структуры желаний (сознательных и бессознательных). «Понимаемый таким образом, психоанализ дает новую жизнь понятию гендера для историков» (Р. 5).

Гендер в этом контексте оказывается не просто социально-культурным конструктом, но попыткой дать ответ на ключевой вопрос об отличии Я от Другого (включающем и различие полов). Гендерная идентичность представляется не устойчивой сущностью (неизменным ядром личности), но подвижным переплетением фантазий вокруг «пустующей сердцевины» – невозможности субъекта полностью репрезентировать себя вне зависимости от Другого. Идентичность есть ответ на подобную невозможность репрезентации (Р. 13). Соответственно, любой ответ на подобный вопрос должен признать свою связь с фантазией, которая становится местом встречи субъекта и социальных структур, сознательного и бессознательного, символического и воображаемого, истории и тео-

¹ Рец на *Scott J.W.* The Fantasy of Feminist History. Durham and London: Duke University Press, 2011. 186 p.

² *Scott.* 1999, 1996, 2007.

³ *Scott.* 2011.

рии⁴. Фантазия у Скотт связана не столько с сознательной активностью субъекта, представляющего себе объект желания, но скорее со «схваченностью» желаниями Другого. Таким образом, фантазия (и психоанализ как практика ее чтения) позволяет скорректировать гендерную историю, социально-политические установки которой, по мнению Скотт, в 2000-е гг. начали уже несколько «бронзоветь».

В этом контексте исследовательница рассматривает историю феминизма⁵ как «одомашнивание желаний»: феминистская история сегодня представляется скорее ностальгией по успехам 1970-х гг. В 2000-е гг. «объединяющая сила движения – женщины, как субъект и объект их собственной истории — исчезла, если когда-либо вообще существовала. (Далее я попробую доказать, что эта сила в большой степени была сформулирована задним числом, как результат ностальгии, или меланхолии)» (Р. 32). Этот тезис во многом и определяет название книги: женское движение рассматривается Скотт именно как фантазия – полуосознанная коллективная проекция желаний. Далее Скотт рассматривает близкие по отношению к фантазии метафоры «эха» (*fantasy echo*), «следов» (*traces*) и «отголосков» (*reverberations*). Все они отсылают к прошлому, но не напрямую, а через фантазию – достраивание образов и связей между ними. Так же и идентичность всегда ретроспективна: феминистские практики сегодня оказываются эхом женского движения начала XX в.

Исследуя генеалогию феминизма, Скотт обращается к трансформациям идей либерализма и секуляризации в эпоху модерна. В наиболее интересной, на наш взгляд, главе «*Sexularism*» она идентифицирует модерн не столько с равенством и индивидуализмом (которые всегда предполагали масштабные исключения – женщин, ‘цветных’ и т.д.), сколько с фантазией сексуальной свободы. Сексуальность (и институт семьи) разными путями оккупировала сферу частного, оставленную религией (Р. 96). Теологические вопросы оказались замещены физиологическими, подобно тому, как биополитическая риторика рождаемости и материнства сменила религиозное почитание Богоматери⁶. Другой стороной данного процесса стали политические изменения. Отталкиваясь от популярных в современной французской историографии интерпретаций соблазна как основы придворной культуры XVII–XVIII вв. (специ-

⁴ Здесь позиция Скотт пересекается с рядом феминистских прочтений лакановской концепции Реального. Например, см.: *Kaplan*. 1988, 1992; etc.

⁵ Первая глава книги опубликована отдельной статьей. См.: *Скотт*. 2005.

⁶ К сожалению, далее Скотт уходит от этой проблематики, лишь тезисно обозначая свою позицию. Близкое видение процессов секуляризации в эпоху модерна предлагает Э. Сантнер: *Santner*. 1996, 2001.

фического равенства в различии), Скотт критикует некоторые течения женской истории (как и исследователей, не связанных с women's studies) за чрезмерную доверчивость фантазии. За многими образами сексуальности и соблазнения стоит реабилитация неравенства – вытеснения в эпоху абсолютизма и женской, и мужской активности из политической сферы в специфическую сферу частного. Отношения между полами при этом становятся «компенсацией политического бессилия (impotence)» (Р. 124), игрой означающих без означаемого (Р. 127).

Таким образом, книга Скотт, действительно, представляет собой интересный диалог истории, психоанализа и гендерной теории. Между этими векторами мысли нет заранее установленных иерархий — их конкуренция и взаимная критика призваны усилить позиции исследователя, а не навязать ему некий канон. И такая позиция совершенно оправдана.

Однако нельзя обойти и некоторые проблемы восприятия работы Скотт. Понятно, что книги любого маститого исследователя, объединяющие ряд уже изданных статей и новые тексты, почти неизбежно оказываются весьма неровными: общая сюжетная линия теряется в примечаниях, комментариях и отступлениях. Но все же полифония фрагментов у Скотт оставляет ее концепцию фантазии несколько невнятной. Метафора так и не превращается в концепт.

Безусловно, подобная завуалированность (тем более применительно к *фантазии*) была бы оправданной, если бы Скотт делала больший акцент на собственно исторический (а не на методологический уровень). Герои ее прежних блестящих книг (стеклодувы Кармо, французские феминистки XIX в., алжирские иммигранты во Франции) иногда вновь появляются в «Фантазиях феминистской истории», но не имеют самостоятельного голоса: речь идет, скорее, об уточнении нюансов прежних тезисов Скотт, а не о новой концепции.

Еще один важный вопрос, остающийся открытым после прочтения книги Скотт, – так о каком же психоанализе идет речь? Ситуативные и скорее критические обращения к Лакану и Кристевой не проясняют ситуации. Показательно, кстати, что из американских представителей психоистории Скотт упоминает лишь П. Левенберга и У. Лангера, не рассматривая крайне интересные исследования А. Каплан, А. Кветкович, Дж. Митчелл, К. Силверман, Ш. Фелман. То есть, свою метафору фантазии Скотт предлагает скорее «схватить», чем понять через сравнение с идеями коллег (или конкурентов) по цеху.

В этом контексте книга Скотт представляется не столько самостоятельной концепцией фантазии, сколько специфическим жестом производства культурной памяти или «архивации», поскольку «каждый архив

есть подсказка памяти» (Р. 142). Память о масштабном дискурсивном повороте (феминизме второй волны) – Событии в фукианском смысле этого слова – не претендует у Скотт на дисциплинарную нормативность и укрепление канона. Любой архив не однороден; историческое наследие, культурная память (как и сам текст Скотт) не укладываются в прокрустово ложе универсальных теорий. Важна именно практика работы в этом архиве, чтение и репрезентация текстов. Задача Скотт – скорректировать свою практику чтения и отчасти спровоцировать на это читателя (кстати, монография издана в серии ‘Next Wave Provocations’). Так что книга будет наверняка интересна не только историкам феминизма, но и всей аудитории women’s studies, само наличие которой можно рассматривать как воплотившуюся фантазию второй волны феминизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Scott J.W. *The Fantasy of Feminist History*. Durham and London: Duke University Press, 2011. 186 p.
- Scott J.W. *Gender and the Politics of History*. N.Y.: Columbia University Press, 1999; Idem. *Only Paradoxes to Offer: French Feminists and the Right of Man*. Harvard University Press, 1996; Idem. *Parité! Sexual Equality and the Crisis of French Universalism*. The University of Chicago Press, 2005; Idem. *The Politics of the Veil*. Princeton University Press, 2007.
- Kaplan A.E. *Women and Film: Both Sides of the Camera*. Routledge, 1988; Idem. *Motherhood and Representation: the Mother in Popular Culture and Melodrama*. N.Y.: Routledge, 1992.
- Скотт Дж. История феминизма // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 5-26.
- Santner E. *My own private Germany: Daniel Paul Schreber's secret history of modernity*. Princeton University Press, 1996; Idem. *On the psychotheology of everyday life: reflections on Freud and Rosenzweig*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и дисциплин классического цикла Нижегородского государственного педагогического университета; fvnik@list.ru.

Рец. на кн.: Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 240 с.

Монография З.А. Чеканцевой, обращенная к далекому прошлому, имеет, самый что ни на есть актуальный как в научном, так и общественном смысле исследовательский предмет. Формулируемая на разных языках научной и обыденной речи проблема, «каковы условия нормального социального развития, не побуждающего к разрушению, но, напротив, к созиданию», особенно остро будирует сознание людей в нынешнее время. Различные формы протестного поведения, демонстрируемые не только событиями, происходящими на бурлящем, так и не обретшем устойчивой идентичности Востоке, но и в цивилизованной Европе, не говоря уже о нашем отечестве, сигнализируют о социальном неблагополучии мир-системы. И тем самым побуждают по-новому взглянуть и их пусть относительные, но все же аналоги в прошлом. Таков интенциональный подтекст рецензируемой монографии, посвященной ментальности или, как формулирует автор, «практическому разуму» простолюдинов последнего столетия Старого порядка.

Автор находит свой угол рассмотрения этой отнюдь не забытой в историографии проблемы. Именуя его субъектным, нацеленным на преодоление методологии «телефонной бинарности» причинно-следственных связей (с. 11), а соответственно и линейно-хронологического подхода, З.А. Чеканцева, тем не менее, профессионально умело сплавляет навыки и приемы традиционного историописания и методологически новых ходов в интерпретации народного протеста во Франции между Фрондой и Революцией. Авторский подход проявляет свою новизну уже в структурно-тематическом оглавлении книги, включающем такие разделы, как экология протеста, народный бунт и властные отношения, «воображение» бунтовщиков и традиции бунта, логика толпы или «правила» бунта. При этом во многом на впервые введенном в научный оборот материале выявляются важные особенности ментальной картины простолюдинов. Так, З.А. Чеканцева фиксирует некий новый этап в десакрализации сознания, анализируя проблемы голода, приходя к выводу, что в это время «не только власть имущие, но и простые люди перестали связывать голод лишь с карой небесной» (с. 33), усматривая в нем продукт деятельности человека, прежде всего властей.

Исходя из методологической посылки упрощенности экономической формулы «неурожай – голод – бунт» или «нищета – бунт», автор опираясь как на источники, так и солидную современную исследова-

тельскую литературу, прежде всего зарубежных ученых, реконструирует важные тренды сформировавшихся в долговременной ретроспективе структурных изменений в народном сознании. Представления о необходимости справедливого и правильного распределения продовольствия, требования дешевого хлеба, зревшая убежденность, что «государство обязано вмешиваться в сферу распределения в пользу неимущих и малоимущих, что право на жизнь выше права собственности», делает вывод исследовательница, являлись веским показателем неадекватности фритредерской политики абсолютизма нуждам народа, неэффективности системы Старого порядка (с. 59). Иными словами, казалось бы, далеко не новый тезис о кризисе общества в канун Революции обретает новую аргументацию посредством обращения к проблеме в новом ракурсе и во многом на новой информационной основе.

Дополнительный вес этому придает более широкое, нюансированное представление о власти. Хотя сама З.А. Чеканцева и не прокламирует этого, оговаривая лишь, что «тема «бунт и власть» шире темы «бунт и государство», ее позиция очень близка наиболее релевантному сегодняшнему уровню гуманитарного знания бартовско-фроммовскому пониманию данного феномена. Метафора Барта «...имя мне – легион – могла бы сказать власть... Власть гнездится везде, даже в недрах того самого прорыва к свободе, который жаждет ее искоренения»¹ более строго расширяется фроммовским определением: «Власть – это не качество, которое человек “имеет”, как имеет какую-либо собственность или физическое качество. Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого как на высшего»².

Естественно, что на социально-психологическом уровне участники любого диалога могут меняться ролями фигур, претендующих на власть. В этот контекст вполне вписывается выявляемый автором протест, рассматриваемый как одна из форм системы социального взаимодействия, форм общения, которую неосознанно для себя пытались совершенствовать протестующие. Иначе говоря, субъектный подход автора предполагает методологически модернизированную стратегию анализа отношения простолюдинов и власти, причем стратегию, учитывающую объективную логику ее исторических мутаций на столь длительном и в то же время ключевом отрезке французской истории.

¹ Барт. 1989. С. 547.

² Фромм. 1990. С. 142.

Весьма любопытен сюжет, связанный с анализом слухов XVII–XVIII вв., рассматриваемых как компонент коллективного воображаемого. Он выстроен на пересечении учета как самих идеологов (легенда о «голодном заговоре», слухи о введении габели и др.), так и их социально-психологической подоплеки. Ю.П. Малинин в свое время заметил: « Психология ...сопричастна всем формам жизни и их эволюции. Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации»³.

Автору удается достичь возможного предела в достижении отмеченного ориентира исторического синтеза, выявляя связь между живучестью ряда страхов/поверий и реактуализацией в определенных условиях старых мифологем и появления некоторых новых. Рассмотрение данного идеолого-психологического комплекса как в макро историческом интерьере эпохи, так и микро историческом событийной эмпирии, связанной с государственной политикой, вырисовывает картину народного сознания, убежденного в наличии безнравственности в экономике и политике (главным образом хлебной торговли). Тем самым позволяет исследовательнице с полным основанием заключить, что этот идеолого-психологический комплекс «приобщая простых людей к высокой политике... содействовал десакрализации продовольственной проблемы и королевского статуса» и таким образом готовил почву для реализации «ослабления политических, экономических и психологических структур Старого порядка» (с. 134). Этот небольшой сюжет прозрачно показывает эффективность избранных методологических ходов в реконструировании глубинной пластики изменений в народном сознании, внесших свою лепту в крах Старого порядка.

Анализируя участие простых людей, особенно крестьян, в политическом процессе З.А. Чеканцева подвергает ревизии сложившийся историографический стереотип о неспособности низов на самостоятельное политическое мышление. Так, при исследовании народного протеста, обнаруживается, что соприкосновение двух «политических уровней» – «большой политики» и народной квазиполитики «не сопровождалось вербальной формулировкой программы протестующей толпы» (с. 161). Но различные формы протестного или бунтовщического поведения, будучи связаны с динамикой внутриполитических событий,

³ Малинин. 2000. С. 4-5.

выявляли умонастроения простых людей. Наиболее прозрачно наличие политического компонента в этих умонастроениях, как представляется, видно в изменении отношения к королю. Глубоко укорененная в бессознательном идентификация с его фигурой претерпевает эрозию. Автор выявляет мутации образа короля-отца от верховного справедливого суверена к двойственному, не вербализованному образу, где нелояльность фигуре монарха проявлялась в солидарности к опальным парламентариям (в Ренне, Дижоне, Тулузе, Гренобле, По и ряде других городов летом 1788 г.), и, наконец, девальвации образа в открытых нападках в многочисленных бунтовщических плакатах, поругании самыми разными способами статуй короля, вплоть до открытых оскорблений короля как хлебного торговца (С. 166-169).

Ж. Козел, одним из первых исследовал ритуал не как застывшую рутинизировавшуюся форму, но как эмоционально насыщенную форму диалога. Американский историк отмечал, что именно в критических условиях в силу открытости ритуала в момент осуществления интересов обыденной жизни его участников он способен рассказать многое об их сознании⁴. При этом он подчеркивал трансформацию ритуала или же его мультивалентные мутации в процессе исторической динамики как макро, так и микро исторического плана. По сути, в этом же регистре З.А. Чеканцева реконструирует логику ритуализованного отношения к королю, демонстрируя широкий диапазон методологически профессиональной работы с источниковой информацией.

Единственно о чем может мечтать заинтересованный читатель книги, так это о более глубоком шунтировании части мифов и слухов, маркирующих оформление политического уровня сознания простых людей. Скажем, в духе реконструкции «логики толпы» во время парижского бунта 1750 г., предпринятой французскими историками А. Фарж и Ж. Ревелем⁵. Французские исследователи, расшифровывая самый устойчивый слух о похищении детей властями, выстроили цепочку тех коллективных мифологем, с которыми была связана жизнь слуха: похищение детей – басня о крови, согласно которой некоему знатному лицу требуется детская кровь для лечения проказы – рассказы о том, что король был болен проказой и принимает ванны из крови, словно новый Ирод, избивающий младенцев, и, наконец, проказа как символ греха в народном и библейском сознании. При этом слух в изложении историков предстает как палимпсест, разные напластования которого состоят

⁴ Koziol. 1992. Ср.с позицией В. Тэрнера: Тэрнер. 1983.

⁵ Farge, Revel. 1988.

из обрывков различных культурных традиций, реальных сведений, сливающихся в более или менее цельный образ, хотя он внятно не артикулируется языком толпы. В устах восставших проскальзывает только имя Ирода. Но и этого достаточно. Так как во Франции существовал тогда реальный человек, соответствовавший этому портрету. Это был король. Именно он мог ассоциироваться с духовной проказой, потому как не мог противостоять своим низменным инстинктам, не выполнял долга, был черств и скуп, окружил себя полицейскими и чиновниками, вершившими произвол. В итоге получается исторически синтетическая, при этом яркая картина «нелюбимого» короля. Как видим, конкретный слух, его анализ вскрывает многозначную смысловую реальность, свидетельствующую о том, что подсознательно сформировался новый образ короля, говорящий об утрате его харизмы.

Возвращаясь к рецензируемой монографии и подытоживая свои впечатления от прочитанного, подчеркну, что книга З.А. Чеканцевой, несомненно, представляет интересный и оригинальный исследовательский текст. Текст, побуждающий думать, причем думать не только об историческом «далеко», но и о наших днях. Текст профессионала, владеющего широким по своему дисциплинарному охвату знанием. А потому и современно, а главное – для нашего времени адресно, звучит и его заключение: «Сила протестующей народной толпы, вероятно, не в том, что она подтачивала Старый порядок и готовила новый. Скорее, значение бунтовщического поведения в том, что оно было своеобразным сдерживающим фактором в динамике социума, который не позволял резко разрушать традицию, обеспечивая тем самым определенное равновесие в этой динамике, *сохранение главной нравственно-генетической линии эволюции* (выделено мной. – И. Н.)» (с.221).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт Р. Избранные работы. М., 1989.
Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
Малинин Ю.П. Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV-XV века. СПб., 2000.
Koziol G. Begging Pardon and Favor. Ritual and Political Order in Early Medieval France. Ithaca; London. 1992.
Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
Farge A., Revel J. Logiques de la foule: L` affaire des enlevements d`enfants, Paris 1750. P.: Hachette, 1988.

И.Ю. Николаева

Николаева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; modhist@yandex.ru

SUMMARIES

YA. V. VERMENICH. **Historical limology: problems of conceptualization.** The article deals with semantic field and usage of the concept of limes – both its origins, and its use in the contemporary academic discourse. The author analyses various connotations of the notions of border, *boundary*, *limit*. It is shown that these notions are formed at the cross point of geopolitical, geo-cultural, historical, socio-psychological and other scholarly paradigms. The article emphasizes the need for intense interdisciplinary cooperation in order to define conceptual framework of a new sub-discipline – historical limology.

Keywords: *border, borderland, limology, geo-culture, historical regional studies, cross-border cooperation.*

I. N. IONOV. **The idea of civilization in the 19th century Europe in the context of connected history and *histoire croisée*.** The article interprets the transfer of the ideas of civilization between France, Britain, Germany and Russia in the 19th c. in the context of contemporary historical theories of ‘connections’ between historical phenomena that are to be studied in their ‘inter-connections’. It is shown that these new approaches enable historians to re-interpret the situation of transfer in the functioning and then the crisis of the Congress system of international relations defined by the Congress of Vienna, as well as the role of the ideas of civilization in public life and the development of the theory of history.

Keywords: *civilization, connected history, interconnected history, transfer, connection, hierarchy, distance*

A. YU. SEREGINA. **An early 17th –century “Catholic encyclopedia”: the shaping of historical memory of the English catholic community.** The article analyses a manuscript encyclopedia of polemical theology compiled in the early 17th c. by an English Catholic and now held at the Bodleian Library of the University of Oxford. The author studies the text of the manuscript, its structure and functions, and establishes its authors/compiler. The article presents a study of the canon of theologians whose works were cited in the ‘encyclopedia’, as well as the way to connect ancient apologists of Christianity with the English Catholics of the 16th c., both clergy and laity, the shaping of the memory about the persecutions of ‘new saint and martyrs’, and the creation of the historical canon of the English Catholic community.

Keywords: *English Catholics, Thomas Tresham, polemical theology, historical memory.*

A. G. VASILIEV. **“Motherland” in the Polish national memory of the period of the Partitions: discursive formation of the image of the country in humanities.** The article analyses the achievements of the Polish scholarly thought that for more than a century when Poland was absent from political maps created various theoretical models and images of an ‘imaginary land’. The author describes the mechanism of spatial localization of collective memories, the emergence of ‘memorial landscapes’, the image of ‘Motherland’ as a necessary elements of ‘nation’s imagination’.

Keywords: *memorial landscape, identity, historical lend, ‘place of memory’, nation building, Polish national memory.*

N. A. ANTIPIN. **The 50th anniversary of the war between Russia and Japan in the USSR: commemorative practices of 1954-55.** The article deals with the 50th anniversary of the Russo-Japanese war celebrated in the USSR in 1954-55. The author analyses commemorative practices that shaped, transformed, actualized and de-actualized the images of the war in cultural memory of the Soviet society.

Keywords: *the images of war, cultural memory, the Russo-Japanese war of 1904-1905, commemorative practices.*

E. B. BARINOVA. Interactions of China with western territories in Antiquity and the Middle Ages. The article is focused of the correlation between ideological principles and political practice of China in connection to the neighbouring states and nations of Central Asia. The doctrines of foreign policy helped to create theoretical basis for the implementation of the strategy of the growth of China's political influence. The emergence and functioning of the Silk road through which the contacts with Western countries were made helped to put ideas to practice.

Keywords: *China, Central Asia, pre-Mongolian period.*

A. S. MEDYAKOV. The scent of Russia. The article is dedicated to an aspect of the German image of Russia that has not been studied before – namely, its representation in the public conscience of the 19th-century Germany through smell. The problem of olfactory symbolism in the imagery of an 'other' is formulated. The author analyses functions and evolution in the attitudes to the smell of juft (Russian leather) as an elements of German national self-identification.

Keywords: *symbol of nation, the image of an 'other', self-identification, 19th-century Germany, the image of Russia, olfactory symbolism.*

N. N. BOGOMOLOVA. An Indian ruler seen by an Englishman: the visit of the Prince of Wales to India in 1875-76. The article analyses the representation of the image of Indian nobility during the visit of Albert Edward, the Prince of Wales, to India. The subject of the study is connected to the studies of a colonial 'Other'. The process of its emergence is shown through the analysis of the publications at the first popular illustrated magazine, "The Illustrated London News", as one of the information channels that expressed the ideology of the Empire. The study is focused on the attitudes of the Victorians to the titles of Indian nobles, their appearance and personal qualities. Both textual and visual traditions in representing Indians have been studied.

Keywords: *image, инаковость, "colonial Other", Victorian attitudes, Indian ruler, ambivalence, stereotype.*

YU. A. EFREMOVA. The symbolism of a medieval monastery garden (the example of the early Cistercian tradition). The article presents a study of the ideas of garden in the early Cistercian texts (of the early and mid-12th century). Of all functions of the garden the symbolical one proved to be the most important for the monks. Both individual species of plants and the garden as a whole had their own symbolism. A monastery and its garden were seen as an earthly image of the Paradise. The monks believed that the garden enabled them to bring their environment closer to divine perfection that had existed in the Paradise and later lost.

Keywords: *the Middle Ages, monastery gardens, symbolism, images of the Paradise, nature, Cistercians.*

A. V. FEDIN. "At the roads full of crosses": the martyrdom of Jesuit missionaries in the 17th century. The article deals with the phenomenon of the martyrdom of the Jesuit missionaries, and is focused on the mission of New France (Canada) in the 17th c. The martyrdom of the Jesuits in Canada is being analyzed both in the context of the Christian martirology that acquired new impulse at the period and played an important role in shaping of the motives of the Jesuit missionary activities, and in the context of its transformation in the Canadian missionary field that led to the emergence of new functions.

Keywords: *Jesuits, New France, missionary work, martyrdom, martirology, hagiography, relations.*

E. M. KIRYUKHINA. The Pre-Raphaelite artists and the ways to reflect and transform the Middle Ages. The article is focused on the ways to represent the Middle Ages by the pre-Raphaelite artists and their circle; the correlation between objectivity and subjectivity in their work is analyzed. The author pays a good deal of attention to the problem of studying the measure for the use of historical detail and artistic imagination.

Keywords: *Arthurian Renaissance, pre-Raphaelites, historical reality, artistic imagination.*

I. YU. VASHCHEVA. The Paradoxes of the historical concept by Moses of Khoren. The article is dedicated to the analysis of the historical views of the first Armenian historian Moses of Khoren. In the circumstances created by the struggle for independence the image of the past shaped by the historical works by the Armenian authors of the 5-7th cc. should have preserved the memory of the heroic deeds of the people of Armenia for the successive generations and should have strengthened the nation's self-conscience. But the story told by Moses of Khoren holds both the number of historical errors and inaccuracies, and the episodes that contradict the idea of Armenian patriotism. The article analyses these paradoxes.

Keywords: *Armenian historiography, Moses of Khoren, historical views, the image of the past, national identity.*

T. P. FILIPPOVA. The Patriotic war of 1812 as viewed by L.-A. Thiers. The article analyses the views of a French historian L.-A. Thiers on the events of the Patriotic war of 1812 presented in his multi-volume study 'The history of the Consulate and the Empire'. The article is focused on Thiers' understanding of the role of Russia in the international relations of the late 18th – early 19th c. The author shows the historian's views on the policies of Alexander I, the causes and the results of the war, the role of the closest advisors of the Russian Emperor and his chiefs-in-command.

Keywords: *the Patriotic war of 1812, L.-A. Thiers, France, Russia, Alexander I, Napoleon Bonaparte.*

V. A. FILIMONOV. N. I. Kareyev on the reception of classical cultural heritage in the Middle Ages and in the Modernity. The author analyses the views of N.I. Kareyev on the reception of classical cultural heritage in connection to the shaping of his general concept of the history of Western Europe and to his understanding of history as a process determined by interactions and mutual influences of cultures in historical time and space.

Keywords: *N.I. Kareyev, classical heritage, reception, philosophy of history.*

A. V. SAVINA. R. Yu. Vipper on Jean Calvin: revision of the image of the "tyrant of Geneve". The article is focused on a legend that had been shaped at the Reformation period; according to it, Jean Calvin was an absolute ruler of Geneve and established a theocracy there. The author analyses the doctorate dissertation by R. Yu. Vipper (1859–1954) "Church and state in the 16th century Genève at the period of Calvinism" where the long-established views on Genève of Calvin were revised.

Keywords: *Jean Calvin, R. Yu. Vipper, Genève, myth, theocracy.*

A. A. KUZNETSOV. New facts of the biography of S. I. Archangelsky. The article deals with new, previously unknown facts of the biography of a historian S. I. Archangelsky (1882–1952). Its sources are the documents from the archives and libraries of Nizhny Novgorod. New information on Archangelsky is organized in thematic sections: family, colleagues, professional career, scholarly and pedagogic work, unknown studies.

Keywords: *S. I. Archangelsky, Moscow University, history of England, agrarian question, local history, revolution, history of international relations, Gorkiy (Nizhny Novgorod).*

N. V. GRISHINA. The making of a historian: the way to academic career at the early 20th century (the example of the Moscow university). The article deals with the beginning of the professional careers of historians S. V. Bakhrushin, S. I. Archangelsky, and N. M. Druzhinin. The author analyses the life of Russian universities of the late 19th – early 20th c. The study of statistics enables her to characterize the system of teaching at the faculty of history and philology of the Moscow university.

Keywords: *Moscow University, 'university question', modernization, the system of teaching, S. V. Bakhrushin, S. I. Archangelsky, N. M. Druzhinin.*

I. G. VOROBYEVA. Professor N. I. Radtsig and his letters to S. I. Archangelsky. The article presents the first intellectual biography of Professor Nikolay Ivanovich Radtsig (1881–1957), a Moscow University graduate who taught at the Universities and high schools of Moscow, Yaroslavl, Nizhny Novgorod, and Tver' (Kalinin). His life and academic career are viewed through his letters to Sergey Ivanovich Archangelsky kept in the archive of Nizhny Novgorod, and on the basis of archival documents from the collections of the Pedagogic institute of Kalinin.

Keywords: *Moscow University, Kalinin (Tver'), Ger'kiy (Nizhny Novgorod), teaching of world history, N. I. Radtsig, A. N. Vershinsky, S. I. Archangelsky, A. S. Bashkirov.*

I. V. BUDTSYN. The way to solve the agrarian question by S. I. Archangelsky in the context of the problem of the completeness of early bourgeois revolutions. The article deals with the problem of the finality of the English and the French bourgeois revolutions in connection to the way to solve the agrarian problem as presented by S. I. Archangelsky. The author presents a new evaluation of the 'conservatism' of the English and the 'radicalism' of the French agrarian reforms, linked to the idea of 'historical optimum'. It is shown that the 'conservatism' of the English revolution of the 17th c. is a myth that has nothing to do with a Marxist interpretation of this event.

Keywords: *bourgeois revolution, agrarian laws, conservative, radical, optimal, Marxism.*

I. V. KETKOVA. The works by S. I. Archangelsky and contemporary historical thought. The article presents a review of methods used by S. I. Archangelsky in his studies of the agrarian laws of the English revolution. It is shown that contemporary studies of the history of the English revolution ought to take the works by S. I. Archangelsky into consideration.

Keywords: *S. I. Archangelsky, A. N. Savin, English revolution, agrarian question, legislation, methodology of history, local method.*

N. P. YEGOROVA. The works by a local historian of Nizhny Novgorod, A. S. Gatsisky in the reappraisal of S. I. Archangelsky. The article analyses the works by S. I. Archangelsky dedicated to the interpretation of the publications by an intellectual from Nizhny Novgorod, A. S. Gatsisky and his place in the local history. The author defined the reasons why a historian of the English bourgeois revolution turned to the works by A.S. Gatsisky and to the development of local historical studies in Nizhny Novgorod in general.

Keywords: *S. I. Archangelsky, A. S. Gatsisky, local history, local method, history of Nizhegorodsky region.*

S. I. ARCHANGELSKY. Relations of Venetian ambassadors from London in 1640-1660s as a source on the history of the English revolution. An unknown article by S. I. Archangelsky and its review by N. P. Sokolov was founded in June 2011 in an archival folder kept at the historical faculty of the State Pedagogical University of Nizhny Novgorod. The article is dated according to the date of the review – the first half of 1952.

E. E. SAVITSKY. "New historicism": approaches to the studies of culture. The article presents a synopsis of a lecture course 'New historicism' that analyses the history and main aspects of this important intellectual trend of 1980s-1990s. The course is intended for MA students of cultural studies who had attended courses: "Intellectual history of the 20th century", "History and methodology of cultural studies", "Cultural studies in contemporary world", "Contemporary techniques of the analysis of cultural texts" and "Visual studies".

Keywords: *new historicism, philology art history, culture, text, body, Montrose, Greenblatt, Alpers, Gallagher, Nier.*

CONTENTS

Theory and History

- Ya. V. Vermenich*
Historical limology: problems of conceptualization..... 5
- I. N. Ionov*
The idea of civilization in the 19th century Europe
in the context of connected history and *histoire croisée*..... 27

History and Memory

- A. Yu. Seregina*
An early 17th –century “Catholic encyclopedia”: the shaping of historical
memory of the English catholic community..... 51
- A. G. Vasiliev*
“Motherland” in the Polish national memory of the period of the Partitions:
discursive formation of the image of the country in humanities..... 64
- N. A. Antipin*
The 50th anniversary of the war between Russia and Japan in the USSR:
commemorative practices of 1954-55..... 79

Cultural Interactions

- E. B. Barinova*
Interactions of China with western territories in Antiquity and the Middle Ages.. 94
- A. S. Medyakov*
The scent of Russia..... 118
- N. N. Bogomolova*
An Indian ruler seen by an Englishman: the visit of the Prince of Wales
to India in 1875-76..... 134

Symbols – Images – Myths

- Yu. A. Efremova*
The symbolism of a medieval monastery garden
(the example of the early Cistercian tradition)..... 160
- A. V. Fedin*
“At the roads full of crosses”:
the martyrdom of Jesuit missionaries in the 17th century:..... 173
- E. M. Kiryukhina*
The Pre-Raphaelite artists and the ways to reflect and transform
the Middle Ages..... 202

History of Historiography

- I. Yu. Vashcheva*
The Paradoxes of the historical concept by Moses of Khoren..... 219
- T. P. Filippova*
The Patriotic war of 1812 as viewed by L.-A. Thiers..... 231
- V. A. Filimonov*
N. I. Kareyev on the reception of classical cultural heritage
in the Middle Ages and in the Modernity..... 240

A. V. Savina	
R. Yu. Vipper on Jean Calvin: revision of the image of the “tyrant of Geneve”.....	258

The Jubilee of S. I. Archangelsky

A. A. Kuznetsov	
New facts of the biography of S. I. Archangelsky.....	267
N. V. Grishina	
The making of a historian: the way to academic career at the early 20 th century (the example of the Moscow university).....	283
I. G. Vorobyeva	
Professor N. I. Radtsig and his letters to S. I. Archangelsky.....	298
I. V. Budtsyn	
The way to solve the agrarian question by S. I. Archangelsky in the context of the problem of the completeness of early bouigeois revolutions.....	317
I. V. Ketkova	
The works by S. I. Archangelsky and contemporary historical thought.....	332
N. P. Yegorova	
The works by a local historian of Nizhny Novgorod, A. S. Gatsisky in the reappraisal of S. I. Archangelsky.....	345

Publications

S. I. Archangelsky	
Relations of Venetian ambassadors from London in 1640-1660s as a source on the history of the English revolution.....	353

Humanities and Education

E. E. Savitsky	
“New historicism”: approaches to the studies of culture	367

Invitation for Discussion

M. P. Lapteva	
Could an intellectual phenomenon be a single whole?.....	376

Reading Books

F. V. Nikolai	
‘Fantasies’ by Joan Scott and the memory of feminist tradition.....	380
I. Yu. Nikolayeva	
Review: Chekantseva Z.A. Order and Disorder: protesting crowd in France between the Fronde and the Revolution. 2 nd ed. M.: “LIBROKOM”, 2012. 240 p..	384
Summaries.....	389
Содержание.....	395

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история

<i>Я. В. Верменич</i> Историческая лимнология: проблемы концептуализации.....	5
<i>И. Н. Ионов</i> Идея “цивилизации” в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории.....	27

История и память

<i>А. Ю. Серегина</i> “Католическая энциклопедия” начала XVII в.: формирование исторической памяти английского католического сообщества.....	51
<i>А. Г. Васильев</i> “Родная земля” в польской национальной памяти эпохи разделов.....	64
<i>Н. А. Антипин</i> 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики 1954-1955 гг.....	79

Межкультурные взаимодействия

<i>Е. Б. Барина</i> Взаимодействие Китая с западными территориями в древности и средневековье.....	94
<i>А. С. Медяков</i> Запах России.....	118
<i>Н. Н. Богомолова</i> Индийский правитель глазами англичанина: визит принца Уэльского в Индию. 1875–1876.....	134

Символы – образы – мифы

<i>Ю. А. Ефремова</i> Символика монастырского средневекового сада (на примере раннецистерцианской традиции).....	160
<i>А. В. Федин</i> «Дорогами, полными крестов...»: иезуитское миссионерское мученичество в XVII в.....	173
<i>Е. М. Кирюхина</i> Способы отражения и преображения средневековья художниками-праерафаэлитами.....	202

Из истории историографии

<i>И. Ю. Ващева</i> Парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци.....	219
<i>Т. П. Филиппова</i> Отечественная война 1812 года в освещении Л. А. Тьера.....	231
<i>В. А. Фильмонов</i> Н. И. Кареев о рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время.....	240

<i>А. В. Савина</i>	
Р. Ю. Виппер о Ж. Кальвине: ревизия образа “женевского диктатора”.....	258

К юбилею С. И. Архангельского

<i>А. А. Кузнецов</i>	
Новые факты биографии С. И. Архангельского.....	267
<i>Н. В. Гришина</i>	
Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX века (на примере Московского университета).....	283
<i>И. Г. Воробьева</i>	
Профессор Н. И. Радциг в письмах к С.И. Архангельскому.....	298
<i>И. В. Будцын</i>	
Концепция решения аграрного вопроса С. И. Архангельского в свете проблемы завершенности раннебуржуазных революций.....	317
<i>И. В. Кеткова</i>	
Научное наследие С. И. Архангельского и современная историческая мысль.....	332
<i>Н. П. Егорова</i>	
Наследие нижегородского краеведа А. С. Гациского в оценке С. И. Архангельского.....	345

Публикации

<i>С. И. Архангельский</i>	
Донесения венецианских послов из Лондона за 1640–1660 годы как источник по истории английской революции.....	353

Наука и образование

<i>Е. Е. Савицкий</i>	
“Новый историзм”: подходы к изучению культуры.....	367

Приглашение к дискуссии

<i>М. П. Лаптева</i>	
Может ли интеллектуальный феномен быть единым?.....	376

Читая книги

<i>Ф. В. Николаи</i>	
‘Фантазии’ Джоан Скотт и память о феминистской традиции.....	380
<i>И. Ю. Николаева</i>	
Рец. на кн.: Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией.....	384
Summaries.....	389
Contents.....	393